

ВРИНДАВАНА
ВАРМА

МРИГАНАЯНИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964**

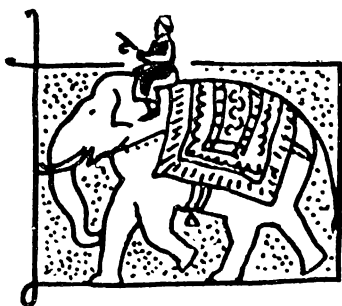
ВРИНДАВАНЛАЛ ВАРМА

МРИГАНАЯНИ

Исторический роман

Перевод с хинди

Ю. Маслоба

И (Инд)

В18

Предисловие
В. Павлова

Примечания
Ю. Маслова

Оформление художника
А. Ременника

ПРЕДИСЛОВИЕ

Индийский писатель Вриндаванлал Варма уже знаком советскому читателю. Предлагаемая книга — третье произведение Вармы, переведенное на русский язык. В 1959 году у нас опубликован его роман «Рани Джханси Лакшми баи», которому предпослано предисловие о творчестве Вармы, а в 1960 году вышел сборник исторических рассказов «Герои Амбарпура». Творчество В. Вармы стало также предметом научных изысканий советских ученых. Поэтому мы остановимся лишь на основных этапах творческого пути и формирования мировоззрения писателя.

Вриндаванлал Варма уже немолод. Он родился в 1889 году и был свидетелем и участником тех исторических событий, которые потрясали его родину последние полвека. Именно в этот период патристические силы Индии настойчиво искали пути к национальному освобождению, а затем — после достижения суверенитета — к утверждению и укреплению завоеванной независимости. В. Варма не принадлежит к той части прогрессивной общественности Индии, которая придерживается марксистских взглядов на прошлое этой великой страны, на пути ее развития в настоящее время и на перспективы прогресса в будущем. По своим общественным взглядам В. Варма скорее представляет либеральную часть патристически настроенной интеллигенции. Его мировоззрение и его творчество не свободны от некоторых противоречий, которые отчасти объяснялись происхождением и воспитанием писателя.

Отец Вармы служил чиновником колониальной администрации, и было бы вполне резонно предположить, что сын пойдет по его стопам. Но в роду Вармы существовали и иные традиции.

Его прадед погиб под знаменами героини восстания 1857—1859 годов Лакшми бан, рани (княгини) Джханси. Надолго пережившая мужа вдова оказала большое влияние на своего правнука, воспитав в нем восхищение перед героическим прошлым Индии, ненависть к ее поработителям.

В годы, когда формировалось мировоззрение Вармы, среди части интеллигенции были распространены представления о том, что Индия придет к независимости посредством медленной эволюции — в ходе постепенной «индианизации» колониального аппарата. Подобные умеренно националистические настроения выражались в просьбах расширить права местного самоуправления, предоставить индийцам большие возможности для карьеры в колониальной администрации и армии. Умеренно националистическим кругам противостояло демократическое крыло национально-освободительного движения во главе с выдающимся патриотом и демократом Б.-Г. Тилаком. Он звал народы Индии к решительному — вплоть до вооруженного восстания — ниспровержению колониального режима.

К чести молодого Вармы, он очень быстро отказался от иллюзий относительно благотворности сотрудничества с колонизаторами. Прозрению Вармы немало способствовал национальный подъем 1906—1908 годов, когда колониальный аппарат особенно наглядно продемонстрировал свою насильническую суть. Подав в отставку и сложив с себя обязанности колониального чиновника, В. Варма получает возможность обратиться к литературным занятиям. В 1909 году появляются его первые рассказы, а на следующий год цензура оказывает Варме первую «почесть» — конфискуется его патриотическая пьеса.

Получив в 1916 году диплом адвоката, В. Варма мог бы, казалось, упрочить свое благополучие. Но адвокатской практике он предпочитал занятия литературой (в частности, изучение народных преданий) и занятия журналистикой, получившие новое направление под воздействием подъема освободительной борьбы 1918—1923 годов. Писатель выпускает еженедельник «Свадхин» («Независимый») на языке хинди и основывает собственную типографию, что обеспечило ему некоторую самостоятельность в издательской деятельности.

Новый подъем освободительного движения убедительно продемонстрировал, что только народные массы могут положить конец иноземному господству, что сопротивление общественных верхов бессильно поколебать устои этого господства. К таким выводам приходят и наиболее дальновидные выразители буржуазно-национальных устремлений — М.-К. Ганди и Дж. Неру. На та-

кие же позиции переходят искренние интеллигенты-патриоты, среди них — В. Варма. Поэтому в его романах 1928—1933 годов выступает герой, ранее неизвестный историческому роману на языке хинди. Это уже не раджа, с его ратными подвигами и любовными приключениями, а человек из народа. Более того, в романе «Крепость Кундар» (1928) В. Варма показывает, что феодальные распри пролагали путь иноземным захватчикам. Тем самым В. Варма отходит от той литературной традиции, которая идеализировала феодальную старину и создавала некий патриотический ореол вокруг индийских князей, этих наследников древних родов, предававших национальное движение.

Колониальная политика не ограничивалась подкармливанием феодальных верхов Индии. Стремясь ослабить всенародный размах освободительной борьбы, английские власти велически разжигают в народе братоубийственную вражду. Они противопоставляют труженника-мусульманина индусу, члена низшей касты — члену высшей. Оказалось под угрозой единство самого народа.

Тревога патриотических сил Индии, разгадавших эту провокацию колонизаторов, нашла свое отражение на страницах исторических романов Вармы, написанных им еще на рубеже двадцатых — тридцатых годов. Он решительно осуждает замкнутость и взаимную неприязнь религиозных общин и каст, как препятствие к достижению общенациональных целей и идеалов.

Эти замыслы с новой силой воплощаются в произведениях В. Вармы, созданных им после 1942 года (в предыдущее десятилетие тяжелое материальное положение мешало работе писателя). Писатель завоевывает заслуженную славу создателя жанра исторического романа на языке хинди. И не только потому, что он строит свои произведения на солидной источниковедческой основе, но и благодаря идейной содержательности его творчества. Накануне завоевания независимости (1946) В. Варма осуществляет свою давнюю мечту — завершает роман о Лакшми бай, в котором с большой художественной силой воссоздает героические страницы борьбы индийского народа против угнетателей, призывает к единству все народы Индии, независимо от их вероисповедания и касты.

В 1950 году, когда на теле Индии еще кровоточили страшные раны раздела и братоубийственной индусско-мусульманской розни, когда еще неокрепшая независимость страны подвергалась непрерывным угрозам извне и изнутри, В. Варма выпускает в свет роман «Мригаваяни». Это произведение писателя получило широкое признание в стране, что, в частности, выразилось в присуждении ему пяти литературных премий.

Сильные и слабые стороны исторического романа во многом определяются тем, насколько глубоко и верно его автор осмысливает современность. Подобная закономерность выступает особенно наглядно в тех случаях, когда многие явления и проблемы далекого прошлого входят в жизнь самого писателя и его современников. Например, В. Варме не было необходимости заниматься специальными историческими изысканиями, чтобы установить свое отношение к кастовой системе или религиозному фанатизму, которые принесли неисчислимые страдания индийскому народу.

Это не означает, что в процессе работы над романом В. Варма не подверг внимательному изучению источники, сохранившиеся с XV—XVI веков. Основные события и некоторые герои романа запечатлены в дошедших до нашего времени хрониках. Однако даже самые общеизвестные факты подчас изображались в них искаженно. Дело в том, что многие авторы хроник — придворные летописцы — заботились не о том, чтобы донести до потомков правду своих дней, а о том, как бы ублажить своего повелителя — воспеть его подвиги и добродетели. В. Варма был прекрасно осведомлен о «достоверности» записей придворных историографов. Недаром в романе Гияс-уд-дин Хиджи, потерпев поражение на поле битвы, велит летописцу воспеть для потомства свою победу.

Еще менее вразумительно повествуют авторы хроник о жизни простых людей — крестьян и ремесленников, которые обычно поминаются как «разбойники» и «бунтовщики», оказавшие неповиновение своему несравненному владыке. Поэтому для того, чтобы создать, например, картину индийской деревни начала XVI века, В. Варма обращался не только к скудным и не всегда достоверным письменным свидетельствам того времени, но и к своим собственным наблюдениям и впечатлениям. Действительно, так ли уж сильно разнилась жизнь крестьян того же княжества Гвалиор в колониальной Индии от жизни их далеких предков в эпоху глубокого средневековья.

Феодалные пережитки, заботливо сохраняемые колонизаторами, были для писателя не преданиями старины далекой, а действующей системой угнетения, дополняющего и усугубляющего национальное порабощение. Вот почему, описывая борьбу Гвалиора за независимость, писатель не мог пройти мимо тех явлений, которые еще четыре с половиной века тому назад мешали объединению народа.

«А если нагрянет Сикандар или другой завоеватель? — горестно размышляет героиня романа Мриганаяни. — Ведь он опять все разорит. И почему это крестьяне укрываются в горных ущельях, когда неприятель грабит и уничтожает их деревни? Они

могли бы дать врагу достойный отпор. Защищаем же мы наши поля от диких зверей с луком и стрелами в руках! А раджа и его приближенные запираются в крепости и, лишь когда завоеватель ворвется, принимают бой и погибают».

Так на первых страницах романа возникает идея о том всенародном сопротивлении завоевателю, которое невозможно без участия крестьян. Однако эта историческая задача в то время так и не была решена, а сам Варма лишь отмечал, но не объяснял безразличие крестьян к исходу феодальных междоусобиц. Между тем индийские крестьяне не раз доказывали свою способность нанести поражение завоевателям и правителям, которые были намного могущественнее Сикандара Лоди. Именно крестьяне были главной ударной силой последующих восстаний маратхов, сикхов и джатов, в начале XVIII века сокрушивших империю Великих Моголов. Именно сикхи и маратхи оказали упорное сопротивление английским захватчикам.

Почему же тогда индийские крестьяне так часто становились беспомощными жертвами захватчиков и грабителей? Почему азиатские и европейские завоеватели нередко подчиняли огромные области, располагая относительно небольшими военными силами?

Как отмечал Маркс, «Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но и между одним племенем и другим, между одной кастой и другой; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и органической обособленностью всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?»¹

Вспомним об эпохе, в которую разворачивается повествование. Конец XV и начало XVI века были ознаменованы великими географическими открытиями. И одно из них — открытие морского пути вокруг Африки — имело самое непосредственное отношение к Индии, ибо оно положило начало колониальному проникновению европейцев. Упоминается в романе и об укреплении португальцами своего господства на море. Но Махмуда Бегарру, правителя Гуджерата, это мало беспокоило — он по-прежнему был занят своими распрями с соседями. Самонадеянность Бегарры была жестоко наказана. В 1509 году под Диу его армию разгромили португальцы, которые и основали в этом портовом городе свою факторию — крепость. Португальские, а затем голландские, английские и французские колонизаторы получили возможность, играя на распрях местных правителей, закрепиться на побе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 224.

режье и подготовить плацдарм для захвата внутренних районов Индии.

Одна из причин трагедии Индии, приведшей ее к потере самостоятельности, состояла в том, что индийские правящие классы не выдвинули из своей среды государственного деятеля, способного создать прочное и жизнеспособное многонациональное государство. Близок был к этому Акбар, один из Великих Моголов (1556—1605), но и его правление не привело к подлинному сплочению страны, а недалеконидная политика преемников Акбара, возобновивших преследования индусов, ускорила распад империи. Последующая междоусобица облегчила англичанам захват Индии.

Несомненно, что, рисуя политическую обстановку в Индии на рубеже XV и XVI веков, накануне образования империи Великих Моголов, В. Варма размышлял и об ожидавшей его родину исторической участи. Вот почему с таким разящим сарказмом изображает он всех этих столь ничтожных в политике и столь безудержных в разбое и кровопролитии правителей — Махмуда Бегарру, султанов Мальвы Гияс-уд-дина и Насир-уд-дина Хилджи, султанов Дели Бахлола и Сикандара Лоди.

Они — наследники афганских (или патханских) и среднеазиатских (тюркских по происхождению) завоевателей, которые с конца X века систематически совершают набеги на Северную Индию. «Жажда золота, крови и женщин, соблазнительная надежда основать свое собственное государство и желание распространить свою веру, — пишет В. Варма, — влекли патханских и тюркских завоевателей в Индию».

От этих завоевателей произошла мусульманская военно-феодалная знать, правящий класс в султанатах Северной Индии. Ее ряды постоянно пополнялись новыми пришельцами из стран Ближнего и Среднего Востока — военачальниками и их дружинниками, проповедниками ислама и просто искателями приключений и любителями военной добычи. Поэтому правящий класс отличался от большинства населения своей религией, этническим происхождением, а нередко и языком. Все это усугубляло феодальное угнетение, отягощая его религиозной нетерпимостью.

Конечно, среди мусульманских правителей порой появлялись государственные деятели, подобные Акбару. Пытаясь найти опору в других слоях населения, они проявляли известную терпимость к иноверам и даже допускали их на высшие посты в администрации и армии. К тому же, через два-три поколения, потомки завоевателей начинали считать себя коренными жителями Индии,

усваивали местные языки и обычаи, вступали в браки с индусками, которые воспитывали своих детей в индийских традициях. Поэтому даже правители, не отличавшиеся особой широтой взглядов на взаимоотношения с индусами, начинали проявлять к индусской культуре и обычаям некоторую терпимость. В этом отношении исторически правдоподобен тот эпизод в романе, когда Насир-уд-дин Хиджи с неудовольствием выслушивает жалобы кази (мусульманского судьи) на индийских мастеров, которые внесли родные им художественные мотивы в архитектуру мечети.

И все же не проходило десятилетия, чтобы мусульманские правители Северной Индии не вели войны с инверцами. Подобную воинственность писатель объясняет фанатизмом мулл, подстрекавших воинов к джихаду — священной войне с неверными. Но сама религиозная нетерпимость имела под собой вполне реальную почву.

Для содержания многих десятков тысяч военачальников и рядовых воинов правители должны были располагать огромными земельными фондами, из которых военно-феодалная знать получала за свою службу крупные земельные держания (джагир). Каждое завоевание сопровождалось раздачей джагиров отличившимся военачальникам. Так, Сикандар Лоди жалует своему сподвижнику Радж Сингху в джагир земли, расположенные вокруг еще дымящихся развалин павшей Нарварской крепости.

И фанатизм и воинственность мусульманских правителей были обусловлены жадной земельной захватов и военной добычи. Поэтому часто сами правители после военных неудач становились жертвами заговоров и безжалостных расправ. Такая судьба постигла Гияс-уд-дина Хиджи, которому муллы и придворные не простили поражения.

Из-за своих откровенно грабительских устремлений и религиозной нетерпимости мусульманская военно-служилая знать так и не смогла слотить вокруг себя народ для сопротивления колониальной экспансии. Естественно, возникает вопрос — не могли ли эту задачу выполнить индусские феодалы, исконные индийцы по своему происхождению и религии?

На первый взгляд В. Варма склоняется к положительному ответу на этот вопрос. Исключая Радж Сингха Качхваха, остальные индусские правители и военачальники изображаются или, во всяком случае, упоминаются автором с несомненной симпатией. И все же чем дальше читаешь роман, тем больше убеждаешься, что историческая правда, которой следует В. Варма, начинает

расходиться с первоначальным замыслом автора. Ни один индусский правитель, и прежде всего главный герой романа Ман Сингх Томар, не предстает государственным деятелем национального масштаба, способным понять и осуществить чаяния народа.

Сословно-кастовая узость мировоззрения — к чему мы еще вернемся далее — была присуща раджпутам, может быть, в еще большей степени, чем другим слоям индусской общины.

Центром господства раджпутов была Раджпутана, обширная полупустынная область на северо-западе Индии. Здесь высились неприступные цитадели — столицы раджпутских князей, способные выдержать длительные осады превосходящими силами противника. Отдельные кланы раджпутов установили свою власть над другими районами Индии. Так, в Гвалиоре господствовали томары, главой которых в 1486—1516 годах был Ман Сингх.

Многовековые боевые традиции выработали из раджпутов профессиональных воинов. Безупречная воинская доблесть раджпутов, их презрение к смерти, беззаветная готовность к подвигу и самопожертвованию не только воспеты в народных преданиях, но и засвидетельствованы отнюдь не благожелательными европейскими наблюдателями.

И все же в истории Индии не раз случалось так, что в решающих сражениях раджпуты терпели поражения от мусульманских завоевателей. Тревожное предчувствие возможного поражения, неуверенность в боевой стойкости раджпутов проскальзывает и в романе. Вот какие сомнения одолевают жителей осажденного Нарвара, которых раджпуты воодушевляли рассказами о своих былых подвигах: «И раньше Нарвар защищали такие же смелые и отважные воины, но тюрки перебили их, а город предал разрушению. На этот раз может повториться то же самое».

Частые военные неудачи раджпутов в некоторой степени объяснялись особенностями их боевой тактики. Она строилась на сокрушительном кавалерийском ударе. В качестве тарана применялись боевые слоны — грозное, но в то же время и ненадежное оружие, так как разъяренные животные порой вносили смятение в собственные боевые порядки. Недостаток лошадей (их воспроизводство в Индии затруднено климатом) часто вынуждал раджпутов драться в пешем строю. Сокращение копитницы снижало маневренность и ударную силу раджпутских войск.

Мусульманские военачальники противопоставляли раджпутам более гибкую и разнообразную тактику, основанную на взаимодействии отдельных родов войск. Главной ударной силой их армий была конница. Обладая великолепными лошадьми и более

легким вооружением, она обычно лучше маневрировала. Применение пехоты, которая хотя и не решала исхода боя, но задерживала продвижение раджпутской конницы, увеличивало превосходство мусульманских полководцев в маневренности. К тому же их войска лучше владели лучшим боем (об этом упомянуто в романе) и раньше перешли к использованию огнестрельного оружия. Через несколько лет после событий, завершающих роман, в битве при Сикри (март 1527 г.) основатель династии Великих Моголов Бабур сметет конницу раджпутских князей пушечным огнем артиллерии, прикрытой заграждениями из повозок, соединенных цепями. «Хотя некоторые жители Хиндустапа, — запишет Бабур, — хорошо рубятся на саблях, но большинство их совершенно лишено дара и способности воевать и не имеет понятия, как действовать и вести себя полководцу»¹. Интересно, что, действуя впоследствии в составе войск тех же могольских полководцев и следуя их тактическим замыслам, раджпутская конница обычно вырывала решающий успех у тех противников, в самостоятельной борьбе с которыми она нередко терпела неудачи.

Но неоднократные поражения раджпутов нельзя объяснять чисто военными обстоятельствами, тем более что они, как нетрудно видеть, определялись сословно-кастовым составом армии. В еще большей степени неспособность раджпутских князей дать отпор завоевателям проистекала из их нежелания прочно объединить свои силы. Со страниц романа встает кровавая история раздоров и усобиц между раджпутскими кланами, их союзов с мусульманскими правителями против единоверцев. Поэтому чисто раджпутский состав войска не только ограничивал его численность, но и приводил к взаимному истреблению и ослаблению индусских сил.

Как с горечью пишет В. Варма, «воины султана знали по опыту, что лишь десятая часть индусов выступит против них с оружием в руках. Да и те без конца ссорились и при удобном случае готовы были перерезать друг другу глотку. Все они отличались гордостью и честолюбием, и каждый думал: «Я и один смогу обратить врага в бегство. Незачем обращаться за помощью к соседу, — тем более что я должен отобрать у него мои наследственные владения и отомстить за оскорбление, нанесенное моему предку восемнадцать поколений назад». Клаповая спесь раджпутских вождей нередко приводила к тому, что они скорее предпочитали стать вассалами и данниками мусульманских султанов, чем

¹ Б а б у р - н а м е, Записки Бабура, Ташкент, изд-во АН УССР, 1958, стр. 349.

объединиться вокруг главы какого-либо другого раджпутского клана, даже если он и считался равным им по происхождению.

В романе дана правдивая картина раджпутских междоусобиц. Все помыслы Радж Сингха Качхваха сосредоточены на желании натравить мусульманских владетелей на раджу Гвалиора. Даже раджпутские князья, состоящие как будто бы в союзных отношениях (рана Мевара и раджа Гвалиора), ни разу не оказывают друг другу помощи. Более того, один из них, рана Мевара, является союзником султана Мальвы — злейшего врага Гвалиора. Только не менее кровавые распри в стане мусульманских правителей спасали раджпутских князей от полной потери своих владений. Впрочем, в те периоды, когда властителям-мусульманам удавалось образовать единую централизованную деспотию (Делийский султанат в начале XIV века и империя Великих Моголов), раджпутские князья превращались в их вассалов и посылали свои отряды на службу, а дочерей — в гаремы иноверных победителей.

Варма явно благожелателен к своему герою. Ман Сингха украшают многие черты легендарного Викрама, или Викрамадитьи, идеального правителя, который покровительствовал поэтам, художникам и музыкантам — этим «жемчужинам» своего двора. Тут В. Варма не отступает от исторической правды. В годы правления Ман Сингха замечательные музыканты Байджу Бавра и Тансен основали в Гвалиоре школу, музыкальные традиции которой и поныне чтят в Индии, в городе были воздвигнуты замечательные архитектурные ансамбли Ман-Мандир и Гуджари-Махал.

Раджа, в общем, успешно отстаивает независимость своего княжества, хотя масштабы его борьбы с Делийским султанатом и Мальвой, по-видимому, несколько преувеличены, поскольку сведения о силах сражающихся заимствованы В. Вармой из хроник, авторы которых обычно округляли в сторону преумножения число воинов как у своего повелителя, так и у его противников.

С 1501 года Сикандар Лоди ведет почти непрерывные войны против Гвалиора и вассальных ему вождей из клана томаров. В том же году Сикандару удалось взять Дхолпур, столицу вассала Ман Сингха, в 1505 году пала крепость Мандраил, в 1507 году — Нарвар. Несмотря на отдельные успехи, ослабленный Гвалиор был взят в железное кольцо.

Ман Сингху не удалось упрочить независимость своего княжества, и сразу же после его смерти Гвалиор был захвачен преемником Сикандара, Ибрахимом Лоди. Сын и наследник Ман Сингха, Викрамадитья изъявил султану покорность и был пожалован землями за пределами княжества. О малой эффективности усилий

Ман Сингха по укреплению своей армии можно судить также по тому разгрому, которому она вместе с другими раджпутскими войсками подверглась при Сикри.

Ман Сингх равнодушен к индусскому догматизму и фанатизму и обладает относительно широкими взглядами на взаимоотношения между кастами. Но в целом кастовая иерархия в глазах Ман Сингха незыблема, ибо служит своего рода идеологическим обоснованием божественного происхождения его власти и привилегий.

Ман Сингх добр или, точнее, по-княжески щедр. В. Варма даже вводит в свой роман традиционный для восточной литературы эпизод, когда повелитель приходит в жилище бедняка и патетически восклицает: «Да будет проклят раджа, который ложится спать на сытый желудок, в то время как подданные его умирают от голода и болезней». Далее В. Варма упоминает о нескольких благодеяниях махараджи, и на этом княжеские заботы о народе кончаются.

Ман Сингх ни на словах, ни в делах ни разу не выходит за пределы идеалов любого раджпутского князя. Оборона доставшейся от предков вотчины раджпутского клана — вот главное в его понимании предназначение государственного деятеля. Роман, правда, завершается словами Ман Сингха: «Народ будет счастлив!» Но сам роман убеждает в другом — Ман Сингх не только не способен дать народу счастье, но и не может оградить его от военных грабежей и насилий. Вот почему крестьяне равнодушно взирают на ратные подвиги Ман Сингха и не спешат разделить их.

Брачный союз Ман Сингха с крестьянской девушкой Мриганаяни призван, по замыслу автора, послужить средством соединения неисчерпаемых сил народа с княжеской властью. Недаром в честь своей помолвки с Мриганаяни раджа решил проложить живительный канал от реки Санк, на берегу которой расположена родная деревня невесты, к Гвалинурской крепости.

Способна ли Мриганаяни выполнить свое высокое предназначение? Автор наделяет ее красотой, силой, мужеством и рассудительностью. Она — главный выразитель его мыслей и раздумий о судьбах родины. В. Варма стремится поднять образ своей героини до обобщающего символа матери-Индии, столь дорогого и понятного каждому индийцу.

Ближе всего Варма стоит к осуществлению своего замысла на начальных страницах романа, когда юная Мриганаяни, подобно героиням народных преданий, трудом и оружием утверждает свое достоинство, защищает свою независимость и женскую честь. Она

не только размышляет о судьбах своего народа, его силе и его злосчастиях, но и без страха защищает дорогие ей идеалы. Спрезрением думает эта неутомимая труженица и бесстрашная воительница о бессильных обитательницах гаремов.

Но вот случай приводит ее самое в стены женской половины княжеского дворца. И здесь, запертая в великолепных чертогах, она постепенно теряет черты народной героини, становится верной и преданной подругой раджи, хотя своими душевными качествами, волей, умом и красотой превосходит других его жен. Она уже не крестьянка, а рани Гвалинора, для которой капоны раджиутской доблести дороже всего.

Перерождение Мриганаяни завершается на последних страницах романа. Посещение родной деревни вызывает у нее воспоминания о былых подвигах. «Смогла бы я сейчас сразиться с насильниками? — подумала Мриганаяни. — Тогда я была простой крестьянской девушкой, а теперь — рани Гвалинора. Сил у меня больше, чем прежде... Но достанет ли мужества?..» Уже как жена-затворница вспоминает она и свою первую встречу с Ман Сингхом: «Как смело разговаривала я с ним! Неужели это в самом деле была я, деревенская девушка? Разве может дочь крестьянина говорить так с раджей? Ведь я даже не представляла себе всего величия раджи!» Автор снижает образ своей героини и художественными приемами. После переселения Мриганаяни во дворец он выводит ее почти исключительно в бытовых и лирических сценах. Бесстрашная воительница превращается в невольную участницу гаремных интриг.

Образ народной героини, однако, не уходит со страниц романа. Великое право призыва к подвигу и тяжкое бремя его свершения переходит к другой крестьянской девушке — Лакхи, которая становится подлинной героиней и, прежде чем соединиться с любимым, принадлежащим к иной, более высокой касте, проходит тяжкие испытания. Затем Лакхи, уже жена военачальника, не раз подвергается смертельной опасности во время боевых столкновений и в конце концов погибает.

В Лакхи воплощены многие качества, украшающие индийских женщин, — их самоотверженность и стойкость в испытаниях, преданность и скромность.

Индийский народ не мог объединиться вокруг своих феодальных — мусульманских или индусских — повелителей не только потому, что ни один из них не был способен хотя бы в малой мере выразить и осуществить народные чаяния. На пути объединения Индии, помимо распри правителей, стояли и другие, не менее серьезные, препятствия. Первой из них была необычайная

замкнутость сельской общины, ее изолированность от внешнего мира, который вторгнулся в деревенскую жизнь главным образом во враждебном облике завоевателя или сборщика налогов. В феодальной Европе деревенский мир тоже был замкнутым. Но все же там крестьянину приходилось время от времени закупать в городе товары и продавать свои продукты. В индийской общине хозяйственные связи с городом были совершенно ничтожны, а порой и совсем отсутствовали. Дело в том, что в каждой индийской общине, помимо крестьян-земледельцев, жили ремесленники, способные удовлетворить все нехитрые потребности населения. Среди них были плотники, кузнецы, гончары, ткачи, кожевники и даже ювелиры, стиральщики белья и цирюльники. Во главе общины стояли староста, писец, и брахман-священнослужитель, которым принадлежал решающий голос в панчаятах, ведавших общинным самоуправлением.

Труды ремесленников, а также должностных лиц вознаграждались или определенной долей в урожае каждого земледельца, или наделом земли, обычно свободной от налога. Поэтому некрестьянское население общины также могло обходиться без связей с внешним миром. Естественно, что жители этого обособившегося мирка, писал К. Маркс, «...спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались певероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание»¹. Вот еще одно объяснение того, почему жители деревни не участвовали в войнах феодальных властителей.

Если же обратиться к собственно крестьянской массе общинников, то следует признать, что при перемене правителей ее положение по существу оставалось прежним. Как пишет Варма, с переходом Нарвара под власть султана Дели «в положении крестьян тоже ничего не изменилось: как раньше платили они подати, так и теперь. По-прежнему уклад их жизни определяли панчаяты, имевшие неограниченную власть в деревне».

Однако автора можно упрекнуть в том, что сбор налога он подает в несколько смягченных тонах. После обмолота, пишет Варма, в деревню прибыли княжеские сборщики налога. «Они взяли ровно столько, сколько полагалось радже по древнему обычаю, — одну шестую урожая, и увезли в столицу». Правда, потом появляется брахман, который потребовал себе лично тридцатую,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 135—136.

а богу — двадцатую часть урожая. «Таким образом, — заключает В. Варма, — на уплату всех налогов ушла четверть урожая. Но три четверти еще осталось у крестьян».

В действительности же с индийского земледельца-общинника брали еще, правда, мелкие, но зато очень многочисленные доли урожая на содержание общинных должностных лиц и ремесленников. Поэтому у него оставалось не три четверти урожая, как утверждает Варма, а значительно меньше. Вот почему, размышляя о крестьянской судьбе, Мриганаяни спрашивает себя: «Но как сделать крестьян сильными? Обучать их искусству? Вряд ли станут они сильнее от этого! Им бы хлеба побольше, масла да молока и одежды... Но все это очень сложно. Вот укрепит раджа войско, тогда поговорю с ним о крестьянах». Однако рани Гвалиора так и не осуществила своего намерения. Но не только пищета угнетала тружеников общины. Как писал Маркс, эти мирки «...носили на себе клеймо кастовых различий и рабства»¹. Именно кастовая структура сельской общины послужила основанием для всей кастовой системы индийского общества. Общинный ремесленник каждой из специальностей, должностное лицо или общинный слуга, выполнявшие определенные обязанности, — каждый из них принадлежал к особой касте. Причем многие ремесленники и большинство общинных слуг принадлежали к «неприкасаемым» кастам, члены которых владели рабское или полурабское существование.

В романе не упоминаются низшие касты общины. Но его герои с пренебрежением относятся к натам — низкой касте бродячих танцоров и фокусников. В некоторой степени это отношение разделяет и сам автор. Предателями у него выступают те же наты и певица Кала, у которой родители происходили из разных каст. В романе кастовая обособленность порождает лишь коллизии, связанные с браком, когда муж и жена принадлежат к разным, хотя и близким кастам.

Между тем кастовая проблема могла бы быть поставлена более широко и остро, поскольку само существование каст пагубно влияло на все стороны жизни индийского общества. Ведь даже земледельцы-общинники не составляли единой касты. В той части Индии, где расположен Гвалиор, высшей кастой крестьян были гуджары, которые могли нести воинские обязанности и были близки по своему положению в кастовой иерархии к раджпутам. Кастовая раздробленность даже земледельческого населения еще более ослабляла крестьянство. Обычно в его восстаниях участво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 136.

вали главным образом крестьяне из высших каст — джаты на севере, маратха в Махараштре и т. д. Кастовая раздробленность крестьянства дает еще один ответ на вопрос Мриганаяни о причинах слабости этого самого многочисленного класса феодального общества Индии.

Наконец в некоторых районах Индии сельское население было разобщено не только кастовыми перегородками, но и разными вероисповеданиями. Кастовая приниженность понуждала многих крестьян принимать ислам в надежде, что новое вероисповедание, которое формально отрицало касты, позволит им повысить свой социальный статус. Поэтому ислам и индуизм разделяли не одних только феодалов, а также и другие слои населения Индии.

Если обратиться к индусской общине в целом, то она была разобщена как сотнями кастовых ячеек, так и несколькими толками самого индуизма, среди которых наиболее многочисленными были почитатели богов Шивы и Вишну. Автор не скрывает своего отрицательного отношения к схоластическим диспутам брахманов, придерживающихся разных толков индуизма. В романе убедительно показано бессилие индуизма как идеологии, которая могла бы сплотить феодальное общество Индии для сопротивления завоевателям.

Пожалуй, одна из самых удавшихся в романе фигур — сельский брахман Бодхан. В нем противоречиво и в то же время с большой художественной убедительностью сочетаются корыстолюбие и непреклонность, доходящие до героизма. Гибель некоего брахмана по имени Бодхан на диспуте с муллами Сикандара Лоди — исторический факт, зафиксированный хрониками. Расправа с Бодханом и последующие бесчинства султана вызвали восстание. Но насколько выведенный в романе Бодхан далек от мысли поднять народ на сопротивление угнетателям!

Итак, ни феодальная знать, ни служители ислама и индуизма, ни крестьянство не представляли собой силы, которая, будучи достаточно сплочена внутренне, могла бы стать ядром объединения в национальном масштабе. Но, может быть, в Индии, как это наблюдалось отчасти в Европе, такую задачу было способно взять на себя население городов?

О горожанах в романе упоминается лишь вскользь — как о жертвах вражеских нашествий. В сущности, они предстают еще более обезличенной массой, чем крестьяне.

Среди индийских горожан были, понятно, богатые и влиятельные люди. К ним относились состоятельные члены торгово-ростовщических каст. В романе упоминаются сетхи (банкиры), которые во время осады припрятали хлеб и спокойно выжидали исхода

войны, рассчитывая в любом случае сорвать барыш. Этот эпизод исторически правдив, так как сетхи нередко брали на откуп сбор налогов с крестьян и тем самым создавали огромные фонды зерна. Им было совершенно безразлично, кто будет управлять страной. Это объясняется тем, что любой правитель — будь он индус или мусульманин — нуждался в услугах сетхов для сбора налогов, содержания армии и двора. Вот почему, заняв Нарвар, «...сетхов и торговцев Сикандар не тронул. Он не смог бы обойтись без них — ведь они держали в своих руках всю торговлю. А им, в свою очередь, нужны были деньги султана» (поскольку султан был крупнейшим заказчиком. — В. П.)».

Впоследствии торгово-ростовщические верхи Северной Индии служили Великим Моголам, а в колониальный период стали опорой иноземных поработителей. Национальное самосознание пришло к сетхам значительно позднее — накануне завоевания Индией независимости.

Естественно, что, ознакомившись с романом, читатель задастся вопросом — не слишком ли безотрадна созданная писателем картина индийского общества XV—XVI веков? Да, известная застойность индийского феодализма сковывала народные силы и в конечном счете послужила главной причиной колониального порабощения страны. Но в романе было бы больше исторического оптимизма, глубокой веры в безграничные творческие возможности индийского народа, если бы В. Варма не прошел мимо некоторых интереснейших явлений общественной жизни Индии того периода.

Трагедия страны, тело которой было исполосовано рубежами феодальных владений, а душа иссушена религиозной и кастовой неприязнью, глубоко волновала ее подлинных сынов. Приходится восхищаться жизнеспособностью индийского народа, который в обстановке дикого деспотизма и мракобесия выдвинул учения о равенстве людей независимо от их веры и касты.

Индийские мыслители и поэты, творцы этих учений, были людьми своего, феодального, времени. Поэтому их взгляды были облачены в форму религиозных представлений. Они пытались создать такую религию, в которой, во-первых, совмещались бы основные догматы как ислама, так и индуизма, а во-вторых, отрицалось бы кастовое неравенство индийцев. Торжество подобной идеологии, при всех ее слабостях, порожденных религиозным непониманием, способствовало бы формированию национального самосознания. Напомним, что в Европе образование национальных государств, как правило, сопровождалось созданием общегосударственной церковной организации.

Во многом способствовало преодолению раздробленности индийского общества движение бхакти, которое зародилось еще в XIII веке, а в период, описываемый в романе, получило широкий размах. В. Варма пишет, что его основатели «превратили бхактизм в непреодолимую силу». К сожалению, автор не воплотил идеи бхакти в живые образы своих героев, хотя отдельные отголоски этого учения порой звучат на страницах романа (например, в речах Виджая).

По-видимому, В. Варма не обнаружил в источниках прямых свидетельств о деятельности сторонников бхакти в пределах Гвалнора. Однако принцип историзма вполне допускает в таких случаях художественное «домысливание», перенесение общего исторического явления в частные обстоятельства повествования.

В годы, близкие к действию романа, жил и творил на хинди, родном языке населения Гвалнора, великий поэт и выразитель идеалов бхакти, Кабир (1440—1518). В его стихах-песнях, распеваемых народом, бичевались фанатизм мулл и брахманов, отстаивалось равенство людей всех каст перед богом, т. е. подрывалась одна из главных догм индуизма. «Индус, — писал Кабир, — зовется к Раме (одно из имен Вишну), мусульманин к Рахману «милостивому» — (одно из имен аллаха), а вместе с тем они враждуют между собой и убивают друг друга и ни один из них не знает истины». В XV—XVI веках влияние бхакти распространилось на городских ремесленников и торговцев, но было еще очень слабо в деревне, с ее незыблемой кастовой иерархией.

Стремление к прекращению кровавой розни исходило и от низов мусульманской общины. В романе упоминаются отдельные положения суфизма, сектантского течения среди мусульман. Утверждение суфиев о том, что «бог — во всем», совпадало с пантеистическими воззрениями индусов, а положение о многих путях познания бога, по сути, означало признание индуизма религией, равноценной исламу.

Наиболее серьезной попыткой объединения ислама и индуизма в рамках единой религии было учение сикхов, основатель которого Нанак (1469 — 1538) стремился воплотить в жизнь принципы бхакти. Согласно легенде, после смерти Кабира и Нанак между индусами и мусульманами возник спор, по какому религиозному обряду хоронить покойных. Но чудесный случай выручил почитателей Нанак — его останки превратились в груды цветов, которые были мирно поделены между индусами, предавшими их сожжению, и мусульманами, захоронившими их в землю.

Сикхизм, однако, не примирил индусов и мусульман. На севере Индии, в Пенджабе, сикхи сами стали третьей по счету

религиозной общиной. Но это была не совсем обычная община. Пополняя свои ряды крестьянами, сикхи образовали боевую организацию для борьбы с местными феодалами и иноземными захватчиками. В пределах Пенджаба они создали в XVIII веке мощное централизованное государство, располагавшее лучшей в Индии армией. Сикхскому крестьянству не пришлось воплотить в жизнь свою мечту о «земном рае». Власть в государстве сикхов перешла в руки их феодальных верхов, которые продали независимость Пенджаба английским захватчикам.

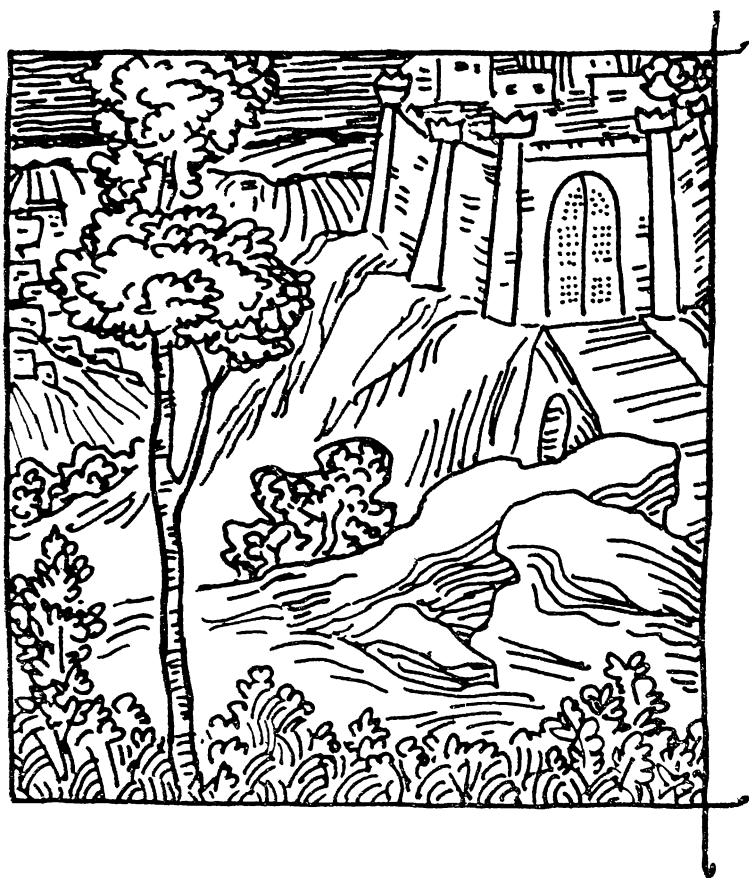
И все же движение сикхов, как и другие освободительные движения в феодальной Индии, свидетельствует о том, что в этой стране были силы — прежде всего в крестьянстве, столь пассивном в романе В. Вармы, — которые могли бы послужить основой для объединения индийского общества. По ряду причин им не удалось восторжествовать на том этапе истории Индии, когда она стала жертвой колониальных захватов. Однако опыт их героической борьбы позволяет осмыслить многие проблемы, поднятые В. Вармой на страницах своего интересного повествования. Старейший индийский писатель еще раз напоминает своим соотечественникам и друзьям его родины за ее пределами, что путь этой страны к благополучию и счастью пролегает через единство всех патриотических сил.

В. П А В Л О В

Мриганаяни

Исторический
роман

В пятнадцатом веке Индию раздирали междоусобицы войны и княжество Гвалиор часто подвергалось нападениям. Одна за другой пустели деревни. Поля лежали праздно. По как только враги уходили, жители возвращались к родным очагам и сразу принимались устраивать свои жилища. Однако не все возвращались — некоторые селились на берегу какой-нибудь речушки. И так бывало каждый раз. Те, кто не ел мяса, питались плодами, ягодами и молоком. Остальные кормились охотой. Кое-кому удалось припрятать зерно и по возвращении заняться земледелием. Даже леса поредели — их безжалостно вырубали, пошло время, и земля вновь покрывалась молодой зеленой порослью.

Пошел походом на Гвалиорскую крепость и Сикандар Лоди, но не смог овладеть ею. Он уничтожил деревни, опустошил поля, сравнял с землей столицу княжества Гвалиор. И только крепость не склонилась перед ним, не открыла ему своих ворот и по-прежнему гордо высилась на холме. А Сикандар был так уверен, что легко возьмет крепость и не оставит от нее камня на камне! Ведь раджа Гвалиора Ман Сингх был совсем молод и неопытен.

Но честолюбивым замыслам Сикандара не суждено было осуществиться. А тут ему допели, что в Дели патханы готовят против него заговор. Велев побросать в колодцы трупы животных, чтобы отравить воду, и проклиная Ман Сингха, томаров и остальных воинов, Сикандар отступил.

Однако своему придворному летописцу он повелел сделать следующую запись:

«Падишах Дели покори́л Гвалиор, заставил гвалиорского раджу платить дань и вернулся в Дели».

Неподалеку от Гвалиора, косах * в шести от крепости, лежала деревня Раи. Она раскинулась на берегу реки Санк. У подножий лесистых холмов волновались поля пшеницы и джвара *. Ветер легонько шевелил еще не дозревшие колосья хлеба и ласкал зеркальную гладь воды.

Во время набега Сикандар Лоди сжег деревню. Лишь немногие хижинны уцелели, и сейчас в них вновь поселились прежние хозяева. Те же, кто остался совсем без крова, ушли в соседнюю деревню Нагду.

Как всегда после вражеских набегов, нужно было заново ставить храм и в нем новую статую божества. Надо сказать, что храм был превращен в груды развалин еще задолго до последнего нашествия. Строить его из камня крестьянам было не под силу. Поэтому стены возвели из глины, а крышу покрыли соломой, как в деревенских хижинах. Так решили на своем совете старейшины окрестных деревень.

Между тем близилось время уборки урожая. Хорошо бы поскорее снять его и понадежнее спрятать. Но колосья еще не созрели, и крестьяне решили ждать до праздника холи *. Воины раджи Манг Сингха покинули крепость, вернулись в свои деревни и тоже занялись хозяйством.

Наконец наступил долгожданный праздник, и вечером в деревне зажглись яркие огни.

2

Говорят, что в былые времена праздник холи длился целый месяц. Однако жизнь становилась все тяжелее и у людей все меньше времени оставалось для веселья, — постепенно холи стали праздновать всего пять дней. Нынче крестьянину трудно было выкроить и день, свободный от работы. Однако праздник есть праздник. И все рады были повеселиться, чтобы хоть ненадолго забыть свои горести и печали.

С самого утра люди разделили между собой корни куркумы *, — их было немного, — и приготовили краску. Кому не досталось куркумы, тот развел в воде глину.

В праздничной толпе были почти одни женщины. Прикрыв лица краем сари, они с веселым смехом гонялись за мужчинами и швыряли в них глиной, стараясь перемазать свои жертвы с головы до ног.

Девушкам не полагалось затевать игр с мужчинами. Но они не унывали и мазали друг друга, мазали чем придется краской, навозом, грязью. Ведь не часто выпадают на их долю праздники с беззаботным весельем — зачем же сидеть дома и скучать?

В дверях одной из хижин стояла девушка и, весело улыбаясь, выглядывала из-за занавески. Она с матерью совсем недавно перебрались сюда из разоренной дотла соседней деревни. Ей, видно, тоже хотелось повеселиться. С завистью смотрела она на девушек, перепачканных краской и грязью, и как бы подзадоривала их своей улыбкой.

— О, ты все еще чистенькая, Лакхи! — хохоча, крикнула ей одна из девушек, бежавшая по улице. В руках у нее был горшок с глиной.

— Ой, Нинни! Не надо! — притворившись испуганной, крикнула Лакхи и скрылась за занавеской.

— Нечего прятаться! Не будь я Нинни, если не вымажу тебя!

С этими словами Нинни вбежала в дом и стала гоняться за подругой.

— Ой! Ой! Ой! — Лакхи закрыла лицо руками и зажмурилась, но тут же схватила ком глины и, крикнув: «Теперь моя очередь!» — стала наступать на Нинни.

Девушки были ровесницами, им только что исполнилось пятнадцать. Но как не походили они друг на друга! Нинни — крупная и сильная, Лакхи — хрупкая и нежная.

— Попробуй подойди! — сказала Нинни. — Тебе, видно, глины мало, так я измажу тебя навозом!

Однако на Лакхи угроза не подействовала. Тогда Нинни быстро схватила ее за руку и вымазала лоб и щеку подруги.

— Ой! Ты руку мне сломала! — сквозь смех простонала Лакхи.

Нинни сжалась, отпустила подругу и с улыбкой сказала:

— Ладно, не сердись. Мажь меня сколько хочешь.

— Нет, давай по-честному! Посмотрим, кто сильнее!

Но Нинни решила сдаться и, отбежав в сторону, сделала вид, что хочет убежать. Лакхи бросилась к ней. Нинни стала защищаться.

— Вот тебе! — весело крикнула Лакхи и вымазала ей лицо. — Пу и знаки на твоих щеках! Ха-ха-ха! Прямо знаки дитхауна! * Теперь тебе не страшен дурной глаз!

— Зато тебе страшен! Ведь у тебя одна щека совсем чистая.

— Измажь ее, пожалуйста, а то мне самой придется это сделать.

— Лучше пойдем на улицу: кто-нибудь да вымажет тебя!

— Кому я нужна... Разве что заодно с тобой...

— Что ты! Там, на улице, столько моих подружек, они с охотой и одну тебя вымажут...

— А у тебя есть золовка?

— Как не стыдно! — Нинни метнула на подругу сердитый взгляд своих огромных глаз, но на губах ее трепетала улыбка.

— Разве ты не замужем? — спросила Лакхи, и глаза ее, тоже большие, хотя и не такие, как у Нинни, весело блеснули.

— У нас, гуджаров *, не полагается рано выходить замуж, — сказала Нинни и, в свою очередь, спросила: — А ты замужем?

Лакхи покачала головой.

— У нас, у ахиров, тоже редко выдают замуж в детстве *. Да и жизнь сейчас тяжелая, не до этого.

Нинни принесла со двора горшок с землей и налила в него воды из кувшина. Лакхи взяла горсть мокрой земли, и они выбежали на улицу.

В деревне было шумно. Даже самые усердные в работе не заметили, как заигрались, хотя рассчитывали повеселиться часа два, не больше.

Вот на дороге появились мужчины. Их с громким смехом преследовали женщины, бросая вдогонку им комья глины. У многих сари съехало с головы, но они не обращали на это внимания. Мужчины смешно подпрыгивали, кружились на месте, стараясь подставить под удар спину.

— Спину показывает! А еще мужчина! — пошутила одна из женщин.

Парень, к которому относились эти слова, гордо сказал:

— Могу и грудь подставить!

Он закрыл лицо руками и остановился прямо против женщин. Лицо парня было покрыто таким плотным слоем грязи, что его невозможно было узнать.

Женщина швырнула в него глиной, но промахнулась. Парень весело засмеялся. Тогда она подошла ближе и на этот раз угодила ему в грудь.

— О-о-ох! — простонал парень, словно его ранили.

— Ну как, дорогой? — спросила женщина. — В кувшине у меня еще не пусто!

— Пощади! Разве устоит кто-нибудь перед твоим оружием! — взмолился парень, убирая руки от лица.

Лакхи шепнула подруге:

— Нинни! Это же твой брат, Атал! Ты только посмотри! Я с трудом его узнала!

Атал заметил рядом с Нинни красивую, смуглолицую Лакхи с прилипшим ко лбу комом грязи, похожим на тилак *, и перемазанной щекой и невольно залюбовался девушкой.

— Вот тебе, милый, чтоб не смотрел, куда не следует! — сказала женщина и швырнула в него еще ком грязи.

Атал кинулся бежать. Остальные мужчины — за ним. Женщины, прижимая к груди кувшины и горшки, бросились вдогонку, но Атал был уже далеко.

Нинни и Лакхи очень хотелось поиграть с кем-нибудь из мужчин, но, как уже известно читателю, незамужним женщинам это запрещалось. Как жаль! Уж они-то не промахнулись бы!

— Сейчас выберу себе жертву! — не выдержала Лакхи.

— Бросай в моего брата, я вижу, тебе этого очень хочется! — поддела Нинни подругу.

— Какая ты, право! — Лакхи сделала сердитое лицо, а про себя подумала: «Если бы мы встретились с ним наедине, непременно залепила бы ему грязью все лицо».

Нинни предложила:

— Пошли к храму! Там будут петь расни *.

— Кто?

— Да мы все.

— И баба-джи? *

— Да. И я вместе с ним. А ты умеешь петь?

— Так, немножко. Долго это будет? Скоро мать пригонит корову. А мне еще надо смолоть муку и испечь лепешки.

— Дома всегда найдется дело, а холи бывает не каждый день. Идем же!

Девушки пошли к храму. За поворотом дороги появилась праздничная толпа, слышались веселые голоса.

— Сикандар удирает! — кричали люди и смеялись.

Оказывается, Атал изображал делийского падишаха. Он бежал вприпрыжку, при этом гордо выпячивая грудь. Время от времени Атал поднимал ком земли, камешек или сухой навоз и швырял им в своих преследователей. Не сумели догнать и убить делийца, так получайте же!

Наконец толпа приблизилась к храму. Из крытых соломою развалин вышел преклонных лет жрец и крикнул:

— Повторяйте за мной: «Да здравствует Хари Мадхав! * Да здравствуют Радха и Кришна! *»

— Да здравствует Хари Мадхав! Да здравствуют Радха и Кришна! — дружно повторили крестьяне.

— У меня сохранилось немного красной краски, — сказал жрец. — Годами берег ее. Пойдите к реке и вымойтесь хорошенько. А я тем временем разведу краску. Вернетесь, я окроплю вас, — это будет даром бога Мадхава.

— А сладости? — раздался чей-то голос.

— Сладости проси у Сикандара, — со смехом ответил жрец.

Тут из толпы вышел человек, тот самый, что спрашивал о сладостях, и сказал:

— Сикандара больше нет. Его прогнали. А я — Атал.

— Помню, как же! Гуджар Атал — это ведь ты вместе со своим урожаем собрал урожай на поле Радхи и Кришны. Разве мог я забыть тебя?! Иди искупайся и приходи. Споешь расию — получишь немного сладостей.

Жрец боялся, как бы и в него не кинули навозом, глиной или землей, и потому спешил всех выпроводить. Словно угадав его мысли, Лакхи шепнула Нинни:

— А не расплющить ли один комок о живот баба-джи?

Нинни тихонько засмеялась и ущипнула Лакхи.

— Разве можно? Что скажут люди?

Крестьяне не спеша направились к реке, и снова началось веселье.

У подножия холма, омываемого рекой, все разделились на две группы: мужчины спустились к берегу по одну сторону холма, женщины — по другую.

Во время купания Лакхи взглянула на полное белое тело Нинни и подумала: «Какая крепкая! Интересно, что она ест?»

Когда крестьяне вернулись к храму, жрец уже развел в тазу немного красной краски и стал всех окроплять ею. Несколько капелек попало на девушек. Лакхи и Нинни поморщились, хотя в душе были очень довольны.

— Примите подарок от бога. Сегодня каждый имеет на него право, — сказал жрец и улынулся.

— Разве это подарок? Вы бы сладостей дали нам, бабаджи, сладостей! — не выдержал Атал.

И жрец вынес из храма — точнее, из его развалин — поджаренные зерна джвара и гур *. Каждому досталось по-немногу.

Потом он предложил:

— А теперь споем расию Радхаваллабху * и станцуем.

— Уже полдень, махараджа *. Надо муку смолоть, лепешки испечь, — заметила пожилая женщина, но никто не поддержал ее.

А Нинни сказала:

— Давайте споем любимую расию, бабаджи, а потом можно и по домам.

Атал согласился с сестрой.

Запевали женщины, им вторили мужчины: расию пели на два голоса.

Ты ли, милый, меня разбудил?

Или счастье меня разбудило?

Я не сплю, я заснуть не в силах,

Если вижу тебя, мой милый! ¹

Затем вперед вышло несколько женщин, стали танцевать, за ними — парни, в том числе и Атал. Ницни и Лакхи не танцевали, они продолжали петь. Голос Нинни, нежный и звонкий, выделялся среди других голосов. Танцуя, Атал то и дело тайком поглядывал на Лакхи. Никто, кроме жреца, не заметил этого. Однако жрец не рассердился на юношу.

Время шло незаметно. Солнце уже стояло прямо над головой, но это не беспокоило крестьян: они веселились в тени огромного баньяна *, чудом уцелевшего во время вражеских нашествий.

И все же на пустой желудок нельзя долго предаваться веселью: голод заставил людей разойтись по домам.

Жрец остался очень доволен праздником и сказал на прощанье:

— Бог даровал нам этот добрый день. Пусть же отныне и впредь обильным будет урожай, да ниспошлет вам небо много скота, молока и масла, много золота и серебра. Вы восстановите свой храм! Пусть станет он снова таким, как прежде! И как прежде, вы будете совершать в нем молеб-

¹ Стихи здесь и дальше в переводе Ю. Цветкова.

ствия, устраивать танцы, хороводы и игры в честь Кришны! Тогда мы еще веселее справим холи, а я раздам много подарков!

Воодушевленные этим напутствием, крестьяне вернулись в деревню, забыв прежние невзгоды, готовые к любым ударам судьбы.

3

К вечеру крестьяне стали собираться в поле. Теперь, когда урожай почти созрел, надо было охранять его от зверей. Поля, вернее, крохотные участки земли, были разбросаны в разных местах и отделены одно от другого холмами и лесами. Разделяли их и те земли, которые крестьяне не смогли поднять. Много хорошей, пахотной земли осталось невостребованной, — теперь на ней зеленел молодой лесок.

У Атала и Нинни тоже было свое поле. Они жили одни: их родители погибли во время вражеского нашествия. Атал любил сестру и делал все, чтобы она была счастлива.

Когда Сикандар напал на княжество, они вместе со всеми ушли в лес. Жизнь, полная невзгод и лишений, не прошла для юноши бесследно. Лицо его стало мужественным, даже чуть грубоватым, а длинные волосы придавали ему суровость. Над верхней губой уже пробился пушок. Атал был стройным и рослым.

Заметив, что брат устал за день и ему не хочется идти охранять поле, Нинни предложила:

— Оставайся дома, поспи: я пойду вместо тебя.

— Ну, нет! Ты ведь тоже устала.

— Что ты, ни капельки! Не беспокойся: я не усну.

— А если я и завтра устану? Ты снова пойдешь ночью в поле?

— Да, пойду! А почему ты завтра устанешь? — удивленно спросила Нинни.

— Потому что завтра — второй день праздника, и мы снова будем веселиться.

— Тогда в поле пойду я.

— А вдруг задремлешь? Придут олени или антилопы, а может, дикие буйволы и кабаны, что будет с нашим полем? Все разорят дочиستا!

— Тебе будто не спится. Тогда пойдем вместе и будем сторожить по очереди. Так надежней.

— Ладно!

Атал взял с собой меч, лук, колчан, полный стрел, и они отправились в путь. Придя на поле, залезли на мачан*. Когда стемнело, Атал уснул. Нинни же бодрствовала, положив рядом с собой лук со стрелами и меч.

Взошла луна и осветила землю своим призрачным голубоватым светом.

Отовсюду слышались громкие возгласы крестьян, — они кричали, чтобы отпугнуть зверей.

Подул холодный ветер и стал раскачивать деревья. Нинни укуталась в толстое одеяло, а вторым одеялом осторожно укрыла брата.

В полночь на дальних полях все стихло, да и с соседних полей все реже и реже доносились крики крестьян. Луна светила так ярко, что было видно далеко вокруг. У Нинни слипались глаза, но она изо всех сил боролась со сном. Зашумит ветер в кустах, а ей кажется, что крадется к полю хищник, — он здесь, он близко. Нинни вся обращалась в слух, а рука тянулась к луку.

«Разбужу-ка я, пожалуй, Атала и хоть немного вздремну, — подумала Нинни, но тут же спохватилась. — Нет, не буду, он так измучился за день! Я меньше устала, как-нибудь продержусь. Останься он дома, я бы и не подумала о сне! Вот только плохо, что глаза слипаются. Как же это я раньше, когда делийский султан осадил Гвалиор и мы прятались в лесу, на горе, могла всю ночь просидеть на дереве и совсем не хотела спать!»

Нинни решительно тряхнула головой, потянулась, потерла глаза и огляделась, — вокруг все было спокойно. Нет, она будет гнать от себя сон!

Потом Нинни вспомнила расию, которую пели днем, и пропела ее вполголоса, так, чтобы не потревожить брата:

Ты ли, милый, меня разбудил?..

Нинни нравился ее собственный голос, нравилось, как она поет эту песню. Но не успела она закончить, как ей снова показалось, будто по полю бродит не то буйвол, не то кабан. Нинни умолкла и стала внимательно вглядываться в темноту, однако ничего не увидела.

«Опять почудилось!»

С мачана было видно, как струится река, как играют в ней луиные блики. Казалось, в реку падают серебряные

покрывала, а легкие волны, танцуя и играя, стараются пойма-ть их; покрывала дрожат от порывов ветра.

Журчание реки сливалось с тихим шепотом колосьев, которые о чем-то переговаривались между собой, а лунный свет ласково гладил их своими нежными пальцами. На листьях сверкали капли росы. В ближнем лесу ветер раскачивал огромные ветви: он будто хотел улететь куда-то, а деревья не пускали его. Время от времени слышались хруст или шорох, пронзительные крики испугнутых тигром оленей и антилоп.

Нинни знала, что животные далеко, но не успокоилась: ведь буйволы и кабаны подходят тихо, — и еще внимательно стала следить за полем.

Над мачаном был устроен навес от дождя. Нинни выглянула из-под него и посмотрела на луну. Ресницы у девушки были такими длинными, что касались бровей, а глаза напоминали глаза олененка.

«Уже за полночь», — определила Нинни и взглянула на брата. Он спал глубоким сном и громко храпел. Его храп и журчание реки мешали Нинни прислушиваться к ночной тишине. Неожиданно ветер стих. Стебли джвара почти не шевелились: казалось, они заснули. Могучие деревья стихли. Река тоже перестала волноваться, и серебряные покрывала словно таяли в воде.

Вдали виднелись небольшие холмы, и только одна гора тянулась к небу, будто хотела впитать в себя побольше лунного света.

— Тинь-тинь! Чинь-чинь! — пищала патокхи *.

Нинни смотрела на сверкающую гладь реки, на дальнюю, в туманной дымке, гору, на вершину ближней горы, слушала шепот дремлющих в поле колосьев и думала: «Как смогла бы я жить без всего этого? Если бы вдруг пришлось уйти из родной деревни; хорошо бы забрать с собой наши горы и холмы! И реку тоже! Из деревьев построить хижину, из ветвей и листьев сделать окна. И каждую ночь любоваться рекой, залитой лунным светом, и петь: «Ты ли, милый, меня разбудил...»

Это были сладостные мечты, однако Нинни тут же подумала:

«А если нагрянет Сикандар или другой завоеватель? Ведь он опять все разорит! И почему это крестьяне укрываются в горных ущельях, когда неприятель грабит и уничтожает их деревни? Они могли бы дать врагу достойный отпор. Защищаем же мы наши поля от диких зверей с луком и стре-

лами в руках! А раджа и его приближенные запираются в крепости и, лишь когда завоеватель ворвется, принимают бой и погибают. Их изнеженные жены, вместо того чтобы помочь мужьям в борьбе с врагом, сжигают себя на костре. Удивительно! Зачем бросаться в пламя, если можно стрелять! Или у них нет полей, которые приходится охранять, как это делаем мы с Аталом? Наверное, нет! Ведь рани *, слышала я, сидят за пардой *. Они так беспомощны, что даже не могут одним ударом свалить с ног мужчину, который поднял на них глаза или руку. Не могут ткнуть носом в землю негодяя, замахнувшегося на них. Представляю, что это за женщины! И еще я слышала, что они очень много и вкусно едят. Почему же тогда они так слабы душой, что предпочитают погибнуть в огне, а не в бою? Нет, я бы никогда не согласилась умереть, как они! Пусть горит тот, кто поднял на женщину руку!..» Нинни в гневе стиснула зубы.

Девушка сама удивилась своим мыслям. Раньше ничего подобного не приходило ей в голову. Она посмотрела на спокойное, словно уснувшее поле, потом перевела взгляд на реку.

Потянуло прохладой. Девушка размечталась, не замечая, как сон смыкает ей веки.

«Если я уйду когда-нибудь из деревни, как взять мне с собой крик патоки? Все можно вылепить из глины: и дом, и горы, и деревья, и зеленеющие поля пшеницы, и даже реку. Но крик патоки? Его не возьмешь с собой. Что же, тогда придется спеть самой: «Ты ли, милый...»

В конце концов сон все же одолел Нинни. Она уснула, прислонившись к столбу. Голова ее поникла.

Но не прошло и нескольких минут, как девушка очнулась. Ее разбудил какой-то странный звук, который становился все громче и громче. С трудом открыла Нинни глаза и посреди поля увидела огромного кабана, который с хрустом поедал джвар.

Нинни затаила дыхание, прицелилась и спустила тетиву. Стрела со свистом разрезала воздух и вонзилась кабану в шею. Смертельно раненный, он с ревом закружил на месте. Проснулся Атал.

Нинни хотела пустить еще одну стрелу, но не пришлось: кабан упал и больше не шевелился — видимо, издох.

— Я и то не умею так стрелять! — похвалил Атал сестру.

— Неправда! Разве не ты научил меня владеть луком?

Атал — сам искусный стрелок — каждый раз восхищался меткостью сестры. А сейчас ему было неловко перед ней: ведь он спал, когда зверь пришел на их поле.

— Поспи немного, Нинни. Я уже отдохнул, — предложил Атал.

Нинни не стала отказываться и тут же улеглась.

Кабан по-прежнему лежал внизу: его нарочно оставили в поле, чтобы другим зверям неповадно было.

4

Наступил второй день холи. Он принес много радости. — ведь Нинни убила ночью огромного дикого кабана. Вся деревня предвкушала вкусное угощение, и, забыв о делах, крестьяне снова предались веселью. Не так часто бывает у них вкусная еда! В Раи мяса не мог есть только жрец, потому что он был брахманом, и сегодня, на второй день праздника холи, ему полагалось лишь молиться. Зато всем остальным можно было веселиться, танцевать, петь песни.

Атал снова изображал ненавистного всем Сикандара и так искусно, что всех насмешил. Люди от души хохотали и швыряли в него комья глины.

Как и накануне, Лакхи и Нинни были вместе. Нинни зашла за подругой.

— Ну уж сегодня я вымажу тебя не глиной, а навозом! — пообещала Нинни, неожиданно налетая на Лакхи.

— Пожалуйста! — крикнула Лакхи, обхватив подругу за талию. — Я обниму тебя покрепче — и половина навоза достанется тебе.

— Посмотрим!

Девушки подняли веселую возню. Сари слетели у них с плеч. Но они спохватились, лишь услышав шум и голоса возле дома, и стали быстро приводить себя в порядок. Лоб, щеки, плечи, грудь — все было разрисовано навозом, но девушки весело смеялись.

— Ты сильная, — сказала Нинни. — У тебя руки — как ветви махуа *. А все же я тебя одолела.

— Ну если мои руки как ветви махуа, то твои как кольца удава. Ты чуть было не переломала мне кости. Пошли-ка на улицу, повоюем еще с кем-нибудь.

— Ни одна женщина не решится воевать с тобой. Не избрать ли нам жертвой мужчину?

— Что ты!

— А ты попробуй. Возьмись для начала за моего брата. А?

— Хитрая какая! А что скажут в деревне?

— Не хочешь — не надо. Придумаем что-нибудь другое.

— Хорошо бы вымазать жреца: пусть не заглядывается на девушек.

— А разве он заглядывается?

— Когда мы пели вчера, он все время посматривал в нашу сторону.

— Я не заметила!

— А если бы заметила, что тогда?

— Ничего. Он не зверь, стрелу в него не пустишь.

— Вот последи за ним сегодня, сама увидишь: заглядывается он или нет.

— Ладно, а пока давай играть! Построим из глины дом. Только не обычный. Окна сделаем из ветвей и листьев. Вместо крыши — круглые вершины высоких гор, на них — башенки. У входа — стволы деревьев, словно колонны, в саду — цветы, павлины, антилопы, патокхи. А за домом пусть будут поля пшеницы и джвара, и еще река Санк...

— На это надо весь день потратить.

— Так ведь дом будет не настоящий, а совсем маленький, и все остальное тоже...

И девушки с увлечением взялись за дело.

Между тем шум на улице стих. Все ушли на реку.

Неожиданно во дворе появился Атал.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, разглядывая домик, который слепили девушки. — Идите скорей умываться — в храм пора.

Лакхи посмотрела на Атала, потом перевела взгляд на Нинни и заулыбалась.

Нинни повернулась к Аталу.

— погоди, дай достроить наш дворец.

— О-хо-хо! Дворец из глины! Построили бы лучше хорошую хижину, настоящую, из соломы.

— Был бы дворец, а хижина будет! — в тон ему ответила Нинни.

Наконец дом был готов, и они втроем вышли со двора. Атал отправился к жрецу, а Нинни и Лакхи пошли на реку.

К храму девушки пришли последними. Когда все были в сборе, жрец вынес из храма маленькую статуэтку бога, и

крестьяне почтительно склонились перед ней. Потом жрец начал опрыскивать всех краской. Но когда очередь дошла до Нинни, рука его дрогнула. И то, что предназначалось ей, досталось Лакхи, — на щеки Нинни попало всего несколько капель. Потом краска кончилась, и жрец, фальшивя, запел песню холи:

Не заигрывай со мной, не завлекай,
Кришне, нежному в любви, не подражай,
Так и Канса* захватил чужой престол,
Стал правителем, а счастья не нашел.
Меня гокулской пастушкой не считай*,
Не заигрывай со мной, не завлекай!

Мужчины и женщины, стоявшие отдельно друг от друга, подхватили песню. Нежный голос Нинни, как и накануне, выделялся в общем хоре. Глядя на девушку, жрец невольно представил ее с луком в руке, рядом с убитым кабаном, и подумал: «Какая отважная!»

Когда же мужчины и женщины стали по очереди танцевать, жрец начал поглядывать и на Лакхи. Но девушка украдкой следила за Аталом, поэтому только раз или два перехватила взгляд жреца. Зато Нинни пела с таким увлечением, что ничего вокруг не замечала.

Праздник подходил к концу, когда жрец одарил всех гуrom и джваром. Дошла очередь и до Нинни.

— Увидел бы раджа Гвалиора, как стреляет из лука наша Нинни! И он и его приближенные ахнули бы от изумления! — сказал жрец, протягивая девушке пакетик со сладостями.

— Что тут особенного, — просто, без тени жеманства, ответила девушка. — Вот брат мой одной стрелой может убить буйвола.

Атал не удержался и перебил сестру:

— Баба-джи, она владеет луком не хуже меня! Если бы раджа Ман Сингх увидел, как стреляет Нинни, он наверняка остался бы доволен.

— Я отвезу ее к правителю Гвалиора. Раджа хорошо знает меня. В Гвалиоре огромные храмы и...

Жрец не договорил, — Нинни сердито прервала его:

— Незачем мне ехать к радже в Гвалиор!

Все рассмеялись.

— Гвалиор — большой город, — заметил Атал.

— Ну и что же! Наша деревня ничуть не хуже. Здесь зато есть река и горы, покрытые лесом.

— Конечно, — рассмеялся жрец. — И еще медведи и буйволы, на которых может охотиться наша Нинни!

Девушка уловила в словах жреца похвалу и расцвела от радости.

— Лакхи, — вдруг обратилась она к подруге, — хочешь, я научу тебя стрелять? И брат поможет. Будем тогда вместе ходить на охоту.

Лакхи украдкой посмотрела на Аталу, потом улыбнулась и оглядела стоявших рядом женщин. Они схибно улыбались. Разве женское это дело стрелять из лука!

Нинни сердито опустила голову.

Радостные и веселые возвращались крестьяне домой. По дороге жевали джвар, который дал им жрец. Лакхи то и дело оглядывалась и каждый раз встречалась взглядом с Аталом. Он не мог отвести глаз от девушки.

Красавица, да и только. На щеках ямочки, когда смеется. А брызги краски — дар баба-джи — делают ее лицо еще прекраснее.

Придя домой, Лакхи задумалась.

«Ничего нет плохого в том, что я буду учиться стрелять. Раз гуджарская девушка умеет стрелять из лука, почему бы и ахирской не выучиться. С этим я быстро справлюсь. Нинни поможет и Атал тоже. Учиться не грех. А потом поеду в Гвалиор — пусть раджа полюбуется на мое искусство, ведь не съест же он меня. Нинни, наверное, стесняется, ну а я не из пугливых. Хоть в большом городе побываю. Посмотрю на широкие площади, храмы, статуи богов, людей в красивых, ярких одеждах...»

У Лакхи не было родных, одна мать. Отца во время последней войны зарубили враги, брата тоже. Не сладко жилось им с матерью. Земли не было. От большого стада осталась одна корова. Много скота пало от голода, оставшийся перерезали тюрки*. Пришлось батрачить у соседей: на одном молоке ведь не проживешь. Изредка ходили они в лес собирать плоды и корни.

Мать души не чаяла в дочери и, конечно, не стала возражать, когда Лакхи начала учиться у Нинни стрельбе из лука.

Недели через три или четыре после праздника холи хлеб созрел. Крестьяне собрали урожай и спрятали его в лесу, где проводили теперь большую часть времени, охраняя зерно от зверей. Жгли костры, держали наготове стрелы. Крестьян

часто навещал жрец. Они должны были отдать ему часть урожая. Сидя по ночам у костра, он читал им молитвы, давал советы, рассказывал старинные предания, пересыпая их шутками.

Когда хлеб обмолотили, из Гвалиора прибыли сборщики налога. Они взяли ровно столько, сколько полагалось радже по древнему обычаю, одну шестую урожая, и увезли в столицу.

Лакхи и ее мать, которые тоже работали на уборке хлеба, получили свою долю — так мало, что не было даже надежды дотянуть до следующего урожая. Никакой другой работы в деревне не найдешь, но Лакхи не пала духом. Она стала еще усерднее учиться стрелять из лука, чтобы потом прокормиться охотой. О железных стрелах или железных наконечниках для стрел нечего было и мечтать, приходилось довольствоваться бамбуковыми. Крупного хищника такой стрелой не убьешь, но добыть птицу или рыбу можно.

На охоту Лакхи ходила вместе с Нинни и Аталом.

Как-то раз Нинни отошла куда-то, и Лакхи с Аталом впервые остались одни.

Атал обернулся к Лакхи. Ее длинные волосы слегка растрепались, несколько прядей упало на лицо. Движением головы Лакхи отбросила их назад.

Не отрываясь, смотрел Атал на девушку. Но она не опустила глаз. Только спросила чуть слышно:

— Что ты глядишь так?

— Разве объяснишь это словами? Я люблю тебя! Люблю всем сердцем!

— Знаю.

Лакхи потупилась. Атал положил руку ей на плечо.

— Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Чтобы никогда, никогда не разлучались, — произнес он дрожащим голосом.

— Неужели это возможно? Мы же из разных каст.

— Сперва скажи, любишь ли ты меня?

— Как может девушка ответить на такой вопрос! А сама ты что думаешь?

— Думаю, что будем вместе.

— А касты?

— Но ведь рассказывал же баба-джи, что в старицу разрешались браки между нашими кастами.

— Согласятся ли на это моя мать и твоя сестра?

— Согласятся.

— А в деревне? Что скажут совет старейшин и староста?

— Что они могут нам сделать?

— А вдруг не позволят? Тогда все пропало. Разве нарушу я их запрет?

— Никто не в силах помешать нам. Мы хотим быть вместе — значит, будем. Я поклялся в этом.

— Нинни часто подсеивается надо мной. Она поняла, что я люблю тебя. Да и в деревне, наверное, тоже догадываются.

— Ты сильно любишь меня?

— Очень! А ты?

— Сама знаешь.

В зарослях послышался шорох, и в ту же минуту Лакхи увидела павлина. Она высвободила плечо из-под руки Атала, натянула тетиву и выстрелила. Павлин с криком унал. Второй стрелой Лакхи прикончила его, чтобы не мучился.

— Вот это да! — вырвалось у Атала, но больше он ничего не успел сказать — из-за ближнего куста выскочила пантера и тотчас же метнулась в сторону. Атал пустил вдогонку ей стрелу, но промахнулся. Пантера скрылась.

Атал и Лакхи подошли к птице. Тем временем вернулась Нинни.

— Смотри, — крикнул ей Атал, — как метко стреляет Лакхи!

— Она еще тебя поучит! — ответила Нинни.

Лакхи и Атал весело рассмеялись.

— Я стрелял в пантеру, но промахнулся, — сообщил Атал о своей неудаче.

— А знаешь почему? Потому что мясом пантеры не наешься, зато павлина хватит дня на два, — пошутила Лакхи.

Атал нашел свою стрелу, и они, прихватив павлина, отправились домой. Нинни шла с пустыми руками. Глядя на веселую, радостную Лакхи, она в душе завидовала ей.

— Я бы не позволила пантере так просто уйти! Убить павлина — дело не хитрое, — съязвила Нинни.

Но это не убавило радости молодых людей. Счастливые и довольные, возвращались они в деревню.

— Хорошо еще, что стрелу нашел! — продолжала Нинни.

— Ты бы, конечно, не промахнулась! Попала бы пантере прямо в живот! — в тон сестре промолвил Атал. — А потом со страху вскарабкалась бы на дерево. Пантера же со стрелой в животе забилась бы в свою пещеру. И ни тебе пантеры, ни стрелы. Разве найдешь их в горах?

Нинни рассердилась.

— У меня бы пантера не унесла стрелу! Я бы насквозь пробила ей шею, чтобы она здесь же уснула непробудным сном!

— Ладно, успокойся. У тебя еще будет время показать свое искусство, — примирительным тоном произнес Атал.

— Чего ты, Нинни, сердисься? Разве плохо, что у нас и мясо будет, и стрела не пропала? — сказала Лакхи.

5

Нелегко было жрецу собрать с крестьян подать. Только что они выплатили налог радже Гвалиора и больше не желали расставаться ни с одним зернышком. Оно и понятно. Нелегко достался людям урожай. И жрецу приходилось увещавать их:

— Никогда не забывайте того, что сказано в шастрах: * радже — шестая часть урожая, — вы ее уже отдали, — богу — двадцатая, брахману — тридцатая. Если же будете упорствовать, то всем вам и на этом свете худо придется, и на том. Не райское блаженство обретете, а муки адовы.

— А что мы есть станем, если отдадим все? — едва сдерживая злость, спросил один из крестьян.

— Я буду молиться, и бог не оставит вас.

— Да вы уже молились, а сколько крови пролил делийский султан! Сколько уничтожил домов и полей!

— Посмотрите на этого глупца! На этого безбожника! Он накличет беду! И нам всем расплачиваться! — завопил жрец.

— Нельзя так разговаривать со жрецом, — одернул крестьянина его сосед.

Но тот не унимался.

— Раз ты такой хороший, возьми да рассчитайся с баба-джи первым! Набил себе дом да яму пшеницей с джваром!

— Ну и рассчитаюсь! Думаешь, с тебя пример брать буду на свою погибель?! Что-то ты очень беспокоишься о моем хлебе! Тебе он все равно не достанется!

На шум прибежал Атал и сразу же принял сторону жреца.

— Я не пожалею отдать все, что причитается, — заявил он. — Бог и брахман должны получить свою долю. Кого в трудную минуту мы молим о помощи?

Атал заметил на лице жреца одобрительную улыбку и подумал, что тот не забудет его услуги.

Как ни хитрили крестьяне, как ни увертывались, а в душе понимали, что рано или поздно все равно придется отдать зерно. Да и появление Аталы подействовало на них — крестьяне смирились: отмерили двадцатую часть богу, тридцатую — брахману и отдали все это жрецу. Таким образом на уплату всех налогов ушла четверть урожая. Но три четверти еще осталось у крестьян. «Все же лучше отдать часть зерна радже и жрецу, — думали люди, — чем весь урожай грабителям из соседних княжеств. Да еще и жизнью поплатиться».

Когда все разошлись и храм опустел, Атал подошел к жрецу.

— Махараджа, откуда вы все знаете? — спросил он кротко и просто душою. — И книг у вас почти нет, а знаете вы все на свете!

— Что ты, какие у меня знания! Я простой брахман, день-деньской провожу в молитвах, и, кроме имени божьего, мне ничто неизвестно.

— Баба-джи, вы помните наизусть «Рамаяну» *, «Махабхарату» * и бог знает сколько шастр! А мне можно читать священные книги?

— Конечно! Ты же кшатрий. Тебе разрешено читать даже веды! *

— А вы читали их?

— Так, самую малость. Много ли сейчас, в век калиюги *, людей, которые читают и понимают веды?

— А женщинам их можно читать?

— Веды?! Как мог ты сказать такое! Женщинам и шудрам это запрещено.

— Нет, махараджа, не веды, а разные там пураны? *

— «Разные там пураны»! Как можешь ты говорить о них с таким пренебрежением!

— Простите, пожалуйста. Я не подумал. Ну, а их могут читать женщины?

— Да, могут. Раньше в городах и больших деревнях были школы не только для мальчиков, но и для девочек. Так что девочки тоже читали пураны. Но потом из-за вражеских нашествий школы пришлось закрыть.

— А как сделать, махараджа, чтобы враги оставили нас в покое?

— Для этого нужно только одно: не забывать о боге и свято блюсти все предписания веры. А в наш век даже такое случается видеть, что мужчина берет себе в жены девушку из другой касты. Это не может пройти безнаказанно! И бог наказал нас: пашествие этих зверей — возмездие за грехи наши.

Атал помолчал немного. Потом робко спросил:

— Какие именно предписания надо соблюдать, баба-джи?

— Те, которые завещаны нам великими людьми. Ну а с маленького человека и спрос маленький: вполне достаточно, если он поклоняется Кришне и Радхе, Раме и Сите *.

— Махараджа, вы говорили нам, что Кришна принадлежал к варне богов. А какой он был касты?

— Как можно не знать этого! Он был кшатрием! Истинным кшатрием!

— Об этом я слышал, баба-джи. Но мне хотелось бы узнать другое: кем был бог — гуджаром или ахиром? Мы — люди темные, у нас в деревне никто не может ответить на этот вопрос. Вот я и решил обратиться к вам.

— Гуджары считают бога Кришну гуджаром, ахиры — ахиром, в пуранах же сказано только, что он — кшатрий из рода Яду.

— А верно ли, что ахиры и гуджары происходят от лунной династии? *

— Да, это верно.

— Значит, они равны? —

— Конечно: и те и другие принадлежат к кастам пастухов.

— А могут они жениться между собой? Раз они равны, шастры, наверное, не запрещают этого?

— Ты, я смотрю, с ума сошел! Только язык безумного мог произнести нечто подобное! Такие браки, правда, случались, но это было в очень давние времена. Теперь же это невозможно, совсем невозможно.

— Но почему? Ведь вы сами рассказывали нам... В старину еще не такое случалось!

— Ты человек темный, вот и городишь несусветицу. В тех преданиях говорилось о третаюге и дванапараюге, ныне же — калиюга.

— А помните, вы недавно рассказывали про одного раджу из Раджастана *, который женился на девушке джатке? *

Так ведь это тоже было в калиюгу, вы сами так говорили.

— Ну что ты пристаешь ко мне со всякими глупостями?! Захотел пандитом * стать? Или сестру свою решил выдать замуж за ахира, словно среди гуджаров не осталось женихов?

— Что вы, баба-джи! Сестру я выдам замуж только за гуджара. И то не за всякого! Он должен быть из порядочной семьи, человеком всеми уважаемым и достойным такой девушки, как Нинни... А насчет браков между гуджарами и ахирами я спросил просто так, без всякой задней мысли.

Жрец поостыл. Ему не хотелось из-за пустяков ссориться с Аталом. Ведь как-никак Атал и его сестра были сильными и надежными сторонниками жреца в деревне, готовыми в любой момент поддержать его.

— Я, кажется, погорячился, — ласково сказал жрец. — А насчет жениха для Нинни не беспокойся: я сам позабочусь об этом. Ты же знаешь, мне много приходится разъезжать по стране, хоть и суровое сейчас время. Скоро думаю отправиться в Гвалиор. Раджа Ман Сингх и его приближенные — мои давнишние друзья. Да и в знатные гуджарские дома Гвалиора я вхож.

— Наверное, нет в нашем княжестве человека, который бы не знал вас! — простодушно заметил Атал. — Но почему вы живете здесь, в этой маленькой деревушке?

— Мне нравится река Санк, нравятся эти леса и горы. И потом я дал обет отстроить здесь храм и поставить в нем новую красивую статую бога. Вот выполню его — тогда можно будет перебраться в другое место. И в Гвалиор-то я еду ради храма.

— Когда же вы едете? — спросил Атал.

— Да дней через десять.

— А скоро вернетесь?

— Месяца через два.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Сикандар Лоди оставил Гвалиор. Раджа Ман Сингх, его приближенные, сардары *, войны и слуги вышли из крепости и взялись за восстановление разрушенного города.

Бежавшие из Гвалиора горожане стали возвращаться в свои дома. Сначала они приходили поодиночке, потом повалили толпами. В городе не хватало воды, колодцы были забиты трупами животных. Очистить же их или вырыть новые было не так просто. Раджа Ман Сингх разрешил горожанам временно поселиться в крепости, — там была питьевая вода, — и в то же время приказал очищать городские колодцы. Трупы вытаскивали, воду по несколько раз вычерпывали до дна, затем освящали источник водой из Ганги *, читали мантры *, и после этого из колодцев уже можно было пить. И тогда жители домов, у которых стояли эти колодцы, выходили из крепости и начинали приводить в порядок свои жилища.

Везде кипела работа. В одном из колодцев в последний раз вычерпывали воду. Спасаясь от страшного зноя, люди прикрывали голову лохмотьями. Им так хотелось отдохнуть в густой тени росшего неподалеку нима *, но под деревом сидели брахманы. Им нетерпелось освятить колодец.

Один брахман был вишнуитом *, другой шиваитом *. Вишнуит собрался было вылить в колодец несколько капель воды из священной Ганги, но шиваит остановил его:

— Зачем ты принес эту воду? Надо сделать из цветка или из глины лингу * Шивы, бросить ее в воду, сказать: «О, всемилостивейший Шива!» — и колодец будет освящен. А ты только усложняешь дело.

— По-твоему значит, между цветком, глиной и водой из священной Ганги нет никакой разницы? — спросил вишнуит.

— Ганга вышла из волос Шивы *. Значит, между Шивой и Гангой непременно должна быть разница. Но ты лучше ответь, у кого больше величия: у Шивы или у Ганги?

— Все подвержено изменениям: люди, вселенная, время. Что вчера было маленьким, сегодня становится большим, и наоборот.

— Что за чушь! Маленький так и будет маленьким, а вот большой маленьким никогда не станет.

— Упрямство у тебя в крови. Часто считают, что Вишну более велик, чем Шива. Но ведь бывало и так, что Шива превосходил его своим величием.

— Кто сказал тебе это? Да и вообще, как можно их сравнивать? Что такое Шива по сравнению с Вишну?

— Ты попусту горячишься. Все дороги ведут к одной цели.

— Ну, это уж явная чушь! Если все дороги ведут к одной цели, значит, стоит только прыгнуть в колодец, бро-

ситься в реку, свалиться с обрыва или с башни — и ты уже в раю! Так, что ли?

— Ну и мастера же вы, телингапцы *, выворачивать все наизнанку.

— Но если бы один телингапец не растолковал вед *, то вам — брахманам из Гаур-Прадеша * — никогда бы не понять их.

— Тебя словно червь гложет! Так и норовишь поессориться. Пойми же ты простую вещь — упасть в колодезь и утонуть — это одно, а достичь желаемого неустанными молитвами и поклонением богу — совсем другое. Если человек избрал себе определенный путь и не сворачивает с него, его ждет освобождение от следующих рождений.

— Тебя послушать, так можно чему хочешь поклоняться — рекам, горам, змеиным норам, волкам, кошкам и просто камню, — и все равно освободишься от новых рождений! О, это из-за таких, как ты, настал век кайнюги! Будь же ты проклят!

— Будь проклят и ты и твой отец! Вы погрязли в невежестве, если считаете, что поклонение Шиве — это все! Вы жестоко ошибаетесь! И быть вам всем в аду!

Брахманы так разгорячились, что даже вскочили со своих мест. Люди перестали черпать воду и отошли в тень, предвкушая интересное зрелище: перебранка могла перейти в драку.

— Нечего пугать меня адом! — кричал шивант. — Это ты будешь корчиться там в муках! Да, да, ты и тебе подобные, для которых корысть превыше всего! Мы же, лингапцы, не в пример вам, хотим, чтобы здесь, на земле, жизнь была, как в раю. Это нас ждет после смерти Кайласа *.

Тут в разговор вмешался староста рабочих.

— Не ссорьтесь, махараджи, — сказал он примиряюще. — Лучше объясните нам, простым людям, в чем наш долг перед богом?

— Правильно объяснить могу только я, — все еще волнуясь, ответил вишнунт. — А от этого Виджая Джангама из Телинганы вы не услышите ничего путного!

Тот, которого называли Виджаей Джангамом, заметил небеззлорадства:

— Он вам расскажет! — Потом обратился к вишнунту: — Ну, начинайте! А мы слушаем!

— Ваш священный долг молиться, молиться и молиться, — промолвил вишнунт.

— Кому? — спросил староста.

Но вместо вишнуита ответил Виджая:

— Этому обжоре! Вы должны день и ночь работать да как можно меньше есть, чтобы набить ему брюхо! Именно это имеет в виду вишнуит, когда говорит, что вам надо молиться.

Вишнуит не выдержал и бросился на Виджаю. Но между ними встали рабочие. Боясь осквернить себя прикосновением людей низшей касты, вишнуит осановился. А Виджая продолжал:

— Вы работайте, а я буду жить подаениями, полученными от вас! — вот что значит, по-твоему, молиться?

— Так уж, видно, нам на роду написано, — ответил староста, — тяжелым трудом искупить грехи, содеянные в прошлой жизни*. Вам же выпало на долю быть грамотным, управлять государством, потому-то вы и родились в высшей касте.

— Это неверно, — возразил Виджая. — Труд — не наказание за грехи. Смысл жизни в том и заключается, чтобы трудиться, есть хлеб, добытый в поте лица, и почитать Шиву. Самый великий грех — добиваться ложью и обманом уважения темных людей, чтобы жить за их счет. Труд — вот наш главный долг. А грехи, совершенные в прошлых рожденьях, можно искупить чтением «Гаятри»* Шивы.

Рабочие, видно, так и не поняли, чем искупаются грехи. Зато противник Виджая сказал:

— Какой знаток «Гаятри» Шивы выискался! У Шивы не было своей «Гаятри»! «Гаятри» одна! Только одна!

— Та, которую вы оскверняете, скрывая ее от всех? Можешь ли ты прочитать свою «Гаятри» этим людям?

— Идиот! Разве «Гаятри» можно читать вслух? Это тайная молитва! Ее мысленно произносят!

— А вот «Гаятри» Шивы может читать даже чаңдал!⁴ Но ты и мысленно не сможешь произнести молитвы, — когда тебе? Ты день-деньской обжираться да обманываешь честных людей!

— Где это сказано, что у Шивы есть своя особая «Гаятри»?

— В «Васава-пуране», глупец!

— Не смей оскорблять меня, или я раскрою камнем твой череп!

— Прежде чем ты сделаешь это, я выпущу трезубцем Шивы все твои кишки!

Почтенные брахманы снова кинулись друг на друга. И снова между ними встали рабочие.

— Идем, телинганец, к радже! Он рассудит нас, и ты понесешь заслуженное наказание! — закричал вишнуит.

— Я не телинганец, осел, я из Карнатака!* Из того самого Карнатака, где родились Нанди* и бог Шанкар!* Пойдем, пойдем! Посмотрим, кто будет опозорен!

— Какое несчастье родиться в калиюге! — воскликнул вишнуит. — Да разрешит раджа наш спор! — И он позвал рабочих: — Пойдемте с нами, будете свидетелями.

— А разве что-нибудь произошло? Камня никто не бросил, трезубец в ход не пускали... А что за спор, мы так и не поняли, — ответил староста.

— Он ругал бога Вишну, ты-то это понял? Вот и иди с нами, а они пусть остаются, — сказал вишнуит.

— А кто за работой будет присматривать?

— Пропади она пропадом, работа! Что важнее: этот колодезь или вера? — с упреком спросил вишнуит.

— Пойти не трудно! — спокойно ответил староста. — Мне-то что. Но ведь работу эту нам поручил раджа. Мы уже почти всю воду вычерпали. Осталось немного. Осветили бы сперва колодезь водой из Ганги, почитали бы мантры, тогда и пошли бы.

Но вишнуит стоял на своем.

— Что значит какой-то колодезь в сравнении с верой! Пойдем же!

Пришлось старосте подчиниться, и они втроем направились в крепость. Однако ворота оказались закрытыми. Стражники сказали, что их откроют только вечером. Брахманы решили во что бы то ни стало дожидаться. Староста не возражал — наконец-то он передохнет немного.

Они уселись у ворот в густой тени деревьев. Время шло медленно.

Вдруг брахманы увидели путника с узелком в руках. Приблизившись к ним, он спросил:

— Ворота все еще закрыты?

— Да. Только вечером откроют, — ответили ему.

Виджая оглядел незнакомца: весь в пыли, пот льется градом, лицо кроткое, но взгляд испытующий.

— Кто ты? Откуда? — спросил вишнуит.

— Я шастри*. Шастри Бодхан. Пришел из Ран, маленькой деревушки, косах в шести отсюда. Ее разорили враги.

Вишнуит учинил незнакомцу настоящий допрос. Он выяснил буквально все: и чем занимается Бодхан, и даже как зовут его отца. Затем вишнуит предложил ему выпить воды, но незнакомец вежливо отказался.

— А здесь ты зачем? — поинтересовался вишнуит.

— В деревне был храм божий, но враги оставили от него одни развалины. Вот и пришел я просить раджу отстроить храм заново, — ответил Бодхан.

Вишнуит ликовал: теперь по крайней мере он будет не один, ведь их новый знакомый тоже шастри. Когда Бодхан спросил, что привело их сюда, вишнуит указал на Виджаю:

— Это — Виджая Джангам. Не то из Телинганы, не то из Карнатака. У нас с ним спор. Он не признает, что в рай можно попасть различными путями. Вот мы и хотим, чтобы раджа рассудил нас.

Бодхан не был согласен с Виджаем, но вмешиваться в спор не стал. Зачем знать радже, кого из брахманов он поддерживает? Поэтому Бодхан сказал:

— Уже недолго ждать. Придете к радже, он вас и рассудит.

Забили в колокол. Ворота распахнулись, и все четверо вошли в крепость. За высокой наружной стеной тянулись внутренние стены пониже. В них были помещения для воинов. У ворот каждой стены — стража в полной боевой готовности. В центре крепости — огромная площадь. По одну ее сторону — храмы Сас-Мандир, Баху-Мандир и Тайл-Мандир. Возле храмов, в шалашах из соломы, ютились беженцы, недавно возвратившиеся в город, — они ждали, когда очистят колодцы. Здесь же, на площади, высился дворец раджи.

Постояв недолго у дворцовых ворот, брахманы получили приглашение войти в приемный зал. Они не впервые видели раджу, и раджа тоже знал их. Он предложил брахманам сесть. Рабочий, который вошел за ними, остался стоять.

Раджа Ман Сингх вступил в зрелую пору своей жизни. Он был хорош собой. Большие черные глаза, густые брови, прямой нос, полное, чуть продолговатое лицо, упрямый подбородок, длинные усы, на губах приветливая улыбка. Тело крепкое и закаленное. Сам высокий. Грудь широкая, могучая.

Ман Сингху уже доложили о том, зачем пожаловали к нему почтенные брахманы, но он сначала обратился к Бодхану:

— Как пережили вы эти трудные дни, шастри-джи? Много воды утекло со времени нашей последней встречи. Но бог не дал нам погибнуть, и вот опять мы свиделись.

Голос Ман Сингха был красив и мелодичен, как звон меча.

Бодхан не стал рассказывать о своих невзгодах, потому что знал, сколько пришлось вынести самому Ман Сингху и его соратникам, и лишь сказал:

— Я слышал, махарадже нанесли много ран!

Ман Сингх улыбнулся.

— Какие там раны, шастри-джи! Просто царапины! Стрелы задели слегка — и только. А вот друзей моих погибло немало. Многие тяжело ранены. Но мы никогда не забудем их подвигов. Их отвага — источник, в котором будут черпать силу воины, если враг снова вторгнется в наше княжество. Сейчас другое огорчает меня: народ разорен, колодцы до сих пор не очищены.

При этих словах рабочему стало неловко.

— Да, махараджа, прошлого не вернешь, теперь надо думать о настоящем, — заметил Бодхан.

Раджа спросил о положении в деревне, но Бодхан ничего не ответил и решил сначала изложить свою просьбу:

— Махараджа, враги разрушили храм в Ран. Еще двести лет назад, после одного из вражеских нашествий ваш предок на месте разрушенного храма построил новый. Много раз его уничтожали, и снова восстанавливали. Вот и сейчас пришел я молить повелителя о помощи.

— Сперва надо очистить колодцы, водоемы, пруды и каналы, а потом уже можно браться и за храм, — решительно заявил Ман Сингх. — Все, что в моих силах, я сделаю. Но вам все же придется поехать по стране и собрать у сетхов* пожертвования.

Бодхан молчал. Тогда раджа спросил:

— Как поля, скот?

— Пока вспахано очень мало. Но на следующий год, милостью божьей, вся земля пойдет под посевы. Что же до коров и буйволов, то их уцелело немного. И еще беда: нет сладу со зверями — посевы топчут.

— Какие же звери водятся в ваших лесах?

— В наших лесах, повелитель, водятся буйволы, кабаны, медведи, антилопы, олени.

— А тигры и пантеры?

— Тоже встречаются.

— Неужели в деревне нет ни одного охотника или просто меткого стрелка?

— Так ведь народу осталось совсем мало. И только трое стреляют из лука: брат с сестрой — гуджары и ахирская девушка.

— Девушки стреляют из лука! Да благословит бог вашу деревню.

— Ахирская девушка еще только учится, махараджа, зато гуджарка бьет без промаха. Одной стрелой может свалить кабана, тигра, пантеру. Она отважна и очень красива...

— Одной стрелой! Неплохо! Будет досуг — непременно приеду к вам поохотиться. Заодно осмотрю и храм — надо бы поскорее восстановить его.

Бодхан добился своего: раджа дал ему слово восстановить храм. А теперь можно было ради собственного удовольствия послушать, чем кончится спор между брахманами. Говоря откровенно, раджа надеялся как-нибудь избежать этого разговора, но жрец разрушил его надежды, сказав:

— Рассудите их, повелитель.

Раджа вопросительно взглянул на брахманов.

— Махараджа, — заговорил Виджая, — этого человека не было в Гвалиоре, когда шла война. Я же сражался под знаменами своего повелителя. Забыв о пище и о сне, мы день и ночь отбивали атаки врага и поняли, что именно в борьбе смысл жизни. Для бога Шанкара все равны, независимо от варны и касты. И когда все мы сражались плечом к плечу, мы не думали о том, к какой касте принадлежит товарищ по оружию: ведь стоило лишь вспомнить об этом, как всех нас — и высокорожденных и неприкасаемых — перебили бы поодиночке.

— Так то была война, — возразил вишнуит. — В дни бедствий все дозволено. Все, что делается во имя бога, не идет вразрез с нашим долгом перед ним. Это — извечный закон. Но в мирное время такая свобода общения между кастами недопустима.

— И ради этого вы затеяли спор? — спросил раджа и обратился к рабочему: — А ты зачем пришел?

— Да вот, чистили мы колодезь, а тут, слышу, махараджи поссорились, — робко ответил рабочий, — они и потащили меня за собой в свидетели. Я правду скажу, повелитель. Они обещали проломить друг другу голову, но дальше обещаний дело не пошло. Все больше языками воевали, даже кулаков в ход не пустили. Да и то по-настоящему не

ругались. Обзывали друг друга дураками — и все. А ведь давно известно, что на свете умных нет, одни дураки.

— Иди занимайся своим делом, — едва сдерживая смех, сказал раджа, — я все понял.

Рабочий ушел. Раджа снова занялся брахманами.

— Он считает, что все пути ведут в рай, что самое главное — это молиться, — сказал Виджая. — Выходит, чини насилия, но поминай бога, — и ты будешь избавлен от перерождений. Признавай варны, презирай человека лишь за то, что он другой касты, не считай неприкасаемых людьми, спокойно перебирай четки, — и ты попадешь в рай из этого подобия ада, порожденного признанием неприкасаемости. «Гаятри», которая могла бы очистить всех и каждого, держи под замком в своей темной грязной комнате! Да еще внушай остальным, что священная молитва будет осквернена, если простой смертный увидит или услышит ее. Но что это за «Гаятри», от которой людям нет никакого проку!..

Вишпунт не выдержал.

— Он ничего не сможет привести в подтверждение своих слов, махараджа, — прервал он Виджаю.

— Ничего? А наша «Васава-пурана» на что? — возразил Виджая. — Махараджа помнит, во время войны я часто пересказывал ее.

— Мир погряз в грехах, — сказал вишпунт. — Порвать греховные пути можно только чтением молитв и подвижничеством. А Виджая говорит: «Не отрешайся от земных радостей, наслаждайся иллюзорной любовью к недолговечной жизни — и не успеешь ты произнести: «Намахшивай!» — как попадешь в рай, по ту сторону Вайтарани!»

Видя, что спор разгорается, раджа подал знак замолчать.

— Вы зря только тратите время, — улыбнулся он. — Я все равно не смогу решить вашего спора: ведь я не читал шастр.

На короткое время наступила тишина. Первым нарушил ее Виджая.

— Читали вы шастры или нет, но слышать-то уж, во всяком случае, слышали, — заметил он.

Раджа опять подал знак замолчать.

— Подвижничество — дело великое, но часто подвижники из трусости и честолюбия только тем и заняты, что подавляют в себе всякие желания, считая аскетизм наивысшим проявлением долга. И грозят остальным страшными карами на том свете. Не добившись почитания в земной жизни, эти

люди безрассудно пытаются уйти от нее, надеясь на вознаграждение после смерти.— Раджа говорил медленно, взвешивая каждое слово.

Брахманы молчали. Они так и не поняли, на чьей стороне раджа. Бодхан оставался беспристрастным и не вмешивался в разговор.

— Такие споры,— продолжал Ман Сингх,— ведут обычно от нечего делать. И нет в них никакой пользы. Главное в жизни человека — его деяния. И только тот, кто не желает выполнить своего долга, ищет обходных путей.

Опять наступило короткое молчание, и опять Виджая нарушил его.

— В рассказе о лживых и честных обманщиках из «Васава-пураны» говорится примерно то же самое,— заметил он.

— У нас тоже,— произнес вишнуит.

— И в «Бауддха-шастре» есть нечто подобное,— тихо проговорил Бодхан.

Раджа засмеялся.

— Возможно, но я не знаю. Где-то слышал, вот и сказал. Я не шастри и не пандит. Единственный мой совет вам — не ссорьтесь. Каждый должен заниматься своим делом и готовиться к грядущим боям. Враги еще не раз придут топтать нашу землю.

— Вы правы, махараджа, — с жаром сказал Бодхан. — Я сегодня же возвращаюсь в деревню.

7

Было уже за полдень. Дул резкий горячий ветер.

Мать Лакхи пошла пасти корову на прибрежный луг. Девушка взяла лук, колчан с бамбуковыми стрелами, заткнула за пояс нож и, босая, отправилась к Нинни. Атала не было дома. Он тоже пошел к реке пасти скотину.

— Жарко очень, пойдем попозже,— проговорила Нинни расслабленным голосом, когда Лакхи позвала ее на охоту.

— Именно в жару кабаны и дикие буйволы сидят у самого берега, в грязи. А потом они уйдут в лес кормиться, и мы останемся ни с чем. Пошли же! Зачем терять время! Да и не такая страшная жара, ветерок дует, — уговаривала Лакхи.

— Если тебе не терпится, иди одна.

— Дай тогда мне пару железных стрел. Бамбуковой буйвола не уложишь. Да и кабана, пожалуй, только оцарапаешь.

— Так бы и сказала, что пришла не за мной, а за стрелами!

— Если хоть что-нибудь останется от урожая, непременно куплю железные стрелы и наконечники.

— Вот и купи!

— А сейчас одолжи мне хотя бы одну.

— Попроси у брата, он даст тебе насовсем, и не одну, а несколько.

— Так просто никто ничего не даст.

— Ты что, ссориться пришла?

— Могу уйти, если тебе этого хочется!

— Ну и уходи! Иди в свой лес! Встретишь по дороге брата, он пасет у реки скотину, у него и одалживай стрелы.

— Встречу — возьму, а нет — и так обойдусь.

И Лакхи повернулась, чтобы уйти.

— погоди, не убегай! Я же пошутила! Пойдем вместе. И стрелу дам, — примирительным тоном добавила Нинни.

Лакхи осталась. Она задышалась от обиды.

Нинни взяла лук, стрелы и нож.

— Останется у вас зерно, продай и шей себе туфли, такие, как у меня, — сказала Нинни, взглянув на босые ноги Лакхи.

Лакхи уже перестала сердиться на подругу и, подавив тяжелый вздох, с улыбкой ответила:

— Вот будут у меня железные стрелы, тогда и о туфлях подумаю.

Нинни стало жаль ее.

— Я, может, куплю себе новые, тогда эти отдам тебе, — пообещала она.

Лакхи посмотрела на ноги подруги.

«Интересно, как это я буду ходить в таких огромных туфлях? Придется, видно, волочить ноги по земле. А если вдруг забудешься и побежишь, — одна туфля останется где-нибудь сзади, а другая полетит вперед, перевернется несколько раз в воздухе и шлепнется на землю», — подумала Лакхи, и ей стало смешно.

— Босиком куда приятнее, — сказала она.

Нинни обрадовалась, увидев, что Лакхи снова стала веселой, достала из колчана железную стрелу и протянула ей, сказав при этом:

— Если надо будет, дам еще!

Лакхи бережно спрятала стрелу в колчан, и девушки вышли из дома. Деревня стояла у самого леса. Сильный ветер гнал по реке быстрые волны. От воды веяло прохладой. Девушками овладела радость: они были уверены, что где-то совсем близко, разомлев от жары, нежатся в грязи кабаны и дикие буйволы, и предвкушали богатую добычу.

Подруги углубились в лес. Шли они крадучись. У каждой в руках был лук и железные стрелы. Но Лакхи казалось, что у нее не лук со стрелой, а ваджра Индры*.

Ветер подхватывал с земли песок и сухие листья и бросал их девушкам в лицо. Головы они повязали платками, чтобы не жгло солнце, юбки из грубой ткани подвернули до колен. Из-под короткой кофточки виднелось тело. Шею украшали бусы из мелких и крупных жемчужин и стекла, руки — толстые, стеклянные браслеты, по два на каждой. На ногах же, покрытых пылью, совсем не было украшений: ни бронзовых колец, ни медных, только пот стекал каплями, оставляя неровные полосы — ветер не спасал от жары. Девушки напряженно всматривались в лесную чащу, весь их вид говорил о том, что в любую минуту они готовы броситься на зверя. Река осталась далеко позади.

— Вернемся, пить хочется, — тихо сказала Нинни. Во рту у нее пересохло.

— Из-за этого возвращаться? — тоже шепотом ответила Лакхи.

У Нинни даже ноздри раздулись от обиды.

— Ну ладно! До вечера капли воды в рот не возьму и тебе не дам, хоть умри от жажды.

Лакхи приложила палец к губам, и Нинни замолчала: ведь главное сейчас была охота.

Впереди виднелась невысокая гора. Переглянувшись, подруги направились прямо к ней. У подножья стояли огромные салы*, тиковые деревья, махуа и ачары*. Склоны густо поросли колючим светло-коричневым кустарником кардхай.

Чтобы осмотреть лес по другую сторону горы, нужно было подняться на вершину. Пригнувшись, тяжело дыша, они искали в густом кустарнике хоть какую-нибудь лазейку, стараясь не наступать на сухие листья, чтобы шум не выдал их. Еще выше подняли юбки, обнажив бедра: у Лакхи —

узкие, у ее подруги — широкие и мускулистые, как у борца. Нинни мучила жажда, однако она решила терпеть. Раскаленная земля жгла ноги Лакхи, но, занятая поисками тропинки, она не чувствовала боли.

Вдруг Лакхи увидела едва приметные следы копыт, сломанные и измятые ветки кардхай. Красивое смуглое лицо охотницы расцвело. Она указала стрелой на следы.

Нинни радостно кивнула:

— Пошли по следам, к вершине.

Девушки стали карабкаться вверх по склону.

— Это прошли буйволы, — прошептала Нинни.

— Нам повезло! — ответила Лакхи.

Она подумала, что если удастся убить хотя бы одного буйвола, то можно будет заказать туфли и для себя и для матери, оставшуюся шкуру продать и на вырученные деньги купить немного зерна, а мясом оплатить работу сапожника. Лакхи думала об этом с восторгом. Но внезапно ее охватила тревога. Вдруг буйвол убежит вместе со стрелой! Тогда все ее планы рухнут, да еще она останется должна Нинни за стрелу. И кто знает, когда она сможет вернуть долг.

Нинни вошла в кустарник первой: ей хотелось добраться до вершины раньше Лакхи. Но оказалось, что идти, даже пригнувшись, невозможно, пришлось передвигаться на четвереньках, а иногда даже ползти. Камни и колючки царапали грудь, шины вонзались в нежные руки девушек. Но пыль и солнце останавливали кровь лучше всякого снадобья. Чтобы платки не цеплялись за корявые ветки кардхай, девушки сняли их и повязали вокруг пояса. В длинные черные волосы, не смазанные маслом, набилась пыль и сухие листки кардхай. Однако девушки мужественно двигались вперед.

Вот и вершина. Наконец-то можно выпрямиться во весь рост. Лук и стрелы девушки держали наготове. Но зверей нигде не было видно. Нинни и Лакхи решили передохнуть и спокойно обдумать, что делать дальше. Ныли колени. Девушки стерли с них пыль и кровь, потом сели и стали внимательно прислушиваться. Ветер дул с реки. Он то усиливался, то затихал. Шумели деревья. Вдруг у реки что-то грохнуло — упал камень. Девушки насторожились и тихонько подпились с земли. К реке шли два огромных кабана.

— Напьются и пойдут назад, — прошептала Нинни.

— Скорей всего улягутся в какой-нибудь яме, — возразила Лакхи и тут же предложила: — Давай постоим чуточку. Я так устала.

Девушки постояли еще немного, потом стали спускаться с горы. Внизу они отдышались, повязали платки и осторожно двинулись к реке. Сколько они ни вслушивались, кроме ветра, ничего не было слышно.

Следы шли вдоль реки и исчезали за поворотом.

С луками и стрелами в зубах девушки ползком выбрались на отвесный берег и спрятались в невысоком кустарнике.

Глянули вниз, под кручу. Так и есть, кабан. Из пасти его торчали большие страшные клыки.

Нинни нашла просвет в кустах и прицелилась кабану в шею. Из всей силы натянула тетиву. Стрела попала точно в цель. Зверь заметался в топкой грязи. Потом одним прыжком выскочил на берег.

В ту же минуту девушки увидели второго кабана. Это было так неожиданно, что они не успели даже прицелиться. Зверь стремглав бросился в лес и исчез.

Когда раненый кабан затих, сверху, там, где уступом подымался берег, послышалось фыркание. И почти сразу же девушки увидели огромного буйвола. Он смотрел на издохшего кабана. Буйвол был весь в грязи и от этого казался еще страшнее.

Девушки прицелились. Первой выстрелила Лакхи.

Стрела скользнула по бедру, вонзилась буйволу в живот, и он с ревом кинулся в лес. Некоторое время было слышно, как хрустели сучья, стучали камни, трещали ветки. Потом все стихло.

Девушки спустились вниз.

На пересохших губах Нинни сияла довольная улыбка.

— Просто не знаю, за что и братья: то ли воды попить, то ли из шеи кабана стрелу вытащить, то ли идти искать раненого буйвола? — сказала она.

— Ты победила, Нинни, я сдаюсь. Идем напьемся, — ответила Лакхи.

Девушки, смеясь, пошли к реке. Они пили долго и жадно.

Потом Нинни обошла кабана, с гордостью рассматривая свою добычу, вытащила стрелу и обмыла ее.

— Пойдем поищем буйвола, — предложила Лакхи. — А эту стрелу дай мне на всякий случай.

Нинни соорудила недовольную гримасу:

— Еще одну хочешь потерять? Вряд ли ты найдешь своего буйвола! Ведь стрела вошла не глубоко...

Лакхи была задета за живое.

— Неправда, я попала прямо в живот. Он не мог уйти далеко. Не беспокойся, получишь назад свою стрелу.

— По почему ты не целилась в шею?

— Ты же знаешь, дул ветер, и стрелу могло отнести в сторону или она ударилась бы о голову, не причинив зверю вреда.

— О, да ты настоящий охотник!

— То ли еще будет! — ответила Лакхи. — Ты посторожи кабана, а я пойду в лес за буйволом. Ну, дай же стрелу!

— Так у тебя ведь есть бамбуковые!

— Ну что ж, обойдусь! — сердито ответила Лакхи и направилась в лес.

— Не сердись! Я тоже иду! — крикнула Нинни.

Но Лакхи даже не оглянулась. И Нинни пришлось бегом догонять ее. Запыхавшись, она сказала:

— Ну и характер у тебя! Что я стану делать, когда ты придешь к нам в дом невесткой?

Глаза Лакхи метнули молнии.

— Уж очень ты задаешься! Разговариваешь так, будто ты рани! Не столько у тебя стрел, сколько заносчивости! Но не будь я Лакхи, если не свалю бамбуковой стрелой буйвола! А ты и железной не убьешь!

Нинни обняла подругу, но Лакхи вырвалась.

— Не трогай меня! Тащи в деревню своего кабана! А меня оставь в покое! Подумаешь, гуджарка! Да моя каста ничуть не хуже твоей!

— Успокойся, Лакхи. Мы обе нищие. Что нам делить? Единственное, что есть у тебя, это мать, а у меня — Атал. Скоро ты станешь его женой, и мы навсегда породнимся. Ну, не обижайся же на меня! — И Нинни протянула подруге железную стрелу.

Лакхи взяла стрелу и в упор спросила:

— Кто сказал тебе, что я приду к вам в дом?

— О! Об этом знают все. По вашим глазам видно.

— Наши глаза тут ни при чем! Это твои глаза видят в мухе слона!

— Что ты, как раз наоборот. Они в слоне видят муху!.. А знаешь, жрец вернулся из Гвалиора, и брат ходил к нему.

— Жрец, конечно, сказал, что ты станешь рани Гвалиора?

— С ума я, что ли, сошла, чтобы бросить реку и этот лес и пойти жить затворницей в Гвалиорскую крепость?

— А не сошла ли ты с ума, считая, что я приду в ваш дом служанкой?

— Не служанкой, а хозяйкой!

— Опять за свое! Если ты не замолчишь, я расплачусь! Буду ругаться. Пожалуюсь матери. Скажи, умоляю, от кого ты слышала об этом?

— От брата.

— Когда?

— После того как баба-джи вернулся из Гвалиора. Знаешь, он сказал брату, что раджа придет сюда охотиться. Он поможет отстроить храм и на целый год освободит деревню от налога.

— Значит, это брат тебе сказал? Смотри, я спрошу у него.

Нинни обняла Лакхи, и на этот раз Лакхи не стала вырываться.

— Скажи правду,— попросила Нинни,— вы с братом разговаривали когда-нибудь об этом?

Лакхи спрятала лицо.

— О чем об этом?

— Ну о любви? Так, как говорят о ней в сказках?

— Бессовестная!

— Ну, Лакхи, расскажи, как было.

— Ах, все равно мы не можем пожениться, ведь мы из разных каст.

— Почему? Брат говорит, что брак между нашими кастами дозволен.

— А что скажут в деревне?

— Если кто будет против, уйдем в другую деревню, выше по реке. Но я только тебя хочу в невестки. Я сама поговорю с твоей матерью.

Лакхи смущенно отвернулась. Потом сказала притворно сердитым голосом:

— Долго мы будем стоять на самом солнцепеке?

Нинни взяла подругу за подбородок и повернула ее лицо к себе.

— Ну, улыбнись, Лакхи, милая моя, Лакхи! Улыбнись, или я рассержусь!

Лакхи рассмеялась.

— Идем поищем буйвола.

— Хочешь еще стрелу? — весело спросила Нинни.

— Хватит и одной,— смущенно улыбаясь, ответила Лакхи. — А нужно будет, еще возьму!

И они пошли разыскивать буйвола.

Вдруг Лакхи остановилась.

— Ты должна вернуться, Нинни! А то тигр или пантера утащат кабана, — сказала она.

— Утащат так утащат, я не отпущу тебя одну.

Но тут Нинни подумала, что, если хищники действительно унесут добычу, обе семьи останутся без мяса, и заколебалась. Лакхи все же уговорила ее вернуться.

Нинни вытащила еще одну стрелу и сказала на прощанье:

— Пусть будут две: кто знает, вдруг буйвол еще не обессил. И возвращайся побыстрее.

Лакхи осторожно шла по следам раненого зверя. В одном месте, на камне, она замстила капли крови, дальше тоненькая алая полоска тянулась к высокому холму. Взобравшись по голому склону, Лакхи осмотрелась.

Внизу, под кустом, пошатываясь, стоял буйвол. Девушка выхватила из колчана длинную бамбуковую стрелу и пустила ее в зверя. Легкая стрела вошла неглубоко, только пробила кожу на шее. Буйвол подскочил от боли. И тут он увидел Лакхи. Глаза его налились кровью. Вытянув хвост, он бросился на девушку. Лакхи знала, что раненому зверю не взобраться на холм, но все же достала из колчана еще одну стрелу — железную. Прицелилась. На этот раз стрела попала между глазами. Буйвол пригнулся к земле, замотал головой, но уже не мог освободиться от стрелы, которая засела во лбу, словно гвоздь. Потом упал, взрывая копытами землю. Стрела выскочила из раны. Лакхи все еще держала лук наготове: а вдруг буйвол снова бросится на нее? Но зверь все реже встряхивал головой, потом совсем затих и вытянул ноги. Лакхи выпустила еще одну стрелу. Буйвол вздрогнул, но подняться не смог. Лакхи поняла, что зверь издыхает. Она повернулась лицом к реке и громко крикнула. Но Нинни не слышала ее.

Опьяненная удачей, Лакхи долго стояла на холме. Буйвол дернулся в последний раз. Тогда Лакхи, осторожно ступая и держась на некотором расстоянии, обошла его вокруг. Увидела налитые кровью глаза и остановилась. Ей стало жутко.

«Какие они страшные, эти буйволы!» — подумала девушка. Потом, держа лук наготове, подошла ближе и ногой тронула голову зверя. После этого она спрятала в колчан свои стрелы и стала вытаскивать из живота зверя железную стрелу. Но стрела сидела крепко. Тогда девушка опустила на

землю, уперлась ногами в буйвола и с огромным трудом все же выдернула ее. Вытащить стрелу из лба тоже оказалось нелегким делом. Но Лакхи и с этим справилась и бегом кинулась к Нинни.

— Видишь! — крикнула Лакхи, показывая окровавленные стрелы — доказательства ее меткости и отваги.

— Разыскала все же своего буйвола! — обрадовалась Нинни, увидев подругу. — Мне тоже хочется взглянуть на него. А за кабана нам нечего бояться: ты подняла такой шум, что тигры и пантеры не посмеют сюда сунуться. Ну, пошли!

Девушки побежали к буйволу.

Внимательно осмотрев его, Нинни мысленно поклялась: «Не будь я Нинни, если не уложу буйвола одной стрелой!» — а вслух спросила:

— Эта рана на лбу от бамбуковой стрелы?

— Что буйволу бамбуковая стрела, сестра? Это гордость заговорила во мне, вот я и стреляла ими. Если бы не железные стрелы, ничего бы не вышло.

— Не зови меня сестрой, зови золовкой. Да, да, золовкой!

— Как тебе не стыдно, Нинни!

— Почему стыдно? Я говорю о красивом и прекрасном, столь же красивом и прекрасном, как ты сама.

— Да разве я красивая! Это ты у нас красавица! И кожа у тебя нежная, белая...

— Ладно, раз ты так стесняешься, давай пока не будем звать друг друга невесткой и золовкой. И при Атале будем вести себя как и прежде. Тогда никто ни о чем не догадается.

— Хватит тебе! Лучше подумаем, как дотащить нашу добычу до деревни!

— Очень просто! — со смехом ответила Нинни. — Каждый повесит свое: ты буйвола, а я кабана.

— О боже, чего захотела! Нам с тобой даже и кабана не поднять, а такого буйвола и пятеро мужчин не сволокут.

— Давай сперва потащим кабана, — предложила Нинни, — а за буйволом попросим кого-нибудь прийти.

Девушки попытались поднять кабана, но не смогли. Нинни разволновалась.

— Сейчас я приподниму его за ноги и сяду на корточки, — сказала она. — А ты помоги мне взвалить его на спину. Я дотащу, вот увидишь!

— Одна?! — удивилась Лакхи.

— Ну да! Вдвоем неудобно нести. А ты возьми у меня лук со стрелами.

С трудом взвалила Лакхи на спину Нинни кабанью тушу.

Шли берегом реки. Еще засветло добрались до деревни. Только у самого дома сбросила Нинни свою ношу. Все пришли посмотреть на добычу, даже те, кто работал в поле. Немного погодя девушки рассказали, где оставили буйвола, и несколько мужчин отправились за ним.

Лакхи уже собралась домой, когда вдруг прибежала женщина с криком:

— Иди скорей! У твоей матери солнечный удар! Она лежит без сознания! — И женщина побежала назад.

Лакхи и Нинни бросились за ней.

8

Когда девушки вбежали в дом, мать была мертва. Лакхи зарыдала:

— Теперь у меня никого не осталось!

Нинни тоже заплакала, но, чтобы утешить подругу, взяла себя в руки.

— А мы? Мы с братом никогда не оставим тебя.

Женщины наперебой успокаивали Лакхи.

— Если бы твоя мать умерла, — говорила одна, — когда мы жили в пещерах, никто не стал бы плакать. И ты тоже, потому что враг мог нас услышать. Что толку в слезах! Не расстраивайся. С нами не пропадешь, мы поможем. Не надо так убиваться, — говорила другая. — Есть у тебя корова, немного зерна, а кончится хлеб, прокормим тебя как-нибудь все вместе. Да и лес рядом. Бог не оставит тебя.

В это время из леса принесли буйвола, и Атал велел разделывать тушу...

Женщины хлопотали возле покойницы, собирая ее в последний путь. После этого мужчины унесли мать Лакхи, чтобы сжечь на погребальном костре.

Лакхи с женщинами спустилась к реке совершить омовение и, вернувшись в опустевший дом, снова разрыдалась.

— Если хочешь, мы переночуем здесь, но лучше пойдем к нам, — предложила Нинни. — Я ни за что не оставлю тебя одну.

Вернулся Атал и тоже принялся уговаривать Лакхи пойти к ним.

«Так уж, видно, суждено мне», — подумала Лакхи.

У нее не было выбора. Не оставаться же на почь в пустом доме, откуда только что вынесли покойницу. Но как идти в дом к Аталу сразу после смерти матери! Не значит ли это надругаться над ее памятью? Убитая горем Лакхи молчала.

— Забирайте посуду и приходите, — решительно проговорил Атал, отвязывая корову и выводя ее на улицу.

Крестьяне разделявали туши кабана и буйвола. Шкура буйвола по праву принадлежала Лакхи. Мясо же поделили между жителями деревни. Увидев Атала, кто-то проворчал: «Скотинной уже завладел. Скоро и хозяйкой завладеет».

Атал гордился своей сестрой, сильной и меткой, и радовался за Лакхи. Трудно было поверить, что такая хрупкая на вид девушка убила дикого буйвола.

«Шкура буйвола дорого ценится, за нее дадут много зерна, — подумал Атал, но тотчас стал укорять себя: — Бедная девушка рисковала жизнью, а я, как шакал, подбираюсь к ее добру! Ни куска не возьму от этой шкуры. Лакхи босая пасет корову, босая ходит на охоту. И хлеба у нее мало. Пусть шкура целиком останется ей. А кормиться будем нашим хлебом. Зерно Лакхи пусть лежит. Я засею этим зерном ее поле».

Нинни быстро собрала посуду, которой было не так уж много, спрятала оставшееся зерно и повела Лакхи к себе в дом.

Там Нинни покормила подругу и уложила ее рядом с собой. Лакхи никак не могла уснуть. Она думала о покойной матери, потом вспомнила охоту на кабана, страшные глаза буйвола.

«Не будь буйвол смертельно ранен, он бы взобрался на холм и меня сожгли бы вместе с матерью! А я так мало жила на свете! Конечно, умирают все, но жаль покинуть этот мир, так ничего и не испытав в жизни», — думала Лакхи.

Нинни понимала, как нелегко пережить смерть матери.

— Лакхи, — сказала она, — чего только я не наговорила тебе сегодня. Прости. Если хоть еще раз обижу тебя, отрежешь мне язык.

— Нинни, милая! — смогла только ответить Лакхи и всхлипнула.

Атал услышал.

— Пусть мир перевернется, пусть разорвут меня на куски, — проговорил он с жаром, — но я не дам страдать тебе, Лакхи!

— Конечно, мы не оставим ее, — в свою очередь, промолвила Нинни.

Лакхи перестала плакать.

— Я знаю, вы любите меня, — сказала она тихо и снова подумала: «Вот как суждено мне было прийти в этот дом!»

Весь следующий день Лакхи была печальной. Нинни не отходила от нее. Атал рассказал девушкам о своем разговоре с жрецом и добавил:

— Теперь слава о меткости Нинни разнесется далеко вокруг. И ты тоже станешь знаменитой, Лакхи.

— А нам от этого какая польза? — сердито спросила Нинни.

Юноша продолжал:

— И еще прославится наша Нинни тем, что одна притащила на спине здорового кабана. Вот придет из Гвалиора раджа Ман Сингх, поглядим тогда, кто лучше стреляет, он или вы с Лакхи.

Лакхи неожиданно оживилась и, забыв на время про свою печаль, спросила:

— А смог бы раджа притащить кабана из леса?

9

Даже поход Тимура * был для Делийского султаната не столь губительным, как непрерывные войны и восстания раджпутов из Раджастхана и крестьян из Антарведа *. Правители Дели поделили области от Антарведа до Бенгалии между мелкими патханскими джагирдарами *. У каждого джагирдара было свое войско от четырех до нескольких десятков тысяч человек. Войско одного антарведского джагирдара, например, насчитывало сорок пять тысяч патханских воинов и семьсот боевых слонов. Стоило пошатнуться мощи Делийского султаната, как его вассалы тотчас же загорелись желанием стать независимыми. Джагирдары устраи-

вали жестокие побоища и предавались безмерной роскоши, обрекая народ на муки.

Правителей Мевара * и других небольших княжеств заботило лишь одно: как удержать в своих руках подвластные им земли. Мевар не переставал сражаться с патханскими правителями Гуджерата * и Мальвы *, а иногда даже воевал с правителями Дели.

Когда меварский рана * Кумбха *, нанеся поражение султану Мальвы Махмуду Хилджи *, возвел в Читоре * Башню победы *, в пику Кумбхе построил в Мэнди дворец Саткханда-Махал. Отторгнуть владения Мевара или Гуджерата султан был не в силах и напал на соседнее княжество Джаунпур *, присоединив к своему султанату территорию Калпи *, на севере Бунделкханда.

После смерти Махмуда Хилджи Мальвой стал править сын его Гияс-уд-дин *. При нем Калпи стала подвластна Дели. Но Гияс-уд-дин никак не мог примириться с этим. В надежде вернуть Калпи он заключил союз с Меваром и стал проводить более гибкую политику по отношению к раджпутам, которых было очень много в Мальве: они могли помочь ему в предстоящей борьбе.

Однако осуществлению этого честолюбивого замысла помешал характер Гияс-уд-дина, он был человеком неистовым, лживым и похотливым. Гияс-уд-дин дня не мог прожить без вина. Вино возбуждало его, и он забывал обо всем на свете. Охваченный похотью, он не отличал мужчины от женщины и, уж конечно, совершенно не беспокоился о том, что ждет его на том свете. Султан не совершал насилий над индусами, зато муллы были постоянным предметом его злых шуток и насмешек. Особенно доставалось им, когда Гияс-уд-дин бывал пьян.

Гияс-уд-дину шел сорок пятый год. У него был сын, Насир-уд-дин, двадцати пяти лет, но любил султан одного только евнуха Матру, сына же вверил попечению мулл. Насир-уд-дина мало привлекали намаз * и посты, но он знал, какое влияние на государственные дела имеет духовенство, и свое будущее целиком связывал с муллами и находящимися под их влиянием мусульманскими сардарами. Насир-уд-дин всячески старался заслужить расположение духовенства. А Гияс-уд-дин был убежден, что легко отделался как от мулл, так и от сына, препоручив его служителям культа. Он считал, что все уладилось как нельзя лучше, тем более что Насир-уд-дин еще не оперился. Султан, видимо, забыл поговор-

ку: «Хотел от намаза отвертеться, так рамазан * за горло взял».

Пришел сезон дождей *. Небо заволокло тучами. Окрестные холмы покрылись густой зеленью. Реки вышли из берегов. Недаром говорят про Мальву: «Шаг ступишь — на хлеб наступишь, еще раз шагнешь — в воду попадешь».

Озеро Калиядах, казалось, вскипало под резкими порывами ветра. Вечер только еще начался, а было темно, как ночью. В приемном зале, на троне у окна, восседал на шелковых подушках султан Мальвы. Служанки держали перед своим почитателем золотой, отделанный драгоценными камнями кувшин и чаши. У трона, подобострастно глядя на владыку, сидел евнух Матру.

Осушив чашу вина, за ней другую, Гияс-уд-дин прогнал служанок. В окно порывисто дул студеный ветер. Султан пожегся от холода.

— Какие есть красавицы, о повелитель! — произнес Матру, опуская глаза. — Таких вы еще не видели.

— О ком ты говоришь, евнух? — спросил султан, тряхнув бородой и поглаживая пальцем усы. И борода его и усы были тронуты сединой.

— О девушках, что живут в деревне недалеко от Гвалиора.

— В деревне? В какой? Как далеко от Гвалиора? И кто они, эти девушки?

Евнух рассказал.

— Чего же ты не привез их сюда? — с нетерпением произнес Гияс-уд-дин. — Сейчас, в эту погоду они были бы здесь очень кстати!

— Повелитель, — стал оправдываться Матру. — В деревнях такие красавицы — редкость, поэтому сперва я не поверил, когда услышал о них. А потом, господин, я так был занят этими муллами и маульви *, а также разными государственными делами, что мне вздохнуть было некогда.

— Провалились они сквозь землю, эти муллы и маульви! Если б я мог, всех их отправил бы к индусам в рай, пусть бы устраивали там диспуты с пери и ангелами до самого Судного дня! Как только кончатся дожди, мы двинемся на Калин. И по пути завернем в деревню, где живут девушки. Расскажи мне о них еще что-нибудь!

— Одна из них — гуджарка, другая — ахирка. Они охотницы. Отличные стрелки.

— Стрелки? На кого же они охотятся и чем стреляют? Глазами, верно? Да ты, я вижу, стал поэтом, евнух.

— Нет, повелитель, я не поэт. Говорю истинную правду. Они охотятся на диких зверей, а стреляют железными стрелами.

— Что за чушь ты несешь, евнух? Красавицы охотятся на диких зверей?! Уж не выпил ли ты?

— Нет, повелитель! Я говорю только то, что слышал. Они бедные крестьянские девушки. Голод заставил их взяться за охоту. Хижина их крыта соломой и не спасает от проливных дождей. Ходят они босиком и почти без одежды.

— Бедняжки! У них, наверно, ноги опухли!

— Когда нет дичи, они питаются лесными кореньями. Если нечем залатать одежду, прикрывают наготу древесными листьями, точь-в-точь как Шакунтала языческого поэта Калидасы *, о которой читали повелителю.

— Зачем ты называешь Калидасу язычником? Ведь здесь нет ни мулл, ни маулви. Калидаса великий поэт! И не просто поэт, а настоящая жемчужина! Еще не было ему равного!

Гияс-уд-дин так расчувствовался, что на глазах у него показались слезы. Евнух понял — султана разобрало.

— Повелитель, — продолжал Матру, — а имена у них какие красивые! Одну зовут Мриганаяни, другую — Лакхари. Правда, в деревне их зовут Нинни и Лакхи.

— С кем они живут?

— С братом Мриганаяни, у него какое-то совсем простое имя, и он очень беден.

— Одари его щедро. Потом позови сюда.

— Простите меня, ничтожного! Но в чужом султанате ничего не сделашь за деньги. Придется ждать похода на Калпи.

— Но эти проклятые дожди! Они, кажется, никогда не кончатся! Взгляни, ливень хлынул еще сильнее! Можно подумать, что небо дало течь! Я бы сегодня же ночью выступил в поход, но в такую грязь и шаг не ступишь. К тому же реки вышли из берегов.

— Хорошо, я постараюсь кое-что сделать, хотя надежды на успех почти никакой.

— Что ты имеешь в виду?

— По свету бродят наты *, берии *, канджары *. Иногда они могут сослужить кой-какую службу. Надо попытаться.

— Да, да, конечно, мой добрый Матру! Сегодня же возьмись за это дело! А где они сейчас, эти наты или берин?

— Кто знает! Они ведь не живут на одном месте: бродят. Иногда останавливаются вблизи деревни, иногда в лесу. Но я разыщу их.

В зал вошла служанка и, осторожно кашлянув, просительно сложила руки. Гияс-уд-дин посмотрел на нее.

— Кази * Азам Дидар просит разрешения войти, — робко проговорила служанка.

Султан даже зубами заскрежетал от ярости: никто еще не осмеливался тревожить его в часы отдыха.

«Что ему, жизнь надоела?» — в гневе подумал он.

Но верховный кази был лицом влиятельным, и Гияс-уд-дину пришлось принять его. Служанка удалилась. В зал, почтительно кланяясь, вошел кази. Гияс-уд-дин сухо предложил ему сесть и вопросительно взглянул на него. Но не успел кази и рта раскрыть, как султан заговорил сам:

— Вы же знаете, в это время я никого не принимаю. Что же заставило вас прийти, да еще в такой дождь? Случилось что-нибудь?

— Простите меня, повелитель...

— Ладно, пришли так пришли. Я слушаю вас.

— Повелитель, строители мечети задумали нечто ужасное...

— И только из-за этого вы беспокоите меня? Да покарает вас бог! Вам бы следовало быть поумнее!

Верховный кази почувствовал себя оскорбленным. Он пользовался большим влиянием среди многочисленных патханских сардаров, а наследник престола Мальвы Наспр-уд-дин в любой момент готов был пасть перед ним ниц.

— Повелитель, неверные, строящие нашу мечеть, нанесли на плиты орнамент с изображением не только из листьев и цветов, но еще и птиц и обезьян. Плиты должны обрамлять главный вход. Резчикам-индусам запретили делать это, но они не послушались. Завтра они поднимут плиты наверх, и тогда мечеть будет осквернена *.

— Это все?

— Нет, повелитель! Окна на минарете сдсланы не по иракскому образцу, с овальным верхом, а как в индусских храмах, прямоугольные и с каменными наличниками, на которые нанесен узор из цветов...

— Дальше!

— В главных дверях они сделали решетчатые окна, а поверх дверей — зубцы с изображением павлинов и лошадиных голов, словно это не мечеть, а языческий храм. Их тоже установят завтра. Все это противоречит простоте архитектурных традиций, унаследованных нами от Туглаков *, и нашим чертежам. Увидев изображения животных, люди не поймут, мечеть это или храм.

— Может, там еще и идолы есть?

— Разумеется, повелитель!

— Кто сообщил вам об этом?

— Муллы и маулви.

— Чего же они раньше смотрели? Ведь мечеть почти готова.

— Ну, это не страшно.

— Вам легко рассуждать. А приходилось ли когда-нибудь муллам и маулви самим строить в Хиндустане? *

— Нет, повелитель!

— Больше всего вас смущают птицы, обезьяны, кони и павлины. Не так ли?

— Так, повелитель.

— Но мастера следуют древним традициям, перенятым ими от отцов.

— Повелитель, это же языческие традиции. Не забывайте! Мечеть строят неверные. Они нарочно делают все по-своему, несмотря ни на какие запреты.

— Да как же вы не понимаете, что эти бедняги не могут пойти против веления своего сердца, которое жаждет красоты?

— Что может ответить на это ваш раб, повелитель? Скажу лишь, что маулви хотят воспротивиться произволу неверных.

— Но этот произвол, да будет вам известно, может принести некоторую пользу.

Кази вопросительно уставился на султана.

Гияс-уд-дин пояснил улыбаясь:

— Павлин — красивая птица, а среди вас нет ни одного красавца! И вот, как только вы взглянете на искусное изображение павлина, так тотчас же осознаете собственное несовершенство. И еще там изображена лошадиная голова. Это будет напоминать вам о том, что по крайней мере наполовину вы лошади. А что представляет собой вторая ваша половина, вы поймете, когда посмотрите на обезьян. Да, все вы обезьяны! Обезьяны — и только! А обезьяны как ни корми, они все равно вечно рыщут и визжат, словно го-

лодные! Так и вы — ничем не бываете довольны! Добро ли, зло — вам все едино! И, кроме того...

Тут Гияс-уд-дин умолк. Он, как ни старался, не мог придумать больше ничего остроумного, — должно быть, вино оказало свое действие. Кази молчал, но кровь в нем кипела от гнева. Султан взглянул на евнуха.

«Хватил через край!» — подумал евнух, а вслух сказал:

— Повелитель, пусть все останется как было, но изображения животных надо бы убрать. Явите милость, распорядитесь.

Гияс-уд-дин кивнул головой.

— Хорошо, будь по-твоему, — обратился он к кази. — Только передай маули, пусть все свои жалобы оставят при себе и не придираются к мастерам.

Кази с поклоном удалился.

Султан приказал подать кушанья и очень мягко сказал евнуху:

— Поторопись с тем делом.

10

Горы и леса, реки и каналы, обширные территории и огромные расстояния с давних времен способствовали появлению все новых и новых княжеств, крупных и мелких, и росту сепаратизма различных частей Индии. Однако это не служило препятствием к распространению новых идей или каких-нибудь важных вестей.

В те дни, чтобы добраться до другого конца Индии, индусу-паломнику нужно было по меньшей мере полгода. Да еще приходилось рисковать жизнью. Люди так и говорили: «В Гаю * ушел, назад не пришел». Но важные вести облетали всю страну очень быстро, недели за две, не больше. Из Кашмира в Рамешвар *, например, новость доходила на десятый день. Она передавалась из уст в уста, от деревни к деревне, из города в город.

Шанкар * родился на крайнем юге, но, чтобы нанести поражение противнику и распространить свое учение, отправился в Кашмир. Чайтанья * был родом из далекой Бенгалии, а ученики его построили обитель во Вриндаване. Брахман из Такшашилы * учился в университете в Канчи *, а брахмана

из Канчи можно было увидеть в Кашмире или в Каши *. О Ганге и Годавари * знали в каждом доме, будь то на севере или на юге, на западе или на востоке, в лесу или в горной долине. Казалось, не было в Индии Гималаев, Виндхьячала * и Сахьядри *, широких рек, огромных равнин, так затруднявших общение между людьми.

Быстро узнали люди об уходе Сикандара Лоди из Гвалиора. Не заставила себя ждать и весть о том, что перед уходом он побросал в колодцы трупы животных. За столь же короткое время стало известно, что Нинни «одной стрелой убила огромного кабана с большими страшными клыками» и сама «донесла его до дома, который находился в нескольких косах от леса». Узнали и о храбрости Лакхи, «бамбуковой стрелой убившей буйвола».

Рассказывали не только о силе и ловкости девушек, но и об их «редкой, несравненной красоте», говорили, будто апсары * и пери меркнут перед ними. Индуска из знатной семьи только и умела что сидеть дома, закрыв лицо краем сари. Она была беспомощна и от врага могла спастись лишь в пламени костра. А эти не дадут себя в обиду. Не иначе как они спустились на землю из царства Индры! Разве могла простая девушка убить бамбуковой стрелой тигра, леопарда, кабана или дикого буйвола?

С тех пор как был основан Ахмадабад, столица Гуджерата, прошло совсем немного времени, всего три четверти века. Да и само государство было молодым. Оно возникло на рубеже четырнадцатого и пятнадцатого столетий. Когда Тимур, захватив Дели, предал смерти сто тысяч индусов и сто тысяч мусульман, а также делийских полководцев и сардаров, Гуджерат, Мальва, Джаунпур и Бенгалия провозгласили себя независимыми княжествами. Первым независимым султаном Гуджерата стал Ахмад-шах *. Это был жестокий вершитель правосудия. Когда зять Ахмад-шаха совершил преступление, он приказал растерзать его на куски прямо на глазах у жителей Ахмадабада. Во времена правления Ахмад-шаха индусская знать под страхом смерти должна была отказаться от своей веры.

Но величественная красота гуджератской природы, обширные зеленые леса и поля, весело бегущие реки, мягкий говор гуджератцев, нежные женщины смягчили каменное сердце султана.

Ахмад-шах значительно расширил и преобразил Асбал *, расположенный на берегу широкой бурной Сабармати, вы-

строил роскошный дворец и огромную мечеть. Волшебная красота природы Гуджерата, богатая красками, нашла свое воплощение в архитектуре мечети, в ее орнаментальной и мозаичной отделке.

Внук Ахмад-шаха — Махмуд Бегарра* — жил во дворце на берегу Сабармат, недалеко от мечети, выстроенной его дедом.

Махмуду Бегарре шел сорок пятый год. Ростом он был около трех с половиной локтей, но из-за непомерной ширины казался карликом. Усы у него были такие длинные, что он завязывал их на затылке, борода же, если он сидел, лежала у него на коленях.

Утром, когда Махмуд Бегарра, по обыкновению, восседал на троне в зале для аудиенций, вошли слуги с подносами.

На завтрак султану подавали полтораста бананов, сер* меда и сер сливочного масла. Бегарра не страдал отсутствием аппетита. Даже ночью он просыпался от голода и быстро проглатывал сотню бананов, а меда и масла съедал столько же, сколько за завтраком.

Вот и сейчас Бегарра накинудся на еду. Груды бананов таяли одна за другой.

В зал вошли, чтобы сообщить новости и выслушать приказания, главный лазутчик и придворный летописец султана. Они остановились, почтительно склонив голову и смиренно сложив руки. В сердце — трепет, на устах — печать молчания.

В «Сказках тысячи и одной ночи» они читали о Синдбаде-мореходе и джинах. И теперь, при виде завтракающего Махмуда Бегарры, им вдруг показалось, что джины и в самом деле существуют.

Засунув в рот полбанана, Бегарра повернулся к главному лазутчику:

— Ну?

Будто гром грянул! Лазутчик задрожал от страха и поднял голову. Затем, потупив взор, произнес:

— Султан Мальвы Гияс-уд-дин Хилджи...

Не успев проглотить одну половину банана, Бегарра зачихнул в рот еще кусок, и голос его, напомнивший звенящий рык, прозвучал от этого не так зычно:

— Какой Хилджи султан! Он потомок раба! Говори же, что ты хотел сообщить о нем!

С трудом сдерживая дрожь в голосе, лазутчик ответил:

— Повелитель, Гияс-уд-дин Хилджи по-прежнему ведет дружбу с индусским раной Мевара. Рана Мевара нанес поражение султану Дели — да простит меня повелитель, если я что-нибудь не так сказал! — Сикандару Лоди из Дели.

Лазутчик умолк, ожидая, что скажет Бегарра. Слово бурный поток с ревом прорвал плотину, когда султан, засунув в рот несколько небольших бананов, заговорил:

— Один негодяй нанес поражение другому! Продолжай же. Что делает сейчас Гияс-уд-дин?

— Гияс-уд-дин еще набирает людей в свое войско. Хочет, видимо, напасть на Гвалиор. Большое влияние на Гияс-уд-дина оказывает его молодой красивый евнух...

— Пусть они сдохнут! Что еще? — спросил Бегарра. На этот раз можно было подумать, будто земля с грохотом разверзлась.

— Дело в том, — продолжал лазутчик, — что неподалеку от Гвалиора, в деревне Раи, живут две очень красивые индусские девушки. Они охотницы. Одной стрелой убивают дикого буйвола, тигра, кабана, пантеру, медведя. Гияс-уд-дин хочет привезти их в Мэнди.

Бегарра расхохотался, и придворным показалось, что от его хохота задрожал дворец.

При этом изо рта повелителя прямо на середину зала полетели куски банана, которые он не успел проглотить. Лазутчик испуганно огляделся по сторонам. Кровь в жилах у него застыла от ужаса. Кто знает, что ждет его!

Бегарра перестал смеяться, бросил в рот еще кусок банана и, пережевывая его, спросил:

— Где ты наслушался всей это чепухи? Красивые девушки одной стрелой убивают тигра и буйвола! Наверно, бхили * какие-нибудь несчастные! Черные, как смола, дикарки!

Лазутчик, мысленно взывая к богу, ответил:

— Повелитель, одна из них — гуджарка, другая — ахирка. Это истинная правда. И обе они очень хороши.

Бегарра стал серьезным. Шутка ли! Индусские девушки из высших каст, да к тому же еще красавицы, и вдруг занимаются охотой!

Покончив с бананами, султан принялся за мед, который великолепно действовал на пищеварение, а чтобы не слишком проголодаться до обеда, съел еще сер масла. Потом выпил кувшин воды и положил в рот несколько пакетиков бетеля *. Слуги унесли кожуру от бананов и подносы.

Облокотившись о подушку и поглаживая бороду, Бегарра спросил:

— А что нового в султанате Бахманидов?

Лазутчик облегченно вздохнул.

После убийства Махмуда Гавана * распри среди противников наших усилились. На развалинах султаната Бахманидов появляются новые государства. Раджа Виджаянагара * ведет с ними непрерывные войны.

— Это мне известно, — прогрохотал Бегарра, будто ураганный ветер свалил огромное дерево. — У султаната Бахманидов достаточно силы, чтобы отразить нападение раджи Виджаянагара. Остается правитель Мальвы. Но и он не страшен Бахманидам: я заставлю его образумиться. А чем заняты португальцы?

— Укрепляют свой флот, построили еще пять кораблей.

— Ну и ладно! Летописец, напиши турецкому султану, пусть будет наготове. Не поздоровится португальцам, если Турция вместе с Гуджератом ударит по ним!

— О повелитель! — воскликнул лазутчик.

— Пойдем на Мальву! Нечего ждать прекращения дождей! Пока Гияс-уд-дин будет отсиживаться в своей норе в Мэнди, сетуя на тучи, молнии и разливы рек, обрушу на него свои молнии! Приказываю усилить подготовку к походу!

— Воля ваша, повелитель! Но я не все сказал. В районе Чампанера * снова подняли голову раджпуты.

— Короткая же у раджпутов память. Ведь не прошло и семи лет, как я вырезал их чуть ли не поголовно.

— Правитель султаната Бахманидов разрушил в Канчи все храмы, но сейчас их заново отстраивают.

— Я видел эти храмы. И идолов тоже. Что ни говори, а храмы действительно красивые. Надо было разбить только идолов, а храмы оставить. Удивительно, каких чудес достигли индусы в искусстве оживлять камень! Мусульманам и мечтать об этом нечего. Даже рассказать невозможно об умении и таланте индусских мастеров, а уж о том, чтобы тягаться с ними, нечего и думать.

Придворные молчали, склонив голову, а султан размышлял: «Эти мастера обыкновенными молотками и резцами перенесли на каменные стены храмов горы, деревья, цветы, койл *, которые, кажется, вот-вот запоют, красоту и нежность

пери. Их храмы до того меня поразили, что я долго не мог прийти в себя. Да и идолы там тоже красоты необычайной, так и хотелось проглотить их и бережно хранить в каком-нибудь укромном уголке своего желудка!.. О, да я, кажется, кощунствую! Но что плохого в кощунстве, если оно радует сердце?.. Прости меня, всевышний, за грешные мысли!»

Бегарра погладил себя по животу и громко икнул, будто ливнем подмыло дом и он рухнул. Заметив, что придворные молчат в замешательстве, Бегарра решил исправить свою оплошность.

— Впрочем, не так уж плохо, что разрушили храмы и разбили идолов: хоть меньше язычников станет. Не будет бамбука, не заиграет свирель, как говорят здешние неверные поэты. Но я не думаю, чтобы индусы строили новые храмы. Скорее всего два или три храма случайно уцелели, вот и пустили слух, что их отстроили заново. А ты сам был там, лазутчик?

Лазутчик вздрогнул. Бегарра именно этого и хотел.

— Повелитель, я следил за португальцами и не смог побывать в Канчи, — да простит меня повелитель!

— Прощаю, — стараясь придать своему голосу мягкость, произнес Бегарра. Но придворным показалось, будто ломают одновременно несколько бамбуковых стволов. — Меня пока не интересуют ни Канчи, ни Виджаянагар. Куда важнее сейчас сведения о Мэнди. Там очень много мастеров-индусов. Я захвачу Мэнди и переселю этих индусов сюда, пусть делают наш Ахмадабад еще более прекрасным. Плохо лишь, что они не хотят принимать мусульманство. Даже силой их не заставишь. Но мы и не будем заставлять. Муллы и кази согласны со мной. К тому же индусы будут выплачивать джизию *.

— О повелитель! В Гвалиоре тоже немало искусных мастеров.

— Сперва смету с лица земли Мэнди, а уж потом разотру в порошок Гвалиор. Кстати, как называется деревня, в которой живут те девочки? В скольких она косах от Гвалиора?

— Деревня называется Раи. Она косах в шести от города.

— Ладно. До конца сезона дождей будем там. Сегодня же, после обеда, выступаем на Чампанер. Я не успокоюсь

до тех пор, пока в открытом бою не отделию от туловищ хотя бы тысячи полторы голов!

— О повелитель!

Придворные продолжали смотреть в пол и лишь слабой подобострастной улыбкой выразили свое одобрение. Бегарра снова икнул. Можно было подумать, что это заработал кузнечный мех. Казалось, кто-то невидимый, сидящий в желудке султана, возвестил о приближении полдня и потребовал обед.

Доложив об остальных неотложных делах, придворные выслушали приказания и удалились.

«Две красивые девчонки свободно охотятся в лесу. К тому же они не бхилни, хотя и среди бхиллов встречаются красавицы. Индусские мастера изваяли из камня множество красивых женщин. Но ни одна из них не может состязаться с этими красавицами! Неплохо бы заполучить этих девчонок! Мысль сама по себе приятная. Если же ничего не выйдет, то хоть немного встряхнусь в бою. Как давно не видел я отсеченных голов, которые катятся по полю, и льющейся по земле крови!..»

11

Как только кончились проливные дожди, Атал посеял немного риса, а на соседнем поле джвар. Остальную землю он оставил под ячмень. Через несколько дней появились буйные всходы риса. Когда же снова пошли дожди и залили поле, Атал прорыл канаву и спустил всю лишнюю воду. Через два месяца у риса уже были высокие стебли. Джвар тоже обещал принести хороший урожай.

Однако жить стало труднее. Запасы хлеба истощились, а звери, вспугнутые людьми, ушли в чащобы. Да и охотиться стало нелегко, — лес покрылся густой зеленью, а кусты разрослись так сильно, что обнаружить дичь стало почти невозможно.

Кроме того, из-за дождя нельзя было даже нос высушить из дома. Звери подходили к деревне только ночью. Но темень была такая, что целся не целся — все равно не попадешь. А чтобы звери не вытоптали посевы, приходилось отпугивать их криками... Рыбы тоже не наловишь — река сильно разлилась. Приходилось ждать, пока спадет вода.

И вот настал день, когда у Атала с Нинни кончилось все зерно. Правда, были у них две коровы, но ведь на одном молоке не проживешь.

У Лакхи еще осталось немного зерна, но Аталу очень не хотелось трогать его. Однако что было делать? В долг взять не у кого: у соседей тоже ничего не осталось.

— Есть ведь еще мое зерно, — сказала Аталу Лакхи, когда они съели последнюю лепешку. — Его хватит на несколько дней.

— В день смерти твоей матери я поклялся, что засею этим зерном твое поле.

— Но ты же кормил меня своим хлебом?

— То был не только мой, но и твой хлеб.

— А это зерно? Разве это не ваше с Нинни?

— Наше. Но я дал клятву.

— А если я тоже дам клятву, тогда что ты сделаешь?

— Клятву? Какую?

— Не догадываешься?

— Ладно, я возьму зерно, только прежде спрошу, согласна ли Нинни, она сейчас придет.

— Разве обязательно спрашивать ее? Или мои слова для тебя ничего не значат?

— Ну ладно. Но ведь и твоего зерна ненадолго хватит.

— Вода в реке к тому времени спадет, будет рыба. Потом кончатся дожди, и мы сможем пойти на охоту. А там, смотришь, и рис с джваром созреют.

Когда Нинни узнала, что брат согласился взять зерно из скудного запаса Лакхи, она возмущилась.

— Неужели тебе не совестно забирать у нее последнее? — спросила она брата.

— Лакхи сама так захотела. Ведь в доме хоть шаром покати. Если бы не ее хлеб, нам сегодня нечего было бы есть. И потом, Лакхи сказала, что это наше общее зерно, — ответил Атал.

Нинни посмотрела на Лакхи с доброй улыбкой.

— Это она верно сказала.

Девушки истолкли зерно, испекли лепешки. Теперь по крайней мере у них был ужин.

А вечером они все трое отправились охранять поле. Надо было сторожить урожай с двух мачанов: на рисовом поле и на опушке леса у джвара.

Наступила ночь. Плотные черные тучи заволокли небо. Временами начинал моросить дождь. Дул сильный ветер,

но все равно было душно. Чтобы укрыться от mosкитов, девушкам пришлось натянуть на себя всю одежду, которую они захватили с собой. Потом им стало жарко и они снова разделись, чтобы хоть немного освежиться. Однако москиты не давали покоя. Так продолжалось до тех пор, пока девушкам это не надоело. Они решили больше не ложиться.

— Поболтаем немного? — предложила Нинни.

— О чем? Спела бы лучше, — ответила Лакхи.

— Я бы спела, но мошкара проклятая так и лезет в рот. Переловить бы всех этих мошек да сжечь!

— Говорят, будто знатные люди в больших городах носят сетки от комаров.

— Я тоже слыхала.

— А какая она, эта сетка?

— Откуда мне знать? Да нам она и ни к чему.

— А я бы хотела... Может, повезет на охоте. Вот убью буйвола — куплю зерна на два месяца. Второго убью — куплю кое-что из одежды и две сетки: одну для себя, другую для тебя.

— А почему всего две? Или вам с Аталом одной достаточно?

— Хватит тебе, плутовка. Вдруг кто-нибудь услышит! В деревне и так на нас косятся.

— Тем лучше: сыграем свадьбу.

— Старейшины не допустят этого.

— Возьмем тебя, как рахели *, и старейшинам нечего будет сказать. А свадьба для них, конечно, как гром среди ясного неба.

— Я не буду выходить замуж. Но лучше броситься в реку с камнем на шее, чем стать чьей-то рахели. Я не могу так. Проживу весь век с тобой — и все.

— Что же, выходит, я все время буду одна?

— Почему? Разве ты не выйдешь замуж?

— Как не выйду? Выйду, когда захочу.

— А за кого: кого сама полюбишь или кого брат выберет?

— Там видно будет! Что зря голову ломать? Не сегодня же свадьба...

На другом конце поля послышался шум. Девушки насторожились.

Лакхи заметила какую-то тень. Что это было, она не разобрала, но на всякий случай выпустила железную стрелу. Тень метнулась. Лакхи выпустила вторую стрелу.

И опять попала в цель. Буйвол взревел и бросился в лес. Вначале было слышно, как он бежит, потом все стихло.

-- Убежал! — огорчилась Нинни. — Ты поспешила.

--- Он мог бы потоптать рис, — ответила Лакхи.

— Много не потоптал бы. А теперь пропали две стрелы. Ты всегда так! Думать надо, что делаешь!

— А ты что, убила бы его?

— Нет! Но и не стреляла бы зря!

— Подожди до утра. Разыщу буйвола и отдам тебе стрелы, как в тот раз.

— «Разыщу буйвола! Отдам тебе стрелы!» Да буйвол твой до утра убежит за многие косы!

— Замолчи, и так тошно! Потерпи до рассвета.

— Подумаешь какая гордая! Слова ей не скажи!

— Да знаешь ли ты, что за шкуру того буйвола я могла получить много таких стрел! Но купили зерно да туфли сшили...

— Как будто мы с братом съели все зерно! А туфли, если на то пошло, сшили тебе и твоему будущему мужу.

— Как же! И туфли сшили мне, и зерно я сама съела!

— Теперь ты можешь попрекать нас, ведь мы едим твой хлеб!

Лакхи прикусила язык. Нинни тоже замолчала, но потом не вытерпела.

— Ты говорила как-то, что все мне вернешь. Интересно, что же именно? — спросила она.

— Все, что ни возьму.

— И брата?

— Если тебе захотелось почесать язык, говори хоть всю ночь, только о чем-нибудь другом. А нас с Аталом оставь в покое, а то я сейчас же пойду в лес искать буйвола. И можешь быть уверена, верну тебе твои бесценные, волшебные стрелы.

— О-хо-хо-хо! Да ты, я вижу, Арджуна Пандав! *

— А вот сейчас узнаешь, кто я!

Лакхи схватила меч и прыгнула с мачана. Нинни не успела даже слова сказать, а когда спустилась на землю, Лакхи, шлепая босыми ногами по грязи, ушла уже далеко. Нинни бросилась было за нею, но увязла в грязи и крикнула:

— Умоляю тебя, подожди! Пожалей меня: я не в силах бежать.

Лакхи остановилась. Тогда Нинни подошла к ней и неожиданно крепко взяла за руки.

— Иди назад! — строго приказала она.
— Нет, — твердо ответила Лакхи.
— Тогда я пойду вместе с тобой, пусть мы обе погибнем!

Громкие голоса девушек разбудили Атал.

— Что случилось? — еще издали крикнул он.
— Теперь я отпущу тебя. Можешь идти вместе с ним на его мачан, — тихо сказала Нинни.
— Ты, наверно, хочешь, чтобы я умерла или ушла куда-нибудь, потому всегда и поддеваешь меня, — ответила Лакхи.

«Это мне нужно куда-нибудь уйти, чтобы не мучить тебя, как заноза», — подумала Нинни, но смолчала.

— Что такое? — удивленно спросил Атал, подходя к девушкам. — Куда это вы отправились на ночь глядя, да еще босиком?

— Здесь был буйвол... — торопливо ответила Лакхи.

— Лакхи пустила в него две стрелы, и обе попали в цель, но буйвол взревел и кинулся в лес. Неужели ты ничего не слышал?

Атал сконфузился.

— Как залез наверх, так и заснул. Проснулся от твоего крика. Смотрю, обе вы стоите посреди поля и спорите. Зачем слезли с мачана?

Лакхи хотела ответить, но Нинни опередила ее:

— Лакхи сказала: «Как бы не пропали стрелы! Пойду поищу буйвола», — и прыгнула вниз. Я кинулась следом, чтобы удержать ее.

— Ну и отчаянные же вы! Ступайте назад. А о стрелах печего беспокоиться: утром найдем вашего буйвола. Идите же!

Нинни схватила Лакхи за руку и потащила к мачану. Атал подождал, пока девушки влезли наверх, и пошел к себе.

Нинни обняла Лакхи.

— Клянусь, никогда больше ни словом не обижу тебя!
— Знаешь, что я сирота, вот и пользуешься случаем!
— Не надо так говорить! Не очень уж я злая! И сирота не ты, а я. Клянусь самым дорогим на свете — никогда не ссориться с тобой.

Лакхи всхлипнула и прижалась к подруге.

— Зачем ты клянешься, Нинни? — спросила она прерывающимся от слез голосом.

— Потому что я очень горячая. А теперь, после клятвы, буду сдерживать себя.

— Клянусь предками, что никогда больше не обижусь, даже если ты ударишь меня!

— Ну, кончим на этом! Не будем больше ссориться. А теперь улыбнись.

— Вот еще!

— Выйдешь за моего брата?

— Опять ты свое?!

— Если бы ты знала, как мне хочется стать твоей золовкой! И назвать тебя ласково невесткой! Скажи хоть раз прямо, хочешь ты выйти за него замуж или нет?

— Разве дело только во мне?

— Ну, а если в тебе, то выйдешь?

— Выйду.

— А если нет, тогда как?

— Все равно выйду! А не выйду, так покончу с собой. Но твоему брату много понадобится смелости, чтобы взять меня в жены!

— Смелости у него хоть отбавляй, я знаю.

— Да и у меня хватит.

Девушки долго сидели, прижавшись друг к другу. Потом Лакхи отодвинулась от Нинни.

— Как бы зверь какой-нибудь не подкрался, — сказала она.

— У нас есть еще несколько железных стрел. Как увидишь зверя — стреляй. А потом я помогу, если понадобится, — ответила Нинни.

— Нет, в такой темноте стрелять бесполезно, только стрелы терять, — сказала Лакхи. — Уж лучше кричать!

Нинни засмеялась.

— Но твой жених сказал, что о стрелах нечего беспокоиться.

Лакхи ткнула пальцем ей в щеку.

— Ой-ой-ой! — закричала Нинни, давась от смеха.

— Спой что-нибудь. У тебя такой красивый голос! Когда ты поешь, кажется, будто это койла в лесу. Только громче пой, чтобы звери, слушая тебя, застыли на месте словно зачарованные.

Нинни запела одну из своих песен. Ее никто не учил, она только слышала, как поют другие. Но голос у нее от

природы был нежный, слух и память совершенные, поэтому она так хорошо пела.

Так, за песнями и шутками, провели девушки большую часть ночи. Они проспали допоздна. И когда вместе с Аталом отправились на поиски буйвола, был уже день. Капли крови и следы на земле увели их довольно далеко и там неожиданно оборвались. Так ни с чем они и вернулись домой. Атал и Нинни не особенно горевали, но Лакхи очень жаль было стрел.

12

Гияс-уд-дин готовился к походу на Калпи. Он решил выступить в конце сезона дождей. Евнух Матру все еще разыскивал натов. И вдруг пришло известие, что султан Гуджерата Махмуд Бегарра с огромной армией движется на Мэнди.

Гияс-уд-дин стал поспешно готовиться к встрече с врагом. Кроме того, он послал гонца в Мевар в надежде получить помощь.

Пятьдесят лет правил Меваром славный рана Кумбха. Жаждавший власти сын его, Уда, отравил отца. Но недолго наслаждался он своим могуществом. Через пять лет рана Раймал прогнал его из Читора. Решив, что Мевар ослаблен междоусобицей, делийский султан напал на княжество. Но Раймал заставил султана отступить. Эта победа и побудила Гияс-уд-дина заключить союз с Меваром.

Верный своему слову, рана Раймал тотчас по прибытии посланца из Мэнди стал готовиться к войне с Махмудом Бегаррой. Война предстояла жестокая.

Если ненасытный желудок Бегарры из Гуджерата постоянно жаждал риса, фруктов и мяса, то еще сильнее жаждала темная душа его войны и крови. Без войны он не мыслил себе жизни.

Сезон дождей близился к концу. Ливни прекратились еще несколько дней назад. И хотя небо застилали тучи, днем все чаще проглядывало солнце, а ночью загорались звезды. Дул сильный южный ветер. Только в реках и оврагах вода по-прежнему бушевала. Долины утопали в зелени, деревья на вершинах гор, раскачиваемые ветром, напоминали павлинов, танцующих на дворцовых башнях. Над

лесом стайками носились веселые попугаи. Их зеленое оперенье сливалось с листвой, а клювы казались красными точками, мелькающими над густыми кронами деревьев. На отвесных склонах оврагов расцвел харсингар*. Над ним с жужжанием кружились пчелы.

Одни дороги размыло дождями, другие густо заросли, и только по высоким кустам, на обочинах, можно было угадать прежние пути.

Бегарра вел на Мэнди пятьдесят тысяч конников и пятьсот слонов. Гияс-уд-дин выступил из крепости и двинулся ему навстречу. Противников разделяло несколько рек.

Не желая тратить времени на взятие Дхарской крепости, расположенной в одиннадцати косах к северу от Мэнди, Бегарра обошел ее стороной и теперь двигался по дороге, которая соединяла Дхар с Мэнди.

Но неожиданно дорога исчезла. Проводник сбился с пути. Между тем быстро надвигались сумерки. А еще до темноты надо было во что бы то ни стало переправиться через широкую, разлившуюся реку. На поиски дороги выслали лазутчиков. Они-то и обнаружили дым в лесу. Осторожно, прячась за деревьями, подкрались они к костру и, присмотревшись, поняли, что это небольшой лагерь натов. Их было здесь человек десять — пятнадцать, не больше.

Между деревьями были устроены навесы из травы и листьев. Под одним навесом стояли на привязи ослы, два буйвола и козы, к колышкам были привязаны обезьяны. Под другим сложены луки, колчаны, полные стрел, и длинные ножи. В корзинах, подвешенных к ветвям, лежали маленькие дети. Мужчины, одетые в грязные рваные дхоти*, разделявали тушу какого-то зверя. Женщины в старых обтрепанных шальварах и чоли*, едва прикрывавших грудь, стряпали. В ушах у них болтались серьги, в носу блестели большие медные кольца, на шее — бусы из разноцветных стекляшек. И женщины и мужчины носили длинные волосы.

Лагерь был обнесен высоким частоколом.

— Эй! — крикнул натам старший лазутчик.

Появление воинов ничуть не испугало натов, на лицах их отразилось лишь удивление.

— Кто вы такие? — спросил лазутчиков уже немолодой человек, — видимо, глава натов.

— У вас под носом войско правителя Гуджерата, а вы спрашиваете, кто мы такие! — рассердился старший лазутчик. — Где здесь брод через реку?

— Откуда нам знать?
— Войско должно как можно быстрее переправиться на тот берег.

— Зачем?

— Зачем? А затем, чтобы освободить твоих предков от дальнейших рождений! Да ты выйди сюда, не то я протрублю в рог и боевые слоны растопчут вас!

Тут в разговор вмешалась девушка:

— О махараджа, не гневайся на нас. Лучше посмотри наше представление. Мы умеем танцевать, ходить с дхолки * в руке по канату, кувиркаться, прыгать с дерева на дерево. Есть у нас и обезьяны-фокусницы. А если мало покажется, у нас в запасе еще много разных номеров. — В голосе девушки звучала мольба, но в глазах горели веселые огоньки. — Красотки! Эй, красотки! — крикнула девушка обезьянам, привязанным у навеса. Потом кокетливо и озорно взглянула на воинов.

«Ни стыда, ни совести, — педаром ведь паты!» — подумал старший лазутчик, но вслух сказал:

— Свое представление поберегите для султана и его сардаров. Они одарят вас. А нам лучше укажите дорогу.

— А где они, твой султан и его сардары? Не беспокойся, дорогу я тебе покажу даже на небо, только ответь прежде, что получишь в награду?

— Что будет угодно падишаху.

— Дорога здесь прямая, — заметил глава патов.

— Но мы сбились с пути. Пойдемте с нами, — приказал старший.

Девушка скрылась под навесом и вышла оттуда в нарядке и туфлях. Глава патов тоже стал собираться, а вместе с ним еще несколько мужчин и женщин. Одна из женщин с ним уже не молодая.

— Как звать тебя? — спросил старший лазутчик главу патов.

— Пота.

— А эту девушку?

— Пилли.

— Женщин брать с собой не надо!

— Ну да, конечно! Тебе-то они ни к чему. А мне очень даже понадобятся. Интересно, кто, по-твоему, будет выступать перед падишахом?

— Откуда вы?

— Из Мальвы.

Пришлось взять их всех. Прошли кос и вышли на дорогу. Неподалеку стояло гуджератское войско, и был слышен шум.

Глава натов потребовал награду.

Но старший лазутчик сказал:

— Сперва покажи брод.

— Хоть убейте меня, — заявила Пилли, пританцовывая, — но пока я не выступлю перед султаном, брода вам не видать.

Старшему ничего не оставалось, как отвести их в лагерь.

К этому времени султан Махмуд Бегарра уже успел проголодаться. За день, не считая завтрака, Бегарра съел всякой снеди целый гуджератский ман *, равнявшийся в те давно прошедшие времена двадцати серам. На ужин ему подали лепешки, горох, свежие овощи, простоквашу и различные мясные блюда, которые повара держали горячими или же готовили прямо в пути, на слонах.

Но не успел Бегарра приняться за еду, как где-то в стороне послышались громкие голоса.

— Что это? — спросил султан, и всем показалось, будто с треском рухнуло дерево.

Несколько стражников из личной охраны Бегарры побежали узнать, в чем дело, и, вернувшись, доложили, что это пришли наты, которые знают дорогу на Мэнди. С ними несколько женщин. Сейчас наты развлекают воинов.

— Приведите их сюда, — отправляя в рот огромный кусок мяса, произнес Бегарра сладким голосом, но можно было подумать, будто это на дереве обломился сук.

Наты предстали перед Бегаррой. Они молча украдкой поглядывали на него, потому что смотреть на султана прямо считалось дерзостью, за которую полагалась суровая кара.

Женщины, необыкновенно гибкие и ловкие, начали прыгать, кувыркаться, ходить колесом. Особенно старалась Пилли. Но это не мешало ей тайком рассматривать огромную живую гору на мягком троне и кучи еды перед ней.

Бегарра дивился, глядя на гибкое тело Пилли, и один раз его рука, потянувшаяся за очередной порцией, даже застыла в воздухе.

— Великолепно! — прогрохотал султан.

Наты задрожали от страха. Даже Пилли оробела, глядя на огромную руку султана, его бороду и усы, а султан все

отправлял и отправлял в рот непомерной величины куски. Когда Пилли застыла в почтительной позе, султан, не переставая жевать, спросил ее:

— Откуда ты?

Пилли показалось, будто здоровенный буйвол с шумом вошел в воду.

— Господин, мы живем в лесу близ Мэндй, — робко ответила девушка.

— А куда идете?

— В Мевар, господин!

— Зачем?

— Чтобы выступить перед меварским раной и его сардарами.

— Когда двинетесь в путь?

— Через два-три дня, как только установится погода.

— Какой вы веры?

— И мусульманской и индусской.

— Как же так?

— Господин, мы почитаем индусского бога и мусульманского, едим мясо любых животных.

— Замечательно! А теперь скажи, где сейчас рана Мевара?

— Должно быть, в Читоре, махараджа.

— В Читоре его нет. Он выступил в поход, чтобы сразиться со мной и найти свою смерть. Сейчас он в сорока или пятидесяти косах отсюда. Покончу с султаном Мэндй, пойду на него. Передайте, что его княжество постигнет та же участь, что и Чампанер.

— Слушаюсь, господин!

— Поклянись.

— Клянусь аллахом!

— А индусским богом?

— Клянусь мусульманским и индусским богами!

Наты сложили просительные руки и поклонились, ожидая награды.

— Покажите брод, тогда одарю вас, — произнес Бегарра, и голос его прозвучал так, будто с треском разорвали голстый ковер.

Наты указали брод, получили вознаграждение и ушли. Еще засветло войско Бегарры переправилось через реку и расположилось на ночь в лесу.

Едва забрезжил рассвет, наты снялись с места и, не теряя времени, обходными путями направились в Мэндй.

Между тем лазутчики Бегарры донесли, что сто тысяч белуджей * из Синда ворвались в Северный Гуджерат и грабят его. Бегарра решил тотчас же повернуть назад.

«Придется на время оставить султана и тех двух деревенских девчонок. Усмирю белуджей, а там видно будет!»

Султан жестоко расправился с белуджами. В Северном Синде, на берегу Инда, белуджи попытались дать ему отпор, но потерпели поражение и потеряли в этом страшном бою много воинов.

Не успел Бегарра усмирить белуджей, как пришло известие, что у острова Диу *, к югу от Джунагарха *, португальцы собрали большой военный флот, собираются высадить сильную армию и двинуться на его султанат.

Пришлось отложить поход на Мэнди на неопределенный срок и отправиться из Синда прямо в Гуджерат, чтобы встретить там португальское войско...

На этот раз наты разбили свой лагерь в лесу близ Мэнди. Они пребывали в постоянном страхе перед Махмудом Бегаррой, потому что нарушили данную ему клятву, и решили переждать в лесу сезон дождей. Им не хотелось вмешиваться в распрю между грозным султаном Гуджерата и могущественным раной Мевара. Однако султан не явился, не пришел и рана.

Не только наты, но и Гияс-уд-дин пребывал в полном неведении. Ему было известно лишь, что рана Раймал вернулся в свое княжество. И он стал гадать, что могло заставить Раймала повернуть назад. Гияс-уд-дину очень хотелось, чтобы с Бегаррой сперва сразились раджпуты Мевара — они ослабили бы войско султана. Но этого не случилось.

И Гияс-уд-дин думал:

«Рана просто не захотел драться с Гуджератом. Он, видимо, надеялся, что мы с султаном Махмудом перегрызем друг другу глотку, а он воспользуется этим для осуществления своих планов. Но меня не проведешь».

Теперь, когда Мэнди не угрожала опасность, евнух Матру снова стал искать натов. Наконец он нашел их и вызвал к себе Поту.

— Говорят, ты очень умен, — сказал евнух нату.

— Что угодно хузуру? — смиренно спросил Пота.

Матру рассказал о девушках из деревни Раи, потом объяснил, чего он хочет от натов.

— Возьмешь денег, — сказал Матру, — они пригодятся тебе. А когда приведешь девушек в Мэнди или хотя бы в

султанат, получишь горы золота, серебра и роскошный дом в столице. Щедро одарю и всех твоих друзей.

— Дом мне не нужен, — отвечал Пота. — Религия запрещает нам подолгу жить на одном месте, мы всю жизнь должны скитаться. Но я все сделаю, чтобы выполнить вашу волю. Девушки будут здесь.

— Тебе ведь это не трудно. Ты умеешь заклинать?

— Конечно! Разве могли бы мы иначе покорять змей, скорпионов, тигров, пантер?

— Ладно, ступай. Вот тебе задаток. Да возьми немного украшений и нарядов.

Пота распрощался с свинухом и вернулся в лагерь.

Гвалиор был восстановлен. Мастеровые снова занялись своим ремеслом, купцы — торговлей. Крестьяне возделывали землю и пасли скот, панчаяты*, как и прежде, строго следили за тем, чтобы никто не нарушал древних обычаев. Война подобна урагану: налетит, сломает кусты, вырвет несколько деревьев с корнем, поломавет ветки. А пронесется ураган, и все затихнет до следующей бури.

Но раджа Ман Сингх приказал комендантам пограничных крепостей постоянно быть на чеку, не доверять наступившему затишью. Велел он быть настороже и военачальнику сильной Нарварской крепости — крайнего и самого надежного оплота в борьбе с султаном Мальвы.

Нарварская крепость, расположенная косах в двадцати пяти к юго-западу от Гвалиора, раньше принадлежала качхвахам*. Но полтора столетия назад гвалиорские томары захватили крепость. Однако качхвахи так и не смирились с потерей Нарвара. Томары в Нарварской крепости были для них словно бельмо на глазу. Да и как можно было в этот век, в век, когда все жаждало новых завоеваний, забыть о потере своего княжества?

Юный Радж Сингх был последним из правящей династии нарварских качхвахов. Он страстно мечтал о власти и горел желанием отомстить томарам. Радж Сингх постоянно подстрекал то султана Мэнди, то падишаха Дели пойти войной на Ман Сингха.

Жил Радж Сингх за пределами Гвалиора, в крепости Чандери, косах в двадцати от Нарвара. Крепость эта была резиденцией субедара * султана Мальвы. Радж Сингх и его пытался уговорить напасть на Нарварскую крепость, но субедар, зная силу Гвалиора, не решался на такой шаг.

«Вот если бы султан пошел на Нарвар, тогда другое дело...» — думал субедар.

И Радж Сингху волей-неволей приходилось ждать.

Чандери, или Новый Чандери, стоял на берегу реки Бетвы *. Султаны Мальвы возвели здесь крепость и городскую стену. Был еще и Старый Чандери, но он обезлюдел: жители его переселились в новый город.

Крепость Нового Чандери была расположена высоко на горе. Сам город лежал внизу, у подножья, к югу от крепости. Там, в одном из особняков, и жил Радж Сингх. Другом Радж Сингха был его сосед — певец и музыкант, славившийся в Чандери своим красивым голосом и искусной игрой на вине *.

Певец принадлежал к касте брахманов. Звали его Байджнатхом, но в городе он был известен, как Байджу. Когда Байджу пел, он забывал о времени, не ощущал ни голода, ни жажды.

Напротив дома Байджу жила девушка по имени Кала. Она была дочерью художника, но пела и играла лучше, чем рисовала. Родители Калы были из разных каст, поэтому она не могла выйти замуж *. Отец девушки до самой смерти искал ей жениха, но так никто и не согласился взять ее в жены. Тогда Кала дала обет безбрачия. Она была очень красивой и чем-то напоминала Лакхи. Байджу научил ее петь и играть, но к живописи она все же не охладела. Байджу часто играл и пел для Радж Сингха, Кала аккомпанировала на танпуре * и иногда подпевала ему.

Сезон дождей кончился, и в день шарад-пурнимы * Радж Сингх пригласил к себе Байджу. Байджа пришел вместе с Калой. У девушки болели глаза, — воспаленные, они все время слезились. Поэтому она повязала лоб тряпкой, смоченной в куркумовом отваре. Повязка все время сползала на глаза и мешала девушке. Но она не обращала на это внимания и с увлечением аккомпанировала Байджу.

У Радж Сингха собрались друзья. Пришел и его бхат *. Слушая Байджу, бхат чаще других восклицал: «Чудесно!

Чудесно!» Певец улыбался ему в знак признательности, совершенно забыв о том, что благодарить бхата не только неприлично, но опасно.

Когда Байджу кончил, Радж Сингх милостиво одарил его, а бхат заметил:

— Лишь тогда сможет Радж Сингх достойно вознаградить такого замечательного певца, когда вновь вернет ископные владения своих отцов.

У Радж Сингха перехватило дыхание. А Байджу спокойно ответил:

— Мне достаточно и того, что я получаю сейчас. Ведь ничто не приносит мне такого наслаждения, как музыка.

Но бхат с жаром продолжал:

— Когда над Нарварской крепостью взвьется флаг Радж Сингха, я назову его раджой! И тогда Радж Сингх — раджа Нарвара — одарит вас золотом и жемчугом. Я же наконец обрету покой, и голова моя остынет.

— Какой бы я тогда устроил пир!.. — вырвалось у Радж Сингха. — И вместе с вами осушил бы полную чашу!

Кала приподняла повязку и в изумлении посмотрела на Радж Сингха.

Бхат снова заговорил:

— В те далекие времена вместе с предками Радж Сингха покинули крепость и мои предки. Они поклялись, что ноги их не будет в Нарваре, пока он снова не перейдет в руки качхвахов, и завещали свою клятву потомкам.

Байджу был далек от политики. Но ему все же казалось, что, если Радж Сингх со своими немногими сторонниками нападет на Нарвар, это кончится для его друга весьма плачевно. И он сказал:

— По мне, вы и без княжества раджа. Нарвар, говорят, мощная крепость. Если вы попытаетесь вернуть ее, будет пролито много крови.

Радж Сингх слегка захмелел.

— Но если я не верну владений своих отцов, мне останется лишь умереть, — ответил он.

Кала снова приподняла повязку. Никогда прежде не слышала она от Радж Сингха ничего подобного.

— Зачем вам умирать? Надо разбить врагов и вернуть свой Нарвар, — не унимался бхат. — Субедар Чандери Шерхан и султан Мальвы помогут вам. Умереть так бесславно — это достойно шакала, но не раджпута!

Гордо вскинув голову, Радж Сингх ответил, что умрет только на поле брани.

Тогда бхат с воодушевлением начал читать свое новое стихотворение. В нем он воспеал Радж Сингха и раджпутов, которые собственными руками строят свое государство. Однако, декламируя, бхат забыл о Радж Сингхе и его будущих подвигах, а думал главным образом о том, чтобы понравиться слушателям больше, чем Байджу.

На Байджу стихи не произвели никакого впечатления, а грубый голос бхата был ему неприятен.

Радж Сингх заметил это и, желая порадовать Байджу, сказал:

— Байджнатх-джи, я верю, рано или поздно, но я обязательно войду в Нарвар. Это будет самый счастливый день в моей жизни! Бог пошлет мне его. Вы тоже поедете со мной в Нарвар. Там вас ожидает слава! А пока придется пожить в Чандери. Сейчас вам надо готовиться к новым выступлениям: приближается праздник дивали*, затем пойдут деватхан, картик-ки-пурнима, бьяхпанчми... *

Байджу не дал Радж Сингху договорить.

— К тому времени меня уже не будет в Чандери, — сказал он. — Говорят, раджа Гвалиора большой любитель и знаток музыки. У него скоро соберутся певцы со всех концов страны. И я непременно хочу побывать там.

Радж Сингх опустил голову.

— Но раджа Гвалиора — наш заклятый враг! — произнес бхат сдавленным голосом.

— Почему? Мы ведь враждуем не с ним, а с Нарваром, — простодушно ответил Байджу.

— Но Нарвар принадлежит радже, — объяснил бхат.

— Султан Мальвы собирается напасть на Гвалиор, — заметил один из друзей Радж Сингха. — В Мэнди идет усиленная подготовка к войне. Они выступят не позже пусамагха*.

В голове Радж Сингха, по-видимому, созрел какой-то план. Он взглянул на своего друга и сказал:

— Пусть Байджнатх едет к радже Гвалиора. Это неплохо. — Потом обратился к Кале: — А ты как, тоже поедешь с ним?

Девушка опустила голову.

— Не знаю. Но хотелось бы. Если только вы и гуру* разрешите, я с радостью поеду.

Байджу рассеянно кивнул головой.

Голос Радж Сингха вдруг зазвучал мягко и ласково, ласковее, чем прежде.

— Хорошо, поезжайте, — так даже лучше. Да сопутствует вам удача! — многозначительно сказал он.

— Благодарю, — ответил Байджу. — Надеюсь, все будет хорошо. Хотелось бы знать, кто из певцов отличится в Гвалиоре!

Бхат переглянулся с Радж Сингхом, и Байджу понял: они что-то замышляют.

Кала тоже почувствовала: здесь кроется какая-то тайна, — и внимательно оглядела всех.

Радж Сингх подозвал девушку и что-то сказал ей. Потом все стали расходиться.

14

На площади в Гвалиорской крепости не осталось ни одного шалаша: их обитатели вернулись в город.

Теперь Ман Сингх со своими приближенными и воинами занимался здесь стрельбой из лука. Они пришли сюда на рассвете и стреляли, разбившись на группы. Вместе с Ман Сингхом был Виджая Джангам.

У стены с восточной стороны площади на шестах разной высоты и толщины качались разноцветные кувшины и птицы, сделанные из глины и соломы, а на деревьях висели небольшие шары.

Молодые воины били по крупным мишеням, более опытные — по мелким. За мишенями лежали мешки с песком: они закрывали крепостную стену, о которую могли бы ползаться острия стрел.

Ман Сингх и Виджая стояли перед маленьким кувшином, подвешенным к веревке. Кувшин опустили пониже, наполнили водой и бросили в него маленькую деревянную утку.

— Сейчас кувшин снова поднимут, потом покачнут. — сказал Ман Сингх Виджае. — Если стрела попадет в утку, это будет настоящий выстрел!

— Сколько раз можно стрелять? — спросил Виджая.

— Пять.

— Что ж, попытаемся, — ответил Виджая. — Но сперва пусть стреляет раджа.

— А почему не ачарья? * — улыбнувшись, возразил Мап Сингх. — Попадете в утку, значит, на охоте сможете попасть в лоб дикому буйволу или слону.

— Махараджа, у нас считается грехом убивать живые существа. Мы стреляем только в бою.

— Тогда вообразите, что сейчас война и вы целитесь в лоб врагу!

— Но передо мной кувшин, а не враг.

— Смотрите, как бы не дрогнула ваша рука, когда настанет время сразиться с настоящим врагом!

— Разве я не воевал?

— Но, тогда позвольте вас спросить, за что принимали вы вражеские головы? За глиняные шары?

— Нет. Просто я понимал, что война есть война.

— Когда кувшин начнет качаться, попасть в него будет так же трудно, как в скачущего коня.

— Вы думаете, что придется сразиться с всадниками?

— Пока будем уничтожать диких буйволов, кабанов и птиц, разоряющих поля.

— Каких же птиц? Павлинов, лебедей и уток?

— Зачем? Есть и другие птицы!

— Махараджа, бог запрещает мне это!

— Так вот значит, какой вы шиваит, вы поклоняетесь и Шиве и в то же время — командующему армией богов... *

— Может, кончим этот разговор, махараджа? Давайте-ка лучше стрелять, пока прохладно.

— Дело в том, что я думаю на день-два отправиться на охоту и хочу взять вас с собой. Будем охотиться на тигров, пантер. В них-то вы сможете стрелять?

— Нет, в них тоже не смогу. Я не поеду на охоту. — Виджая засмеялся и, чтобы смягчить отказ, добавил: — Теперь я понимаю, зачем вы завели этот разговор. Вы надеетесь, что я рассержусь и не попаду в цель.

— Ладно, — ответил, смеясь, раджа. — Не буду больше. Первым стреляю я. Попаду — для вас подвешат новый кувшин. Итак, попробуем попасть одной из пяти!

Кувшин покачнулся. Раджа затаил дыхание, прицелился и выстрелил. Стрела вонзилась в мешок с песком. Потом выстрелил Виджая. Его тоже постигла неудача. В конце концов Мап Сингх разбил кувшин, но утки даже не задел. Виджая разбил два кувшина, однако и он не попал в утку.

По другим мишеням тоже велась стрельба. В крупные попадали все. Гораздо сложнее было попасть в мелкие. Но уж кто попадал, испытывал подлинную радость. Ман Сингх и Виджая стреляли не только по кувшинам. Иногда им везло, иногда нет.

Через три часа занятия стрельбой были окончены, лучники собрали свои стрелы и ушли.

Ман Сингх и Виджая удалились во дворец.

— Тюрки очень меткие стрелки, — сказал Ман Сингх. — Пока мы не научимся стрелять лучше, нам трудно будет бороться с ними. У нас есть мужество и отвага, но этого мало.

— Разве дело только в стрелах? У нас не хватает хороших коней. А у тюрков замечательные лошади. Махараджа, наверно, помнит, как я рассказывал о княжестве Виджаянагар, что к югу от Телинганы. В этом княжестве почти нет хороших лучников и не хватает коней. И хотя там огромная армия, Виджаянагар никак не может одержать верх над Бахманидами, — ответил Виджая.

— Вот об этом-то я и говорю, — решительно заявил Ман Сингх. — Ученья, упорная и настойчивая тренировка помогут нам превзойти тюрков в стрельбе. С конями дело обстоит сложнее, но и их можно достать. Через Мевар. Я почитаю рану Мевара, как своего старшего брата, и знаю, что он поможет мне.

— Но для этого нужно много золота и серебра. а где его взять?

— Найдём! Жизнь княжества налаживается. Крестьяне вырастят хлеб, сетхи и мастеровые будут расширять торговлю и ремесла. Золота и серебра хватит.

— Но вы должны построить дворец и храм.

— Конечно, я построю их, только не сейчас. К тому же еще не ясно, в каком стиле их строить. Образцом южного зодчества служит Тайл Мандир, но хотелось бы придумать что-то новое. Однако сейчас не это главное. Войско — прежде всего.

— А я думал — охота!

— Ха-ха-ха! Здорово вы меня поддели!

— Да так, просто к слову пришлось.

— Пожалуй, пора и отдохнуть немного, — сказал Ман Сингх.

— Самый лучший отдых — это труд. Устал от одной работы, берись за другую.

— Это я давно усвоил. Потому и черпаю в труде радость. Я дал обет по часу в день работать вместе с резчиком по камню, когда начнется постройка дворца.

— А как же охота, махараджа?

— Снова шутите. Не поеду, баба-джи. Судите сами, брахман из деревни Ран уже дважды приезжал звать меня на охоту. И оба раза я обещал прибыть к ним в ближайшее время. Но как только брахман уходил, я тотчас же забывал про обещание. Так что, как видите, страсть моя оказывалась минутной.

— Но сегодня, однако, вы опять вспомнили об охоте!

— Будьте справедливы, ачарья! Я собираюсь ехать в лес вовсе не для того, чтобы развлекаться, я буду тренироваться до тех пор, пока не научусь одной стрелой убивать самое сильное животное на бегу... И заодно, может быть, помогу восстановить тамошний храм, который разрушили турки.

— А еще о чем, кроме храма, говорил вам тот деревенский шастри?

— Забыл.

— Он говорил о каких-то охотниках.

— Возможно, не помню.

Согласно обычаю, раджа сперва накормил Виджая, а потом поел сам. После обеда Виджая, как всегда, сыграл Ман Сингху на вине. Виджая искусно владел этим инструментом, а раджа страстно любил музыку. Когда Виджая кончил играть, Ман Сингх сказал:

— Во все века люди строили огромные храмы и гигантские статуи. А мне хотелось бы воплотить в камне музыку и пение!

Виджая отложил вину в сторону.

— Музыку и пение? — удивленно спросил он.

— Да. И это вполне возможно. Разве чаухан * Виграхрадж — раджа Аджира * — не изобразил на камне сцены из пьесы «Виграхрадж и Харкели»?

— Но музыка! Ее ведь невозможно отделить от чувства и голоса.

— Один, конечно, я ничего не смогу сделать. Но это моя мечта. Помогите мне осуществить ее.

— Что это, плод минутного вдохновения или серьезное намерение?

— А собеседник вы совсем не такой приятный, как музыкант и певец.

— Махараджа, мои гуру учили меня говорить одну правду.

— Хочу заверить вас, ачарья, что на сей раз мое вдохновение не будет минутным.

— Неужели раджа всерьез думает, что в камне можно передать мелодию, тембр, тональность?

— Пока я ничего не могу сказать. Подумайте и вы. Но мне хочется, чтобы люди, увидев дворец, сами того не замечая, начинали петь... А сейчас сыграйте мне еще.

— Только недолго. Вы должны отдохнуть. Вас ждут. Ман Сингх готов был без конца слушать Виджаю, но тот, поиграв немного, ушел. Раджа отдохнул часок и тоже вышел из дворца.

15

Рис в деревне Раи уже сжали. Неубранными остались только поля джвара.

Когда рис высушили на гумне, обмолотили, а солому спрятали на зиму, прибыл сборщик податей. Он увез шестую часть урожая. Жрец тоже взял свою долю. «От чужих грабителей спаслись, и то ладно, — думали крестьяне. — А радже и жрецу отдавать часть урожая нам, видно, на роду написано. Вот соберем еще джвар, и, хотя часть его тоже придется отдать, немного все же останется. Так и протянем до следующего урожая. Только бы враг не пагрязнул!»

На джвар крестьяне возлагали большие надежды. Рис почти весь шел на продажу, потому что надо было купить женщинам одежду и украшения из бронзы или меди. Ну а если муж подарит кольцо из серебра, — так еще лучше.

Мужчинам, разумеется, хотелось купить стрелы или что-нибудь еще для хозяйства. Но ведь не могут женщины ходить босиком и прикрываться лохмотьями. А украшения? До слез бывает жаль бедняжек, если даже по праздникам у них ни на руках, ни на ногах нет браслетов и колец. Таким образом весь рис был отдан за бронзовые и медные кольца и браслеты. А еще мужчины пообещали, что, как только уберут ячмень, сразу же привезут наряды и украшения из серебра. Женщины приветствовали их радостными взглядами. Одежды на зиму купили немного, а стрел и того меньше.

Дом Атала считался в деревне зажиточным, потому что обитатели его отличались крепким здоровьем, работали в поле и ходили на охоту. Но здесь украшений не покупали. Даже на одежду поскупились, в первую очередь купили стрелы.

Охота в последнее время была неудачной, никак не попался зверь, за шкуру которого можно было бы купить одежду и оружие. Поэтому пришлось продать почти весь урожай риса. Оставили совсем немного — чтобы дотянуть до урожая джвара и ячменя.

Но Аталу очень хотелось подарить Лакхи серебряное кольцо, хотя бы совсем тонкое, а Нинни — хансули *. Лакхи настаивала, чтобы кольцо он купил подешевле, потому что стрелы куда нужнее. А Нинни говорила:

— Не надо никаких стрел. Купи мне лучше хансули.

У Нинни и так было много стрел. Она даже поделилась с Лакхи. Но раньше девушке почему-то казалось, что их у нее совсем мало. Поэтому Лакхи все время чувствовала себя должницей. Атал же не решался попросить Нинни на-совсем отдать эти стрелы подруге. А Лакхи так мечтала о стрелах!

Но на деньги, которые они выручат за рис, не купишь и стрелы, и одежду, и украшения. А тут еще Атал подал девушкам заманчивую мысль.

— Я куплю копье, — сказал он. — Пора вам овладеть этим оружием. Им можно нанести удар с близкого расстояния, его можно метать, как стрелу.

— Ладно, тогда не надо хансули, — согласилась Нинни, — купи копье.

— И мне тоже. Вовсе не обязательно покупать серебряное кольцо. Вот снимем ячмень, тогда и до него очередь дойдет. Лучше привези копье и стрелы, — сказала Лакхи.

— У нас ведь еще есть в запасе немного риса. На него мы могли бы купить по одному, а то и по два кольца, — заметила Нинни.

— А есть что будем? — ласково возразил Атал.

— Джвар уже налился, — ответила девушка.

— Скоро зима, трава в лесу высохла и полегла. Теперь то уж можно будет охотиться. Вот и прокормимся как-нибудь. Кроме того, можно половить рыбу, она уже появилась в реке, — поддержала подругу Лакхи.

Атал пожалел, что завел разговор о копье. Вряд ли удастся его купить. И он предложил:

— Копья давай купим в обмен на ячмень. А пока я привезу стрелы, одежду, кольца и хансули. Немного риса все же надо оставить.

— Нет, копья купи непременно, — возразила Нинни.

— Без копья нельзя, — поддакнула Лакхи.

Атал был вынужден сдаться, хотя понимал, что теперь придется уповать лишь на судьбу, — может быть, она пошлет им пищу.

Атал повез рис в Гвалиор, вместе с ним отправился и жрец.

Как только Атал уехал, девушки взяли луки со стрелами и пошли в лес. На том самом месте, где Лакхи когда-то нашла раненого буйвола, какие-то незнакомые люди разбивали лагерь. Здесь же стояли ослы, козы, прыгали привязанные к дереву обезьяны. Девушки испугались.

— Что за люди? — тихо спросила Нинни.

Но Лакхи уже успокоилась.

— Это не разбойники, — сказала она. — Скорее всего они сбились с пути. Подойдем ближе. Чего бояться? У нас ведь есть луки со стрелами и ножи.

— Действительно, чего бояться? — с жаром ответила Нинни. — Что с нас возьмешь? Пойдем посмотрим!

И девушки подошли к незнакомцам.

Это были наты, подсланные евнухом Матру. Они только что пришли сюда и теперь ставили навесы. Увидев девушек, наты бросили работу и принялись рассматривать их. Пота, а за ним Пилли вышли навстречу. Луки и стрелы в руках девушек навели Пота на мысль о том, что это те самые охотницы, о которых говорил евнух, а необыкновенная красота Нинни рассеяла его последние сомнения.

— Вы здешние? — спросила Пилли.

Девушки кивнули головой.

— А далеко отсюда деревня?

Лакхи стала объяснять, как пройти в деревню, в то же время внимательно разглядывая Пилли.

На Пилли были чудесные шальвары и красивая чоли. в носу — золотое кольцо. Все это было куплено на деньги евнуха Матру.

— Идите к нам! — щелкнув пальцами, пригласила Пилли. — Вы увидите канатоходца, обезьян-фокусниц и еще много интересного. Это стоит совсем недорого.

— Нам нечем заплатить вам, — спокойно, без тени смущения, ответила Нинни. — В нашей деревне — одни бедняки.

Тут к ним подошла пожилая женщина.

— Что с них взять? — сказала она Пилли. — Они так же бедны, как и мы! Пусть смотрят бесплатно. Идите, доченьки, сюда, — обратилась она к Нинни и Лакхи. — У нас есть крупные спелые ситапхалы *. Сладкие-сладкие!

Нинни и Лакхи переглянулись.

Пилли начала кувыркатся, и девушки с изумлением смотрели, как извивается ее гибкое тело. Лакхи глаз не могла отвести от яркого дорогого наряда Пилли.

Пилли остановилась и, тяжело дыша, спросила:

— Хотите, я покажу вам обезьян-фокусниц?

— Или вам интереснее посмотреть, как танцуют на канате? — вмешался в разговор Пота. — Мы, правда, немного устали, но нам приятно удивить вас своим искусством. Вы, наверное, никогда не видели таких представлений?

— Никогда.

— Ну, так пойдемте! — упрашивали наты.

Пилли тоже уговаривала девушек. Ей было приятно, что они поражены ее ловкостью. Только луки со стрелами и ножи пугали ее.

— Зачем вы носите с собой оружие? — спросила Пилли.

— Мы шли на охоту, — ответила Лакхи.

— Охотиться в таком страшном, дремучем лесу! На каких же птиц вы ходите с луками? Мы, например, убиваем их простыми шариками из глины, — сказала Пилли.

Нинни улыбнулась и пошутила:

— А мы песчинками. Стрелой же наша Лакхи однажды даже повалила буйвола!

— Так, значит, ее зовут Лакхи? А тебя как, доченька? — спросил Пота.

Лакхи ответила за подругу:

— Ее зовут Нинни, а настоящее имя Мриганаяни. Она может уложить одной стрелой здорового клыкастого кабана!

«Не соврал евнух, — подумал Пота. — Эта Нинни действительно смелая девушка и притом красавица. Да и Лакхи ничуть не хуже».

Все вместе они прошли за частокол, который наты уже почти поставили.

• Пожилая женщина вытащила из корзины два огромных спелых ситапхала. Но Нинни отказалась от угощения.

— Вот убьем какого-нибудь зверя, дадим вам мяса, тогда и отведаем ваш ситапхал. А брать задаром у нас в роду не принято, — сказала она.

Но пожилая женщина продолжала упрашивать:

— Не отказывайся от ситапхала. Нинни, — это наш дар тебе. Если бы ты только видела, какое у тебя стройное красивое тело! Кажется, будто оно соткано из лепестков розы и лотоса! Станешь женой какого-нибудь раджи, так вспоминай хоть изредка, не забывая нас и эти ситапхалы. При вашей красоте, девушки, вам бы жить во дворцах! Возлежать на роскошных постелях! А невольницы чтобы вам прислуживали. Только слово скажите, мы все сделаем для вас... А убьете дичь — не откажемся. Прошу же тебя, рани, прими наш подарок!

Нинни не понравились слова женщины и ее льстивый тон, но Лакхи слушала с удовольствием.

— Возьми, Нинни, — сказала она. — Впереди еще целый день. Что-нибудь да найдем в лесу, тогда отблагодарим с лихвой.

Ничего не подозревая, Нинни взяла ситапхал. Лакхи последовала ее примеру. Когда с плодами было покончено, Пота достал из корзины длинный канат, привязал его к бамбуковым шестам, потом натянул, а шесты воткнул в землю.

По знаку пожилой женщины Пилли принесла еще два ситапхала. Девушки стали отказываться, но их все же уговорили.

Не успели они съесть плоды, как Пота повесил на шею дхолки, взобрался с помощью других натов на канаты и стал медленно двигаться. Девушки наблюдали, затаив дыхание. Пилли тем временем начала танцевать и петь. Все тело ее играло. Пота то ускорял, то замедлял шаг и на ходу бил в дхолки, аккомпанируя Пилли.

Нинни быстро наскучило представление. Вначале ей понравилось, как поет Пилли, но потом — она не смогла бы объяснить почему — ей почудилась фальшь в ее пении, а танец казался очень грубым.

«Как может женщина быть такой бесстыдной?» — думала она.

Однако Лакхи не замечала Пилли. Все ее внимание было поглощено канатоходцем. Он просто заворожил девушку. Как ловко он держал равновесие!

«А получилось бы у меня что-нибудь? — подумала Лакхи. — Конечно, прыгать и кувыркаться, как эта Пилли, я бы не смогла, но по канату наверняка бы прошла. Весь секрет в том, чтобы управлять телом и правильно дышать. Непременно научусь. Веревка у нас есть. Бамбуковые жерди принесу из лесу. Долго ли срезать их ножом? Сегодня же начну учиться. Может, повезет на охоте, тогда поделюсь добычей с натами и не успокоюсь, пока не научусь у них этому искусству».

Между тем Пота спустился на землю.

— Ну, как, доченьки, понравилось? — спросил он.

Нинни равнодушно кивнула головой. Но Лакхи сказала с восторгом:

— Замечательно! Сколько вы еще пробудете здесь?

— Сами не знаем: ведь мы только пришли. Река близко. Травы для скота сколько хочешь. К тому же рядом деревни. Правда, небольшие, но как-нибудь проживем, будем давать представления. А потом в Гвалиор направимся, — ответил Пота.

— Приходите почаще, — сказала Пилли. — Каждый день будем показывать вам что-нибудь новое. У нас очень много номеров. А показали мы вам самую малость. В вашей деревне мы тоже дадим представление.

— У нас вы ничего не заработаете, — предупредила Нинни. — В деревне есть нечего!

Но пожилая женщина с жаром возразила:

— Мы и так достаточно зарабатываем. Не обеднеем, если в одной деревне не заплатят. Поживем немного в вашем лесу — и на том спасибо! Приходите к нам, будем рады. Только без луков и ножей. Они как-то не подходят вам! Зачем вы занимаетесь охотой? Ведь это мужское дело. На каждом шагу вас подстерегает опасность: тигры, медведи, ямы, колючки. Вам бы на плечи не луки, а гирлянды цветов, а вместо пояса с ножом — пояс из жемчуга!

Пилли повела плечами и, подмигнув, улыбнулась. Лакхи это рассмешило. Нинни же покраснела от стыда за Пилли, — она вызывала у нее отвращение, — и сказала:

— Ну, мы пошли. Попадется что, поделимся.

— Мы тоже умеем стрелять из лука. Взяли бы с собой кого-нибудь из нас! — предложил Пота. — Мы помогли бы вам. Трое лучше двух, а четверо лучше трех.

Лакхи чуть было не согласилась. Но Нинни решительно возразила:

— На охоте третий — лишний. Мы не берем с собой даже моего брата.

— А где он, твой брат?

— В Гвалиоре. Только сегодня уехал туда.

— Надолго?

— Дней на пять.

— Ну что ж, идите одни, — сказала пожилая нати-ни. * — Но если убьете какого зверя, не забудьте про нас. Мы привезли с собой из Мальвы много хорошего риса и гура. Можем поделиться.

— А вы откуда пришли? — спросила Нинни.

— Из лесов далекой Мальвы. Люди мы небогатые, в домах не живем. Где разобьем лагерь, там наш дом.

Лакхи с изумлением смотрела на нарядно одетую Пилли и думала: «Наверно, эти люди зарабатывают много денег».

— Мы съели у вас четыре ситапхала... — начала было Нинни.

Но пожилая женщина перебила ее:

— Понравились? У нас еще есть — в лесу нарвали.

— Мы заплатим за них, — продолжала Нинни. — А попадется зверь, выменяем у вас на фрукты, рис и гур.

Когда Нинни и Лакхи ушли, наты стали бурно выражать свою радость: скоро им удастся выполнить волю еву-нуха Матру. Но пожилая женщина приложила палец к губам:

— Спешить некуда, сперва пусть придет брат большеглазой.

— Ее зовут Мриганаяни. Забыла, что ли? — заметила Пилли.

— Это ты забыла, глупая девчонка, что я никогда не выпускаю из памяти ничего важного.

— Отчего же? Это я помню, — ответила девушка.

— Когда сюда придет брат этой Мриганаяни, надень такой наряд, которого здесь не только не видели, но о котором и не слыхали. И помни: прикроешь стыдливо краем накидки лицо — и он твой. Если же выйдешь к нему вот так, полуголая, то еще, чего доброго, отпугнешь его!

— Ты сама ведь говорила, да и я убедилась, что так легче всего завлечь мужчину, — гордо возразила Пилли.

— Это верно. Но если от мужчины что-то скрыть, они вовсе потеряет голову. Вначале постарайся завлечь его, а уж потом поступай как знаешь. Смотри добейся, чтобы брат Мриганаяни...

Она не договорила, лишь слегка подмигнула.

Но Пилли продолжала упрямиться.

Тогда в разговор вмешался Пота.

— По-умному действуй, Пилли, — строго сказал он, — по-умному! Она дело говорит!

И Пилли покорилась.

Наты продолжали устраивать свой лагерь. Поставили шалаш и навесы для животных и имущества.

Не прошло и получаса, как вернулись с охоты Нинни и Лакхи. Каждая несла по небольшому кабану, — правда, у Нинни кабан был чуть покрупнее. Наты вышли девушкам навстречу и, увидев, что те измазаны кровью, пришли в ужас.

Нинни распутала перевязанного лианами кабана, того, что поменьше, и сказала:

— Это вам! Возьмете?

Наты обрадовались. И снова стали предлагать девушкам ситапхалы.

Но Нинни отказалась:

— Спасибо, мы и так много съели. Дали бы нам лучше немного риса и гура, как обещали.

— Конечно, дадим! — в один голос воскликнули пожилая женщина и Пилли.

А Пота сказал:

— Только почему немного? Мы много дадим. Да проходите же.

— Некогда нам. Попьем из реки и — домой. Надо еще коров подоить, — ответила Лакхи.

Пожилая женщина и Пота ушли и очень скоро вернулись с шестью серами риса и комом гура.

— Нам столько не надо! — воскликнула Нинни.

— Что ты, дочка! — возразил Пота. — Разве тут много? Пусть это будет подарком от нас. Меткие вы стрелки! Даже отважные сардары не могли бы тягаться с вами!

— Берите, берите, — говорила пожилая женщина. — А хотите, еще принесем. В вашей деревне, наверно, мало родится хлеба.

— Мало, — ответила Лакхи и завязала рис и гур в свою накидку.

— Так смотрите же, приходите завтра,— пригласила девушек Пилли.— Увидите новые фокусы, послушаете истории о дальних краях, и еще я покажу вам красивые наряды.

— Спасибо, придем,— пообещала Лакхи.

И девушки ушли.

— А ловко Пилли завела разговор о нарядах! — обратилась пожилая женщина к Поте.— Одна попадется — и другой не уйти. Только действовать надо осторожно. Кажется, с этой Нинни или, как там ее, Мриганаяни не легко будет справиться. Утром же отправь двоих в Мэнди. Пусть денег пришлют, украшения из золота и серебра и шелковую одежду. А также гур, самый лучший рис и...

Конец фразы она произнесла совсем тихо.

Пота тотчас отобрал двоих.

Пожилая женщина подошла к Пилли.

— Делай все по-умному. Почаще зови их. Знаешь, что больше всего на свете нравятся молодым женщинам?

— Молодые парни.

— Ну и глупа же ты! Не знаю, когда поумнеешь! Больше всего им нравятся красивые наряды и яркие украшения. Они жизни за них не пожалеют. Наряды и украшения для женщин дороже веры и чести, потому что делают их еще прекрасней и помогают покорять сердца мужчин. А покоренный мужчина — это опять-таки наряды и украшения. На парня, который не сможет дать ни того, ни другого, женщины даже плюнуть не захотят, каким бы красивым и стройным он ни был.

— Я поняла. Говори же, что я должна делать?

— Одними фокусами этих девушек не завлечь. Дай им кое-чего из твоих нарядов и украшений, не жалея. Я уже придумала, как привезти девчонок в Мальву. Пока они здесь, в княжестве Гвалиор, обращай с ними ласково. А там видно будет. Поняла?

— Еще бы!

— Когда этот парень, не знаю, чей он брат, вернется из Гвалиора и придет к нам, постарайся завлечь его. Главное — чтобы он согласился идти вместе с девушками к границе Мальвы. А тем временем из Мэнди подоспеет помощь — и дело сделано.

— Верно!

— Помни, тебе быть старшей, когда я умру!

Искупавшись в реке, девушки вернулись домой. Лакхи разыскала во дворе бамбуковые жерди, подрезала их и принесла веревку.

— Увидишь, я научусь ходить по канату лучше, чем этот Пота, — сказала она.

— А обед себе когда будешь готовить?

— Приготовь его ты, моя добрая Нинни.

— А станешь есть пищу, которую я приготовлю? *

— Почему бы нет? Рано или поздно мне все равно придется есть ее.

— Ладно. Только назови меня золовкой. Ну хоть разок!

— Ишь чего захотела! И так хорошо!

— Назови же — и я буду готовить тебе каждый день.

— Тогда я разучусь стряпать и ты будешь попрекать меня.

— Хорошо, сегодня я приготовлю обед, но потом будешь стряпать сама! Назови же меня золовкой, ну хоть разок!

— Золовушка, приготовь обед!

— Сейчас, невестка!

Девушки обнялись, весело смеясь.

Нинни занялась стряпней. А Лакхи вбила в землю шесты, привязала к ним веревку, потрогала, крепко ли натянута. Потом попробовала пройти по ней, но сорвалась. Снова попробовала и снова сорвалась. Так продолжалось довольно долго. Когда веревка ослабла, Лакхи подтянула ее. Неудачи не смутили девушку — уж чего она захочет, того непременно добьется. Наконец Лакхи научилась держать равновесие и даже прошла немного по канату. Радостная, она побежала к Нинни похвастаться своими успехами:

— Еще неделя, и я всем смогу рассказать, что научилась ходить по веревке!

— Молодец! — похвалила подругу Нинни. — А теперь садись обедать. Знаешь, рис, который дали наты, такой нежный! А еще у нас есть гур! Жаль, что брат не вернулся.

В тот день девушки впервые ели из одной миски.

Ночью на мачане Лакхи долго не могла уснуть и все думала о том, как завтра пойдет к натам. Нинни тоже пойдет с ней, а коров они отведут к пастуху. С этими мысля-

ми Лакхи уснула, но вскоре ее разбудила Нинни: Лакхи должна была сменить ее.

На следующий день они отвели коров к пастуху, быстро перекусили и отправились к натам. Луки со стрелами и ножи они все же взяли с собой.

Наты встретили девушек очень радушно. Старшая натини вместе с Пилли расстелили для них коврики.

Лакхи попросила Пота пройти по канату. Пота тотчас же вбил шесты в землю, натянул канат, повесил дхолки на шею и стал демонстрировать свое искусство, а Пилли, в красивой пестрой накидке, как и в прошлый раз, пела и танцевала.

Скоро Нинни наскучило все это: и накидка, от которой рябило в глазах, и танец Пилли, и удары дхолки. «Зачем ходить по канату? — думала она. — Уж лучше выучиться убивать копьем кабанов или буйволов». Зато Лакхи была в восторге, она не знала, на кого ей смотреть: то ли на Пилли с ее накидкой, то ли на канатоходца. С трудом оторвала она взгляд от Пилли и стала внимательно наблюдать за Потой.

— А могла бы и я так ходить? — спросила Лакхи, когда Пота спрыгнул на землю.

— Конечно, — ответили наты в один голос.

Нинни заметила, что сегодня натов меньше, чем было накануне, однако ничего дурного не заподозрила. «Ушли куда-нибудь по делу», — подумала она.

— Тебе недолго выучиться, — сказал Пота Лакхи. — Ты, наверно, ловкая. Я обучу тебя за несколько дней. Сегодня же и начнем.

Лакхи взглянула на Нинни.

Однако Нинни сказала:

— Сегодня ей не до этого: она мечтает о диком буйволе. А тигр попадется — еще лучше: на хорошую шкуру и цена хорошая.

— Впереди еще целый день. Хотите, расскажу вам о больших городах? — предложила Пилли.

Лакхи охотно согласилась.

Пришлось и Нинни слушать.

Пилли провела девушек в шалаш.

Она достала из корзинки несколько очень дорогих накидок и стала их расхваливать. Ничего подобного девушки не видели и с любопытством разглядывали эти великолепные вещи.

«А нам вот они ни к чему, — подумала Нинни. — На охоту в них не пойдешь, коров на луг не погонишь и в поле не паденешь. Зацепится такая накидка за колючку или ветку,

и сразу порвется. Да если бы я вдруг нарядилась во все это, родной брат принял бы меня за патиини! О боже! Какая бесстыдная эта Пилли!»

— А дорого эти накидки стоят? — спросила Лакхи.

— Еще бы! Им цены нет! — ответила Пилли.

— Откуда они у тебя? Подарок, что ли?

— А то как же? Такие накидки носят только в больших городах. Но и там не каждый может их купить. Их носят только рани да такие красивые девушки, как мы с вами.

— А где тебе подарили их?

— В Мэнди. Мы выступали там перед раджей. Ему понравилось, вот он и сделал нам подарок.

— Ой, дочки, а раджа там какой, словно бог Индра! — сказала старшая натиини. — У него горы золота, серебра и драгоценных камней! А дворцы огромные-преогромные! Знали бы вы, как ему понравилась наша Пилли!

Пилли фальшиво рассмеялась. Лакхи тоже засмеялась. Но Нинни было не до смеха, она лишь улыбнулась: какая-то смутная тревога охватила ее.

— Я почему-то сразу полюбила вас обеих, — сказала Пилли, — и мне так хочется подарить вам по накидке. Наденьте их! Мне они нужны, лишь когда я выступаю. К тому же у меня их много. Берите!

Девушкам это не понравилось, особенно Нинни. Однако Лакхи мечтала научиться ходить по канату и, чтобы не обидеть натов, сказала с улыбкой:

— Мы возьмем их, только не сейчас, а когда будет, что дать вам взамен. Да сейчас они и не нужны нам.

— Вы замужем? — спросила старшая натиини.

— Нет, — спокойно ответила Нинни.

— Помолвлены?

Лакхи смутилась. Нинни же довольно резко ответила:

— А вам что?

Лакхи попыталась смягчить ответ Нинни и сказала:

— Нет, не помолвлены. — Потом обратилась к подруге: — Нинни, это она так просто спросила. Что же в этом плохого?

Получив поддержку Лакхи, натиини снова заговорила:

— Смотрю я на вас, обе вы такие красивые да ладные! Ну прямо лесные рани! Быть вам жепами какого-нибудь великого раджи! Хотите, погадаю по руке? Колдовать мы тоже умеем. Знаем также коренья и травы, о которых придворные лекари понятия не имеют. Мы можем вылечить даже от укуса кобры.

Нинни не хотелось гадать, но она промолчала, зато Лакхи с готовностью протянула ладонь.

Натини долго разглядывала ее. Потом сказала:

— Ты выйдешь замуж за очень знатного человека, за правителя какой-нибудь большой крепости.

Девушки рассмеялись. Но это не смутило натини.

— Вот увидите, что я не соврала. Мои слова скоро сбываются. А пу-ка, Мриганагни, ты покажи свою руку!

Нинни колебалась, тогда Лакхи схватила ее руку и протянула натини. Та внимательно взглянула на ладонь.

— А тебе, доченька, суждено стать рани огромного княжества. И выйдешь ты замуж не за простого раджу, а за махараджу. Вырвешь мне язык, если я соврала.

Девушки снова рассмеялись.

— Да где же она найдет раджу? — весело спросила Лакхи.

— Вокруг, доченька, много княжеств. Сейчас я не могу сказать точно, за какого раджу она выйдет. Но если я сделаю богам подношение, то через несколько дней скажу и это. Гвалиор, Калпи, Мальва, Мевар — мало ли княжеств кругом! Мы-то везде побывали, но разве упомним все названия. А сейчас мне надо заняться делами. Вы тут поговорите пока.

— Нам тоже пора в лес, — ответила Нинни.

— Что вы! Посидите немного. Куда спешить? Ведь еще только утро, — начала уговаривать Пилли.

Вместе со старшей натини ушли и остальные женщины.

— Кто она у вас? — спросила Нинни.

— Она самая старшая натини, — объяснила Пилли, — ну, самая главная, понимаешь?

— Женщина — и вдруг самая главная! А тот, который ходит по веревке? Разве не он главный?

— При чужих мы выдаем его за главного, на самом же деле всем распоряжается она. В нашей касте правят женщины.

— А тебе она кем доводится?

— Матерью, а тот, что ходит по веревке, дядя — брат отца. Все мы родня.

— Ты замужем?

— Нет еще, я даже не помолвлена. А вам хочется замуж, тебе и твоей сестре?

— Она мне не сестра, мы подруги.

— Хотите замуж?

— Как не стыдно!

— Что ж здесь стыдного? Я вот непременно выйду замуж. И вам советую, выходите, пока молоды. Самое время веселиться и наслаждаться жизнью.

— А нам и так хорошо и совсем не скучно.

— Вы просто не знаете, что такое истинное блаженство и наслаждение! Вот найдем вам женихов таких, как вам моя мать нагадала, тогда поймете, что жили скучно.

— Сейчас нам не до этого, — сказала Лакхи. — Надо думать о пропитании. Да и ни к чему нам беспокоиться о замужестве. Об этом позаботится старший в нашем доме. Вернется из Гвалиора, тогда и поговорим с ним.

Нинни встала.

— Пошли, и так засиделась!

Лакхи тоже поднялась.

Пилли стала уговаривать их остаться еще хоть ненадолго.

Но Лакхи ответила:

— Мы лучше завтра придем и пробудем у вас целый день. Я буду учиться ходить по канату, а Нинни послушает твои рассказы.

— Если вернемся с добычей, на обратном пути зайдем к вам, — сказала на прощание Нинни.

Но наты напрасно прождали их до вечера. Девушкам не повезло на охоте: долго блуждали они по лесу, но так ни с чем и вернулись домой.

17

Уже целых восемь дней прошло с тех пор, как уехал Атал. Нинни и Лакхи стали волноваться, не случилось ли с ним какой-нибудь беды.

Днем девушки ходили в лес на охоту или к натам. Вечером возвращались домой. Доили коров, стряпали, ужинали и шли в поле охранять джвар.

Пота учил Лакхи ходить по канату и все время подтрунивал над ее усердием. Пилли и старшая натиapi старались поразить девушек описанием дворцов, лавок, роскоши и великоления Мэнди, ни разу не упомянув при этом имени султана. Они то и дело предлагали им разные подарки, но Нинни и Лакхи ничего не хотели брать даром. А на охоте им последнее время не везло.

Однажды вечером, когда девушки пасли коров, в деревню вернулся Атал. Он нес два копыя. Одно — в руке, а другое, то, к которому был привязан небольшой красный узел, на плече. За спиной у него висел колчан с железными стрелами. Остроносые туфли Атала были в пыли, лицо потемнело от загара. С радостным нетерпением вошел он во двор.

— Эй, где вы? — громко позвал он.

— Здесь! — ответила Лакхи.

— Брат! — крикнула Нинни.

Сияющие девушки выскочили во двор. Атал воткнул в землю копьё, которое держал в руке, а второе копьё снял с плеча и положил вместе с узлом на землю.

— Это еще для чего? — смеясь, спросил он, указывая на веревку, натянутую между шестами.

— Так, для забавы, — ответила Нинни. — Потом узнаешь, прежде скажи, где ты пропадал столько времени?

— Мы так волновались! — не в силах сдержать радости, воскликнула Лакхи.

Атал сел и вытянул уставшие ноги.

— О, у меня такие новости! Сейчас узнаете! Только сначала покормите меня! Или, может, подождать с ужином, раздать вам подарки, а?

Он поджал ноги и посмотрел на девушек. Нинни выхватила у Атала копьё и распорядилась:

— Лакхи, сними с него колчан! А я займусь узлом, — не там ли все новости, такие замечательные, что он сидит теперь, словно святой, давший обет молчания.

Атал начал в шутку отбиваться:

— Нет, сперва накормите! А уж тогда получите колчан со стрелами и узел!.. Ой-ой-ой! Все забрали! Ограбили!

Нинни и Лакхи хохотали от души. Узел был тут же развязан, и девушки увидели две чоли, красные дхоти из плотной материи, тонкое хансули и два серебряных колечка. Лакхи повесила на плечо колчан, взяла копьё и взглянула на Нинни. Нинни примерила хансули, одно колечко надела себе на палец, другое — подруге. Колечко оказалось велико, но Лакхи это мало беспокоило, главное — копьё и стрелы.

— От обеда ничего не осталось, — сказала Нинни Аталу. — Зато у нас есть чудесный рис и белый, как лунный свет, гур.

— Откуда же вы все это взяли?

Девушки рассмеялись.

— Ты думаешь, только у тебя новости?

-- Тогда рассказывайте скорей! — попросил Атал.

— Сначала ты Расскажи. Или все твои новости в узле с подарками и тебе нечего рассказывать?

— Что ты! У меня столько новостей, что все их в узле не спрячешь. Чего ради пропадал бы я восемь дней? Во-первых, — и это самое важное, — наш жрец встретился с раджей. Раджа обещал в ближайшие дни приехать в Раи на охоту и... и... Но хватит болтать! Отвечайте, где вы достали рис и гур и почему здесь протянута эта веревка?

— Что стоят обещания раджей? — сердито произнесла Нинни. — Он уже не раз обещал приехать. Чем меньше человек, тем больше можно ему верить, и, наоборот, чем больше человек, тем меньше можно ему верить. Да если он и придет, нам-то что? Деревню Раи, что ли, пожалуйет нам в джагир, когда увидит, как я стреляю? Ладно. А еще какие новости?

— Я увидел там девушку, как две капли воды похожую на Лакхи. Я даже испугался. Зачем, думаю, Лакхи приехала в Гвалиор? Не выдержал и спросил. Надо мной здорово смеялись.

Было видно, что Аталу приятно рассказывать об этом. Лакхи отвернулась и, стараясь сдержать смех, прикрыла рот рукой. Нинни громко хохотала. Потом потрепала Лакхи по плечу. Та не выдержала и тоже рассмеялась.

— А ничего лишнего ты не говорил этой девушке? — И Нинни быстро взглянула на Лакхи.

Лакхи убежала в другой конец двора.

— Как тебе не стыдно, Нинни! — возмутился Атал.

— А кто она, ты узнал? — спросила Нинни.

Атал смущенно улынулся.

— Она музыкантша и художница!

— Как же ты ошибся, брат?

— Хватит об этом, — тихо сказала Лакхи. — Зачем из мухи делать слона? Спроси лучше о чем-нибудь еще!

— Да он уже, наверное, все рассказал.

— Нет, не все. Самое интересное впереди. Но сначала вы расскажите, что у вас нового?

— В нашем лесу остановились паты, — стала рассказывать Нинни. — Один из них канатоходец. Лакхи увидела, как он танцует на веревке, и тоже решила научиться. Теперь она все время тренируется во дворе. Вот увидишь, она превзойдет пата. Как-то мы убили двух кабанов и одного отдали

патам за рис и за гур. У них всего много. Еще они предлагали нам всякие красивые наряды. Мне они, правда, не очень понравились. Но если повезет на охоте, возьму для Лакхи накидку.

— Если ты для себя не возьмешь, то зачем она мне? — сказала Лакхи.

— Ну, у меня новости поинтересней, — важно произнес Атал. — В Гвалиоре были большие празднества. Я собственными глазами видел состязание в стрельбе из лука. Тысячи лучников собрались в крепости, и каждый пытался попасть в маленькую деревянную утку, которая плавала в кувшине с водой. Но это не так просто. Кувшин подвешен на веревке, да еще его раскачивают. Кувшин многие разбивали, а вот в утку попал один только раджа Ман Сингх, да и то всего раз. Потом в крепости устроили праздник музыки, песен и танцев. Из самых дальних мест съехались люди в Гвалиор, чтобы побывать на этом чудесном празднике. Потому я и задержался. Из Чандери приехал знаменитый певец Байджнатх с девушкой, которую я принял за Лакхи. Они вдвоем пели и играли на вине. Я ведь ничего не смыслю в музыке, но людям, видно, понравилось, потому что все одобрительно кивали головой. — Рассмеявшись, Атал добавил: — Ты, сестра, не поешь, а пишишь в сравнении с ними!

Нинни была задета за живое.

— Если бы я училась, то еще неизвестно, кто бы из нас лучше пел! — сердито сказала она.

Атал продолжал говорить, теперь уже обращаясь к Лакхи:

— В Гвалиоре есть хорошая гуджарская семья. У них два буйвола, пара быков, четыре коровы, пять телят, поле с колодцем. В общем, полный достаток. И есть в этом доме жених для нашей Нинни. Я поговорил с его родителями насчет помолвки, но окончательно договариваться не стал: решил посоветоваться с вами. Думаю, ничего не придется давать в приданое. К свадьбе они даже обещали подарить Нинни серебряные кольца на ноги. Ну, а в крайнем случае продадим рисовое поле.

Нинни швырнула копьё и ушла в дом.

— Хватит, поговорили! — крикнула она Лакхи. — Иди сюда, пора ужин готовить!

Лакхи тоже вошла в дом и положила у стены стрелы и копьё. Нинни попросила ее, выгребая из печки золу:

— Скажи брату, чтобы не говорил больше о помолвке. Я не выйду замуж.

— Конечно, нинни нагадала тебе другое, но ведь только брахманы не ошибаются, — тихо ответила Лакхи.

— С ума сошла, что ли! При чем тут гаданье? Просто я не хочу выходить замуж и не выйду! Разве смогу я расстаться с вами? Глядя на ваше счастье, и я буду счастлива.

— Но ведь Атал говорит, что это хорошая семья и живут они в большом городе. Подумай, Нинни!

— Нечего мне думать, лучше умру, чем пойду замуж! Так и передай брату. А не передашь, кого-нибудь другого попрошу.

— А что скажут в деревне?

— Чего только не говорят про вас с братом в деревне — и то ничего. Нас не запугаешь!

— Хорошо, я скажу ему.

— Скажи, моя Лакхи... — Голос у Нинни дрогнул.

Лакхи выполнила обещание и рассказала все Аталу.

Атал был озадачен, помолчал немного и сказал со вздохом:

— Ну что ж! Я хорошо сделал, что не договорился заранее. Пойдем другого жениха.

Он позвал Нинни. Она, не глядя на него, подошла.

— Знай, сестренка, в таком деле я никогда не пойду против твоей воли. А теперь бери свое копьё и завтра же начинай учиться. Посмотрим, скольких буйволов ты убьешь им!

Нинни засмеялась и подняла копьё. Потом, подталкивая Лакхи, ушла с нею готовить ужин. С порога она крикнула брату:

— Я уже ела пищу, которую готовила Лакхи. Сегодня и тебе придется есть.

Атал удивился, но как ни в чем не бывало, ответил:

— Хорошо.

Утром всех ждали дела. Нинни и Лакхи должны были осмотреть новые стрелы и начать учиться метать копьё. Кроме того, Лакхи очень хотелось похвастаться перед Аталом своими успехами, пусть посмотрит, как искусно ходит она по канату. Но Аталу надо было выгнать коров на луг. Тогда они решили попросить пастуха, того самого, который пас их скотину, пока Атал был в Гвалиоре, попасти коров

еще день, тем более что Аталу очень хотелось посмотреть чудесное представление натов.

Солнце стояло уже высоко, когда все трое подошли к лагерю. Наты еще издали заметили их. Заметили и копыя в руках девушек.

Пота вышел им навстречу. Поздоровался с Аталом и вопросительно взглянул на девушек.

— Это мой брат, — сказала Нинни довольно громко, так, чтобы остальные наты тоже слышали.

Пота почтительно провел их в лагерь. Пилли, полуобнаженная, сидела на траве и искала в голове у обезьяны вшей. Увидев гостя, она схватила обезьяну и скрылась с ней в шалаше. Старшая натини постелила для Атала толстое рваное, все в лохмотьях, одеяло. Еще ни разу в жизни юноше не оказывали такого уважения. Он с достоинством сел. Нинни и Лакхи продолжали стоять.

Лакхи указала на Пота.

— Это он ходит по веревке, — сказала девушка.

— Хотя мы и очень заняты, но такому гостю непременно покажем наше представление. И не один номер, а несколько, — смиренно обратился Пота к Аталу, при этом бесцеремонно его разглядывая.

Пилли вышла из шалаша в дорогой прозрачной накидке и встала позади старшей натини, которая тотчас представляла ее Аталу:

— Это Пилли. Сейчас ты увидишь, как чудесно она прыгает, танцует на канате, ходит колесом. Взгляни, как красиво и гибко ее тело! Да и лицом наша Пилли не дурна.

Пилли перестала прятаться за спиной матери, мягко ступая, вышла вперед и кокетливо повела плечом, слегка обнажив его. Потом чуть прикрыла лоб накидкой, бросила на Атала быстрый взгляд и тотчас же, будто застеснявшись, опустила голову и опять, но уже сбоку, посмотрела на юношу. Атал не понял, что Пилли разыгрывает перед ним смущение. Поэтому все, что она делала, показалось ему несколько странным. Нинни и Лакхи стояли красные от стыда.

Решив, что долго смотреть на девушку неудобно, Атал отвернулся и стал наблюдать за другими натами. Но ему очень хотелось еще раз взглянуть на Пилли.

— Сейчас я натяну канат, и мы начнем представление, — сказал Пота.

Старшая натини подтолкнула Пилли вперед, поближе к Аталу.

— Пилли у нас очень стеснительная,— заметила она,— но во время выступления она так увлекается, что забывает обо всем на свете.

Пота стал натягивать веревку. Старшая натини подмигнула дочери.

Пилли обернула накидкой грудь и плечо, снова бросила на Атала взгляд и начала танцевать. Атал смотрел не отрываясь. Ему и правда не приходилось видеть раньше ничего подобного. Подвижное гибкое тело девушки извивалось, сворачивалось в колесо, словно было без костей. Наконец Пилли остановилась, сняла накидку с плеч и снова завернулась в нее. Она сделала это так, чтобы Атал смог опять увидеть ее тело.

Но как только Пота влез на канат, юноша стал с интересом наблюдать за ним. Аталу нравилось, как Пота, то ускоряя, то замедляя шаг, ходил по веревке. Пилли заметила это и делала все, чтобы привлечь внимание Атала. Ее танец стал откровенно бесстыдным.

Но Атал все продолжал с увлечением следить за Потой. Нат, раскачивая веревку, ходил по ней взад и вперед и аккомпанировал Пилли на дхолки.

Спустившись на землю, Пота сказал Лакхи:

— Доченька, может, и ты попробуешь?

Сперва Лакхи застеснялась, но Нинни подбодрила ее и помогла взобраться на веревку. Лакхи села на канат и некоторое время оставалась в таком положении, пока не освоилась. Потом решительно встала, сделала несколько шагов, но, потеряв равновесие, упала. Слегка ушибла ногу и, чтобы скрыть боль, улыбнулась.

Пилли захохотала. Атал посмотрел на нее, и она снова сдвинула накидку на лоб, стрельнув в него глазами. Лакхи ничего не заметила, но Нинни перехватила ее взгляд.

— Пойдем в лес, поучимся метать копье,—позвала Нинни подругу.

— Да вы и так в лесу. Куда еще ходить? — спросила старшая натини.

Но Нинни не хотела оставаться.

— Нам надо учиться. Найдем где-нибудь поблизости дерево палаш и будем метать в него копье. Потом отдадим копья брату, а сами отправимся на охоту, — сказала она.

— Ну что же, идите,— согласилась натини.

Девушки ушли. Атал остался у натов.

— Ну что, поправилась тебе наша Пилли? — спросила его старшая натини.

— Еще бы!

Пилли с наигранным смущением убежала в шалаш.

— Она сразу же, как только увидела тебя, так и влюбилась, — тихо сказала натини.

Атал смутился.

— Что вы!..

— Видишь ли, она поняла, о чем я хочу сказать тебе, и поэтому убежала. Она такая застенчивая!

Теперь Атал понял, что означали взгляды Пилли и ее танец.

«Влюбилась! Уж не решила ли она выйти за меня замуж? А Лакхи? О боже, боже!» — И Атал посмотрел в ту сторону, куда ушли Нинни и Лакхи.

Тогда натини решила взяться за дело по-другому. Она поманила рукой Поту.

— Расскажи ему, что делается на свете, — попросила она его. Потом обратилась к Аталу: — Какие огромные и красивые города Мэнди, Калли, Мандсаур!.. * Ты никогда там не был?

— Нет, я нигде не был, кроме соседних деревень. Вот в Гвалинор съездил, и то впервые, — ответил Атал.

Пота рассказал, не скупясь на краски, о городах, которые он видел, и даже о тех, которых не видел. Потом предложил:

— Пойдем с нами в Мэнди. Увидишь, Гвалинор не идет с ним ни в какое сравнение.

— А как же Нинни и Лакхи?

— И их возьми с собой. Они такие славные! Пусть девушки увидят, что на свете есть места красивее, чем деревня Раи и эта река.

Пилли кашлянула.

Натини сказала Аталу:

— Слышишь? Она тоже зовет тебя в Мэнди. Если пойдешь, не пожалеешь! У нас ты найдешь счастье!

Аталу стало неловко.

— Когда султан Мальвы увидит, как метко стреляют Нинни и Лакхи из лука, он рот разинет от удивления и щедро одарит их, — уговаривал Пота.

— А далеко до Мэнди? Как туда добраться?

— Нет, недалеко. Да и что значит далеко для молодого парня? Отсюда до Мэнди можно пройти прямым путем

через Нарвар, минуя Гвалинор. Всего-то косов двадцать пять, не больше.

— Пожалуй, ничего не выйдет: к нам должен приехать на охоту раджа Гвалиора. Он тоже хотел посмотреть, как Нинни и Лакхи стреляют из лука. А потом можно и в Мэнди пойти...

Услышав эту новость, наты забеспокоились. Пота сразу заговорил о другом.

— У нас есть несколько очень красивых накидок. Как раз для Нинни и Лакхи.

— А чем мы заплатим вам?

— Нам ничего не надо.

— Нет, так они не возьмут.

— Да, да, конечно, они такие гордые! Им бы во дворце жить, а не в хижине!

— Почему это?

— Они благородны, как рани.

— Но тем, кто живет в хижинах, о дворцах и мечтать нечего.

— Старшая натини гадала девушкам по руке и предсказала, что они выйдут замуж за раджей. А она никогда не ошибается!

— Разве это возможно?

— А почему бы и нет? Ну как, может, согласишься на накидки?

— Что ж, покажите. Все равно ведь сидим без дела.

Когда перед Аталом расстелили накидки, он подумал:

«Какой была бы в них Лакхи? Наверное, еще красивее!»

Потом он поднял глаза и увидел Пилли в дорогой, роскошной накидке. Атал невольно сравнил ее с Лакхи, и ему захотелось уйти.

— Пойду к реке, пить хочется, — сказал он. Он не мог пить воду, которой коснулись руки натов — людей низшей касты.

Когда Атал ушел, старшая натини и Пота стали шептаться.

— Если его не завлечем, ничего не выйдет.

— Но Пилли понравилась ему.

— Да. И на это вся надежда.

— Когда вернутся наши из Мэнди, придумаем что-нибудь.

— Ведь они приедут не с пустыми руками.

— Конечно, они привезут не только украшения и деньги...
Конники тоже будут большой подмогой.

— Но долго ждать опасно. Вдруг и правда нагрянет сюда раджа Гвалиора со своими войнами?

— А чего нам бояться? Откуда ему знать, зачем мы здесь?

— Об украшениях Аталу не надо говорить. Покажем их девочкам. Не может быть, чтобы они не польстились на драгоценности. Другие так жизнь готовы отдать за них. А потом попробуем уговорить их отправиться с нами. Может, и согласятся. Атала куда-нибудь ушлем или прикончим. А девушек уведем в Мэнди.

— Не так это все просто. Ну, ладно, придут наши из Мэнди, тогда посмотрим.

Вскоре вернулся Атал вместе с Лакхи и Нинни. Девушки были довольны первыми успехами.

— Метать копьё немного проще, чем стрелять из лука, — восторженно говорила Нинни Аталу. — Мы скоро научимся.

— А бить им пробовали?

— Конечно, — ответила Лакхи.

— Возьми копьё, — сказала Нинни, — мы пойдем поохотимся. И, может быть, сегодня же сможем взять у них хорошую накидку для Лакхи.

Атал взглянул на разряженную Пилли.

«Неужто и у Лакхи будет просвечивать тело, как у натины? Неужто и она станет похожей на Пилли, которая все время стреляет глазами, так бесстыдно обнажается и танцует? А Нинни? Моя сестра! Какой она будет в этом наряде? Тоже как Пилли? Боже мой!»

Атал почувствовал отвращение и сказал:

— У нас не носят таких накидок.

— Зато их носят рани, — ответила старшая натини.

— Я не видел, как одеваются рани, поэтому ничего не могу сказать. Но мы люди простые, и за раджами нам не пристало гоняться.

— И все же возьмем одну накидку. Может, когда-нибудь пригодится, — проговорила Нинни, думая о свадьбе Лакхи.

— Может, и пригодится, — подтвердила Лакхи. — Но если уж брать, так сразу две, одна нам ни к чему.

Девушки ушли на охоту. Атал взял копьё и отправился домой.

К вечеру вернулись наты, те, что дней десять назад уехали в Мэнди. Они тотчас же выложили большой кошелек и жестами, опасаясь, как бы их не подслушали, дали понять, что привели с собой конников.

Нинни и Лакхи долго бродили по лесу, но и на этот раз вернулись домой с пустыми руками.

19

На следующий день девушки никуда не ходили. Они хлопотали по хозяйству, метали копы, Лакхи училась ходить по канату. Атал с утра пас коров.

Вечером Нинни предложила подруге:

— Давай завтра утром уйдем подальше, может, повезет. А то ходим возле самого дома. А звери так близко не подходят, боятся. Да и наты шумят — всех зверей распугали. Ни одного не видно, а следы есть.

— Что ж, давай уйдем подальше, — согласилась Лакхи. — Может, копы с собой возьмем, а?

— Конечно! Повесим их за спину. А если придется проходить через густые заросли — понесем в руках. Только давай договоримся: увидим зверя, ты стреляешь первой, промахнешься — выстрелю я.

— Хорошо, — согласилась Лакхи.

На следующее утро девушки быстро покончили с домашними делами и отправились в лес. Миновали деревню. И тут неожиданно встретили Поту.

— Вы слышали, как сегодня ночью ревели буйволы и кабаны? — спросил нат.

— Буйволы и кабаны?!

— Неужели здесь не было слышно? Значит, я правильно сделал, что пошел к вам. Кто знает, сколько их было! Совсем недалеко, прямо за нашим лагерем. Наверно, драку затеяли.

— А может, тигр появился! Ведь последнее время звери не подходят даже к полям. В какой стороне от лагеря был шум?

Нат указал направление и повернул к себе в лагерь.

И действительно, пройдя кос, девушки увидели следы — они словно налезали один на другой. Сначала девушкам

показалось, что здесь прошли буйволы. Но нет, что-то не похоже. Может быть, это следы лошадей. Лошадей?! Но как они попали в эти места? На поле, где росла низкая трава, следов было гораздо больше, чем на каменистой или густо поросшей кустарником земле. Девушки остановились, спрятались в кустах и начали шепотом совещаться.

— У буйвола копыта раздвоенные, у кабана тоже, — сказала Нинни. — Это совсем другие следы, — пожалуй, это были лошади.

— Да, но как они здесь очутились? А может, снова пришли тюрки?

— Что ты! Следов совсем мало. Значит, здесь мог пройти только небольшой отряд. О нашествии врага в нашей деревне узнают заранее. Если бы нагрянули тюрки, то уже прошлой ночью на всех холмах и горах зажгли бы костры. Бежали бы от одного панчаята к другому гонцы с тревожной вестью. И неслась бы барабанная дробь... Может, это пришли воины раджи Ман Сингха?

— Что ты! Они бы сразу прискакали в деревню. К тому же здесь нет дороги на Гвалиор.

Слева высился небольшой холм. Каменистая почва поросла низким кустарником. Над холмом возвышались деревья с густыми кронами. Деревня осталась далеко позади, лагерь натов тоже был не близко. Девушки осмотрелись.

Вдруг откуда-то с холма донеслось ржание.

— Наверное, буйвол, — тихо произнесла Нинни. (Девушкам никогда не приходилось слышать лошадиного ржания.)

— Конечно, буйвол, не кабан же.

Подруги стали вслушиваться, но снова наступила тишина.

Нинни сняла со спины копье.

— Дай мне, — попросила Лакхи.

— Лучше ты бей из лука, а я, если понадобится, метну копье. У меня больше силы.

И девушки направились к холму. Когда они подошли ближе, то увидели, что взобраться на холм невозможно: он густо порос кустарником — даже ползком не проберешься.

Девушки решили, что опасность подстерегает их за холмом, и им стало жутко. Что, если где-то рядом тигр? Земля здесь бугристая, а трава довольно высокая — разве заметишь хищника! Или выскочит из-за куста медведь и обхватит так крепко, что кости затрещат? А кабан? Он налетит —

переломает ноги и распорет живот. Да и буйвол может броситься и поддеть на рога.

Чтобы не поддаться страху, девушки гнали от себя дурные мысли.

Нинни и Лакхи осторожно обошли холм и увидели ложбину, голую, лишенную всякой растительности. За ложбиной был еще холм, чуть ниже первого. Остановились. Прислушались. Нинни держала наготове копьё, Лакхи — железную стрелу на тетиве.

Вдруг девушкам послышалось, будто по ту сторону холма кто-то кашлянул. Потом они уже отчетливо услышали ответный кашель. Нинни подтолкнула Лакхи. Они переглянулись, и обе поняли: «Это не звери!» В горле стало сухо, перехватило дыхание.

— Тут кто-то есть, — едва слышно произнесла Лакхи.

Нинни взглядом приказала ей молчать.

Некоторое время они неподвижно стояли. Потом Нинни сказала шепотом:

— Это ветер стукнул веткой о ветку, вот и все.

Лакхи отрицательно мотнула головой и сказала:

— Пошли назад!

Нинни тоже испугалась, но ей стыдно было признаться в этом, и она упростила Лакхи подождать еще немного. Однако ждать не пришлось, — девушки услышали конский топот, легкое покашливание и замерли от страха.

Но Нинни тут же овладела собой. Сдвинула брови и еще крепче сжала копьё. У Лакхи тряслись руки, дрожали губы.

— Это всадники! Бежим, спрячемся! — тихо просила Лакхи, запинаясь от страха.

Не найдя поблизости никакого укрытия, Нинни и Лакхи повернули назад. И сразу же увидели перед собой две лошадиные морды. На холм взобраться нельзя: в кустарнике не найдешь никакой лазейки, даже совсем узенькой. Там, где они стояли раньше, тоже негде спрятаться. Вдруг они увидели в стороне от холма несколько деревьев и побежали к ним. Но укрыться не успели. Навстречу выехало четверо вооруженных всадников. Нинни и Лакхи спрятались за небольшим кустом.

Всадник, ехавший впереди, крикнул:

— Не бойтесь, лесные пери! Мы принесли вам счастье! Поедьте с нами!

Нинни выпрямилась. Сердце ее учащенно билось.

— Кто вы? — спросила она с дрожью в голосе. И вдруг

почувствовала, что страх проходит. Если во время охоты они с Лакхи так метко стреляют, то и теперь не промахнутся!

Лакхи тоже вышла из-за куста.

— Куда это вы нас зовете? — громко спросила она. И хотя голос ее звучал твердо, губы пересохли от волнения.

Воины ничего не ответили и направили к девушкам своих коней. Подъехав совсем близко, они остановились.

На воинах были железные доспехи, поверх шлемов повязаны чалмы. Лица скрыты забралами с круглыми отверстиями для глаз.

— Садитесь на коней! Мы привяжем вас к поясу. Не бойтесь — не упадете, — сказал девушкам первый всадник. — Да вылезайте же из-за куста! Если поедете с нами, весь век будете жить в свое удовольствие.

Всадник соскочил с коня и направился прямо к девушкам. Через плечо у него висели лук и колчан со стрелами. За поясом торчала длинная кривая сабля.

Второй воин тоже спешился и пошел следом. Кони, почувствовав свободу, начали щипать траву.

— Стойте! — крикнула Нинни. — Чего вам надо от нас?

— Мы выполняем волю нашего повелителя. Садитесь на коней, и ваша воля тоже станет для нас законом, — ответил первый воин.

— Не бывать этому! — зло крикнула Нинни.

Тогда первый воин подал знак второму схватить Лакхи, а сам обогнул куст и направился к Нинни.

— Поначалу все так — сердятся, злятся, а потом благодарят судьбу... О, да у тебя, я вижу, копьё! И лук со стрелами! Брось их, — они ни к чему! Как звать тебя?.. Не Мриганаяни ли? — спросил он со смехом.

— Да, Мриганаяни! — с вызовом ответила Нинни.

Копьё, направленное твердой рукой, со звоном пробило кольчугу и вонзилось между ребер. Лакхи взяла на прицел второго воина. Стрела засвистела и глубоко вошла в отверстие забрала. Оба, корчась от боли, со стоном повалились на землю. Лакхи снова выстрелила, на этот раз коню в шею. Конь упал. Два других всадника обратились в бегство. Тогда Нинни сняла с плеча лук, вытащила из колчана стрелу и нацелилась в одного из них. Воин пригнулся, стрела пролетела мимо. Девушки пустили вдогонку всадникам еще несколько стрел, но ни одна из них не достигла цели. Воины успели ускакать. Конь убитого помчался

следом за ними. Некоторое время слышен был топот, затем все стихло. Только у куста еще раздавались стоны — это мучились в предсмертной агонии раненые. Вскоре и стоны смолкли.

У девушек бешено колотились сердца. Они хотели что-то сказать друг другу, но слова застревали в горле.

Наконец Лакхи произнесла каким-то чужим, хриплым голосом:

— Давай вытащим копье и бежим быстрее.

Нинни молча подошла к воину. Посмотрела на него. Воин был мертв. Девушка потянула на себя копье, но вытащить не смогла. Руки дрожали и не слушались. Тогда Лакхи положила на траву лук со стрелами, подошла к убитому, села на землю и, упершись ногами в труп, рванула копье. Кровь брызнула фонтаном. Нинни отвернулась. Лакхи отдала подруге копье и побежала за своим луком, будто снова собиралась стрелять. Девушка, казалось, обезумела. Она торопливо вырвала стрелу из головы второго воина, потом подбежала к коню,хватила из его шеи другую стрелу и обе спрятала в колчак.

Наконец она вернулась к Нинни. Та стояла неподвижно, потрясенная всем происшедшим.

— Нинни, слышишь, Нинни! — позвала Лакхи все тем же хриплым голосом. — Бежим отсюда! Бежим быстрее! Может быть, ты хочешь разыскать свои стрелы?

Нинни пришла в себя.

— Какие там стрелы! Сейчас не до них! Бежим!

Девушки побежали прочь. Они выбрались из леса и пошли к реке.

У деревни подруги замедлили шаг. На душе у них было скверно. Кровь на копье и стрелах уже высохла.

— Давай сначала обмоем копье и стрелы в реке, сами умоемся, а потом пойдем домой, — предложила Нинни.

— А вдруг и у реки войны?

— Мы увидим их издали и убежим.

— Надо предупредить всех в деревне, как бы они не напали.

— Ну, на деревню-то они не нападут. Их, пожалуй, немного: те двое, что убежали от нас, да где-нибудь в окрестности еще несколько человек. Не бойся! Недалеко лагерь патов, и у них есть оружие. Пошли к реке.

Лакхи согласилась пойти к реке. К тому же в колчанах оставалось несколько стрел. Осторожно подошли к берегу.

Огляделись. Вокруг ни души, только мирно паслись коровы и буйволы. Девушки вымыли копье и стрелы, искупались и пошли в деревню.

Но дома им снова стало страшно: казалось, будто они опять в огромном лесу и кто-то гонится за ними, а они безоружны, беззащитны. Девушки затянули занавеску на двери, не оставив даже крохотного просвета, но от этого сделалось ещё страшнее. Тогда Нинни открыла дверь и, выйдя на улицу, стала оглядываться по сторонам.

— Как долго нет Атала! — сказала Лакхи.

— Да я вот тоже смотрю, не идет ли. Мы бы сейчас поужинали и пошли на мачап.

Начало смеркаться. Крестьяне погнали в деревню свой немногочисленный скот. Когда Нинни услышала топот буйволов и коров, ей показалось, будто это мчатся всадники. Но тут пришел Атал. Девушки шумно обрадовались ему.

— Что случилось? Где ты пропадал так долго? — спросила Нинни.

Атал удивился.

— Долго? Да сейчас ведь самое время гнать домой скот с водопоя! Что это с вами сегодня?

— Мы очень боялись, как бы с тобой чего не случилось, — ответила Лакхи.

И пока Атал привязывал коров во дворе, девушки рассказали ему, что с ними приключилось. Атал вначале даже не поверил. А потом сказал:

— Это тюрки. Небольшой отряд, человек пять-шесть, не больше. Ведь наш раджа построил крепости в горных ущельях и укрепил границы вдоль рек Чамбала и Джамны. Ни один даже не очень большой отряд не пройдет сторожевые посты незамеченными. А если бы где-нибудь произошло сражение, мы бы уже знали. Так что не беспокойся. Будь тюрков много, вам не вернуться бы живыми. Слава всевышнему, что все обошлось. Вот и пригодились мои копья и стрелы, но отныне я запрещаю вам так далеко ходить на охоту. Пора убирать урожай. Соберем хлеб, обмолотим, засыпем в ямы, тогда голод не страшен... А теперь пошли на мачап. Вы спите, а я посторожу.

На следующее утро, едва они вернулись домой, к ним явился Пота. Его наглые сверлящие глаза, которые обычно старались не упустить ни одной мелочи, сейчас растерянно бежали. В них притаился страх.

Нат почтительно поздоровался и сказал:

— Ну как, доченьки, повезло вам вчера на охоте? Хоть бы с нами поделились.

Атал с гордостью произнес:

— Вообще-то им повезло, только делиться с вами нечем. Девушки убили двух воров, остальные сбежали.

— Воры! Боже мой! О всевышний! О Гаур-баба! * Что же делать? А мы там совсем одни!

— Вас много, и у вас есть оружие! — ответил Атал.

Нат запричитал:

— Что наше оружие? Им от воров не защитишься. А ведь у нас много одежды, рису, гура. Может, панчайт и староста позволят нам перебраться поближе к деревне?

Атал подумал немного.

— Пожалуй, никто возражать не будет.— В голосе его по-прежнему звучала гордость за девушек.

Нат, обрадованный, вернулся к себе в лагерь и тихо, чтобы никто не услышал, сказал старшей натини:

— Они ни о чем не догадываются. Переберемся поближе к деревне. А там видно будет.

К вечеру того же дня наты перебрались на новое место.

20

В душе Нинни очень гордилась собой. Еще бы! Удар копья был сильным и точным, она сразила врага наповал. И это после двух дней тренировки! Были бы на месте Нинни и Лакхи другие женщины, разбойники увезли бы их и опозорили. Ведь даже на помощь некого было позвать. Хоть плачь, хоть кричи — никто не услышит!

Лакхи смутно помнила все происшедшее. Единственное, что осталось в памяти, это убитый ею воин, — он хотел накинуть на Лакхи чадру, и конь, которого она уложила второй стрелой, потому что на этом коне тюркок собирался увезти ее. В тот момент Лакхи действовала, не размышляя.

Но воины были тюрками. Теперь они могут привести сюда целое войско. Что тогда? Страх перед нашествием врагов омрачал радость девушек.

А как рассказать о случившемся в деревне? Конечно, о таком подвиге заговорят далеко вокруг. Но если сюда нагрянут тюрки и уничтожат поля, скот, дома, тогда люди об-

вилят их, Лакхи и Нинни. Скажут, что это они принесли разорение и горе.

Атал посоветовал девушкам ничего не говорить крестьянам. Но первый же не выдержал:

— Нинни и Лакхи прогнали воров! — сказал он одному из крестьян.

А крестьянин, когда рассказывает, уж от себя прибавит.

— У воров было оружие, они были на конях. Но девушки ранили их, и воры удрали.

— Может, это были тюрки, а может, патханы из Антарведа. Они шли, чтобы грабить и убивать, но эти отважные девушки пустили в них стрелы, и воры сбежали, — говорил третий.

О том, что тюрки хотели похитить девушек и что два всадника убиты, ни сами девушки, ни Атал не обмолвились ни словом.

Но крестьяне догадывались, зачем прискакали сюда воины, и теперь опасались вторжения врагов. Тем более что это были тюрки! Вот если бы раджпуты, тогда другое дело. Те хоть не уничтожают полей и не насилюют женщин. От тюрков же приходилось прятаться в лесу и голодать.

Дня через два деревенский пастух заметил, что неподалеку от деревни над лесом кружат коршун и ястребы. Он пошел туда и обнаружил двух мертвецов и павшую лошадь. Наты тоже сделали свое дело. Они принесли кольчуги, шлемы, оружие убитых тюрков и показали их крестьянам.

Крестьяне испугались. Ведь в деревне так мало народу. Натов тоже немного. К тому же наты из другой, низшей касты. Они чужие, и доверять им нельзя. Оставалось одно — обратиться за помощью к радже Гвалиора.

И крестьяне пошли к жрецу.

— Баба-джи! — сказал один из них. — Мы, крестьяне, ни с кем не воюем. Война — дело раджпутов, тюрков и патханов. Но две девушки из нашей деревни, видно, обезумели и убили в нашем лесу двух воинов — не то тюрков, не то патханов...

Атал перебил его:

— Баба-джи, эти разбойники хотели силой увезти с собой Нинни и Лакхи. Что оставалось делать бедным девушкам? Лишиться жизни? Опозорить честь предков?

— А ты помолчи! Дай сперва мне сказать,— осадил его крестьянин.

Атал нахмурился.

— Девушки говорят, что видели всего четырех воинов,— продолжал крестьянин.— Но если по следам судить, их было куда больше. Двоих убили, а остальные вернулись во-сво-яси. Теперь они приведут целое войско. И у нас опять не останется ни зерна, ни скота. А то еще и жизни лишимся. Поезжайте в Гвалнор, расскажите обо всем радже!

— Я ведь только что оттуда. Раджа вот-вот прибудет, он обещал.

Крестьяне начали умолять жреца снова отправиться в Гвалнор и привести с собой раджу.

— Баба-джи, из будущего урожая мы отдадим и вам и храму вдвое больше,— сказал один старик.

Жрец заметно повеселел. Даже улыбнулся. Но тут вмешался Атал.

— Кого соблазняешь ты своими посулами? Жреца-махараджу, который, отрешившись от мирской суеты, живет в этом крытом соломой храме наедине со священными книгами! Не ради наших подношений пошел он на такие жертвы.

Однако жрецу пришлось не по вкусу речи Атала. Атал хотел польстить брахману, но тот обиделся. Еще и в самом деле подумают, что он в деревне ради собственной выгоды.

Но баба-джи снова улыбнулся.

— Ну что ж, я выполню вашу просьбу! — сказал он.— Постараюсь на этот раз вернуться с раджой. И очень скоро.

— А мне можно с вами? — спросил Атал.

Жрец отказал ему, сухо сказав при этом:

— Я отправлюсь один. Через два-три дня. Вот закончу чтение книг — и в дорогу.

Окрыленные надеждой, радостные вернулись крестьяне домой. Наты, казалось, были рады больше всех, однако про себя прикидывали, не уйти ли им отсюда потихоньку, пока не прибыл раджа. Но Лакхи и Атал уговорили их остаться и выступить перед раджой и его свитой.

Началась уборка урожая. Хлеб еще не совсем созрел, но крестьяне боялись ждать. Зерна сложили на гумне,— не в лесу, как в прошлый раз, а на окраине деревни.

Атал запретил Ниппи и Лакхи ходить в лес, и теперь подруги тренировались в метании копья недалеко от де-

ревни. Крестьяне смотрели на девушек с нескрываемой неприязнью.

Женщинам хотелось, чтобы Нинни и Лакхи ушли из деревни. Да и мужчины были недовольны. «С ума сошли эти девчонки! Ведут себя, будто родились среди гондов* или бхилов. Разве пристало девушкам из высших каст заниматься такими делами?»

Подруги скоро заметили, что в деревне на них косятся.

Однажды, когда Атал ушел на гумно, девушки взяли копья и луки и пошли туда, где росли деревья палаш. Это было недалеко от гумна. Утомившись от долгой тренировки, они сели в тени отдохнуть.

— Не умеи мы стрелять, тюрки надругались бы над нами. А крестьяне? Чем смогли бы они помочь? — сказала Лакхи.

— Да ничем, — ответила Нинни. — Поплакали бы, и все. А может быть, и не стали бы плакать. Прокляли бы нашу судьбу и занялись бы своими делами. Как они не понимают, что, если бы не мы, дикие звери сгубили бы половину их урожая, а те четыре тюрка обесчестили бы половину крестьянок.

— Боюсь, Нинни, что этим тюркам нужны были только мы с тобой.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что далеко вокруг разнеслась слава о твоей красоте.

— Будто ты хуже меня!

— Не знаю, зеркала у меня нет. Но я уверена, что воины приезжали за нами, и лучше нам уехать в Гвалнор.

— Оставить наши реку, лес, поля? А охотиться где будем?

— И еще есть одна причина... Не знаю, слыхала ты или нет. Наверное, слыхала.

— Какая же это причина?

— Одна женщина сказала мне как-то: «У тебя, никак, живот растет?» — и рассмеялась.

— И это все?

— А разве мало?

— Вот обмолотим джвар, выдам тебя замуж. Для этого и накидку хочу купить у натов.

— В деревне не допустят нашей свадьбы.

— Отсыпем побольше зерна жрецу — и все будет в порядке.

- Ничего не выйдет, увидишь.
- Ну, а еще что говорят?
- Больше ничего. Но женщины глядят на меня так, словно я потеряла касту.
- Тот, кто скажет, что ты потеряла касту, сам ее потерял.
- Пока еще никто не смеет так говорить, но боюсь, что скажут.
- Стоит ли уходить, Лакхи? Злые языки есть везде.
- В другом месте я могу выдать себя за гуджарку.
- Чего ты боишься? Разве выйти замуж за Атала — это грех? Баба-джи сам рассказывал, что такие браки случались не раз. После свадьбы перейдешь в касту гуджаров. Видишь, мы с братом уже сейчас едим из одной посуды с тобой и пищу готовим вместе.
- Так это вы! А люди не простят нам этого, они выгонят меня и Атала из деревни.
- Ну что ж, и уйдем. Только подальше, чтобы не слышать карканья этих ворон!
- Мы нигде не пропадем. Вон наты — живут себе, горя не знают! Ни забот у них, ни нужды. А вечно кочуют с места на место.
- Ну, с натов брать пример нечего! Взгляни-ка на Пилли! Стыд один! Стреляет глазами, вертится. А накидки ее! Она в них, как голая! Смотреть противно!
- А ты хочешь, чтобы я ходила в такой накидке! Ни за что не стану носить ее. Чего доброго, меня примут за нагини!
- Да... Пожалуй, наша одежда хоть из толстой, грубой ткани, а ничуть не хуже ее наряда... Так вот, как только вернется жрец, решим, как быть с твоим замужеством.

Землю окутала прохладная ночь. В большие окна дворца султана дул тихий влажный ветер. Над деревьями в саду взошла луна. В приемном зале на троне, утопая в подушках, восседал султан Мальвы Гияс-уд-дин. У ног его застыл в почтительной позе евнух Матру. Наложницы, одна другой краше, угодливо изогнувшись, держали перед своим

повелителем сосуды с пенящимся красным вином. Гияс-уд-дин пил из золотой, инкрустированной драгоценными камнями чаши.

— Матру! — позвал султан.

Евнух подобострастно поднял голову, сложил в знак покорности руки и покосился на наложниц. Гияс-уд-дин подал им знак удалиться. Наложницы поставили сосуд с вином на высокий столик, рядом с троном, и вышли.

— Повелитель, все сорвалось! — с дрожью в голосе произнес Матру.

— В чем дело? Что сорвалось? — спросил султан, не выпуская из руки чаши с вином.

— За этими девушками послали четырех конных воинов, двое погибли.

— Как? Кто их убил? Неужели в деревню прибыли воины Ман Сингха?

— Нет, повелитель! Сами девушки убили их: одного копьем, другого стрелой.

— Наверное, воины вели себя чересчур грубо!

— Девушки не захотели ехать, пришлось применить силу.

— Ослы! Болваны! А где те, что спасли свою шкуру?

— Здесь. Только что вернулись. Они и рассказали мне обо всем.

— Бросить их в темницу! Надо было хитростью заманить девчонок в наше княжество. А уж на этом берегу Чамбала пусть поступали бы, как им вздумается. Что делают наты?

— Повелитель! Они...

— Ну, замолчал, дурень? Или они тоже убиты?

— Нет, повелитель! Наты просили украшений п де-нег, я отослал, но они до сих пор ничего не добились.

— Так! — Гияс-уд-дин нахмурился. Выпитое вино разжигало его гнев.

Обычно он разговаривал с евнухом милостиво и ласково, и сейчас Матру, неприятно пораженный грубостью султана, быстро перевел разговор на другое. Подавая Гияс-уд-дину новую чашу с вином, евнух сказал:

— Махмуд Бегарра вернулся из Синда. И готовится к новой войне.

— С кем же он собирается воевать? — спросил султан.

Забыв о девушках, он немного смягчился. Еще утром лазутчики сообщили Гияс-уд-дину эту новость, но он никак не мог вспомнить, что именно они говорили.

— Повелитель! Султан Махмуд готовит флот для войны с португальцами,— ответил Матру.

— Не называя в моем присутствии султаном этого эфиопа! — закричал Гияс-уд-дин.

Евнух умолк.

— А, вспомнил! — вдруг обрадовался султан. — Он хочет напасть на Раджпутану. А мы пойдем на Гвалиор.

— Да будет так, повелитель!

— Мы двинемся через Нарвар, оставим там несколько отрядов для осады крепости и окружим Гвалиор. Небольшой отряд переправится через Чамбал и захватит Раи. Я сам поведу его через эту деревню. Приказать натам глаз не спускать с девушек. Ты отправишься вместе со мной.

— Да здравствует повелитель!

— Я, кажется, обидел тебя сегодня?

— О нет, повелитель!

— Султанатом, пока я не вернусь, будет править шах-заде * Насир-уд-дин.

— Слушаюсь, повелитель!

Султан снова поднес чашу к губам: никогда еще он не пил такими маленькими глотками.

Матру заметил: гнев Гияс-уд-дина прошел, и, выждав еще немного, попросил:

— Повелитель, помилуйте воинов, они ни в чем не виноваты.

— Нет, и не проси! Они ответят мне за смерть тех двоих, что погибли от рук девчонок!

Евнух замолчал и стал размышлять:

«Султан рассчитывает напасть на Нарвар и думает, что раджа Ман Сингх будет сидеть сложа руки в Гвалиорской крепости. Как бы не так! Ман Сингх не испугался делийских падишахов, так станет ли он прятаться от султана Мальвы за крепостными стенами! Вряд ли мой повелитель вернется живым в Мэнди. Какой-нибудь гвалиорский лучник нацелится ему в глаз или в грудь — и... все. Не хочется мне что-то идти в этот поход. Умрет Гияс-уд-дин, и султаном станет сын его Насир-уд-дин. Пожалуй, пора молить бога о ниспослании наследнику счастья! Сегодня же начну! От Гияс-уд-дина надо отойти, но осторожно, так, чтобы не испортить дела. Кто знает, чем все это кончится!»

Султан прервал мысли свнуха:

— Меварский рапа Раймал победил ничтожного Уду. Но Мевар все еще слаб. И если Бегарра возьмется за него, нам легче будет воевать с Гвалинором. Мевару мы не станем помогать: ведь в прошлый раз рапа не пожелал сразиться с Бегаррой и повернул свое войско назад. Да и ни к чему мне сейчас вести войну на два фронта. Хватит с меня одного Гвалинора. Что ты на это скажешь?

Матру видел, что султан пришел в хорошее расположение духа. Но просить за воинов больше не стал, а лишь ответил:

— Вы рассудили мудро, повелитель!

— Погода стоит отличная. Надо быстро выступать в поход. Свяжись тайно с патами, предупреди их. Да будет все так, как я задумал.

— Слушаюсь, повелитель!

22

Весь день у Ман Сингха не было ни одной свободной минуты. До девяти утра он занимался своим войском и верховой ездой. С девяти до двенадцати принимал посетителей. Потом отдохнул немного и до трех часов решал неотложные государственные дела. С трех и до вечера раджа снова занимался войском и верховой ездой. Вечером ужинал, затем созывал совет и после этого наслаждался музыкой, пением, танцами. Так обычно проводил свой день раджа. И только летом, в сильную жару, распорядок дня у него несколько менялся.

Было около трех часов дня. Раджа Ман Сингх, как всегда в это время, сидел на троне в приемном зале своего дворца. Здесь же находились министры, советник и другие приближенные. У самого трона стоял полководец Нихал Сингх. Раджа недавно назначил его на этот пост. Полководцу было не больше тридцати. Стройное крепкое тело. Смелый взгляд. Ман Сингх обладал особым даром подбирать талантливых и преданных соратников.

— Нет сомнений в том, что делийский султан снова нападет на Джаунпур. И нам придется помочь Джаунпуру,— обратился раджа Ман Сингх к министру.

— Но, махараджа,— ответил министр,— если правитель Мальвы Гияс-уд-дин пойдет на нас войной, мы не сможем помочь Джаунпуру. Кстати, вряд ли султан Джаунпура придет нам на помощь, когда на нас нападет враг,— султан как будто не так давно отправился в Бенгалию, и неизвестно, вернется ли оттуда.

— Но Мальва — союзник Мевара, а с Меваром у нас дружественные отношения. Кроме того, султану Мальвы не до нас: Бегарра — правитель Гуджарата, не дает ему ни минуты покоя.

— Махараджа,— тотчас возразил министр,— Гияс-уд-дин своенравный и очень сильный правитель. И он наш враг. Полагаться на его верность союзническим договорам нельзя.

Раджа рассмеялся.

— Может быть, и о нас говорят то же самое.

Потом он ласково взглянул на Нихал Сингха. Тот сказал:

— В таком случае будем сражаться и с Дели и с Мальвой. Свое слово надо держать.

— Представьте себе, что султан Джаунпура, испугавшись делийского падишаха, снова сбежит в Бенгалию,— вмешался в разговор советник.— Сможем мы помочь султану? Думаю, что нет. Тем более что Гияс-уд-дин Хилджи не замедлит напасть на нас. А тогда кто будет виноват в нарушении письменных обязательств: мы или правитель Джаунпура?

— Все равно мы будем драться и с теми, и с другими,— с жаром произнес Нихал Сингх.

Однако раджа принял другое решение.

— Если положение сложится так, как это предсказал советник, нам не следует распылять свои силы.

Министр поддержал раджу. Нихал Сингх задумался.

— Осталось обсудить один небольшой вопрос,— сказал министр.— Певец Байджу не хочет возвращаться в Чандери. словно помешанный, он утверждает, что никогда не уедет из Гвалиора. Но в казне нет денег на содержание этого певца и певицы, которая с ним приехала.

Ман Сингх засмеялся.

— Возьми на их содержание из моих личных доходов. Долг раджи, предписанный всевышним,— заботиться о подданных и покровительствовать искусствам. За благо подданных и процветание искусства мы должны быть готовы

жизнь отдать... Но почему я не вижу здесь ачарью Виджаю Джангама? Где он?

— Он в крепости, на строительстве водоема, и еще не вернулся, — ответил министр.

— Какой талантливый музыкант и ученый пандит! И как тверд в своих убеждениях! Считает, что физический труд — долг каждого человека. Ест только хлеб, заработанный им в поте лица. Даже за игру на вине не берет ни каури*. «Играю, говорит, для раджи за то, что он защищает нас от врагов». Теперь у нас при дворе три музыканта. И содержать их должны мы. Да, дорогой министр, именно мы, — подчеркнул раджа.

Министр придерживался иного мнения. Однако Ман Сингх сказал с улыбкой, но твердо:

— Выдели им немного из казны. Остальное — из моих доходов.

В это время в зал вошел дворецкий и доложил:

— Прибыл жрец из деревни Раи. Просит принять его, махараджа.

— Пусть войдет.

Дворецкий вышел и вернулся со жрецом. После обмена приветствиями жрец обратился к радже:

— Господин уже несколько раз обещал приехать в Раи на охоту. Теперь я покину Гвалиор только вместе с вами.

— Простите, шастри-джи, но заботы о княжестве отнимают все время. За делами я совсем забыл про охоту. Но зимой я буду объезжать княжество, заодно заеду и в Раи, — конечно, если не начнется война.

— Но война, махараджа, приближается слишком быстро.

— Что вы хотите этим сказать, шастри-джи?

— Вестники ее пришли в нашу деревню с севера. Впрочем, послать их могли и из Антарведа, и из Мальвы.

— Загадки какие-то! Говорите яснее, шастри-джи.

И жрец подробно рассказал о появлении неизвестных воинов.

— Махараджа, едва ли они из Антарведа: Калпи и Этавой правят наши друзья. Думаю, что этих тюркских или патханских воинов мог послать только султан Мальвы, — заметил министр.

— В наше смутное время грабители могут прибыть откуда угодно, — сказал Ман Сингх, желая закончить этот разговор.

Но жрец произнес умоляюще:

— Вы правы, махараджа. Но в Раи прибыли они не случайно, а чтобы похитить самых красивых девушек — Мриганаяни и Лакхи. Разумеется, они действовали по приказу какого-то сильного правителя.

Раджа вопросительно взглянул на жреца. Ему хотелось узнать подробнее о девушках.

Жрец понял.

— Я уже рассказывал вам, когда приезжал сюда в месяце джетх *, да и раньше, о том, как метко стреляют из лука эти девушки. Ну, а красоту их описать не под силу простому деревенскому брахману. Это может сделать только поэт или художник.

Раджа слегка смутился, так как жрец разгадал его желание узнать побольше о красоте девушек.

Жреца поддержал Нихал Сингх:

— Махараджа непременно должен посетить деревню Раи. Это воодушевит народ и произведет должное впечатление на врага: пусть враг узнает, что раджа не побоялся выехать в это тревожное время из столицы. А махараджа кстати сможет поохотиться на тигров и диких буйволов.

— Я завтра же отправлюсь в Раи, — заявил раджа. — Нихал Сингх возьмет свой отряд. А вы, — обратился Ман Сингх к жрецу, — запаситесь здесь продовольствием, чтобы нам не пришлось голодать в деревне.

23

С самого раннего утра крестьяне вышли в поле. Атал, как и другие, гонял по колосьям скот: обмолачивал хлеб. Атал водил быков, Нинни и Лакхи разбрасывали колосья ровным слоем. Вдруг они услышали крик:

— Эй! Кончайте работать! К нам едет махараджа!

Крестьяне все побросали и бегом кинулись к вестнику. Это был жрец. Они плотным кольцом окружили его. Лица у всех были оживленные, в голосе звучали любопытство и радость.

— Когда он приедет?

— Он едет следом за мной. Вот-вот будет здесь. Кончайте же работу. И помните: это великое счастье — видеть раджу!

— Да благославит вас бог, баба-джи! Только вам обязаны мы таким счастьем! А теперь — всем миром пойдем встречать раджу.

— Что вы! Разве так можно! Сперва умойтесь. Приготовьте подносы и светильники. Махараджу надо встречать с горящими светильниками. Около храма я посадил цветы. Нарвите немного. Впрочем, не надо! Я сам это сделаю. Вам только доверь, — все цветы повыдергаете с корнями! Пусть Нинни и Лакхи с цветами на подносах выйдут к радже.

— Светильники мы найдем, но где взять столько подносов? Хоть бы чаши у всех были, и то ладно!

— Ну, возьмите что есть: кто подносы, кто чаши. Зажгите светильники и выходите за околицу. Раджу надо принять торжественно: ведь он — олицетворение бога, в прошлом рождении он был подвижником. Вымойтесь как следует, наденьте самое лучшее, что у вас есть, только тогда вы сможете встречать нашего владыку.

— Но у нас нет другой одежды.

— Ладно, приходите в этой. Может, у натов одолжите на время? В общем, решайте сами, а я пойду. Раджа останется напротив храма.

— А он скоро приедет? С войском?

— Конечно, с войском. И очень скоро, — через полчаса или час. Его кони мчатся во весь дух. Теперь грабители больше не явятся к нам!

Жрец поспешил к храму. Что тут началось! Можно было подумать, что река Санк вышла из берегов и на Раи ринулся поток, который ничто не в силах остановить. Крестьяне носились взад-вперед по деревне, мылись, стирали. Нинни и Лакхи жрец дал немного цветов. Но вся их радость пропала, когда жрец сказал, что они будут приветствовать раджу от всей деревни, — ведь надеть им было нечего. Юбки в заплатках, из толстой грубой ткани, даже после стирки на них остались пятна и разводы! Есть у них, правда, пестрые чолы и красные накидки, но тоже из самой дешевой материи.

— Давай попросим накидки у натов! — предложила Лакхи. — И украшения. У них есть очень красивые!

— А ты что, видела?

— Видела вчера. Я чуть не ослепла, — так они сверкали!

Нинни призадумалась. Лакхи выжидающе смотрела на нее.

— Не надо ничего одалживать, — сказала наконец Нинни. — Вот заработаем своим трудом, тогда и будем наряжаться.

— Но наты охотно дадут нам и украшения и накидки. Они ведь говорили. Подумай, как вырядится Пилли, когда пойдет встречать раджу! А мы — в этих рубищах!

— В рубищах, зато в своих. Раджа не станет за наряды давать подарков. Наты есть наты, мы же совсем другое дело.

— Ну и упрямая ты, Нинни! Тебя не переспоришь!

— А по-твоему, мы должны вырядиться, как натини? Выйти в пестрых нарядах, словно мотыльки, что порхают среди цветов? Думаешь, раджа не поймет, кто такая Пилли? Только посмотрит — и сразу поймет. Если мы наденем на себя ее наряды, он и нас примет за танцовщиц, за берини*.

— Почему же тогда ты хотела для меня купить накидку?

— Глупая! Обиделась, что ли? Ради свадьбы я заставляю тебя надеть такую накидку. Но сегодня сама не надену и тебе не разрешу. Пусть лучше раджа посмотрит, как мы стреляем из лука.

Нинни ласково погладила пылающие от волнения щеки подружки, и Лакхи немного успокоилась.

Прошло около часа. Крестьяне успели наспех пообедать и приготовить подносы, чаши, светильники. Женщины все еще возились дома, а мужчины вышли за околицу.

Атал первый увидел раджу и мигом вернулся в деревню. Еще с улицы он крикнул Нинни и Лакхи:

— Раджа близко!

Девушки поставили на подносы горящие светильники и, прикрывая их рукой и краем накидки от ветра, подошли к крестьянам, вышедшим навстречу радже. Собрались и остальные женщины. Мужчины встали по одну сторону дороги, женщины — по другую.

Наты тоже вышли встречать раджу. Пилли была в ярких нарядах. Такого подноса, как у нее, не было ни у кого из крестьян.

Раджа, верхом на коне, не спеша приближался к деревне. За ним, чуть поодаль, следовал Нихал Сингх и небольшой отряд конных воинов. Слонов оставили у реки.

Мужчины почтительно склонили голову и сложили руки в приветствии. Женщины сдвинули сари на лоб, девушки, по обычаю, стояли с открытыми лицами. Нинни и Лакхи очень волновались. Но Нинни из всех сил старалась скрыть волнение.

Раджа был уже совсем близко. Конь его, нетерпеливый, готовый в любое мгновение сорваться с места, грыз удила.

Жрец отделился от толпы мужчин и направился к радже. В руках он держал большой поднос, на котором лежали цветочная гирлянда, коробочка с сандаловым порошком, куркумовый корень и рис.

Раджа спешился. Стремянные подхватили коня под уздцы.

Ман Сингх почтительно приветствовал брахмана. Тот благословил раджу, сандаловым порошком нанес на высокий лоб Ман Сингха знак тилака и поднял гирлянду. Раджа чуть нагнулся, и жрец падел ему гирлянду на шею.

Потом Ман Сингх подошел к женщинам. Крестьянки поклонились и протянули к нему светильники.

На радже была чудесная шелковая мураса*, украшенная нитью жемчуга и высоким султаном. Блестело золотое, с драгоценными камнями ожерелье. Когда Ман Сингх посмотрел на ветхие, из толстой грубой ткани одежды женщины, ему стало не по себе. «Неужели это я — их раджа?!» — с горечью подумал Ман Сингх.

Нинни уже справилась со своим волнением и протянула радже поднос. Ее длинные ресницы взметнулись вверх, а огромные глаза смотрели на раджу. Так вот он какой! Стройное крепкое тело. Широкая грудь. На плече — лук и колчан со стрелами, за спиной — щит, у пояса — длинный меч.

«Наверное, он отважный, этот раджа! Видно, без промаха бьет тигров и диких буйволов. Сердце его и руки достаточно крепки, чтобы обратить в бегство тюрков!» — подумала Нинни.

«Кто она, эта девушка? Откуда этот огонек среди пепла? В такой нищей деревне и вдруг — дивная, несравненная красота!» Раджа вопросительно посмотрел на жреца.

С необыкновенным воодушевлением, которого он, пожалуй, не испытывал еще ни разу в жизни, жрец произнес: — Махараджа, это Мриганаяни. В деревне ее зовут просто Нинни. Это та самая девушка, которая одной стрелой может убить тигра, дикого буйвола или страшного,

кlyкастого кабана. Ваши приближенные и те подивились бы тому, как метко она стреляет. И поет наша Нинни неплохо.

Нинни укоризненно взглянула на жреца и плотно сжала губы.

— Да ниспошлет всевышний свое благословение деревне, в которой живет такая славная девушка! — с улыбкой ответил раджа.

— Махараджа, Мриганаяни еще не замужем, — заметил жрец.

Раджа, казалось, остался доволен этим сообщением и улыбнулся. Потом спросил:

— Простите меня, шастри-джи, а это кто?

— Это брат Нинни, гуджар Атал Сингх. Он совсем еще глупый...

Жрец хотел продолжать, но тут его прервал кто-то из толпы:

— Эй, что вы стоите, словно вам рты зашили? К нам пожаловал защитник наш, сам раджа, а вы таращите глаза и молчите, будто язык у вас отнялся! Хоть бы спели что-нибудь! Или вы совсем поглупели? Посмотрите, какой он красавец, наш повелитель!

Тут Нинни снова взглянула на Ман Сингха и тотчас опустила голову.

Ман Сингх перехватил ее взгляд, и ему захотелось смотреть в эти глаза не отрываясь.

— Я не уеду в Гвалиор, прежде чем не увижу, как ты стреляешь, Мриганаяни, — сказал раджа.

Нинни взяла с подноса цветок и бросила его радже. Цветок коснулся мурасы повелителя и упал на землю. Раджа бережно поднял его и прикрепил к мурасе. Ему не хотелось уходить от Нинни. Но тут запели женщины. Лакхи, приветствуя раджу, протянула ему свой поднос со светильником.

Жрец сказал:

— А это Лакхарани, махараджа. Мы зовем ее Лакхи. Она ахирка. Лакхарани тоже не замужем. Храбрая девушка. Вместе с Мриганаяни они убили двух воров, а двух других обратили в бегство. Лакхарани тоже очень метко стреляет.

— Увидим, — улыбаясь, ответил раджа. — Когда я смотрю на этих девушек, мне кажется, будто возвратились времена «Рамаяны» и «Махабхараты».

Лакхи подняла глаза и взглянула на Ман Сингха. Потом, улыбнувшись, взяла цветок и тоже бросила его на мурасу раджи. Цветок скользнул по мурасе и упал вниз. Но тут к Ман Сингху, разыгрывая смущение, подошла с подносом в руках Пилли, и раджа не успел поднять цветок Лакхи. Он удивился, увидев Пилли: «Откуда такие наряды?» Потом внимательно пригляделся к остальным натам и все понял. Однако из вежливости раджа все же спросил:

— Кто эта девушка?

Жрец не успел ответить. Вперед вышла старшая натини и сказала:

— Махараджа, это моя дочь, она из касты натов. Еще не замужем. Чего только она не умеет! Мы покажем махарадже свое представление.

Ман Сингх ответил на приветствие Пилли кивком головы и сказал:

— Успеете еще, я пробуду здесь несколько дней.

Жрец попросил робко:

— А теперь, махараджа, посетите наш храм. Может, разобьете шатер там, под баньяновым деревом?

— Да, шастри-джи, может быть, — ответил раджа.

Ман Сингху не хотелось уходить, но он не мог найти предлога, чтобы задержаться еще хотя бы ненадолго.

Женщины на разные голоса тянули песню. И только голос Лакхи — Нинни не пела — вносил в их пение какую-то прелесть.

— Хорошо поют женщины в вашей деревне, шастри-джи! — с улыбкой произнес Ман Сингх.

— Когда махараджа придет в храм, они снова споют, — ответил жрец.

Пришлось последовать за жрецом, но, перед тем как уйти, раджа еще раз взглянул на Мриганаяни. Нинни посмотрела на него украдкой и потупилась.

Раджа подошел к храму и остановился пораженный. Вокруг валялись разбитые статуи. Они, казалось, бросали ему свой молчаливый упрек.

— Шастри-джи, я восстанавливаю ваш храм... — твердо произнес раджа.

Ман Сингх вспомнил обещание, данное Анангпалом Томаром Первым *, и выбитое потом на массивной чугунной колонне, врытой напротив Кутб-Минара *, в Дели: «Я вновь превращу эту землю в настоящую Арьяварту» *.

Ман Сингха охватило волнение. Однако он взял себя в руки и, откашлявшись, тихо повторил:

— Я отстрою этот храм. И очень скоро!

— Да здравствует махараджа! Он сдержит свое слово, — и да помогут ему боги! — провозгласил жрец.

Раджа скользнул взглядом по разбитой статуе Якшини*. Потом обернулся и посмотрел в сторону деревни.

«Когда же сюда придут женщины петь песни?» — хотел было спросить Ман Сингх, но не решился и стал прикидывать, где бы лучше разбить лагерь.

Атал вместе с другими мужчинами пошел к храму посмотреть на лагерь раджи: на слонов, коней, воинов. Женщины разошлись по домам.

Нинни и Лакхи вернулись домой в прекрасном настроении. Нинни прижалась к подруге и, стараясь подавить охватившее ее непонятное волнение, сказала:

— Ты так чудесно пела, что я забыла обо всем на свете!

— Вот уж не думаю, чтобы ты слушала меня! Наверное, все вспоминала, как раджа поднял с земли твой цветок и вдел его в свою мурасу.

— Он и твой цветок поднял бы, если б не эта бесстыжая Пилли. Подскочила к нему, словно лягушка! А как бессовестно выпятила грудь! В этой своей накидке она настоящая страшилище!

— Сними руку с плеча, мне больно!.. Но как сумела ты разглядеть все это? Ты же стояла, опустив глаза.

— Ну и что же! Ведь они у меня были открыты.

— Конечно. И ты все время подглядывала!

— Это ты не сводила с него глаз.

— Ха-ха-ха-ха! Но не я ведь, а ты покорила его своими ресницами! Я все видела, моя золовушка! Ты очаровала его! Он даже сказал: «Да ниспошлет всевышний свое благословение деревне, в которой живет такая славная, красивая девушка!» А баба-джи ответил: «Махараджа, Мриганаяни еще не замужем!»

— Он — раджа, Лакхи, а я — простая крестьянка. — Нинни хотела рукой прикрыть подруге рот, но Лакхи отскочила со смехом.

— Нечего размахивать руками. Прежде выслушай до конца, — сказала она.

Нинни прикрыла краем накидки лицо, чтобы скрыть игравшую на губах улыбку. Однако глаза выдали ее.

Лакхи продолжала:

— Жрец сказал: «Она, бедняжка, до сих пор не замужем!» Ха-ха-ха! Бедняжка подняла свои глазки и послала радже сердечное послание. Глаза раджи приняли его и послали в ответ свое. И все это видела Лакхи, — у нее ведь глаза были широко раскрыты! О Нинни, не притворяйся!

— Ха-ха-ха! Да ты настоящий поэт! Или вспомнила, как было у вас с братом? Скажи честно, Лакхи, да?

— Ну вот! С больной головы на здоровую!

— Зачем говорить о несбыточном, Лакхи? Я — бедная крестьянка, а он — владыка целого княжества!

— Не было бы крестьян — не было б и раджи. И потом, чем гуджары хуже томаров?

— У каждого ведь своя судьба, верно?

— Так твою судьбу уже предсказала натини.

— Но она и тебе многое нагадала!

— Теперь я поверила ей. Твой брат тоже станет когда-нибудь знатым человеком.

— Может быть, но пока печего на это надеяться.

Лакхи подскочила к Нинни и обняла ее. Она была счастлива за подругу. Даже расплакалась от радости.

— Я бы согласилась подарить свою голову богине Кали *, только бы ты стала рани Гвалиора, — сквозь слезы проговорила Лакхи.

На следующий день была назначена охота. Из соседних деревень прибыли загонщики. Охота всегда важное событие, а уж когда охотится раджа... Загонщики испытывали радостное волнение.

Атал не прочь был принять участие в охоте, только не как загонщик, конечно. Но еще больше ему хотелось показать, насколько метко и ловко бьют из лука Нинни и Лакхи.

«Как сказать об этом радже? Как решиться пойти к нему и попросить за девушек и за себя? Правда, раджа похвалил сестру. Даже благословил деревню за то, что в ней живет Нинни. И еще обещал посмотреть, как она стреляет. Но когда это будет! И, уж конечно, куда интереснее сва-

лить дикого буйвола или тигра, чем просто разбить стрелой какой-нибудь горшок или глиняный шар. Да и я смог бы убить нескольких кабанов!» — думал Атал. И он пошел к храму, надеясь, что жрец все устроит.

Не успел юноша заговорить со жрецом, как в храм вошел Нихал Сингх в охотничьем костюме зеленого цвета.

— Пусть девушки примут участие в сегодняшней охоте и покажут свое искусство, таков приказ махараджи, — отчеканил Нихал Сингх.

Жрец сделал вид, будто погружен в размышления. Атал едва сдерживался, чтобы не обратиться со своей просьбой к Нихал Сингху. Полководец спешил. Наконец жрец произнес, взвешивая каждое слово:

— Они ведь девушки. Конечно, они убивали зверей, но участвовать в такой большой охоте, да еще с гоном, очень опасно.

— Ничего не могу сделать. Скажите об этом радже. Кстати, раджа распорядился поместить девушек на каком-нибудь мачане, недалеко от него. Там они будут в безопасности. Отвечайте же быстрее, пришлете вы их или нет? — нетерпеливо сказал Нихал Сингх.

Жрец не успел ответить: Атал опередил его.

— Девушки ничего не боятся. Они одни охотятся в лесу. И никакого мачана им не нужно, — решительно заявил он.

— Кто ты? — спросил Нихал Сингх.

— Брат Мриганаяни, Атал Сингх. Я тоже хотел бы поохотиться.

Нихал Сингх насмешливо улыбнулся.

«И этот туда же! Хочет тягаться с раджей и знатью!»

Жрецу пришлось согласиться.

— Ну что ж, пусть идут! — сказал он и велел Аталу прислать девушек к нему. Потом снова обратился к Нихал Сингху: — Раджа, передайте махарадже, что девушки сейчас будут здесь. Только у них нет зеленой одежды.

— И у меня нет, — уже в дверях заметил Атал.

— Ладно, — улыбувшись, ответил Нихал Сингх и вышел следом за Аталом.

Атал сломя голову кинулся в деревню. Нинни и Лакхи ждали его возле дома.

— Берите свое оружие! Быстрее! Раджа зовет вас на охоту! Покажите же, на что вы способны! До блеска начистите стрелы, ножи и копья! — крикнул он девушкам.

С трудом сдерживая волнение, Нинни ответила:

— Они и так блестят.

Лакхи отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Потом взглянула на подругу. Нинни, пряча от нее лицо, ушла в дом.

— А ты что стоишь? — обратился Атал к Лакхи. — Ведь раджа и тебя пригласил.

Лакхи пошла собираться и, подойдя к Нинни, тряхнула ее за руки, тихонько спросив:

— Ну, как ты?

— Нам предстоит трудное испытание!.. Но зачем ты дергаешь меня? Руки, что ли, хочешь сломать?

— Какое там испытание! Просто тебе начинает улыбаться счастье.

— А что, если я вдруг опозорюсь? Промажусь?

— Все равно победа останется за тобой. Но ты не промахнешься.

— Скажите, какая нашлась прорицательница! Собирайся живее! Там, на улице, сгорает от нетерпения твой прорицатель!

— Перестань, Нинни! А то я не знаю, что сделаю с тобой!

— А кто это разрешит тебе делать, что взбрет в голову?.. Ну ладно, хватит ссориться. Помянем имена богов. А теперь возьми луки со стрелами и ножи. Да копье не забудь!

Девушки покрыли голову красными накидками, связав концы на груди. Потом надели старые, залатанные юбки.

С улицы донесся конский топот. Нинни с трудом сдержала улыбку. Лакхи засмеялась.

— Вот видишь! Раджа не мог дождаться, уже прислал за тобой.

Нинни сжала кулаки и кинулась к подруге. Но потом вдруг остановилась и сказала:

— О Лакхи...

Девушки, с копьями в руках, вышли во двор и тут увидели, что Атал принес узел, в котором были зеленые охотничьи костюмы.

— На охоту не ходят в красном. Раджа прислал вам другую одежду. Переодевайтесь быстрее. — сказал юноша, восторженно улыбаясь.

— До сих пор я охотилась только в красном, — возразила Нинни без тени улыбки.

— Ну а теперь придется тебе переодеться, иначе раджа обидится, — смеясь, сказала Лакхи.

Атал развернул узел. Два дхоти из тонкой ткани, две маленькие мурасы и длинная рубашка.

— Дхоти вам, рубашку мне, — рассудил Атал.

Он надел рубашку. Нинни и Лакхи взяли дхоти и пошли в дом переодеваться.

— А почему раджа не прислал зеленых чоли? — спросила Лакхи.

Нинни даже рассердилась, но потом со смехом сказала:

— Если бы раджа носил чоли, то непременно прислал бы!

Переодевшись, девушки вышли к Аталу.

— Вот теперь хорошо! — заметил юноша. — Да и я не плох, поглядите!

Нинни взяла мурасу.

— А на что она?

— Как на что? Раз идешь на мужское дело, во всем надо походить на мужчин, — ответила Лакхи. — Надень же.

Нинни послушалась. Как жаль, что у нее не было зеркала! Волосы ее растрепались и выбились из-под мурасы. Один локон упал на лоб.

Девушки вместе с Аталом пришли в храм. Оттуда Нихал Сингх провел всех троих в лагерь раджи, разбитый неподалеку от баньянового дерева. Раджа уже ждал их. Загонщики еще раньше заняли свои места.

Раджа с интересом оглядел девушек и задержался взглядом на Нинни. Девушка подняла глаза, но тотчас опустила их и отвернулась.

Раджа спросил Нинни:

— Ты едешь верхом?

— Нет, — ответила она.

— Ну что ж, тогда пойдешь пешком. И я пойду с тобой.

Нинни посмотрела на Лакхи.

Все направились к лесу: раджа со своими приближенными, девушки и Атал. Впереди шел проводник. В густой чаще по знаку Ман Сингха все остановились. Тотчас было решено, где устроить засаду, распределили места.

— А девушек отведи на мачан, неподалеку от меня, — приказал раджа проводнику.

— Я много раз была здесь, — сказала Нинни.

— Неужели ты действительно знаешь весь лес? — улыбнулся Ман Сингх. Он был удивлен.

— Да, махараджа, она знает весь лес, — подтвердила Лакхи.

— И все же, — снова обратился Ман Сингх к проводнику, — смотри, чтобы девушки были в безопасности.

Нинни и Лакхи ушли с проводником. Ман Сингх подпался на мачан. Остальные тоже заняли свои места.

Когда девушек привели к предназначенному для них мачану, Нинни шепотом сказала проводнику:

— Мы наверх не полезем. Отсюда удобнее целиться.

— Но приказ раджи...

— Приказом раджи ни тигра, ни буйвола не убьешь.

— Но внизу опасно.

— Не бойся за нас. Иди.

— Раджа разгневается, когда узнает.

— На кого? На меня? Об этом не беспокойся.

— Он разгневается на меня. И я буду наказан.

— Не бойся. Иди залезай на дерево. Сейчас начнется гон.

В отчаянии хватаясь за голову, проводник оставил девушек и залез на развесистое дерево, неподалеку.

— Что будем делать? — тихо спросила Лакхи.

— Видишь вон то дерево? — ответила Нинни. — Идем, за ним можно спрятаться. Теперь прислони к стволу копье, а стрелу положи на тетиву. Надо вытащить еще две или три, чтобы были наготове. Ты смотри вправо, а я влево. Звери смогут заметить нас, лишь когда подойдут совсем близко.

— Интересно, повезет нам сегодня или нет?

— Конечно, повезет! Мы давно не были в лесу, и звери успокоились. К тому же сегодня будет большой гон. Звери хватят на всех.

— Слышишь?

— Гон начался! Смотри не зевай!

Издали донеслась барабанная дробь. Девушки насторожились.

Загонщики, а их было очень много, широким кольцом окружили холмы и лес.

Охотники расположились длинной цепочкой, очень близко друг от друга. Даже маленький зверек вряд ли смог бы проскочить незамеченным.

Тигры, медведи, буйволы, леопарды, кабаны и другие обитатели леса, вспугнутые барабанным боем и звуками охотничьих рогов, бежали туда, куда гнали их загонщики. Сперва мимо Нинни и Лакхи промчались павлины, потом промелькнула лиса. Девушки пропустили их.

По звукам рога, барабанному бою и крикам загонщиков девушки определили, что круг гона постепенно сужается. Но загонщики двигались неровно: на одних участках они шли более плотно, на других цепь их растягивалась.

Вдруг раздалось рычание тигра. Лакхи дернула Нинни за руку. Нинни понимающе посмотрела на нее.

Но оказалось, что в тигра уже стреляли. Раненый, он лежал в кустах и ревел.

В той стороне, куда смотрела Лакхи, послышался шум. Нинни повернулась к подруге и подняла лук. Лакхи последовала ее примеру. Показалось стадо антилоп. Нинни запретила стрелять. Антилопы скрылись.

— Почему ты пропустила их? — тихо спросила Лакхи. — А что антилопы?! Вот тигр или буйвол — дело другое! — так же тихо ответила Нинни.

Кольцо все сужалось. Мимо девушек пробежало несколько диких котов.

Снова послышался шум. И снова девушки подняли лук. Но это оказалось стадо оленей.

— Их тоже пропустим, — шепнула Нинни.

Олени умчались. Девушки видели, как охотник, сидевший в засаде недалеко от них, пустил вслед оленям стрелу. Потом слышали, как что-то упало на землю: видимо, охотник убил животное.

— Кажется, мы можем убрать стрелы в колчан, — тихо произнесла Лакхи. В голосе ее звучала тревога.

Нинни промолчала.

В стороне, у одной из засад, раздался рев.

«Пантера», — подумала Нинни.

Девушки уже долго стояли, держа стрелы наготове. Плечи у них затекли. Но, как назло, ни один зверь не показывался. И девушки опустили руки, чтобы передохнуть.

Вдруг Нинни услышала, как за кустом напротив зашуршали листья. Она стала напряженно всматриваться. Зверь! Но какой?

В той стороне, где находился мачан Ман Сингха, было слышно, как упало какое-то грузное животное.

И в ту же минуту из-за куста, как раз напротив Нинни, донесся рев. Лакхи резко повернулась. Нинни натянула лук.

В следующее же мгновение девушки увидели огромного тигра. Он шел, повернув голову в сторону мачана Ман Сингха. Нинни изо всех сил натянула тетиву, выстрелила тигру в шею и быстро достала вторую стрелу.

Нинни попала в цель. Тигр подпрыгнул на месте и тут же упал, взрывая когтями землю и не переставая грозно реветь. Теперь в него прицелилась Лакхи. Однако Нинни остановила ее: тигр издыхал. Лакхи хотела ушипнуть по-другу, чтобы как-то выразить свою радость, но от волнения у нее дрожала рука и она никак не могла ухватить Нинни за подбородок.

Ман Сингх тоже услышал глухой тигриный рык. Сам он стрелял в кабана, который сейчас лежал мертвый рядом с мачаном. Ман Сингх хотел спуститься и пойти на помощь девушкам, но передумал. Он был уверен, что Нинни и Лакхи сидят на мачане и им не грозит опасность.

Загонщики были уже совсем близко.

Вдруг Лакхи услышала громкий топот и шумное дыхание. Она подняла лук, еще раз взглянув на тигра. — он не шевелился. Нинни тоже натянула тетиву. И вовремя! Прямо к девушкам, ломая мелкий кустарник, бежал огромный буйвол. Лакхи прицелилась ему в голову — это было единственное место, куда в этот момент можно было целиться, — и выстрелила. Стрела вонзилась буйволу в лоб. Буйвол подскочил от боли.

Лакхи хотела выпустить вторую стрелу, но Нинни опередила ее. Она тоже целилась буйволу в лоб. Стрела попала в цель. Но в спешке Нинни не успела как следует натянуть тетиву, и стрела вошла неглубоко, только задела кость. Буйвол взревел и, высоко задрав хвост, кинулся на охотниц. Лакхи выстрелила. Стрела порвала буйволу ноздрю. Он качнулся. Глаза его налились кровью, изо рта брызгала пена. Зверь был так близко, что девушки едва успели бы достать из колчана стрелу.

Нинни отшвырнула лук, схватила копье и шагнула вперед. Лакхи встала рядом с Нинни и прицелилась, но выстрелить не успела.

Пригнув голову, буйвол несясь прямо на девушек, чтобы придавить их лбом, поддеть на рога и швырнуть. Какое-то мгновение отделяло девушек от смерти, как вдруг Нинни, собрав все свои силы, вонзила копье буйволу прямо в лоб. Копье вошло чуть повыше стрелы. Но удар не остановил зверя. Не выпуская из руки древко копья, Нинни отскочила в сторону. Копье вылетело из руки и уперлось древком в ствол.

Буйвол со всего размаха напоролся на копье. Наконечник раздробил ему череп. Нинни вытащила из-за пояса

нож. Лакхи бросила лук со стрелой, схватила копье и хотела вонзить его в буйвола, но в этот момент буйвол пошатнулся и упал. Он бился головой о землю и храпел, однако был еще жив.

Нинни метнула буйволу в шею нож! Промახнулась. Нож пролетел чуть повыше и, звякнув, упал на землю. Лакхи хотела ударить зверя копьём в живот, но тоже промахнулась. Буйвол приподнялся, и копье, слегка задев ногу, вонзилось в землю. Древко выскользнуло из руки Лакхи. Девушка отскочила назад, вытащила нож. Теперь нож был единственным оружием, которое осталось у них. Поднимать брошенные в спешке луки и стрелы было уже некогда.

Нинни подскочила к буйволу, ухватила обеими руками за рог и дернула изо всей силы. Буйвол грохнулся на землю. Нинни так крепко держала рог, что тоже не устояла на ногах. Но тотчас вскочила. Маленькая зеленая мураса упала на зверя.

Отскочив от буйвола, Нинни услышала, что от мачана раджа кто-то бежит к ним. Оглянулась и увидела Ман Сингха. В руке он держал обнаженный меч. Как только Ман Сингх услышал рев буйвола, он слез с мачана. Но раджа опоздал. Он успел лишь заметить издали, как Нинни дернула буйвола за рог и повалила зверя на землю.

Буйвол закатил глаза — он издыхал. Несколько поодаль лежал убитый тигр.

Ман Сингх занес было меч над буйволом, но не ударил.

— Ему и так недолго жить, — сказал он тихо и направился к тигру.

А Нинни и Лакхи подобрали с земли свои луки со стрелами и, прислонившись к дереву, ожидали раджу.

Ман Сингх внимательно осмотрел тигра. Зверь был убит всего лишь одной стрелой. Пораженный, вернулся раджа к девушкам.

Нинни взглянула на раджу и отвела глаза в сторону. Лакхи смотрела то на буйвола, то в сторону леса. Ведь гон еще продолжался.

— Кто пустил стрелу в тигра? — спросил раджа.

Нинни опустила голову. Тут выступила вперед Лакхи.

— Мриганаяни убила тигра, — сказала девушка.

— А чье конье во лбу буйвола?

— Ее же.

— О! Да благословит ее бог! Да благословит он вас обеих! — вырвалось у Ман Сингха. Сняв с себя золотое, с

драгоценными камнями ожерелье, он надел его Нинни на шею. Девушка смущенно отвернулась.

— О прекрасная Мриганаяни, — дрожащим от волнения голосом произнес Ман Сингх, — я никак не отважусь заговорить с тобой об этом, я испытываю смущение, но и молчать не в силах. Надеюсь, ты не откажешься стать моей подругой.

Нинни молчала.

— Об этом надо поговорить с ее братом, — сказала Лакхи и подошла к подруге.

— У брата буду просить ее руки, но прежде хочу знать, какой ответ подскажет Мриганаяни ее сердце.

— Разве бедные и богатые женятся? — совсем тихо произнесла Нинни.

Но Ман Сингх услышал.

— В древние времена все были бедными. И лишь благодаря своей доблести одни поднялись над другими. Но в доблести ты не уступишь мне.

— Богатые говорят одно, а делают совсем другое. Я знаю это из сказок и преданий, — промолвила Нинни, продолжая глядеть куда-то в сторону.

«Она, должно быть, вспомнила сказание о Шакунтале»*, — подумал Ман Сингх.

— Цветок, который ты подарила мне, я прикрепил к своей мурасе. Он всегда будет со мной. Клянусь Гангой и Джамной, ты останешься моей подругой на всю жизнь. — Голос у раджи дрожал. — Что ты ответишь мне, красавица?

— Что могу я ответить? Я не знаю языка, на котором говорят раджи.

— Мои стрелы где-то за тем кустом. Пойду поищу, — сказала вдруг Лакхи и убежала.

— Подожди, куда ты? Все стрелы здесь! — крикнула Нинни.

Но Лакхи не остановилась.

Раджа протянул к Нинни руку.

— Язык, на котором я говорю с тобой, понимает весь мир. Дай же мне свою руку.

Нинни искоса взглянула на Ман Сингха. Сердце ее взволнованно забилося. Смущенно улыбаясь, Нинни вложила свою дрожащую руку в руку раджи.

— Я сама не знаю, что делаю! Я вверяю вам свою честь.

— Бог свидетель, что до конца дней ты будешь рани моего сердца и украшением моей жизни.

— На все ваша воля, — едва слышно проговорила Нинни.

— Взгляни на меня.

— Лакхи, наверное, подсматривает за нами из-за куста.

Нинни высвободила руку и взглянула на раджу глазами, полными слез. Зато глаза Ман Сингха излучали сияние. И это сияние вдруг отразилось и во влажных глазах Нинни.

— Эй, Лакхарани, иди сюда! Ты, должно быть, уже давношла свои стрелы! — крикнул Ман Сингх.

— Конечно, нашла! — отозвалась Лакхи и вышла из-за куста, прикрывая рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

— В руках у тебя ничего нет. Где же они, твои стрелы? — спросил Ман Сингх.

— Где лежали — там и лежат, — ответила Лакхи и взглянула на Нинни.

— Забавная у тебя подруга! — улыбнулся Ман Сингх.

Лакхи повернулась к нему и спросила:

— Сколько времени пробудете вы в нашей деревне, махараджа?

— Не знаю пока.

— В этом лесу еще много дичи.

— Что я хотел, то нашел. Поезжайте со мной в Гвалиор, ты и Нинни, — сказал Ман Сингх и подошел к буйволу. — Свалить такого огромного зверя! — восхищенно произнес раджа.

— Я даже не помню, как это произошло, — ответила Нинни своим нежным голосом и посмотрела на Ман Сингха.

Раджа улыбнулся.

— Откуда в тебе такая сила? — спросил он.

Нинни опустила голову.

— Ее дала мне река Санк. Что еще есть у нас, кроме этой реки? — сказала она с улыбкой. — А в Гвалиоре, я слышала, трудно с водой.

— Это раньше было трудно, а теперь все колодцы очистили, — ответил Ман Сингх. — Ты очень любишь свою реку?

— Так люблю, что не смогу жить без нее.

— В Гвалиорской крепости есть большой пруд. Посмотрела бы ты, какая в нем вода!

— Но реки он мне все равно не заменит.

— Тогда придется перенести сюда Гвалиорскую крепость.

— А не проще ли реку отвести в Гвалиор?

— Как же это сделать?

— Неужели мы, деревенские, должны учить раджу?

— Не у деревенских, а у тебя, моей рани, спрашиваю я об этом.

— Так обещайте же прорыть от деревни до крепости канал, чтобы я могла пить воду из моей реки.

— Обещаю. И сейчас же прикажу начать работы. О чем еще хотела бы ты попросить меня?

— Я не стану жить в Гвалиоре за пардой.

— И на это согласен. Что еще?

— Больше ничего.

Загонщики были уже близко. Проводник спустился с дерева, трепеща от страха, подошел к Ман Сингху и стал умолять его:

— Махараджа, кормилец наш, смилуйся! Я просил их залезть на мачап, но они не послушались!

— Это правда, он просил нас, но мы остались здесь, — сказала Нинни.

Ман Сингх засмеялся.

— И вот плоды вашего упрямства: убитый буйвол, а чуть подальше — тигр, — сказал раджа.

Подошли загонщики. Увидели буйвола и тигра. Затем взглянули на украшенное драгоценными камнями золотое ожерелье, сверкавшее на шее у Нинни, и поняли, что убитые звери — ее добыча.

Ман Сингх снял с мурасы жемчужное ожерелье и надел его Лакхи.

— Ты тоже очень храбрая девушка, — сказал он.

Стали собираться охотники.

Начался разговор о том, кому повезло, кому нет.

Аталу не повезло. Но стоило ему увидеть убитых зверей и ожерелья на девушках, как он расцвел от радости.

Не успели девушки подойти к храму, как уже вся деревня знала, что красавица Мриганаяни выходит замуж за самого раджу. Подруги собрались было домой, но их позвал к себе жрец. Ему уже рассказали обо всем, что произошло на охоте.

— Великое счастье пришло сегодня в нашу деревню! — обратился жрец к девушкам. — И, прежде чем идти домой, вы должны посмотреть на статую бога!

— Нам нельзя в храм. Мы еще не совершили омовения, — возразила Нинни.

— Ну да, сперва надо умыться, — поддакнула Лакхи. — Мы лучше придем завтра утром. И захватим с собой немного зерна для приношения.

Жрец засмеялся.

— Не обязательно входить в храм, вы и так можете посмотреть. Зерна же я не приму от вас. Теперь я возьму в свой джагир всю деревню.

— А кто вам даст ее? — спросила Лакхи.

Нинни исподлобья взглянула на жреца.

— Рани Гвалиора! — ответил жрец.

На дороге показались Ман Сингх и Нихал Сингх. Они направлялись к храму.

— Пойдем, бедная крестьянская девушка, — улыбнулась Лакхи, потянув Нинни за руку.

И подруги отправились домой.

Раджа приветствовал жреца. Потом попросил:

— Шастри-джи, дайте мне свое благословение.

— Благословение? Мое благословение всегда с вами, раджа.

— В таком случае, дайте благословение Ман Сингху То-мару и Мриганаяни.

— О! От всего сердца, махараджа! Нет большей чести для деревенского жреца!

— Я хочу спраздновать свадьбу в Гвалиоре, с чтением мантр, с жертвоприношением. Вы тоже собирайтесь, поедете вместе со мной.

— Махараджа, это невозможно. Свадебный обряд должен быть совершен в доме невесты. Таков наш обычай. Жрецом невесты буду я, а вашим пусть будет брахман из Гвалиора. Мы ничего не можем дать за невестой, только цветы, да и тех немного... И еще в доме Атала наберется, может быть, чашка топленого масла, чтобы совершить жертвоприношение.

Сияющий от радости, появился Атал. Жрец спросил его:

— Скажи, Атал, где должны совершить обход огня * Мриганаяни и махараджа: здесь или в Гвалиоре?

Атал гордо выпятил грудь.

— Здесь. Таков обычай нашего рода.

— А сможешь ты дать что-нибудь за сестрой? — смеясь, спросил жрец.

Атал ответил без тени смущения:

— Саму невесту и одну корову. Есть еще пара быков, но их я оставлю себе.

Все рассмеялись.

«Разве я сказал что-нибудь не так?» — удивился Атал.

— А какие подношения сделаешь ты богам? — произнес жрец, придав лицу серьезность.

— Кое-что найдется. Да еще в долг возьму, — ответил юноша, уже смутившись.

Манг Сингх обнял его.

— Не беспокойся, я дам все, что надо, — сказал раджа.

— Я ничего не возьму, — тихо ответил Атал.

— Ну что ж, твоя воля, — согласился Ман Сингх и обратился к жрецу: — Назначьте день свадьбы, шастриджи.

— Махараджа, — со смехом ответил жрец, — если брахман хорошо знает астрологию, он назначает свадьбу на самый ближайший день.

И жрец ушел в храм, чтобы определить, в какой день отпраздновать свадьбу.

Толкам и пересудам в деревне не было конца.

— Не сегодня-завтра у Нинни свадьба!

— Теперь она будет зваться махарани! У каждого своя судьба!

— До сих пор, сколько ни работала, ни разу досыта не поела, а теперь будет в молоке купаться!

— И Аталу повезло. Как-никак с самим раджей породнился! Наденет высокий тюрбан и будет расхаживать по столычным улицам!

— А Лакхи станет служанкой. Будет прислуживать Нинни и ублажать раджу.

— Видели, какой у нее живот? Но по милости раджи все будет скрыто.

— Молчи! А то услышит раджа — прикажет казнить!

— Скорее бы уезжали! Тогда никакие грабители к нам больше не придут.

Нинни старалась казаться спокойной. Лакхи же не скрывала своей радости. Когда Нинни отворачивалась от подруги, Лакхи подбегала к ней и заглядывала в лицо, а потом, не выдержав, брала Нинни за подбородок.

— Посмотри мне в глаза.

— Ну, смотрю. Теперь что?

— А на него ты тоже так смотрела?

— Ну что ты пристала ко мне?

— Расскажи, Нинни, о чем вы разговаривали там, под деревом?

— Ты ведь все слышала!

— Ничего я не слышала, только видела, как он взял тебя за руку, и все. Вы очень долго разговаривали.

— Долго?! Что ты! Несколько минут!

— О небо! Несколько минут! Да я изнемогла, пока искала в кустах стрелы, которых там не было! Что же ты сказала ему?

— «Я вверяю вам свою честь... На все ваша воля...» Больше ничего... А теперь оставь меня.

— Интересно, где будет свадьба?

В это время в хижину вошла соседка. Еще с улицы она закричала:

— Вот это счастье! Да не оставит бог никого своей милостью! Навеки прославила нашу деревню! По красоте своей и раджу нашла! Сколько бы ни искал раджа, во всем свете не найти ему другой такой красавицы!

Соседка так и впилась глазами в ожерелье Нинни.

— Наверно, дорого стоит! А как сверкает оно на твоей белой шее! — с восхищением проговорила она.

Нинни не знала, что сказать, и за нее ответила Лакхи:

— Раджа подарил Нинни ожерелье за храбрость. Она одной стрелой убила тигра, а потом еще свалила буйвола.

— Нечего обманывать меня! Вся деревня знает, что Нинни выходит замуж за раджу.

— Правда? — с притворным удивлением спросила Лакхи.

Соседка прослезилась.

— А мы как работали, так и будем работать, ходить за скотиной, есть, что бог пошлет. Но мы рады тому, что хоть вы будете счастливы!

Лакхи растрогалась.

— Пока еще ничего не решено, — сказала она. — Что говорить раньше времени?

Крестьянка вытерла слезы, кашлянула и сказала:

— В деревне все сторают от зависти.

«А ты, наверное, завидуешь больше всех. Пришла, чтобы породниться», — подумала Нинни.

Крестьянка продолжала:

— Одна даже сказала, — да покарает ее бог! — что теперь Нинни будет жевать бетель, а Лакхи станет подставлять ей ладонь, чтобы рани было куда выплевывать остатки.

И еще сказала, что Лакхи будет стелить ложе раджи, — ведь она тоже красивая!

Нинни покраснела, а лицо Лакхи стало бледным.

— Кто это сказал?! — разгневанно спросила Нинни.

Крестьянка упала на колени.

— Умоляю, не спрашивайте меня об этом! Потом я все расскажу! Только не сейчас! Ведь я остаюсь в деревне. Узнают крестьяне, что я сказала вам, — ославят и из общины изгонят. Спаси меня, боже! Проклятый язык! Отсохнут бы ему! И как это я могла сказать такое!

Девушки поостыли. Задумались.

— Не бойся, мы не выдадим тебя, — стала успокаивать соседку Лакхи. — Да и сама посуди, какой нам интерес говорить о себе разные гадости?

Пришли еще женщины. На лицах — улыбки, в глазах — затаенная зависть.

Наконец явился Атал. Едва переступив порог, он радостно сообщил:

— Послезавтра свадьба махараджи и Мриганяни. Так сказал баба-джи. У нас ничего нет, но соседи помогут. Как-нибудь сообща отпразднуем.

В доме стало тесно. Больше всех суетилась старуха, которая вместе с другими пришла поздравить Мриганяни.

— Угощение даст раджа, — заявила она. — Вам надо только украсить дом. Родителей у вас нет. Старших родственников тоже. Придется нам поднести подарки жениху и невесте. — Потом старуха обратилась к женщинам: — Ну а сейчас спойте что-нибудь.

Женщины запели прощальную песню. Однако Атал нетерпеливо прервал их:

— Потом споете. А сейчас скажите лучше, что надо делать. Ведь до свадьбы остался всего день.

Женщины надавали кучу советов. Но чтобы все их выполнить, потребовалось бы по крайней мере во сто раз больше денег, чем было у Атала. И юноша решительно заявил:

— У нас есть куркумовый корень, я принесу из лесу зеленые листья, жрец даст немного цветов. Куркумовым корнем я натру руки Нинни *, осыплю цветами раджу, а листьями украшу двери дома и навес. У раджи я ничего не возьму, чтобы не позорить наших предков.

— А разве могут томары жениться на гуджарках? — поинтересовалась одна из женщин.

— Конечно, могут, — ответил Атал. — В истории такое не раз случалось. Баба-джи рассказывал. Он сам назначил день свадьбы и будет праздновать вместе со всеми.

— Ну да. Ведь Ман Сингх — раджа, а радже все дозволено, — сказала крестьянка. Потом, помолчав немного, затянула свадебную песню.

Нинни и Лакхи чувствовали себя очень неловко. Присутствие женщин начинало тяготить их. Но гости не собирались уходить. Они пели с увлечением, особенно те песни, от которых лица у девушек заливались краской.

Атал взял топор и отправился в лес. Ушли и женщины. Им тоже надо было готовиться к предстоящей свадьбе.

«Нинни будет жевать бетель и сплевывать его мне в ладонь! Я стану прислуживать радже в его спальне!» — нет-нет да и поднималась в душе Лакхи обида. И все же Лакхи была счастлива, счастлива за Нинни.

26

Из Гвалиора на свадьбу приехал Виджая Джангам, жрец жениха. Прибыл и родовой жрец раджи. Жрецом со стороны невесты был Бодхан. Атал украсил свою хижину листьями и цветами. Все остальные дома тоже были украшены. По настоянию раджи свадьба была устроена с подобающей пышностью. Атал подарил Ман Сингху корову. Принимая подношение, раджа сказал:

— Все драгоценности мира не стоят этого дара!

На Нинни было столько украшений, что от их тяжести у нее ныло все тело.

Когда настало время прощаться, Мриганаяни обнялась с Лакхи и так громко и долго плакала, что даже охрипла. Лакхи едва не лишилась чувств от предстоящей разлуки.

— Как только приеду в Гвалиор, тотчас пришло за тобой, — обещала Нинни.

— Там видно будет, — сквозь слезы ответила Лакхи.

И тут перед ней, словно в тумане, мелькнула уже знакомая ей картина: Нинни жует бетель и сплевывает его на ладонь служанки — Лакхи.

Мриганаяни села в роскошный паланкин, и процессия двинулась. Показалась река Санк, а за ней — такой знако-

мый лес! Мриганаяни, утирая слезы, смотрела на родные места. Перед отъездом раджа объявил, что на целый год освобождает деревню от налога, и приказал тотчас же начать строительство канала от Раи к Гвалиорской крепости. Из паланкина Мриганаяни увидела, что работы уже начались, и была несказанно рада этому.

Гвалиор встретил новую рани восторженно. Музыка, песни, празднично убранные улицы, дождь цветов и риса, украшенные гирляндами ворота, горящие светильники, приветственные крики. Все это ошеломило Мриганаяни.

«Неужели и вправду раджа — воплощение бога на земле? — думала она. — Или, может быть, в прошлом рождении он вел подвижнический образ жизни? Ведь йог в последующем рождении может стать раджой. Но кто такие йоги? Что они делают? Как-нибудь спрошу у раджи. Интересно, что сказала бы Лакхи, если бы все это видела? Она часто сердила меня. Но она такая хорошая! Теперь она тоже выйдет замуж. За брата. Никто больше не посмеет сплетничать про них. Надо поскорее вызвать ее сюда».

Процессия двигалась медленно, то и дело останавливаясь, и наконец достигла крепостных ворот. От них начиналась лестница, которая вела вверх. По лестнице процессия поднималась еще медленнее. А когда вошла во дворец, расположенный за верхней крепостной стеной, день уже клонился к вечеру.

Мриганаяни с жадностью смотрела на расстилавшуюся у подножья крепостного холма обширную равнину. Солнце посылало на землю свои последние лучи, заливая золотом холмы и низины. Над долиной поднимался белый туман.

«Что там, за тем холмом? Наверное, какая-нибудь речушка. А на ее берегу небольшая деревня. Вздыхая копытами пыль, возвращается с пастбища стадо. В домах пекут лепешки. Мычит теленок, поджидая мать. Корова бежит к дому, чтобы побыстрее накормить его... Да нет же! Как она может бежать, если брат подарил ее вместе с теленком радже? Где-то она сейчас? Должно быть, осталась внизу, в городе. Кто теперь загонит ее в стойло? Кто привяжет и ласково погладит по шее? Неужели я никогда больше не увижу нашей коровы?»

Мриганаяни вошла во дворец. Слуги и служанки осыпали ее благословениями.

«Неужели я так и не смогу хотя бы ненадолго остаться одна?» — подумала Мриганаяни.

Подарки, торжественный прием, почтительно склонившиеся служанки, окна, сквозь которые льется свежий воздух, ковер и подушки для сиденья, кровать, украшенная серебром, мягкая постель...

«Мачан, светлая, лунная ночь. Волнующиеся колосья хлеба, которым будто не терпится о чем-то поведать. Крики оленей и антилоп, дук со стрелами, весело смеющаяся Лакхи — неужели все это безвозвратно ушло? Неужели я никогда больше не увижу своей деревни и всю жизнь просижу взаперти? Но махараджа обещал не держать меня взаперти. И он выполнит свое обещание, непременно выполнит. Ведь начал же он строить канал, да еще как быстро! Интересно, где бы я очутилась утром, если бы вышла из крепости и шла бы все прямо, прямо?»

Нинни посмотрела на окно: подойти бы к нему и взглянуть. Но она не двинулась с места.

«Что скажут все эти люди, если я поступлю так? — размышляла рани Гвалиора. — Наверное, в душе назовут меня деревенщиной. Ведь все они грамотные. А я нет. Правда, я умею немного петь. Но они, я думаю, всю жизнь учились пению. А что, если с утра или вечером, когда заливаются пением птицы, мне вдруг захочется спеть? Оставят меня служанки? Нет, наверное. Но про себя непременно осудят. Вот бы научиться петь лучше всех! Зато из лука ни одна из них не умеет стрелять! Тут уж я над всеми одержу верх. Даже над махараджой! Ничего, что он муж мне! Стрельба из лука — искусство! А в искусстве не грех одержать победу даже над мужем».

Стены во дворце были украшены росписью. И Мриганаяни с интересом стала их разглядывать.

«Эти картины как живые! Кажется, люди на них вот-вот задвигаются, заговoryт! Даже не верится, что они нарисованные! Никогда раньше не видела ничего подобного. Да и где могла я это видеть? В деревне, что ли? Или в лесу? Вот бы самой нарисовать такую картину. И потом непременно надо выучиться писать и читать. Научусь всему и поеду в деревню. И Лакхи выучу всему, что сама узнаю. Так и скажу ей: «Невестка, давай я буду учить тебя». Что-то она сейчас делает, моя милая, дорогая Лакхи? Как она плакала! Я часто бывала несправедлива к ней! Но теперь больше никогда не обижу!»

В глазах у Мриганаяни блеснули слезы. Служанки заметили это, но решили, что виною всему росписи на стенах, которые рани чересчур пристально рассматривала.

«Долго, наверно, придется учиться, — продолжала размышлять Мриганаяни. — А по деревне я уже соскучилась. Нет, надо, чтобы Лакхи и брат приехали сюда. Что им там одним делать в деревне?»

В соседней комнате кто-то заиграл на вине. Мриганаяни удивилась, но поняла, что это играют на каком-то музыкальном инструменте, хотя никогда не слышала вины. Звучки были такими нежными: они проникали в самую душу. Потом кто-то запел. О, какой это был чудесный голос! Такого Мриганаяни никогда не слыхала. Пел мужчина, но как красиво! Иногда к мужскому голосу присоединился женский, — он словно состязался со струнами. Мриганаяни восторженно взглянула на одну из служанок.

— Это поет знаменитый Байджу со своей ученицей Калой, — объяснила служанка.

27

После отъезда раджи и его свиты в деревне снова стало тихо. Лакхи и Аталу их дом казался осиротевшим без Мриганаяни. Грустные, пошли они на ток и проработали там до самого вечера, а вернувшись, поужинали и сразу легли спать: они измучились за день.

А на следующее утро снова пошли молотить. Когда они сели в тени отдохнуть, юноша сказал:

— Нам тоже надо пожениться.

Лакхи и без того была печальна, а тут совсем загрустила.

— Как же мы без Нинни справим свадьбу? — спросила она.

— А мы пригласим ее. Она непременно придет. Хоть она и рани, но нам нет дела до этого. Ведь она мне попрежнему сестра.

— А когда ты пригласишь ее?

— Да завтра же. Хочу справить свадьбу, пока шатер из ветвей не пожелтел. В нем и совершим обход огня.

— Что ты говоришь! Нинни только вчера уехала! Как же она может завтра вернуться. Такого даже в деревнях не бывает.

— А долго после свадьбы жена не должна разлучаться с мужем?

— Не знаю. По-моему, Нинни никогда больше не придет сюда. Раджа и его приближенные не отпустят ее в деревню: ведь она — махарани большого княжества.

— Как это не отпустят? Никто не может запретить ей. Я сам за ней поеду. Попрошу только жреца назначить день свадьбы и поеду. Нинни непременно будет на нашей свадьбе, вот увидишь. При ней мы совершим обход огня.

— Когда поедешь в Гвалиор, возьми мое жемчужное ожерелье. Говорят, оно стоит тысячу така *. Сними с него несколько жемчужин и продай. Надо ведь купить какую-нибудь одежду и угощение, да еще поднести подарок жрецу. Его слово — последнее.

— Пожалуй, это верно. А где оно, ожерелье?

— Я его спрятала, а если бы надела, в деревне все лопнули бы от зависти. Да и разбойники могли бы польститься.

— Я прямо сейчас и схожу к жрецу, пусть назначит день свадьбы.

— Зачем так спешить?

— Как зачем? Ведь мы с тобой давно хотим жить как муж с женой.

И Атал отправился к жрецу. Теперь жрец не станет тянуть со свадьбой, ведь Атал как-никак родственник самого раджи.

Но жрец наотрез отказался совершить свадебный обряд.

— Я не могу нарушить закон. Скорее я соглашусь покинуть это княжество и уйти в чужие края.

Атал знал, что жрец не отличается бескорыстием, и решил задобрить его.

— Махараджа обещал выстроить храм, я тоже сделаю для вас все, что только пожелаете.

— Но я не могу пойти против закона. Ни один брахман не осмелится нарушить кастовые порядки.

— Почему же вы выдали замуж девушку из нашего маленького рода за человека, который принадлежит к одному из тридцати шести племен? *

— Я выдал ее за раджу. Раджа — воплощение бога и поэтому вправе жениться на девушке из другой касты. Ему все дозволено. А тебе нет.

— Но мы твердо решили пожениться.

— Лакхи беременна?

— Нет, мы чисты, как вода Ганги!

— Ты оскорбил священную реку! Не упрямься, пусть Лакхи покинет твой дом, иначе тебя изгонят из касты!

— Но в Раи, кроме нас, нет гуджаров и ахиров.

— Никто в деревне не станет пить воды, которой вы коснетесь. Вас будут обходить стороной.

— Ну и пусть! Я увезу Лакхи в Гвалинор.

— Ты опозоришь раджу. Его подданные станут говорить, что шурин раджи безбожник.

— Не в Гвалинор, так еще куда-нибудь, но такой несправедливости я не снесу! И непременно расскажу радже, как жестоко вы обошлись с нами.

— Я — брахман. И раджа бессилен что-либо сделать со мной. Если он прогневается, я уйду из этого княжества. Так что не пугай меня. Я не даром изучал шастры. Иди хоть сейчас к радже.

Злой ушел Атал от жреца и, вернувшись на ток, сказал Лакхи:

— Иди сполосни кувшин и принеси воды.

Кувшин, весь щербатый, стоял здесь же на току. Лакхи подошла к реке, старательно вымыла его и зачерпнула воды. Когда она вернулась к Аталу, она заглянула ему в лицо и испугалась.

Атал сполоснул руки. Потом взял кувшин и сказал:

— Садись рядом.

Лакхи недоумевала:

«Что все это значит?»

Атал возвел глаза к небу.

— О, всевышний! Я — юноша, Лакхи — девушка. Клянусь именем Ганги, отныне и на всю жизнь она будет моей, — произнес он.

Потом закрыл глаза и слегка наклонился вперед. По щекам его текли слезы.

— Что ты делаешь? — спросила Лакхи и вытерла Аталу слезы. В голосе ее звучала радость.

Атал поставил кувшин на землю.

— Положи свою левую руку в мою.

Лакхи протянула руку.

— Теперь ты навеки моя. Пусть изгонят меня из общины, пусть забросают камнями, мне все равно. Ничто не в силах разлучить нас. Ответь же, моя ты теперь?

Печаль как рукой сняло, на щеках Лакхи заиграл румянец, на губах появилась улыбка, озарив радостным светом ее лицо.

— Твоя, — ответила девушка.

— Сегодня же скажу всей деревне, что мы — муж и жена!

— А признают они наш брак?

— Не признают — не надо. Заберем свои пожитки и уйдем в Гвалинор.

— Я не хочу в Гвалинор.

— Почему?

— Сперва надо самим чего-нибудь добиться, показать, на что мы способны.

— Я что-то не понимаю.

Тут Лакхи рассказала ему все, что говорят про них в деревне.

— Я не желаю, чтобы меня называли служанкой, пусть даже моей золовки, а тебя слугой или нахлебником. Бог дал нам силу и любовь к труду. Нам нечего бояться. Добьемся удачи, — приедем в Гвалинор.

— Но я все равно сегодня же объявлю всей деревне, что мы муж и жена. Они не решатся в открытую оскорбить нас. Это брахман успел забыть, как мы, рискуя жизнью, охраняли и его самого, и священные книги! А крестьяне, я думаю, помнят, что мы для них сделали.

— Поступай, как считаешь нужным.

— Ничто меня не испугает.

— А я всегда буду рядом с тобой.

— Знаю.

Атал не замедлил поделиться своей радостью с крестьянами и тотчас пожал плоды своей неосторожности.

— Не бывать в нашей деревне этому, — сказал один.

Другой заявил:

— Они совершили грех! Проклятая калиюга!

— Ахирка идет в дом гуджара!

— Если бы в деревне были ахиры, они убили бы их!

— А что сказал баба-джи?

— Он прямо сказал, что это грех.

— Но ведь Атал — родственник раджи.

— Ну и что? Радже дозволено жениться на девушке любой касты, он может привести в дом столько жен, сколько пожелает, — большим людям все можно. У них это не считается грехом. Но Атал?! Боже, помилуй нас! Да еще задается! Разговаривает со всеми так, словно ходил паломником в Каши или в Рамешвар!

— А может, раджа на их стороне? Может, Ниппи подговорила его вступить за Атала и Лакхи?

— Против веры никто не может пойти. Даже раджа. Иначе он недолго продержится на троне.

— А если Ман Сингх обрушит на нас свой гнев, тогда что?

— Как что? До Бунделкханда рукой подать. Переселимся в соседнее княжество и станем подданными раджи Орчхи. Что у нас, золото, что ли, зарыто здесь! Двое идут против бога, и мы не потерпим этого! А простим грех — бог покарает: опять нагрянут тюрки.

— Какой он честный, наш баба-джи! Он сказал: «Если раджа предложит мне даже полкняжества, я все равно не буду читать мантр во время обхода огня!»

— Слыханное ли дело, чтобы буйвол женился на корове?

— Мы давно уже заметили, что Лакхи беременна. Атал подумал, что все равно месяцев через пять все узнают об этом, — вот и решил объявить о своей женитьбе и оставить деревню в дураках.

— Он хочет совершить обход огня! Хочет получить наше благословение!

— Уж жили бы себе вместе, только потихоньку. А то ведь ни стыда ни совести у этого Атала. Заявляет о женитьбе во всеуслышание, словно панчаята и в помине нет! Слово мы ничего не значим! Люди мы, конечно, бедные, но принадлежим к высокой касте!

— Соблазняет угощением! Одарю, говорит, ладду! * Да пусть подавится ими!

— Есть и пить вместе с ним, сидеть рядом, разговаривать и даже смотреть в его сторону — позор!

— Атал уйдет в Гвалиор!

— Вот и хорошо! Пусть Лакхи прислуживает радже! Зато турки больше не нагрянут в нашу деревню!

— Какой испорченной оказалась эта девчонка!

— Не известить ли ахиров из соседней деревни? Они сразу же решат дело как надо!

— Правильно! Перестанем разговаривать с Лакхи и Аталом и известим ахиров. Всех радже не перебить!

— Или уйдем в княжество Орчха!

В тот же день под баньяновым деревом, у храма, был созван панчаят. Он решил изгнать Атала и Лакхи из общины. Жрец не только не защищал их, но сделал все, чтобы панчаят принял такое решение.

К Аталу явился нат Пота.

— Атал Сингх, — сказал он ласково, — тебе нельзя оставаться в деревне: в любой момент сюда могут прийти ахиры и убить вас. Да и мы тоже попадем в беду: ведь все знают, что ты и Лакхи были добры к нам, несчастным. Надо быстро решить, что делать.

Атал задумался.

— Ахиры непременно придут сюда. Из всех соседних деревень. Раджа и тот ничем не поможет: он бессилен, когда дело касается веры, — продолжал нат.

— Ты прав! — вырвалось у Атала.

— Ну, что надумал? — спросил Пота.

— Право же, не знаю, что и делать, — ответил Атал упавшим голосом.

— У тебя два выхода, — заметил нат, — убежать отсюда вместе с Лакхи или отказаться от нее.

— Что?!

Пота произнес смиренно:

— Я ведь для тебя стараюсь. Может, что не так сказал, — прости. Но это истинная правда.

Атал снова задумался.

— Мир велик, — тихо промолвил нат. — Уходи подальше отсюда и живи в свое удовольствие. Только не вздумай идти в Гвалиор. Гвалиор ведь совсем рядом, ахиры и там не дадут тебе покоя. Будут ходить к радже и требовать, чтобы он наказал тебя.

— Нет, нет, в Гвалиор мы не пойдем, — донесся из соседней комнаты голос Лакхи.

— И не надо. В Гвалиоре вам придется прятаться от людей, а разве это не обидно? — сказал нат и тихо спросил Атала:

— А она не беременна?

— Как ты мог подумать такое! — резко ответил Атал.

Нат умоляюще сложил руки.

— Прости меня, Атал! Мы люди темные, живем в лесу. Я слышал это от деревенских жителей, вот и спросил. Думай же скорее, что делать. Мы решили спиться и уйти в другое место.

— А куда вы пойдете?

— Сами еще не знаем. Но в деревне Магрони, у Нарварской крепости, живут наши знакомые. Много времени прошло с тех пор, как мы были там. Тогда нас щедро одарили. Хорошие люди в этой деревне! Вокруг много земли, знай только возделывай! Вот бы тебе поселиться там! А не понравится, пойдешь в Мальву, Мальва — княжество богатое.

— А кто живет в Магрони?

— Лухары* и касеры*. Есть еще там банин* и брахманы, но их немного. Чего тебе бояться? Они ведь не знают про тебя и Лакхи. Ну как, пойдешь?

— Пожалуй. Да и Лакхи привыкла к вам. А в Магрони решим, что делать: остаться там или пойти в Мальву. Но прежде я посоветуюсь с Лакхи.

— А чего советоваться? — сказала Лакхи. — Вещей у нас немного, собрали да пошли, плечи выдержат.

— А ослы у нас для чего? — вставил Нат. — На них погрузим и ваши вещи. Да еще и сами сядем верхом.

Атал представил себя и Лакхи верхом на осле и засмеялся. Пота даже растерялся от неожиданности. Но Атал сразу стал серьезным.

— Что ж, такая, видно, у нас судьба. Никуда от нее не уйдешь. В пути и осел хорош, если устанешь, — заметил он.

— Атал, — снова заговорил Пота, — старшая натиин гадала твоей сестре и предсказала ей знатного мужа. А тогда ведь еще никто не знал, что Мриганаяин выйдет замуж за раджу Гвалиора! Она и Лакхи гадала. Увидишь, ее предсказание сбудется. Сейчас тебе, конечно, трудно поверить в это, но пройдет немного времени, и ты сам убедишься, что натиин правду сказала. Еще не было случая, чтобы ее пророчества не сбылись! Кто знает, к скольким богам обращается она за помощью!

— Все равно нам придется уйти из этой деревни. Так почему бы не в Магрони, как советует Пота? — снова раздался голос Лакхи.

Атал решился:

— Хорошо, брат Пота, мы пойдем с вами. Захватим своих быков. На быках поедем мы с Лакхи, а на ваших ослах повезем вещи. Джвар уже обмолотили. Завтра утром проведу его. Хлеб тоже погрузим на ослов. Много ли у нас его!

— Правильно! Правильно!— обрадовался Пота.— Только никому ни слова. Завтра же ночью, чтобы никто не знал, двинемся в путь. А когда в деревне хватятся, мы будем уже далеко!

— А сколько косов отсюда до Магрони? — спросил Атал.

— Двадцать или двадцать два. Деревня расположена в двух косах к северу от Нарвара. Да ты не беспокойся,— в Магрони никто ничего не узнает. Там каждый занят своим делом. Очень хорошее это место!

На следующий день Атал провеял и ссыпал зерно в мешки. Никто в деревне не заговаривал с ним. А увидев Лакхи, некоторые даже плевались. В соседние деревни отправили гонцов, чтобы сообщить о решении панчаята.

Ночью Атал, Лакхи и наты погрузили свои вещи на ослов и тронулись в путь. Лакхи несколько раз оглянулась на деревню, но не потому, что ей жаль было уходить. Просто она хотела убедиться, что их с Аталом никто не преследует. И, только взглянув на лес, она тяжело вздохнула.

«Здесь у меня нет врагов. Обитатели леса куда лучше тех зверей, что живут в этой деревне»,— подумала она.

Вдруг взгляд Лакхи упал на черную, с трудом различимую при тусклом свете звезд гору.

«Там Гвалиорская крепость, а в крепости Нинни, моя Нинни! Если бы она сейчас ехала со мной! Как весело было бы нам! Любая дорога показалась бы короткой».

Лакхи тихонько заплакала, но слез ее никто не увидел: звезды тускло мерцали, было совсем темно.

По приказу Гияс-уд-дина евнух Матру послал к патам лазутчиков. Всю дорогу лазутчики дрожали за свою жизнь, боялись, что в любую минуту их могут схватить. А когда они наконец добрались до деревни Раи, то узнали, что Мри-

ганаяни¹ вышла замуж за раджу Ман Сингха, Лакхи убежала из деревни, а наты ушли в неизвестном направлении. Возвращаться к султану ни с чем лазутчики боялись.

К счастью, Гияс-уд-дин был занят приготовлениями к походу на Нарвар. Правда, когда ему донесли, что Бегарра собирается оставить Ахмадабад и двинуться на Мэнди, он стал медлить с выступлением. Но потом выяснилось, что Бегарра пошел на юг, против султана Кхандеша*, который не желал признать своей зависимости от Гуджерата. И все же Гияс-уд-дин решил выждать. Он опасался, что Бегарра неожиданно двинется на Мальву. К тому же было рискованно оставлять столицу на попечение неопытного шахзаде. Уж лучше выждать, пока Бегарра уйдет далеко на юг.

Однако свнух Матру был уверен, что султан все же пойдет походом на Нарвар, и стал искать встречи с шахзаде.

Когда наконец они встретились, Насир-уд-дин, оглядевшись, спросил Матру:

— Говорят, вино — дурная вещь. Тогда зачем же люди пьют его?

— Повелитель! Еще предки наши называли вино греховным напитком, но люди не хотят помнить об этом, потому и пьют, — осторожно ответил Матру.

— Но раз вино называют плохим, наверное, и пить его противно?

— Повелитель, когда плохого касается рука падишаха, оно перестает быть плохим! И потом я слышал, что некоторые пьют вино, как лекарство.

— А сам ты пробовал хоть глоток?

— Было бы непристойностью с моей стороны рассказывать повелителю подобные вещи.

— Зачем ты пришел ко мне?

— Когда падишах покинет столицу, бразды правления возьмет в свои руки повелитель. Я пришел молить, чтобы он всегда помнил о своем верном рабе и не отстранял его от себя. Если когда-нибудь повелитель пожелает приказать что-либо рабу, раб будет счастлив. А не выполнит приказа, — тогда пусть повелитель отсечет ему голову.

— Мне очень хочется поглядеть на мир. Я прочитал много книг, но жизни совсем еще не знаю.

— Да здравствует повелитель! Ваш раб поможет вам узнать жизнь! Не отвергайте же своего раба! Он готов принести себя в жертву, чтобы раскрыть перед вами весь мир!

— О! Если б это было так!

— Я говорю правду, господин! Стоит лишь приказать, и любое ваше желание сбудется! Но раб боится за свою шею: муллы и маулви давно косятся на него.

— Они ни о чем не узнают. По ночам я остаюсь один. Можешь заходить ко мне время от времени.

— Господин очень добр к своему рабу! Но лучше бы господин передавал свои распоряжения через какого-нибудь доверенного слугу. Раб выполнит любой приказ. Но он боится, как бы старший господин не узнал об этом. А если узнает, тело раба бросят на растерзание собакам, а с повелителем станут обращаться еще более жестоко.

— Ты прав, конечно. Со мною очень жестоко обходятся. Порой даже умереть хочется. Пусть же будет по-твоему. А теперь скажи по правде, есть в вине хоть какая-нибудь прелесть?

— Повелитель, если бы в вине не было никакой прелести, зачем бы касались его губы падишахов?

— Тогда принеси мне вина! Только немного, совсем чуточку, а то могут узнать. И еще... Ты сам понимаешь.

— Воля повелителя для меня закон.

— Пока я ничем не могу одарить тебя, но придет время, и ты получишь награду.

— Это время не за горами, господин,— да поможет вам бог! Повелителю, конечно, известно, из-за чего затевается поход на Нарвар?

— Раджа Гвалиора ведет себя очень дерзко.

— Нет, господин, все дело в том, что в княжестве Гвалиор живут две дивные пери. Только вы никому ни слова. Не то раба раздавят, как червя.

— Что ты! Зачем я стану болтать? Но, Матру, сам посуди, справедливо ли это: для меня — оковы, для него — вино, Ширин, Лейла *, и кто знает, сколько еще красавиц? Ему все дозволено, а мне ничего! Но, может, правда, все переменится! Я и сам не знаю, что хуже: предаваться роскоши и наслаждениям или проливать кровь ни в чем не повинных людей. Эта мысль не дает мне покоя... Иди же, да помни, о чем мы говорили с тобой.

— Господин очень милостив! У раба его от счастья крылья выросли!

Махмуд Бегарра не пошел прямым путем на Мэнди, а продвинулся далеко к югу в сторону Кхандеша. Теперь Гияс-уд-дину самое время было выступить против Нарвара. Он провозгласил сына временным правителем Мэнди, фактически передав власть визирю. Затем приказал субедару Чандери Шер-хану присоединиться к походу. Шер-хан, занятый в то время прокладкой новой дороги, распорядился продолжать начатое строительство и двинул свое войско на Нарвар.

Правители мелких индусских княжеств приветствовали султана, оказывали ему всевозможные почести и всячески выражали свою верность. Крестьяне вначале испугались, но, увидев, что враги не тронули ни одной деревни, успокоились и жили по-прежнему, как велят им кастовые законы и установления панчаятов: работали на полях и в поте лица добывали хлеб свой.

Гияс-уд-дин провел армию равниной Малвы, пересек горы и наконец достиг леса, лежавшего к югу от Нарвара. Это был огромный дремучий лес. В чаще его свободно бродили стада слонов, тигры, буйволы и посороги. Леса окружали Нарвар и с восточной стороны, но ни один из них не подступал так близко к городу. Лес прорезали реки и речушки, кое-где виднелись озера и поляны.

Крепость стояла на реке Синд, которая огибала город, извиваясь, словно змея. Нарвар был расположен как бы в ее кольце.

К юго-западу от Нарвара проходила дорога на юг. И чем дальше от этой дороги, тем гуще становился лес, а на горизонте начинали вырисовываться очертания холмов.

Султан окружил Нарвар цепью постов. Затем выбрал в лесу поляну и расположился на отдых, в ожидании субедара Чандери с его войском.

Комендант Нарварской крепости узнал о приходе Гияс-уд-дина, когда все дороги были уже перекрыты. И он не смог послать в Гвалиор за помощью. Теперь ему приходилось рассчитывать только на собственные силы. Комендант распорядился запереть ворота крепости и решил обороняться.

Начала готовиться к защите от врага и деревня Магронни. Обнесенная каменной стеной, она стала прибежищем для многих жителей окрестных селений.

Луна собиралась скрыться за горизонтом и посылала на землю свои последние холодные лучи. В лагере султана не спали. Здесь царило оживление. Горели костры. Несли службу сторожевые посты, стояли часовые. В центре лагеря высился роскошный шатер. Часть его была отведена под гарем. Рядом находились приемная и личные покои султана.

Звери, испугнутые шумом, ушли в глубь леса. Но время от времени вместе с порывами ветра до лагеря долетал рев слона, а иногда и рычание тигра.

Чем дальше от шатра султана, тем явственнее слышались эти лесные звуки. И войны бросали в костры одно дерево за другим. Яркие языки пламени помогали бороться со страхом. Дальние холмы походили на темные, причудливо изрезанные тучи. Стволы деревьев, огромные и толстые, выросли, словно стены. Каждый шорох пугал воинов. Когда же раздавался рев слона или рычание тигра, они еще ближе подходили к кострам и поглядывали на оружие. Огонь вспыхивал ярким пламенем, и деревья не казались страшными в его бойко пляшущем свете. Но когда пламя становилось слабее, темные стволы казались мертвецами, вставшими из могил, о которых писали в сказках. Ни стен, ни крыши — только костры и небо над головой.

Зато в покоях султана было, как всегда, уютно. Горела жаровня, стояли кувшины с вином и золотые, в драгоценных камнях чаши. Служанок не было, их прогнали. Гияс-уд-дин сидел на мягком троне, а внизу, на дорогом толстом ковре — евнух Матру. Рев слона и рычание тигра не мешали им вести разговор.

Лазутчики сообщили из Гвалиора, что продолжают поiski натов и сбежавшей из деревни Раи девушки.

Султан был убежден, что красавица Лакхарани ушла вместе с натами. Возможно, лазутчики и найдут ее, но скорее всего, думал Гияс-уд-дин, наты сами приведут девушку в лагерь. Ведь рано или поздно они узнают, что султан попал на Нарвар.

— Повелитель, пусть осаду Нарвара ведет субедар Чандери Шер-хан. А на Гвалиор вам лучше двинуться самому. Наверное, Лакхи сейчас там вместе с Мриганаяни.

Султан возразил:

— Если бы наты решили уйти в Гвалиор, они бы не ушли из деревни тайком! Но в одном ты, пожалуй, прав,— пусть осадой займется Шер-хан, а мы двинемся дальше и окружим Гвалиор. Рана Мевара, конечно, не станет участвовать в этой войне. Султана Джаунпура тоже нет причин опасаться: он сбежал в Бенгалию... О Матру, мне пришла в голову превосходная мысль!

— Я слушаю вас, повелитель.

— Покончив с Гвалиором, мы двинемся в Калпи, а из Калпи на Дели. Я совершу то, что не удалось совершить моему отцу. Разве это не принесет мне славы?

— Великая мысль, повелитель! Замечательная мысль!

Раздался протяжный рев слона. На душе у Гияс-уд-дина стало радостно.

— Как приятно услышать рев слона ночью! Дремучий лес, холодный свет луны, и вдруг в безлюдной тиши ревет слон. Или рычит тигр! Было бы время, поохотился бы. Устроил бы облаву, увел бы отсюда сотни полторы слонов. Но сейчас не до этого: я должен присоединить Нарвар к своему султанату.

— О повелитель! Султанат сейчас простирается только до Чандери. И если вы присоедините к нему Нарвар, это будет поистине огромным успехом. Одного субедара посадите в Нарваре, другого — в Гвалиоре.

— Был глупцом, глупцом и остался! Завоевав Гвалиор, пост субедара я подарю Ман Сингху: мне нужна Мриганаяни, а не Гвалиор. Зачем мне его земля! Ради отмщения врагам раджпут, не задумываясь, сложит голову!

«А за свою жену предаст огню весь мир!» — подумал Матру, но вслух сказал:

— Повелитель, как всегда, мудр! Неплохо бы субедаром Нарвара сделать Радж Сингха Качхваха, а Гвалиор оставить в руках раджи Ман Сингха Томара. Пусть платит дань.

— Дело, которое не смог осуществить отец мой, завершит его сын. Но не это главное. Сейчас куда важнее другое. Стража может не пустить натов в лагерь.

— Если будет на то воля повелителя, на поиски натов можно послать новых лазутчиков.

— А может быть, разрешить всем натам беспрепятственно проходить на территорию лагеря? Пусть показывают свои представления!

— Это поистине мудро, мой повелитель!

— Только вот чего я боюсь, как бы под видом натов в лагерь не проникли эти отчаянные раджпуты. Они посеют панику среди наших воинов. Кроме того, из Чандери, наверное, уже вышло войско, так что нам все равно скоро придется снаться и пойти на Гвалиор.

— О повелитель, раджпуты не посмеют пройти в лагерь!

— Ну и дурак же ты! Не помнишь, что ли, как обманули покойного Ала-уд-дина раджпуты Читора, которые были в паланкинах?

— О да, это я помню, — испуганно поддакнул Матру.

Гияс-уд-дин потребовал вина. Матру наполнил чашу и подал ее своему господину. Султан выпил и захмелел.

Снова где-то вдали заревел слон.

— Как приятно его слушать! — произнес Гияс-уд-дин заплетающимся языком.

31

На четвертый или пятый день пути Атал, Лакхи и наты прибыли в Магрони. От Раи до Магрони недалеко, но путь трудный — горы, леса, реки. Атал и Лакхи могли бы значительно быстрее добраться до Магрони, если бы шли одни. Однако их спутники не спешили.

Придя в Магрони, наты, как всегда, расположились за деревней. Атал и Лакхи остались вместе с ними в лагере.

«Уж лучше бы пошли в Гвалиор! А то умрем, так вороны даже костей наших не донесут до Раи!» — думала Лакхи.

Атал тоже раскаивался.

«Зря я связался с этими натами!» — думал юноша.

Глядя в исхудавшее лицо Лакхи, в ее запавшие глаза и слушая печальный голос девушки, он упрекал себя:

«Зачем я привел ее в Магрони? Никого у нас здесь нет. А у Лакхи в целом свете нет ни одной близкой души. Один я. Поклявшись именем Ганги в нашей чистоте, я не обманул жреца. Я взял ее руку в свою и призвал всевышнего в свидетели. Разве я нарушу свою клятву? Никогда! Мы будем всю жизнь вместе, я и моя Лакхи!»

Но что же нам делать? Остаться с натами, стать такими же, как они? Как этот Пота и беспутная Пилли?! Нет, не

бывать этому! Надо что-то придумать, куда-то уйти. По куда?..

В Магронии много мастерских, где делают металлическую посуду. Может быть, поискать здесь работу? Надо сходить завтра в деревню и узнать, что и как».

На следующий день Атал отправился в Магронию.

Пилли подседа к Лакхи.

— Бедняжка! Как ты измучилась в пути! Мы-то привыкли кочевать с места на место, отдохнем денек и снова — веселые и бодрые, а тебе это не под силу. Но не унывай! Тебя ждет прекрасное будущее. Мать зря не скажет, ее предсказания всегда сбываются.

Лакхи тяжело вздохнула.

— Да я же не унываю. Я сумею перепести любые невзгоды. Но какое будущее может быть у простой деревенской девушки? Для нее все дни одинаковы, всегда одно и то же: работа, работа и работа.

— Но ведь твоя подруга Нинни стала рапи. Как видишь, мать нагадала верно,— напомнила Пилли.

Пилли и старшая натини всю дорогу до Магронии твердили Лакхи о своем умении колдовать и читать заклинания и еще о том, что они точно предсказывают судьбу по руке. Порой Лакхи верила им.

Поэтому сейчас она не стала возражать Пилли.

— Да, я знаю,— сказала Лакхи.— Вы действительно многое можете. И здесь, на чужбине, только на вас вся надежда.

— Мать говорит, что не пройдет и месяца, как ты выйдешь замуж за знатного человека — и не за какого-нибудь там коменданта крепости или субедара, а за правителя княжества.

— Нам многого не надо. Найти бы хорошую работу и жить себе спокойно. Только б не преследовали нас за нарушение кастовых законов.

— А ты уходи в Мэнди — там день и ночь будешь знать одно лишь счастье да наслаждение. Чудная страна! Не то что здесь. В Мальве не знают, что такое голод. Я привезла оттуда кое-что. Может, посмотришь? А? Но только никому ни слова!

— А далеко до Мальвы?

— Рукой подать! Несколько косов — и ты в султанате.

— А что ты хочешь мне показать?

— Сейчас увидишь! Но прежде поклянись головой, что будешь молчать.

На потрескавшихся губах Лакхи появилась улыбка. Так после дождя в летнюю жаркую пору по высохшему руслу реки пробегает тонкая струйка воды.

— Клянусь! — сказала Лакхи. — Ну, показывай быстрее!

Пилли достала из-под груди своих парядов золотые и жемчужные украшения и разложила их перед девушкой. Лакхи мысленно сравнила их со своим жемчужным ожерельем, которое так тщательно прятала от воров и грабителей. Украшения Пилли сверкали еще ярче.

— Владеть этими украшениями все равно что владеть небольшим княжеством. Они стоят ровно столько же, — сказала Пилли.

— Но откуда их взять? — произнесла Лакхи.

Пилли разожгла в ней любопытство.

— У тебя будет много украшений! Столько, что на них ты сможешь купить всю Нарварскую крепость!

«Нарварская крепость всего в двух косах от Магрони. Их разделяет река Синд. Гвалиор не смогла увидеть, так хоть на Нарвар погляжу», — пронеслось в голове Лакхи, и она ощутила какое-то смутное волнение.

— Так где же меня ожидает такое богатство? — не выдержав, спросила девушка.

— В Мэнди, — ответила Пилли.

Сердце Лакхи дрогнуло, она насторожилась.

— В Мэнди? И от кого я получу украшения?

Но Пилли недаром была натини. Она тотчас заметила в глазах Лакхи тревогу.

— Мать не сказала, от кого. Но дней через пять она узнает и это. А пока не думай ни о чем и возьми эти украшения, тебе достаточно знать, что они теперь твои, а дала тебе их я. — И Пилли, улыбаясь, протянула Лакхи украшения.

Лакхи украшения очень понравились, к тому же они достались ей даром. Девушка уже протянула руку, чтобы принять подарок, но в сердце ее вновь вспыхнуло подозрение.

«Если только эти украшения не из меди и стекла, то как могли они оказаться у натов? И почему Пилли так настойчиво предлагает их мне? Что она хочет получить взамен? И почему то и дело с улыбкой поглядывает на Атала? Уж не решила ли она стать его второй женой? Но я не

возьму этих украшений, прежде чем не посоветуюсь с Аталом».

— Ты очень добра ко мне,— сказала Лакхи,— но пусть пока они лежат у тебя. Вот придет Атал, тогда возьму.

«Река перестала течь, дело остановилось»,— подумала про себя Пилли. Потом заметила:

— Если ты наденешь красивую юбку и набросишь на плечи нарядную накидку, из-под которой будут сверкать эти украшения, подумают, что ты рани или бегам*. Вся знать в Мэнди так и ахнет от изумления!

Пилли хихикнула. Но Лакхи не обиделась. Она уже успела понять, что у Пилли мелкая, ничтожная душа. И представила себе картину, нарисованную Пилли, совсем по-иному:

«Из-под такой накидки будет просвечивать тело, и люди решат, что я тоже натины или берини!»

И все же думать о том, как она покорит всех своей красотой, было приятно.

«А если эти драгоценности надеть под мою грубую накидку? — продолжала размышлять Лакхи. — Все равно женщины умрут от зависти, а мужчины будут на меня заглядываться».

Но тут она вспомнила про Атала.

— Нет, я буду одеваться так, как одеваются у нас в деревне,— решительно сказала Лакхи.

Тут Пилли подзадорила ее:

— Ты думаешь, Нинни теперь ходит в такой же одежде, как раньше? Да и ты, если б уехала с ней, носила бы дорогие наряды.

Лакхи с горечью вспомнила, что сказала крестьянка из их деревни.

«Будешь подставлять Нинни руку, чтобы она сплевывала тебе в ладонь. Будешь у раджи...» Лакхи даже мысленно боялась повторить эти слова.

— А мне и так хорошо,— заявила она Пилли.— Прежде всего надо решить, оставаться здесь или, как ты советуешь, идти в Мэнди.

— А чего решать? Конечно, надо идти в Мэнди! Мэнди — богатый город. А здесь что?

— Здесь гор и лесов даже больше, чем у нас, в Рап. Говорят, и слоны водятся в лесах!

— Это верно, водятся. И все же в Мэнди лучше! И потом, оставаться в Магрони вам небезопасно. Здесь наверняка

можно встретить людей твоей касты и касты Атала. Как бы они не узнали...

«Ну и пусть узнают, я не боюсь!» — подумала Лакхи и спросила Пилли:

— А в Мэнди тоже есть люди из наших каст?

— Может, есть, а может, нет, не знаю, — ответила Пилли. — Но султан там могуч. Глазам своим не поверишь, когда увидишь его!

— Мне хочется посмотреть все представления в Мэнди.

— О! У тебя глаза разбегутся! Там и бой слонов, и борьба, — даже женщины борются! Музыка, пенне, танцы, пляска медведей, да и мало ли еще чего!

— Бой слонов? А как же они бьются?

— Ну, дерутся между собой, трубят, а вожатые сидят у слонов на шее и натравливают одного на другого. Султан же в это время восседает на огромном слоне и следит за боем. Народ так и ахает от восторга.

— Как интересно! Непременно посмотрю!

— Когда ты в сверкающих украшениях и ярких шелковых нарядах придешь смотреть представление, женщины стогят от зависти. «Бог ты мой! Откуда взялась эта красавица?» — скажут они.

— Женщины всегда завидуют чужим украшениям и нарядам!

Лакхи болтала, весело смеялась, а в мечтах рисовала себе бой слонов.

Пилли решила, что наступил подходящий момент, и начала действовать.

— Примерь эти украшения. Они очень пойдут тебе! Ты станешь прекрасной, как цветок! А не понравятся — вернешь! И знай: украшения эти не поддельные, — настоящие! Им цены нет!

И Пилли снова протянула Лакхи драгоценности. Лакхи надела их, и глаза ее засияли.

— Возьми еще шелковую юбку и накидку. Только примеришь, и все, — предложила Пилли.

«А почему бы и вправду не примерить! Посмотрю, как я буду в них выглядеть», — подумала Лакхи.

Пилли убежала и вернулась с юбкой и накидкой. Лакхи тотчас надела их.

«Неправда, никто не назовет меня натини! Да и откуда могут быть у натини такие украшения? И женщины и муж-

чины забудут про бой слонов и станут любоваться мною. А я буду сидеть как ни в чем не бывало».

Пилли, танцуя, обошла вокруг Лакхи и сказала восхищенно:

— Рапи! Настоящая махарани! Ну кто скажет, что ты простая крестьянка? Конечно, каждый должен знать свое место, но если посчастливилось достать такие украшения и наряды, то почему бы не носить их?

«Надо снять»,— подумала Лакхи. Но ей так не хотелось расставаться со всем этим великолепием! Так не хотелось, чтобы красота ее померкла! И она спросила:

— А что, у многих женщин в Мэнди есть такие украшения и наряды?

— Что ты! Там все больше крестьяне, мастеровые. Они ходят в грубых одеждах, блеклых и неприметных. Есть в княжестве еще сетхи и сардары, но и у них не найдется ничего подобного. Придешь на бой слонов, султан сразу приметит тебя и глаз не оторвет.

— Может быть...

— Не может быть, а точно. Он спустится со слона, подойдет к тебе и спросит, откуда ты, из каких краев.

Пилли снова хихикнула. Лакхи тоже улыбнулась. Она не могла отвести взгляда от сверкающих украшений, словно хотела впитать в себя их блеск.

Пилли решила, что пора приступать к главному.

— Султан рассудка лишится, когда увидит тебя вблизи!

— Почему?

— О, да ты даже не знаешь, как ты сейчас красива. Только мужчина способен это оценить!

— И не стыдно тебе, Пилли!

— Поверь, султан осыплет тебя золотом и жемчугом! И тогда красота твоя засияет еще ярче! Он станет целовать тебе руки и умолять, чтобы ты пошла с ним во дворец! И ты станешь рани! Будешь распоряжаться всем! А Атал займет при султানে пост министра. Тогда уж не забудь и про нас, бедняков.

— Хватит тебе, Пилли!

— О моя рани, я говорю истинную правду! Ты станешь махарани султана Мальвы. По его велению, тебе будут доставлять воду для питья из самой Нармады!* Не бойся — султан не заставит тебя принять мусульманство. А когда он отправится на охоту, то посадит тебя рядом с собой, на своего слона. Он как раб будет выполнять любую твою

прихоть. Иди в Мэпди, Лакхи! Ровно через два дня слова мои сбываются! Можешь убить меня, если я соврала!

У Лакхи закружилась голова. Деревья Раи, река Санк, горы, леса, охота, Нинни, Ман Сингх, бой слонов — все вдруг спуталось и поплыло перед глазами. Блестящие украшения и пестрые наряды ослепили девушку. Воспоминания, как сухие листья, поднятые ветром, закружились в вихре. На какое-то мгновение перед мысленным взором Лакхи возникли образы Атала, Нинни, Ман Сингха, но тут она снова взглянула на украшения, и снова их блеск затмил все.

«Дело, кажется, сделано», — решила Пилли и осторожно проговорила:

— Но все это между нами. Никому не рассказывай. А как только представится случай, действуй.

Воспоминания отошли куда-то далеко-далеко. Но Лакхи не произнесла ни слова.

— О рани, — продолжала Пилли, — тебе ни о чем не придется беспокоиться. И на бой слонов можешь не ходить. Как только султан узнает, что такую жемчужину, как ты, прячут в жалкой хижине, он тотчас придет к тебе сам, просительно сложив руки. Ты поедешь с ним на его слоне во дворец. Он прижмет тебя к груди и день и ночь будет благословлять судьбу, которая послала ему такую красавицу.

Лакхи словно громом поразило. Она начала кое о чем догадываться.

— Откуда эти украшения и наряды? — спросила Лакхи. — Уж не султан ли дал их тебе?

— Если бы это было так! Но, видно, не судьба мне. Я могу лишь рассчитывать на милость таких, как ты. Но ты не бойся, наряды не краденые. В этом я могу поклясться чем угодно.

— Откуда же они?

Пилли посмотрела на Лакхи, пытаясь угадать, какие чувства бушуют у девушки, и сказала:

— Хорошо, я отвечу тебе. Но прежде положи мне на голову руку и поклянись, что будешь молчать.

— Клянусь.

— Огонь и аромат не спрячешь. Слава о твоей красоте разнеслась далеко вокруг. И вот султан прислал тебе подарок.

— С кем?

— Один пат привез его.

«А может, один из воинов, которых мы убили?» — промелькнуло в мыслях у Лакхи, но она ничего не сказала.

«Стрела попала в цель», — решила Пилли и после короткого молчания продолжала:

— Больше ни о чем не спрашивай. Когда султан, обняв тебя, расскажет, как ждал он этой встречи, ты все узнаешь. Он и о Нинни прослышал. Наверное, не хотел разлучать подруг. Но теперь ты одна будешь править княжеством.

Лакхи забеспокоилась, как бы не пришел Атал, и стала быстро снимать наряды и украшения.

— Что ты делаешь! — воскликнула Пилли. — Ведь это все твое! Пусть и Атал полюбуется, какая ты нарядная.

— Нет! — решительно заявила Лакхи и опять надела свою одежду, грубую, из толстой ткани, невольно сравнивая ее с той, которую только что примеряла.

«Какая разница! — подумала она. — Неужели у меня никогда не будет таких красивых нарядов! Хотя бы Атал разрешил еще раз их надеть. Надо ли обо всем рассказывать ему? Да, непременно. Я сделаю это здесь же, в Магронии, но только не сегодня».

Вскоре вернулся Атал. Он был взволнован.

— На Нарвар напал султан Мэнди, — сказал он. — Повсюду выставлены сторожевые посты.

— Султан Мэнди! Наш раджа! — вырвалось у Поты. — А где он сейчас? Далеко отсюда? Откуда ты узнал? Кто сказал тебе?

— В деревне слышал. — В голосе юноши звучала тревога. — Всюду паника. Люди собирают свои пожитки, хотят бежать в город. Нам тоже надо собираться. Пойдем и мы в Нарвар.

Наты переглянулись. А старшая натини сказала:

— Что сделают воины нам, грешным! Это в Нарваре туго придется, потому что Нарварская крепость будет в осаде. Лучше идти прямо в лагерь к султану, устроим там предстательство, хоть заработаем немного. А в Нарваре что нам делать?

Наты поддержали ее. Но Лакхи возразила:

— Хотите, идите к султану. А мы с Аталом пойдем в Нарварскую крепость.

Пилли взяла Лакхи за руку и отвела в сторону.

— Рани моя, не упускай такого случая. Кажется мне, ради тебя одной пришел сюда султан. Не на осле, не на быке въедешь ты в Мэнди, а на слоне!

— Нет, — тихо ответила Лакхи, высвободила руку и принялась складывать вещи.

Атал помогал ей. Наты собрались в сторонке, посоветовались и сообщили Лакхи и Аталу, что и они идут в Нарварскую крепость.

Лакхи заметила, что Пота и Пилли исчезли. Остальные наты стали связывать свои пожитки, но делали это не спеша.

Глядя на них, Лакхи и Атал едва сдерживали досаду.

— Побystрее бы собирались, — сказал он старшей натини. — Нагрянут турки — пропали мы.

— Не волнуйся, — спокойно ответила натини. — Даже из деревни пока лишь немногие ушли в Нарвар.

В это время показалась небольшая группа крестьян. Нагруженные пожитками, они быстро шли по дороге, ведущей к крепости.

— Видите? — сказал Атал, когда они скрылись из виду. — Люди бегут сломя голову!

Натини презрительно засмеялась.

— Кто бежит? Трусливые деревенские мастеровые! Надо дожидаться сетхов. Они без охраны не пойдут! Подумал бы лучше, что может случиться, если ты отправишься один с такой красавицей, как Лакхи. Вдруг на вас кто-нибудь нападет в пути! Подождем Поту и Пилли, они пошли все разузнать.

— Сетхам что? — возразил Атал. — Откупятся от тюрок — и те их не тронут. А продадут товары — и деньги вернут. Смерть им не грозит. Страдают от нашествий такие люди, как мы.

— И чего ради раньше времени говорить о смерти? К тому же ты не так богат, чтобы бояться тюрок! — с пренебрежением воскликнула натини.

Атал взглянул на Лакхи.

— У нас добра нет, а вот у вас кое-что есть! Украшения и наряды! Золото, жемчуг! — сказала Лакхи многозначительно.

— Золото, жемчуг?! — удивился Атал.

— Да! — подтвердила Лакхи.

— О нас не беспокойтесь. Конечно, добро у нас есть, — ответила натини как ни в чем не бывало. — Но все ценное мы спрятали. Да никому и в голову не придет, что у нас можно чем-то поживиться.

— Неужели у вас есть золото и жемчуг? — снова вырвалось у Атала. Но тут он увидел, что из деревни выбежал какой-то человек. Это был уже немолодой и довольно полный мужчина. От быстрого бега он задыхался, его огромный живот колыхался из стороны в сторону. Следом за ним показалось еще несколько человек. Громко плакали дети. Женщины старательно прикрывали лица краем сари. Ослы тащили поклажу. Шествие замыкала упряжка, полная посуды.

— Это сетх. Пойдемте с ним, — сказала Лакхи.

— Надо дожидаться Поту и Пилли, — возразила натини.

Вскоре сетха нагнала толпа крестьян и мастеровых, а немного погодя толстяк со своими домочадцами и слугами остался позади.

— Братья, не покидайте нас! — захныкал он.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы мы жизнью поплатились за твое добро?! — крикнули из толпы. — Как же, жди!

— Пошли с этим сетхом, — сказал Атал Лакхи. — Кто знает, когда вернутся Пота с Пилли.

Атал и Лакхи отправились в крепость. Быки Атала паслись где-то в лесу, но он был так взволнован, что даже не пошел их искать.

Как только Атал и Лакхи скрылись из виду, старшая натини велела натам собираться. Быстро, не теряя времени, уложили они все свое имущество, погрузили его на ослов и пошли в сторону Нарвара. Атала и Лакхи наты нагнали у переправы через Синд.

Как только в Нарваре стало известно о нашествии султана, ворота тотчас были закрыты. Но беженцы так умоляли впустить их в город, что стража сжалилась над ними. Ворота открыли, и до самого захода солнца все новые и новые толпы беженцев входили в город. Однако с наступлением темноты ворота снова заперли.

Пилли и Пота так и не вернулись.

С утра неожиданно подул холодный ветер. К вечеру он стих, но теплее не стало. Большое желтое солнце повисло над западными горами. Только оно совсем не грело. Ветер, казалось, унес его жар. Холмы к северу от Гвалинора

укрылись в таинственной дымке. На востоке, в долине, солнце рассыпало золотую пыль и светлым потоком лилось сквозь окна и решетки в крыше гвалиорского дворца. Мриганаяни и Ман Сингх были одни.

— Кажется, я еще не скоро научусь играть на вине,— говорила Мриганаяни, подставляя лицо потоку лучей, струившихся через решетку.

Ман Сингх нежно взял ее за подбородок, повернул к себе и произнес:

— Я спрашиваю, почему солнце играет твоими улыбками, а ты мне — про вину!

— Я не вижу игры солнца, вы один ее видите,— заметила Мриганаяни, коснулась своими длинными ресницами бровей и снова опустила глаза.

Ман Сингх крепко обнял ее.

— Ты говори, говори.

— Вы ни разу не выслушали меня до конца, всегда перебиваете вот такими замечаниями.— Она улыбнулась.

— На этот раз обещаю быть терпеливым.

— Так вот, когда я впервые услышала вину, то была поражена. У нее струн немного, и я решила, что через несколько дней уже смогу играть. Но теперь мне ясно: понадобятся годы, чтобы овладеть этим чудесным инструментом. Петь я, наверное, научусь быстрее.

— Вот я и выслушал тебя. А теперь ответишь на мой вопрос?

— Отвечу.

— Повернись к солнцу.

— Повернулась.

— Снова солнце играет твоей улыбкой. Почему?

— Это вы заигрываете с солнцем. Вот вам мой ответ. Скажите лучше, когда я стану петь, как Байджнатх?

— Нельзя назначать никаких сроков, когда речь идет о тебе. Ты за день овладеваешь тем, на что другие тратят месяцы. Так сказал Байджнатх. Скоро ты превзойдешь его ученицу Калу.

— О, она замечательно поет! Но мне мало превзойти ее. Я должна петь лучше самого Байджнатха или хотя бы так, как он, а для этого мне нужно посвящать музыке и пению больше времени. Вот если бы Кала поселилась со мной! Но она живет в городе. Даже когда она здесь, я подолгу не имею возможности видеться с ней.

— Почему? Ты чем-то занята?

— Да, занята. А чем, спросите лучше самого себя. Не пойму никак, для чего вы всегда держите меня рядом с собой?

— Для того, чтобы пайти ответ на свой вопрос: почему солнце играет твоими улыбками.

— Но когда же я буду учиться петь и играть? Да еще рисовать?

— Твой голос для меня слаще звуков вины!

— Но если вы не будете ни на шаг отпускать меня, я навсегда останусь неотесанной деревенской женщиной. А мне так хочется научиться читать, писать, рисовать. Я мечтаю, чтобы, слушая мое пенье, вы забывали обо всем на свете.

— Я и сейчас забываю обо всем на свете, когда ты рядом со мной.

— Но кто я сейчас?

— Ты все для меня! Ты жизнь моя! Моя любовь, моя подруга до конца дней!

У Ман Сингха было восемь рани, Мриганаяни стала девятиой. Она узнала об этом в Гвалиоре, но таков был обычай, и новость ничуть не удивила ее. И все же не легко было привыкнуть к этому.

«Своей первой жене, — думала Мриганаяни, — он, наверное, вот так же говорил про любовь, и второй, и третьей, и всем остальным тоже... Быть может, он приведет во дворец и десятую рани, а меня постигнет участь первых восьми».

— Молю бога, чтобы до конца дней своих вы были милостивы ко мне, как сейчас, — промолвила Мриганаяни.

— Я не нарушу клятвы, которую дал тебе тогда в лесу, на охоте, — прошептал Ман Сингх и оглянулся по сторонам. Даже сейчас, охваченный страстью, он боялся, как бы остальные жены не подслушали их.

— Доведется ли нам еще поохотиться вместе на тигров и буйволов? — спросила Мриганаяни.

— Конечно, когда пожелаешь! Только прикажи, и завтра же я устрою охоту среди холмов и низин за деревней Рани.

— Пока не время, это я просто так сказала. Сперва я хочу научиться чему-нибудь еще, кроме охоты, а уж потом поеду в Рани. Я поклялась научить Лакхи всему, чему выучусь сама.

— Пусть лучше она сюда приедет. Вот удивится Лакхи, когда увидит, как Кала на нее похожа!

— Ей пока еще рано приезжать сюда. До того времени я должна научиться читать и писать, петь, играть и рисовать. Но когда это будет, не знаю: у меня благодаря вашей милости совсем нет времени.

— О махарани, чем я, бедный, разгневал тебя?

— Бедный, бедный! Ну а теперь позвольте отодвинуться от вас.

— Мы ведь еще не кончили нашего разговора.

— Можно сказать вам одну вещь?

— Все, что тебе угодно!

— Я хочу, чтобы сила, отвага и мужество никогда не покидали вас, чтобы они поддерживали в вас твердость духа и звали к подвигам. Раджа, лишенный всех этих качеств, в двух месяцев не удержит в своих руках княжества.

— Ты права, я запомню это.

— Вы должны жить по-другому. И я тоже. Я не хочу терять своей прежней силы, когда могла притащить на спине кабана, а встретившись с диким буйволом...

Ман Сингх не дал ей договорить, обнял ее и поцеловал.

— Да будет по-твоему, возлюбленная моя Мриганаяни! Я понял, что лишь та жизнь, о которой ты говоришь, сохранит нашу любовь до самой смерти. Занимайся чем пожелаешь, я не стану мешать тебе. Да и сам я, чувствуя, что ты где-то рядом, совершу множество полезных дел. Мысль о предстоящей встрече с тобой будет постоянно меня вдохновлять.

— О супруг мой!

— И только-то?

— Мой любимый, мой возлюбленный, — чуть слышно сказала Мриганаяни, и голос ее дрогнул.

— Отныне везде и всегда мне будет чудиться, будто ты шепчешь мне на ухо: «Ман Сингх, помни о своем долге!»

— Но я никогда не произносила этих слов!

— Ты начертала их в моем сердце, махарани!

— Вы любите искусство и потому рисуете в своем воображении такие красивые картины.

— В скором времени ты постигнешь все искусства. Представляю, как ты заговоришь тогда! Но скажи, кто научил тебя так жить?

— Кто же может научить этому? Всем женщинам, наверное, известна эта мудрость. А если они молчат, то не их в том вина.

— Как верно ты это сказала! С сегодняшнего же вечера Кала и Байджнатх будут обучать тебя пению, игре и живописи. И Виджая Джангам будет учить тебя. Пусть завтра же возьмется за дело. А сейчас все же ответь на мой вопрос.

— На какой?

— Скажи, много ли волшебных чар переняли солнечные лучи у твоей улыбки?..

Мриганаяни не пришлось долго ждать Калу и Байджу. Они пришли сразу же после захода солнца. И Мриганаяни с усердием начала заниматься.

Сходство между Калой и Лакхи не слишком занимало Мриганаяни. Лакхи так и останется Лакхи, никто не сможет занять ее места в сердце Нинни.

В тот же вечер было решено, что Кала поселится рядом с Мриганаяни. Занятия пошли полным ходом.

Как-то раз, когда Мриганаяни занималась музыкой, Ман Сингх прошел к старшей рани Суманмохини... Имя ее являло полную противоположность ее характеру*, добротой Суманмохини не отличалась. Когда ей доложили о приходе Ман Сингха, она приветствовала его, согласно обычаю: стоя и почтительно сложив руки. Предложив супругу сесть, она тихо спросила:

— Чем обязана я такой милости? Или махараджа перепутал двери и заглянул сюда по ошибке?

— Нет, я пришел к вам с просьбой.

— С какой же?

— Новая рани скучает в Гвалиоре. Поэтому я приказал учить Мриганаяни музыке и другим искусствам. Поможете вы ей в этом?

— Я весьма счастлива, что махараджа оказывает мне такую честь. Но как может новая рани не скучать здесь? Не скоро еще привыкнет она к новой жизни! Там — вольный ветер, дикие буйволы, неукротимые тигры и грязная корова, которую держат в хижине. А здесь — уединенная жизнь в крепости. Ни деревни, ни коровы, ни навоза!

Ман Сингх хотел возразить, но передумал: если старшая рани разойдется, ее не уймешь. И он заметил лишь:

— Вы правы, Мриганаяни действительно скучает без своих лесов. Она так метко стреляет, что могла бы пострелять искуснейших стрелков.

Но Суманмохини продолжала тем же язвительным тоном:

— Что же в этом удивительного? Перед женщиной, которая сумела поразить в самое сердце великого махараджу, должны склонить голову мужчины всего света!

— Посмотрели бы вы, махарани, как метко она поражает цель.

— С тех пор как она приехала, она только и делает что поражает — вас, меня, всех. А посмотреть, как она стреляет, я, разумеется, могу.

— Махарани, она одной стрелой убила огромного тигра и, ухватив буйвола за рога, повалила его на землю.

— Знаю, махараджа, слыхала уже. А еще мне рассказывали, как однажды, когда у них дома нечего было есть, она убила здоровенного кабана и, взвалив его на спину, одна притащила в деревню. Представляю себе, какая она сильная и крепкая!

— Мриганаяни — дочь кшатрия. А лишений и невзгод у кого только не бывает, но вы увидите, как высоко подымет она наше знамя, как возвеличит всех нас, когда научится грамоте и овладеет искусствами!

— Махараджа прав! Мриганаяни уже и сейчас возвеличивает нас, прыгая по стенам Карн-Махала в дорогих шелковых нарядах, подаренных вами.

Ман Сингху были неприятны эти насмешки над простой девушкой, привыкшей к лесу и полю, а теперь запертой в тесных стенах Карн-Махала. Однако он подумал: «Надо быть поласковей с Суманмохини, тогда у нее не будет повода бросать в адрес Мриганаяни подобные колкости».

Остальные семь рани не были столь строптивы. Они во всем подчинялись Суманмохини и никогда не ссорились между собой, однако в глубине души испытывали муки ревности. Когда же появилась Мриганаяни, ревность их слилась в единый поток, который направляла злая и коварная Суманмохини. Ман Сингх сразу понял это, и в нем заговорила гордость:

«Неужели правитель такого большого княжества не в состоянии справиться с восемью женами?»

Но разум отвечал: «Даже с одной женой нельзя справиться, а восемь жен доставляют больше хлопот, чем восемь таких княжеств, как Гвалиор!»

«Что же делать?» — спрашивал себя Ман Сингх и тут же отвечал: «Ничего. Надо разговаривать с Суманмохини спокойно, ласково и смиренно. А ее насмешки, брань и колкости обращать в шутку».

После короткого молчания Ман Сингх сказал:

— Мриганаяни постарается ничем не выделяться, жить так, как живете вы, подчиняться установленному вами порядку и не нарушать ваших представлений о добродетельном поведении. Она постарается ни в чем не перечить вам, как и я, — со смехом заключил Ман Сингх.

Суманмохини слегка улыбнулась в ответ. Она осталась довольна.

«Я кое-что для него еще значу», — подумала старшая рани.

— А теперь позвольте мне уйти, — сказал Ман Сингх. — Я должен поговорить с Байджнатхом, к тому же вот-вот явится министр, днем я не успел потолковать с ним о государственных делах. — Последние слова Ман Сингх произнес твердым и решительным тоном.

— Откуда теперь у махараджи время? — снова связвила Суманмохини. — Бедному министру, наверное, одному приходится ломать голову над всеми государственными делами: вы ведь так заняты! Не знаю, как у вас нашлось время зайти ко мне!

Однако раджа оставался невозмутимым и со смехом ответил:

— Времени у меня сколько угодно. Скоро для вашего удовольствия устроим состязание певцов!

Узнав о приходе Ман Сингха на женскую половину дворца, явились и остальные семь его жен и, войдя в покои Суманмохини, почтительно приветствовали раджу. Поговорив с ними недолго, Ман Сингх попрощался и ушел.

Байджнатх только что окончил занятия со своей ученицей и теперь сидел в одиночестве.

— Скажите, ачарья, — первым делом спросил Ман Сингх, — каковы успехи вашей новой ученицы?

— Махараджа, — отвечал Байджу, — в прошлом рождении она, наверное, была самой музыкой, и мне придется немало потрудиться, чтобы стать достойным ее учителем.

На губах у Байджу играла тонкая улыбка, отмеченная непосредственной искренностью, ту же искренность можно было прочесть и в его глазах.

— Однако играть на вине куда труднее, чем петь. Чтобы овладеть этим инструментом, надо очень много времени?

— Совсем мало. Так мало, что даже представить себе трудно. Как раз сегодня махарани просила меня поскорее обучить ее игре на вине.

Ман Сингх выслушал это не без удовольствия.

Когда он вошел в покои Мриганаяни, она с увлечением беседовала с Калой о музыке.

«Какая она милая, какая красивая!.. — подумал Ман Сингх. — Пусть резвится, пусть прыгает, словно мартышка, по стенам и башням дворца, я не стану неволить ее, пусть остается свободной, как прежде!»

При появлении Ман Сингха Мриганаяни и Кала замолчали. Кала на этот раз была без повязки: глаза у нее перестали болеть, но были еще слегка воспаленными. По губам Мриганаяни пробежала улыбка.

— Кала, — сказал Ман Сингх, — махарани должна много заниматься. Посмотрим, кто из вас устанет быстрее. Мриганаяни хочет догнать тебя. Сколько времени понадобится ей на это?

Кала ответила с наигранной кротостью:

— Месяц-два, не больше. А потом она будет заниматься с ачарьей одна. Мне не угнаться за махарани: она способнее меня, и голос у нее намного лучше. Но я счастлива, что пока еще могу служить махарани. Вот закончим занятия музыкой и пением, тогда примемся за живопись.

Ман Сингх остался доволен и спросил:

— Когда же вы думаете приступить к занятиям живописью?

— Очень скоро, — ответила Кала.

В это время в дверях кашлянула служанка.

— Что случилось? — спросил Ман Сингх.

— О повелитель! К вам пожаловали министр и ачарья Виджая Джангам. Министр просил повелителя прийти как можно быстрее. Дело не терпит отлагательств.

— Передай, сейчас буду.

Служанка вышла.

— У министра, наверно, накопилось много дел, — сказала Мриганаяни. — Когда освободитесь, приходите.

Ман Сингх рассмеялся.

— Ты будешь тратить свой досуг на занятия музыкой, пением и живописью. А я — на дела. Кстати, скоро Виджая Джангам будет играть на вине, непременно послушай его.

— Хорошо, — ответила Мригапаяни. — А потом я вам сыграю, услышите, чему научилась я за сегодняшний день. Идите же.

Ман Сингх весело попрощался и отправился в гостиную, где его ждали министр, Виджая Джангам и Байджу.

— Ачарья, вы будете обучать новую махарани грамоте и шастрам, — сказал Ман Сингх, входя в гостиную. — Махарани хочет знать все. Завтра же приступайте. А сегодня хорошо бы послушать вашу игру на вине.

Виджая и Байджу сидели, понутив головы. Министр был явно чем-то озабочен.

— Нет, махараджа, настало время сменить сину на лук, — произнес Виджая.

— Почему это? — удивился Ман Сингх.

— Султан Мальвы Гияс-уд-дин напал на Нарвар.

— Когда вы узнали об этом? — спокойно спросил Ман Сингх.

— Только что, минут двадцать назад. Жители соседних с Нарваром деревень бежали. Магрони разрушена. Нарвар окружен.

— Где сейчас Сикандар Лоди?

— В Дели. Никак не поладит со своими сардарами.

— А что делает Бегарра из Гуджерата?

— Он все воюет с раджпутами Саураштры и с португальцами.

— Махарана * Читора Раймал — союзник султана Мальвы. Но мы относимся к нему, как к старшему брату. Ему не удалось отговорить султана от похода. Но раз султан не признает никаких договоров, Раймал вправе считать себя свободным от взятых обязательств. Завтра же мы выступаем в поход! Сообщите об этом махаране. Кстати, напишите, чтобы он остерегался делийского падишаха Сикандара. Сейчас нам было бы на руку столкновение Раймала с Сикандаром. Проследите, чтобы граница по Чамбалу охранялась с особой тщательностью. Я освобожу Нарвар и тотчас вернусь.

У министра отлегло от сердца. Он даже ощутил прилив сил. И сказал с воодушевлением:

— Тотчас же прикажу бить в барабаны и сзывать войска. К утру все будет готово.

Раджа пожелал ему успеха и тут заметил, что Байджу сидит, не поднимая глаз.

— Ачарья Байджу, вы хотите что-то сказать? — спросил раджа.

И хотя Байджу вовсе не хотелось говорить, у него вырвалось против воли:

— Махараджа, Шер-хан — субедар султана в Чандери — тоже выступит со своим войском. Не знаю только, пойдет он на Нарвар или на Гвалиор.

— Я знаю, Радж Сингх из Чандери жаждет получить Нарвар, — ответил раджа. — Но я не стану рисковать и выступлю в поход лишь после того, как буду убежден в полной безопасности Гвалиора.

— Я завтра же начну занятия с вашей рани. Война не помешает нам, — заметил Виджая.

— Не должна помешать, — твердо сказал раджа и уже совсем другим тоном попросил Виджаю: — Сыграйте нам на вине, а ачарья Байджнахт пусть поет.

Министр многозначительно посмотрел на Виджаю, потом на Байджу. Виджая понял его и сказал:

— Махараджа, надо осмотреть луки, проверить, не затупились ли наконечники стрел. Сейчас не время наслаждаться музыкой и пением: услышат воины и, чего доброго, последуют примеру своего раджи — вместо того чтобы готовиться к походу, возьмут ситары * и начнут как ни в чем не бывало играть.

Ман Сингх больше не настаивал и, когда министр, Виджая и Байджу ушли, вернулся к Мриганаяни и рассказал, зачем приходил министр. Услышав о войне, Мриганаяни вспомнила про свой лук со стрелами и про копье.

— Если бы махараджа позволил, я на врагах проверила бы свою меткость, — сказала она.

Ман Сингх ответил весело:

— Только не сейчас. Но ты не огорчайся. Война эта не первая и не последняя. Я буду думать о тебе, и это придаст мне сил. Томары не раз нанесли поражение султанам Мальвы в долинах Нарвара, и из этого похода я тоже надеюсь, вернуться с победой.

Мриганаяни стало жутко при мысли о том, что раджпутки, вместо того чтобы с оружием в руках помогать мужьям, сидят дома, а если враг врывается в крепость, сжигают себя и своих детей на погребальном костре.

— Об одном прошу тебя, — сказал раджа. — Продолжай занятия, а я желаю тебе успеха решительно во всем. Хочу, вернувшись, увидеть тебя по-прежнему веселой и счастливой.

С тобой будет Кала, она разделит твоё одиночество. Занимайся все время делом, и ты не узнаешь тоски. Ачарья Виджая ставит труд превыше всего.

Мриганаяни вдруг вспомнила Лакхи, и у нее вырвался вздох. Ей вдруг очень захотелось, чтобы ее подруга была сейчас вместе с ней.

— Пошлите в Раи за Лакхи и братом, — попросила она раджу.

— Хорошо, я сейчас же пошлю за ними. К угру Атал и Лакхи будут здесь, — пообещал Ман Сингх.

Он тотчас же распорядился отправить в деревню Раи всадников на верблюдах и после этого стал готовиться к предстоящему походу. К восходу солнца войско было в полной боевой готовности. Ждали только приказа.

В это время вернулись посланные в Раи всадники. Они привезли с собой только жреца Бодхана, который рассказал Ман Сингху о том, как поженились Атал и Лакхи, как их изгнали из общины и как однажды они исчезли вместе с натами.

— Махараджа, они совершили неслыханный грех! Деревня не могла простить их! Счастье еще, что они ушли, не то плохо им пришлось бы.

— И вы спокойно смотрели на все это! — с болью воскликнул Ман Сингх.

Бодхан ощутил легкую тревогу.

— Махараджа, что мне оставалось делать? Я всего лишь деревенский жрец, не мог же я пойти против шастра.

— Ачарья Виджая Джангам знает шастры не хуже вас. Но он осуждает жестокости кастовых установлений.

— Виджая Джангам заблуждается. Я могу поспорить с ним о шастрах.

— Когда?

— Хоть сейчас! Пошлите за ним. Книги мне не нужны, я и так готов вступить с ним в поединок.

— Хорошо! Но прежде скажите, возникало ли когда-нибудь у вас или у подобных вам косных брахманов желание вступить в спор о шастрах с маули и муллами?

— Разумеется, повелитель, и если представится возможность, я не упущу ее. Ни на шаг не отступлю от своего. Я крепко стою на ногах.

— Ноги у вас есть, это верно, а вот есть ли у вас глаза?

— Да простит меня махараджа, но брахман — глаза индуса. И если эти глаза не видят, значит — все слепые!

— Выходит, вашими глазами узрели крестьяне из Раи грех в женитьбе Атала и Лакхарани?

— Иначе они и не могли.

— Несчастные, темные люди! Они смотрели глазами глупца!

— Махараджа может гневаться, но сложенные в древние времена шастры и пураны были и вечно останутся неизменными, правоверный брахман не может пойти против истин, которые они проповедуют!

— О боже! Должен же ты когда-нибудь даровать этим слепым и глухим зрение и слух, иначе мы погибнем!

— Я знаю, махараджу ввел в заблуждение безбожник Виджая Джангам. Позовите его! И вы услышите, как я буду вести с ним спор о толковании шастр.

— А сколько это займет времени?

— День, два, три, четыре, — какое это имеет значение? Все зависит от того, долго ли Виджая Джангам будет упорствовать!

— Боевые рожки, рамматы, * барабаны, ржанье коней зовут нас на бой с врагом. Так что же, по-вашему, я должен пренебречь этим?

— Шастры, махараджа, превыше всего! Все мы смертны, а шастры вечны.

— Ваш фанатизм уже разрушил счастье двух прекрасных юных существ! И если они погибли, то в этом повинны вы.

— Да будет славен махараджа! За веру смиренный брахман готов жизнь отдать! Можете казнить меня, если желаете!

— Дурака не в силах вразумить даже Брахма! Вы ведь все толкуете превратно. Сейчас я занят, мне надо идти. А вернусь из похода, непременно рассужу вас с Виджаей.

«Да, раджа, когда вернется, непременно отомстит мне за Атала и Лакхи», — с волнением подумал жрец и сказал:

— К чему мне оставаться в Раи? Уж лучше я отправлюсь в другие края!

— Идите куда хотите! — в гневе ответил раджа. — Одним глупцом станет меньше в нашем княжестве! — Потом, немного поостыв, добавил: — Ваше дело — уйти или остаться, но я все равно выполню свое обещание и отстрою храм в Раи.

Бодхан не стал больше спорить, лишь молча поднял руку в знак благословения и удалился. На какой-то момент раджа

почувствовал раскаяние за свой гнев, но стоило ему подумать о Лакхи и Атале, и раскаяние его будто рукой сняло. Он вспомнил, как во время охоты надел на шею этой прекрасной девушке ожерелье, как свободно и просто она разговаривала с ним, раджей, вспомнил Атала — бесхитростного наивного юношу.

И этот упрямый глупец погубил их!

Пора было проститься с Мриганаяни. Раджа рассказал ей об Атале и Лакхи. Слезы покатались по щекам Мриганаяни. Но она тотчас взяла себя в руки: не хотела, чтобы раджа видел, как она плачет.

— Если вдруг встретите их, привезите сюда! — тихо попросила она раджу.

— Непременно! — с жаром ответил Ман Сингх. — А как только одолею султана, объявлю войну кастовым обычаям.

Когда Мриганаяни простилась с Ман Сингхом, глаза у нее все же были влажны от слез.

В тот же день раджа Гвалиора выступил в поход.

33

Гияс-уд-дин Хилджи расположил свое войско у восточной и северной стен Нарварской крепости. С запада и юга он выставил только боевые посты: враг не мог прийти оттуда — там были дремучие леса, глубокие ущелья, бесконечной цепью тянулись высокие горы. Единственные ворота Нарварской крепости находились в южной стене. Синд подходил к Нарвару с юго-запада, затем поворачивал на северо-восток. Таким образом город и крепость оказывались с трех сторон окруженными рекой. Лагерь Гияс-уд-дина находился в том месте, где Синд сворачивал на восток. Овладеть крепостью, окруженной высокой стеной, было делом нелегким, но разрушить город не представляло особых трудностей.

Вскоре прибыл субедар Чандери Шер-хан с большим отрядом. Для через два султан намеревался двинуться на Гвалиор, возложив осаду Нарвара на Шер-хана. На военном совете Гияс-уд-дин, верховный мулла, Шер-хан и Матру решили, что, если удастся овладеть Гвалиором, нарварцы сами откроют ворота и, смиренно сложив руки, выйдут навстречу войску султана.

— Повелитель! — обратился к султану мулла. — Не плохо бы, пока идет осада крепости, захватить сам город и разрушить в нем храмы и статуи богов. А потом можно двинуться и на Гвалиор.

Гияс-уд-дину не понравилось это предложение. Он не успел еще коснуться чаши с вином — до вечера было далеко — и поэтому мог рассуждать разумно.

— Храмы и статуи в городе уже разрушили наши предки, — возразил он.

— Но парварцы восстановили их, повелитель!

— А что толку снова разрушать? Мы уничтожаем, они восстанавливают.

— Повелитель, индусы верят, что статуи богов защищают их. Разружьте статуи, и они сразу лишатся мужества, начнут ползать перед вами, как черви, и искать вашей милости.

— У индусов, я знаю, сотни, тысячи богов, они поклоняются даже деревьям и камням. Так разве можно, разрушив только идолов, уничтожить и саму веру?

— Разрушив храмы и идолов, мы многого добьемся, повелитель! Когда к индусам приходит беда, именно у идолов ищут они защиты. И если мы разобьем идолов, индусов охватит страх.

— Зато потом при первой же возможности они с еще большим усердием возьмутся за строительство храмов. Объясните, мулла-джи, зачем зря дразнить индусов, если нам от этого нет никакой пользы?

— Но так решили муллы Дели. Они хотят уничтожить и храмы и идолов.

Гияс-уд-дин ощутил прилив гнева, но тут же подумал:

«Муллы Дели сильны, и мне придется подчиниться этим болванам».

— Хорошо, — сказал султан, — я поразмыслю, а утром отдам приказ. Думаю бросить силы на город. Если город падет, легче будет захватить крепость. Если же не удастся овладеть городом, оставляю здесь Шер-хана, а сам двинусь на Гвалиор.

Шер-хан был человеком рассудительным.

— Повелитель, — сказал он, — лучше бы начать штурм города завтра ночью. Я тотчас же начал бы подготовку. У Радж Сингха отряд раджпутов. Ему петерпится пойти на штурм Нарвара.

— А можно на него положиться?

— Да, повелитель. Его бхат не даст ему покоя до тех пор, пока Радж Сингх не войдет в Парвар.

— Бхат?!

— Да, повелитель, бхат день и ночь нашептывает ему на ухо, что если он не отомстит врагам за предков и не вернет владений своих отцов, то он не раджпут.

Евнух Матру то и дело бросал на султана многозначительные взгляды. Султан заметил это и спросил:

— Евнух, ты хочешь что-то сказать?

— Нет, повелитель, — ответил Матру. — Просто в голову мне пришла одна мысль. Если господин позволит, я завтра изложу ее. А пока скажу лишь, что, на взгляд раба вашего, разрушать храмы и идолов бесцельно, это только озлобит индусов.

— Я тоже так считаю, — согласился Гияс-уд-дин.

Но мулла возразил:

— Нет, повелитель, разрушить храмы идолов — лучший способ лишить индусов отваги.

Матру снова многозначительно взглянул на султана.

— Ты еще что-то хочешь сказать? — спросил Гияс-уд-дин.

— Нет, повелитель, — ответил Матру, — больше ничего: почти все уже решено. Пора готовиться к намазу.

Гияс-уд-дин понял, что Матру хочет поговорить с ним наедине и, сославшись на намаз, заявил, что на сегодня с делами покончено.

Гияс-уд-дин и Матру перешли в личные покои султана. Наполнив чашу вином, султан спросил:

— Ты хотел о чем-то говорить со мной?

— Да, повелитель! — ответил Матру. — Помните тех натов? Так вот, сегодня двое из них, мужчина и женщина, пришли в лагерь и сообщили, что Лакхи в Нарваре.

— О! Неужели правда? Она так близко! Совсем рядом! Чудесное известие принес ты мне, дорогой Матру!

— Это истинная правда, повелитель. Лакхи уже почти согласилась идти в Мэнди. Ей очень понравились посланные вами украшения и наряды, и она с большой охотой примеряла их.

— Замечательно! Чудесно! Мы тотчас выступаем на Нарвар! Прикажи готовиться к штурму!

— Не надо спешить, благодетель! Завтра к вечеру наты непременно проберутся к своим в Нарвар и в ту же ночь подадут условный сигнал, который будет означать, что Лакхи с ними. Одновременно это будет сигнал к началу

штурма, и вам останется лишь, собрав все силы, овладеть городом.

— Замечательно, мой Матру! При мулле об этом действительно не стоило говорить.

— Только не трогайте храмов и статуй, повелитель. Иначе мы восстановим против себя индусов. А ведь Лакхи тоже индуска. Мулле ведь не понять всего!

— Осел! Глупец! Безмозглый баран! Вышвырнуть его вон из лагеря! Передай мой приказ, чтоб и из Мэнди его с позором гнали! Не один султанат погубили эти самые муллы!

— Повелитель, простите меня, раба своего, даруйте мне жизнь! Сейчас не время изгонять муллу: воины будут недовольны, когда узнают об этом. Господин возвратится в столицу и уж тогда накажет муллу.

— Клянусь, евнух, вернувшись в Мэнди, я не успокоюсь до тех пор, пока не изгоню всех этих обнаглевших кази и мулл!

Матру опустил голову, чтобы скрыть свою радость.

— Итак, будем ждать завтрашней ночи! — сказал Гияс-уд-дин.

— На все воля повелителя! — смиренно произнес Матру. — Я с натами разработаю подробный план действий и доложу об этом.

— Согласен. А войско тем временем подготовится к штурму.

— Да будет так, господин!

— А каким образом наты очутились здесь?

— Им удалось уговорить Лакхи пойти с ними в Мэнди. Они уже были на пути в столицу, как вдруг узнали об осаде Нарвара. Тотчас же двое из них отправились на поиски нашего лагеря, чтобы договориться о дальнейших действиях и получить необходимую помощь. Лакхи же с остальными натами ушла в город.

— Почему?

— Повелитель, об этом мы узнаем только после того, как наты приведут Лакхи к нам в лагерь.

— Идиоты! Ничего не могут сделать, как падо!

— Но, повелитель...

— И ты идиот!

Матру стиснул зубы.

Спустя мгновение, Гияс-уд-дин сказал:

— Да, надо действовать с умом.

В городской стене Нарвара было трое ворот: одни — на севере, двое — на юго-востоке. Стена была высокая, ворота крепкие, снаружи защищенные массивными железными шипами, чтобы слоны закованными в металл лбами не могли разбить их. Запасов продовольствия могло хватить по крайней мере на год. В городе было много колодцев с чистой питьевой водой, в крепости — несколько водоемов. На башнях у ворот и на стенах были сложены огромные каменные глыбы для отражения штурма противника, которые в случае надобности с грохотом скатывали вниз. Нарварцы были уверены, что год, во всяком случае, продержатся, а за это время на помощь к ним непременно придет раджа Ман Сингх.

Воины султана знали по опыту, что лишь десятая часть индусов выступит против них с оружием в руках. Да и те без конца ссорились и при удобном случае готовы были перерезать друг другу глотку. Индусы отличались гордостью и честолюбием, и каждый думал: «Я и один смогу обратить врага в бегство. Незачем обращаться за помощью к соседу, — тем более что я должен отобрать у него мои наследственные владения и отомстить за оскорбление, нанесенное моему предку восемнадцать поколений назад».

Воины-раджпуты — защитники Нарвара — жаждали ринуться на врага и, если надо, погибнуть в сражении. Рассказами о былых подвигах и своим боевым пылом они воодушевляли жителей Нарвара и укрывшихся за городскими стенами беженцев. Через каждые три часа раздавались звуки рамматов, барабанов и боевых рожков. Они волновали сердца, придавали силу. Народ испытывал священный трепет при виде сверкающего оружия, всадников в зеленых одеждах, крепких рослых воинов. Но иногда людей начинали одолевать сомнения:

«Тюрки уже не в первый раз здесь. И раньше Нарвар защищали такие же смелые и отважные воины, но тюрки перебили их, а город предали разрушению. На этот раз может повториться то же самое. Правда, наш раджа недалеко, он придет на помощь. Непременно придет, если только окончательно не потерял голову от любви к молодой жене!»

Все ворота были наглухо закрыты. Из города никого не выпускали и внутрь никого не впускали. Народу в городе прибавилось, но не настолько, чтобы опасаться голода.

Однако цены на хлеб возросли, его теперь продавали вдвое дороже. Торговцы, колотя себя в грудь и сокрушенно качая головой, уверяли, будто дела их совсем плохи, а в душе радовались: еще два-три месяца осады — и барыши их увеличатся не в два раза, а во сто крат. А победит враг — тоже не страшно: есть ему надо, одеваться тоже, и как бы дешево он ни платил, двойную цену всегда даст.

На торговцев то и дело жаловались. Но ни нагарпал*, ни комендант крепости не хотели иметь с ними дела. Только тронь этих сетхов — сам умрешь с голоду.

— Ничего не поделаешь, война, — говорили они. — Раз хлеб вздорожал, надо трудиться побольше!

Зерна, которое было у Лакхи, Атала и натов, вполне хватило бы на долгое время, и все же Атал и Лакхи тревожились, не зная, сколько еще придется пробыть в этом чужом осажденном городе и что станут они делать, когда запасы их кончатся. Но еще сильнее волновало их другое: а вдруг кто-нибудь узнает, почему они очутились в этих краях.

Вместе с натами Атал и Лакхи расположились в тени деревьев, недалеко от южных ворот, на площади. Рядом с ними оказалось еще несколько семей из самых разных мест. Беженцы попытались было устроиться в одном из богатых кварталов, но их туда не пустили.

Атал и Лакхи жили обособленно от натов, и это не осталось незамеченным беженцами, которые вначале приняли их тоже за бродячих актеров.

Один из беженцев спросил как-то у Атала, какой они касты.

— Я гуджар, — ответил Атал.

На губах старшей натини мелькнула улыбка, она повела глазами. Заметив это, беженец насторожился.

— Значит, вы гуджары? Что вы не наты, я догадался еще раньше, — произнес он.

Натини повела плечами и сказала:

— Кем бы там они ни были, во всяком случае, они из высоких каст. Но зачем вам знать это?

— Мне-то все равно, какой они касты. Но так уж заведено. Все спрашивают, вот и я спросил. В тяжелые дни надо быть особенно осторожным, а то не узнаешь, кто касался воды, которую ты пьешь. Что ж в том плохого, что я спросил, какой они касты? Не я, так другие сделали бы это, — миролюбиво проговорил беженец.

Натини снова улыбнулась.

— Да, он — гуджар, и девушка из высокой касты. А теперь иди и занимайся своим делом, — сказала она.

Беженец ушел и начал «заниматься своим делом». Он тотчас же рассказал всем, что Атал и Лакхи, видимо, из разных каст, что здесь что-то нечисто.

Но в осажденном городе у каждого было своих забот по горло.

Из квартала, где жили богатые горожане, донесся шум. Лакхи и Атал насторожились. Оттуда бежали люди и кричали в страхе:

— Грабят! Убивают!

— Бегите! Спасайтесь!

— Тюрки!

— Рашили! Льется кровь!

Наты переглянулись и стали не спеша покрывать свое имущество циновками.

— Следи, чтобы они куда-нибудь не исчезли, — шепнула старшая натини одному из натов, кивнув в сторону Атала и Лакхи.

Нат понимающе подмигнул.

Атал побледнел. Лакхи стояла, плотно сжав губы и судорожно сжимая нож, который висел у нее сбоку на поясе.

«Немало раджпуток погибло в пламени костров. Но по милости божьей я владею ножом и живой тюркам не дамся», — твердо решила Лакхи.

Когда люди, в панике бежавшие из богатого квартала, оказались совсем близко, Атал и другие беженцы засыпали их вопросами:

— В какие ворота ворвались тюрки?

— Где грабят?

— Далеко отсюда?

— Куда бежите?

— Где укрыться?

Вяснилось, что никто ничего не знал.

Вскоре на площадь прискакали два раджпутских всадника.

— Не бойтесь! — крикнул один из них. — Тюрки далеко!

Эти слова подбодрили людей. Беженцы обступили раджпутов.

— Что же случилось? — спросил Атал.

— Да ничего особенного! Сделали из мухи слона! Что за люди! Ни с того ни с сего подняли панику! — ответил воин.

— Но что-то все же было?

— К воротам с плачем подошли вышедшие из лесу мужчина и женщина, — стал рассказывать воин. — Они были в крови. По-видимому, бежали от тюрок. Бедняги стали умолять, чтобы их пустили в крепость. Оружия у несчастных не было. Мы пустили их и тотчас же снова заперли ворота. Но они никак не могут успокоиться и все плачут. Идут своих. Есть среди вас наты?

Атал указал рукой на стоянку натов. Старшая натины протиснулась сквозь толпу. Глаза ее утратили плутовское выражение, в них застыл страх. Лицо покрыла мертвенная бледность.

— Где они? — спросила натины прерывающимся от волнения голосом.

— Вон за тем домом. Пошли воды напиться, — ответил воин.

Наты бегом кинулись туда. Атал остался на месте.

— А ты что, не нат? — спросил его воин.

— Нет, я гуджар! — с гордостью ответил Атал.

— Откуда?

— Из Магрони.

— Из Магрони? А почему я никогда прежде не видел тебя? Я тоже гуджар. Здесь целый квартал гуджаров. Много их и в крепости: они занимают почти всю часть, которая примыкает к южной стене. А родом ты откуда?

— Из Гвалиора.

— Почему же ты с натами?

— Мы повстречались в пути и решили идти вместе.

Воин рассказал о своей родословной и спросил о родословной Атала. Однако Атал не успел ответить: на улице показались наты. Они вели виновников переполоха.

Это были Пилли и Пота. Атал так и думал.

Когда наты очутились среди своих, Пилли, не поднимая головы, подмигнула матери. Лицо натины расцвело, но она тотчас же постаралась скрыть свою радость: это могло вызвать подозрения у окружающих их горожан и беженцев.

Желая избавиться от посторонних, натины сказала решительно:

— У нас есть всякие лекарства и снадобья. Не пройдет и двух дней, как я вылечу их. Так что можете спокойно расходиться.

Толпа подалась назад. Однако уходить никто не собирался: всем не терпелось посмотреть на пострадавших.

Наты соорудили из лохмотьев навес с пологом и уложили раненых: с одной стороны — Поту, с другой — Пилли.

Атал сел рядом с Потой, Лакхи — с Пилли. Старшая натины смыла с пострадавших кровь. Ран и в помине не было. Но за пологом темно, разве рассмотришь что-нибудь?

Оставшись с Пилли наедине, Лакхи спросила ласково:

— Кто тебя ранил? Куда? И где ты пропадала столько времени?

Пилли улыбнулась.

— Это Пота ранен, а со мной ничего не случилось: просто его кровь попала мне на одежду.

— А куда ранен Пота?

— Да он не ранен, — призналась Пилли. — Он споткнулся о камень, и в бедро ему вонзился острый сухой шип. Только и всего. Но крови было много.

— А тюрки? Почему вы сказали, что они ранили вас?

— Пришлось схитрить: иначе нам не открыли бы ворота.

Лакхи засмеялась. Но Пилли жестом остановила ее.

— Где же вы были все это время? — спросила Лакхи.

— О рани, я все объясню, только наберись терпенья.

Дел у Лакхи особых не было, и ей хотелось поскорей услышать о похождениях Пилли и Поты. Но Пилли так ничего и не сказала и, чтобы избежать дальнейших расспросов, сама стала спрашивать Лакхи:

— А вы как устроились?

— Сама видишь: место открытое, а дни стоят холодные. И все же это лучше, чем вечно бродить по дорогам.

— О касте кто-нибудь спрашивал?

— Да. Атал ответил, что он гуджар.

— А о тебе что он сказал?

— Обо мне никто его не спрашивал. Однако беженцы, кажется, догадываются, что мы с Аталом из разных каст. Но это не страшно: мы не одни, здесь много гуджаров.

— Откуда ты знаешь? Узнавала?

— Нет. Просто слышала, как один воин сказал об этом Аталу.

— А из твоей касты тоже кто-нибудь есть?

— Может быть. Что же ты делала все это время?

— Все, что нужно. Не беспокойся.

— Что же именно?

— Расскажу. Тем более что вам все равно нельзя оставаться здесь.

— Я не понимаю тебя. Говори прямо.
— А никому не скажешь?
— Нет.
— И Аталу?
— И Аталу. Говори же, я слушаю.
— Если расскажешь, тебе самой будет хуже.
— Я буду молчать.
— И правильно сделаешь. Иначе все узнают, что вы с Аталом из разных каст, что вы совершили грех и вас изгнали из общины. Комендант крепости с нагарпалом бросят вас в темницу, если узнают об этом, — ведь сейчас война, — и тогда вам придется расстаться со своими мечтами о будущем.
— Нечего пугать меня, — сказала, что буду молчать, значит буду.

Лакхи вспомнила Ман Сингха и Нинни.

«Атал — родственник раджи. Кто же посмеет совершить над нами насилие? Ман Сингх тоже ведь женился на девушке из другой касты... Но он раджа, а мы бедняки. Раджу никто не счел грешником, а нам покоя не дают. Неужели нас могут бросить в подземелье этой страшной крепости! Конечно, могут: кастовые законы жестоки».

Но вскоре страх уступил место любопытству. Где же были Пота и Пилли все эти дни? Пилли говорит, что сделала все, как надо. Что бы это могло значить?

Лакхи умоляюще смотрела на Пилли, но та молчала.

— Вот отдохну немного, тогда все расскажу, — произнесла наконец Пилли и закрыла глаза.

35

Вскоре к Пилли пришел Атал. Он хотел спросить ее о здоровье и тотчас уйти, но, увидев его, Пилли села и завернулась в шарф. Лицо ее выражало усталость.

— Я обо всем уже рассказала Лакхи. Чтобы попасть в город, нам пришлось сделать вид, что мы ранены. На самом же деле Пота просто споткнулся и налетел на шип, а я цела-целехонька. Только никому не говори об этом, — предупредила Пилли.

— Конечно, не скажу. Что мне за дело!

— Разве ты все рассказала? Только пообещала, — заметила Лакхи. Потом обратилась к Аталу: — Она еще не сказала о том, где была все эти дни и что делала.

Атал хотел было уйти, но, услышав эти слова, остался. Пилли повернулась к Лакхи.

— Позови мать, но так, чтоб никто не заметил, — попросила она.

Когда Лакхи направилась к выходу, Пилли спустила шарф с груди и взглянула на Аталу. Сгорая от стыда, Атал потупился. Лакхи успела заметить это движение Пилли, но промолчала.

Пилли поправила шарф и улыбнулась.

— Надо уходить отсюда: нам грозит беда!

— Знаю, — ответил Атал.

— Нет, не знаешь. Я не о той беде говорю.

— О какой же?

— Почему ты так неласков со мной? — уклонилась от ответа Пилли.

— Такое уж теперь время.

— Ладно, что с тобой сделаем! Вот уйдем из города, тогда, может быть, станешь поласковее... Вот что мы разужнали. Сюда прибыл сам султан Мэнди. Слонов, коней, людей у него видимо-невидимо. Не сегодня-завтра он возьмет Нарвар и нас всех перебьют. А если и не возьмет, тебе все равно несдобровать: узнают, что тебя изгнали из общины, и тогда уже никуда не убежишь. Надо уходить, пока не поздно!

Вернулись Лакхи и старшая натини. Пилли принялась объяснять, как можно выбраться из города.

— У южных ворот, за стеной, растут огромные деревья. Они-то и помогут нам уйти отсюда. К югу от Нарвара сторожевых постов нет. Если ночью перелезть через стену, то уже к утру мы будем в безопасном месте.

— А ваша скотина? А зерно? — спросил Атал.

— У нас есть украшения и деньги. Выберемся из города, все купим. Зерна придется взять лишь на первые два дня.

А добро жалеть нечего. Только бы в живых остаться. В этом Нарваре нет ничего хорошего, ради чего стоило бы головой рисковать.

— А если мы не пойдем? — вырвалось у Аталу.

— Тогда мы пойдем одни, — не задумываясь, ответила натини.

— Конечно, нам очень грустно расставаться с вами, жаль оставить вас здесь, в осажденном городе одних. Но мы не хотим погибать. Только никому ни слова, не то парварские воины перебьют нас, — предупредила Пилли.

— Мы никому не скажем, не беспокойтесь, — заверил Атал. — Мне и самому хотелось бы уйти из города, но я что-то толком не пойму, как вы собираетесь это сделать. Кроме того, Пота ведь ранен, он не сможет идти. Неужели вы бросите его?

— Нет, — ответила натини. — Я знаю такие коренья и травы, такие заклинания, что к вечеру вылечу его. А уйдем вот как. Один конец веревки привяжем к зубцу на стене, на другом сделаем петлю, перебросим веревку через ров, потом закинем ее на дерево и по очереди спустимся вниз. Все это можно сделать очень быстро, никто и не увидит. И если даже за стеной бродят тигры, то и они не страшны: мы будем высоко на дереве. Осмотримся — и в путь. Пота и Пилли развели дорожку, они и поведут нас.

Атал задумался. Потом произнес:

— Это очень опасно. Так сразу не решишься. Но к вечеру я дам ответ.

— Ты собери все необходимое и свяжи в узлы, чтобы ночью не возиться, — обратилась Пилли к матери.

— А когда собираетесь выходить? — спросил Атал.

— Около полуночи, когда в городе все уже будут спать, — ответила Пилли. Потом обратилась к матери: — Сегодня холодно. Вели собрать побольше хвороста, разведем костер, да такой, чтобы стало светло, как днем. Погреемся с полчаса или с час и загасим его. К тому времени зайдет луна, и мы двинемся в путь.

— А если нагрянет стража? — спросил Атал.

— Воины на башнях. Они следят только за противником. Но если вдруг нас заметят, мы скажем, что залезли на стену послушать, что делается в лагере султана.

Натини и Атал ушли. Лакхи хотела пойти за ними, но Пилли остановила ее:

— Посиди. Поболтаем с тобой.

Лакхи осталась. Лицо ее было печально.

— Не бойся ничего, не падай духом. Счастье твое не за горами, — сказала Пилли.

Лакхи вспыхнула.

— Будь они прокляты, эти касты! Никогда не думала, что так все получится!

— Пойми, у вас нет иного выхода. Останетесь вы в городе, а здесь вдруг начнутся стычки между ахирами и гуджарами. Что тогда?

— Лишу себя жизни, вот и все. Уж лучше самой убить себя, чем быть убитой за нарушение кастовых законов или зарезанной тюрком.

— Боже! Что я слышу! Ты говоришь о смерти! Пусть праги твои умрут, а ты должна наслаждаться жизнью, должна стать женой великого раджи!

— Та, которой на роду было написано стать раин, стала ею.

— А у тебя что, другое написано на роду? Дай срок, те, кого ты сейчас боишься, будут ползать перед тобой в пыли и молить о пощаде, когда ты станешь раин.

У Лакхи от волнения раздувались ноздри. Грудь высоко вздымалась. В глазах блеснули слезы.

— О моя Лакхи, — ласково сказала Пилли, — ты похожа на чампу! * У меня сердце разрывается при виде твоих слез!

Молнии сверкнули в глазах Лакхи, но слезы скрыли их.

— Вы должны уйти из города, — продолжала Пилли. — Сегодня же почью. Ведь рано или поздно ваша тайна раскроется. Если с нас возьмут клятву говорить только правду, нам придется рассказать все, как есть. Вам не простят нарушения кастовых законов, вас убьют. А ворвутся сюда тюрки — тоже несдобровать. Султан хороший, добрый, но ведь не может он следить за каждым своим воином во время штурма.

Пилли взглянула на Лакхи. Девушка понемногу успокаивалась. После короткого молчания Пилли снова заговорила:

— Не пройдет и нескольких дней, как ты станешь раин.

Лакхи вытерла слезы. Взглянула вопросительно на Пилли.

— Ты так прекрасна, — с жаром сказала Пилли, — что султан Мэнди коврами устелет твой путь, только бы поскорее увидеть тебя, посадить к себе на колени. День и ночь молит он бога о встрече с тобой — так не терпится ему одарить тебя любовью!

Лакхи ушам своим не верила. Глаза ее были широко раскрыты. По телу пробежала дрожь.

«Удар достиг цели», — подумала Пилли.

— Я ничего не выдумала, — уверяла она Лакхи. — Именно это скрывала я от тебя.

— Что ты сказала? — с трудом произнесла Лакхи.

Пилли понизила голос:

— Будь осторожна и до поры до времени держи все в тайне! Это я для твоей пользы говорю. Нам-то что! На тебя же Атал рассердится. Ахирь после всего, что было, в свою касту тебя не примут. А умирать тебе еще рано. Нинши стала рани Гвалиора и живет в свое удовольствие, а ты бродишь по свету!

— Расскажи все, как есть, — попросила Лакхи. — Я так ничего и не поняла толком.

— Что ж, слушай! Когда мы с Потой ушли, нас схватили дозорные и привели к султану. Мы рассказали ему о себе и о вас с Аталом. Узнав о твоей судьбе, султан проникся жалостью. Когда же услышал, какая ты красавица, то даже подскочил на троне. «Если она такая красавица, пусть придет ко мне! Я прижму ее к своей груди и сделаю рани», — вот что сказал султан. Мы обещали привести тебя дня через два или три. Сегодня ночью нас будут ждать в лесу со слонем, и ты тотчас поедешь к султану. У него уже готовы для тебя горы золота и жемчуга и мягкая постель... Нам незачем больше оставаться в городе. А тюрок мы не боимся: стоит нам сказать воинам султана, кто мы такие, они и пальцем не посмеют нас тронуть. Теперь ты знаешь все. Вот и решай. Только быстрее.

Лакхи закашлялась и отвернулась. Когда же она снова взглянула на Пилли, глаза у нее были красные, а лицо бледное.

— Что будет с ним... с Аталом? — спросила Лакхи.

— Султан сделает его своим приближенным, — ответила Пилли.

Лакхи опустила голову. И Пилли смогла заметить только, что губы у нее дрожат, брови сдвинуты. Когда же, спустя несколько мгновений, Лакхи подняла голову, лицо ее пылало, глаза были опущены.

Оглядевшись по сторонам, Лакхи произнесла чуть слышно:

— Я решилась: иду вместе с вами. Сегодня же. И его тоже возьмем. Только ответь мне на один вопрос, ладно?

— Спрашивай.

— Он любит тебя?

— Не знаю. Кажется, любит.

— Тогда стань его женой, принеси ему счастье.

— Я и сама этого хочу. Но пока ничего не говори ему. Вот выберемся из города, он все и узнает. Как только мы спустимся вниз, нам подадут слона, на котором мы отправимся к султану, а тем временем по нашему же канату на го-

родскую стену поднимутся воины-тюрки, и к утру мы узнаем, что отныне правитель города — султан. С этого момента ты станешь махарани Мэнди и Нарвара.

Пилли была в восторге от своих планов.

У Лакхи чуть дрогнули уголки губ. Но через мгновение она уже улыбалась.

— Я сама уговорю его идти. Как? Это моя тайна. Но ты не обманула меня? — тихо спросила Лакхи.

— Ну что ты! — Пилли похлопала Лакхи по руке.

— Если все будет точь-в-точь, как ты сказала, то я отдам тебе половину Нарварского княжества, — шепнула Лакхи.

С трудом сдерживая радость, Пилли ответила:

— Зачем бедным натам полкняжества? Разве судьба нам владеть таким богатством? Но если бы ты дала в джагир две-три деревни и еще Атала, мы были бы счастливы.

Лакхи отвернулась. Пилли расценила это по-своему.

«Лакхи не только прекрасна, но и застенчива, — не то что Нинни», — подумала она, потом сказала, нежно глядя на Лакхи:

— Прежде чем отправиться в путь, надень все украшения и лучшую накидку, чтобы предстать перед султаном нарядной, как невеста.

— Наряды и украшения надену потом, когда выйдем из города. А сейчас мне пора, — ответила Лакхи, направляясь к выходу.

Как только стало смеркаться, наты сложили щепки и хворост в кучу, такую высокую, словно собирались разжечь костер по случаю праздника холи.

Лакхи отвела Атала в сторону.

— Надо идти! — сказала она.

— И идти опасно, и оставаться страшно, не знаешь, что и делать, — ответил Атал. — Ты уверена, что в Мэнди нас не будут преследовать?

— Чему быть, того не миновать. Только не бойся. Если женщина решила броситься в глубокий колодезь или в погребальный костер, она ни о чем больше не думает. А ты мужчина. Ты должен быть готовым ко всему, что бы ни случилось.

— А что может случиться?

— Мало ли что! Ведь через несколько часов мы уже будем на стене. Испугаешься — и сорвешься с веревки.

— Не беспокойся. Я не из трусливых.

— Тогда решайся. Что ни случается — все к лучшему. Сейчас, ради своего же счастья, надо быть храбрым.

— Кто знает, что ждет нас после того, как мы спустимся со стены. Но оставаться здесь нельзя. Рано или поздно все откроется. Узнают, кем довожусь я радже и кто ты. Станут насмехаться над нами, преследовать. А на чужбине как-то легче будет.

— Скоро само собой все решится. Наберись терпения.

— А может, пусть наты уходят, а мы с тобой останемся?

— Они уже передумали. Говорят, что не уйдут без нас. А зачем нам оставаться? Ничего хорошего из этого не получится. Иди же к натам, поговори с ними, а я напеку лепешек и увяжу вещи.

Атал ушел.

Когда совсем стемнело, наты разожгли костер. Ветра не было. Столб дыма взвился ввысь. Потом огонь вспыхнул ярким пламенем, и языки его, прорезав дым, лизнули небо. Стало светло, как днем. Люди грелись у костра. Но прошло совсем немного времени, и пламя потускнело, потому что костер был сложен из сухих веток и щепок. Очень скоро от него остались маленькие синие язычки огня, зола да редкие угли. Толпа постепенно расходилась.

Часа через три на месте костра лежала небольшая кучка пепла.

К полуночи все стихло. Только время от времени на улицах и башнях раздавались голоса дозорных.

Нарварцы считали, что враг может проникнуть в город лишь через ворота, — высокую стену, вдоль которой тянулся глубокий ров, ему не одолеть.

Под покровом темноты несколько натов приставили к стене лестницу, сделанную из бамбуковых шестов и веревок, и поднимали наверх все вещи, которые решили взять с собой. Потом на стену один за другим взобрались остальные наты и Атал с Лакхи. «Раненый» Пота чувствовал себя прекрасно, да и как могло быть иначе: ведь от его царапины не осталось и следа.

Один конец веревки привязали к зубцу, на другом сделали петлю. Напротив стены, по ту сторону рва, росло большое дерево. Туда и бросили веревку, зацепив ее за сук, а потом изо всех сил дернули, чтобы затянуть петлю.

Старшая натини сказала шепотом:

— Первой спущусь я. Потом очередь Поты.

— А нельзя сразу по двое? — спросил Атал.

— Нет. Веревка тонкая, — ответила Лакхи.

— Правильно, — подтвердила Пилли. — После Поты пусть пойдет Лакхи. Потом все остальные, и уже последними мы с Аталом. Я помогу ему. Мы легче, веревка нас выдержит.

— Я сама помогу ему, — решительно заявила Лакхи. — Мы с Пилли и Аталом пойдем последними.

Все согласились.

Старшая натини начала спускаться. Затаив дыхание, наты вглядывались в темноту. Наконец веревка дернулась: это натини подала условный знак.

Так, по очереди, один за другим спустились все наты. Остались только Пилли, Лакхи и Атал.

— Теперь твоя очередь, Лакхи, — сказала Пилли.

— Не моя, а твоя, — возразила девушка.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласилась Пилли. — Следом за мной спускайся ты, а Атал уже потом.

— Об Атале не беспокойся! — произнесла Лакхи, но так тихо, что Пилли не расслышала ее слов.

— Помни, все будет так, как я говорила! — сказала Пилли, берясь за веревку.

— Я все помню, — ответила Лакхи.

Когда Пилли была надо рвом, Лакхи выхватила из-за пояса нож.

— Что ты делаешь?! — подскочил Атал к Лакхи.

— Назад! — тихо, но резко произнесла девушка.

И, перегнувшись через стену, с силой метнула нож.

Веревка лопнула, и Пилли с криком полетела в ров.

Какое-то время оттуда доносились протяжные стоны, затем все стихло.

— Что ты наделала? — испуганно спросил Атал.

— Ведьма! Хотела упрятать меня в гарем султана! Пусть теперь возьмет половину Нарварского княжества! — Голос Лакхи дрожал.

— О чем ты? — Атал в недоумении смотрел на девушку.

На ближайшей башне слышали шум. Дозорные подняли тревогу и зажгли факелы.

— Спускайся быстрее, потом расскажу. Теперь мы можем смело и с гордо поднятой головой встретить все, чтобы ни ожидало нас, — сказала Лакхи.

Атал и Лакхи спустились со стены. Их окружили воины.

— Кто вы? Что вы здесь делаете?

— Враг у самой стены! Бейте тревогу! Тюрки вот-вот пойдут на штурм! — произнесла Лакхи повелительным тоном.

Затрубили рожки, загремели барабаны. Город проснулся, зашумел. Войско в крепости приоткрылось отразить нападение врага. Заняли свои места и защитники города.

— Почему они не сразятся с врагом в поле? — спросила Лакхи, когда они пришли в комнату, отведенную для них в одной из башен.

— Что ты понимаешь в этом? Разве можно выступать из крепости в такую темноту? К тому же куда сподручней бить врага из-за крепостных стен.

Лакхи не была согласна с Аталом, однако промолчала.

Шум в городе не смолкал до самого утра. Никто не спал. И Лакхи с Аталом тоже не сомкнули глаз.

Мучимый любопытством, Атал наконец спросил Лакхи:

— Расскажи, что же в конце концов произошло? Почему ты перерезала веревку?

— Ты не забыл клятвы, которую дал мне тогда в деревне?

— Конечно, нет! И никогда не забуду!

— А они вот — эта ведьма Пилли и злые духи, что были с нею, — решили разлучить нас! Для того они и раскинули свои сети. Пилли хотела сделать тебя своим мужем, а меня продать султану! — Лакхи заплакала. А немного успокоившись, рассказала Аталу все, как было.

37

Утром навардцы обнаружили приставленную к стене лестницу, обрывок веревки и мертвую девушку во рву. Вскоре все узнали, что наты оказались лазутчиками султана и хотели впустить тюрок в крепость.

На Лакхи смотрели с уважением. Еще бы, она спасла город! Однако нашлись женщины, которые осудили ее.

— Какая жестокая! Ей ничего не стоило убить человека!

Тем временем в лагере султана готовились к штурму. Разбить ворота и овладеть городом должен был субедар Чаудери, а Гияс-уд-дин собирался идти на Гвалиор.

Когда Матру доложил султану о постигшей натов неудаче, тот вскипел.

— Ослы! Я так и знал, что ничего у них не получится!

— Повелитель, наты говорят, что кто-то перерезал веревку, — робко произнес Матру.

— Врут! — резко прервал его Гияс-уд-дин. — Кто мог сделать это? Не Лакхи же? Ведь она согласилась стать моей. Стража тоже ни при чем. Просто эти болваны взяли гнилую веревку, а теперь ищут виновного! Мерзавцы! Гони их из лагеря!

Матру послушно склонил голову.

— Ступай передай раву Радж Сингху мой приказ: взять северные ворота. Остальным я лично дам приказания.

— Слушаюсь, повелитель!

— Сегодня я не выступлю в поход на Гвалинор: возможно, я понадобится здесь. Передай мой приказ: войску быть наготове.

Матру ушел.

У Радж Сингха было немного воинов, но все же он рискнул разбить свой собственный лагерь. Не успел Матру огласить приказ султана, как раджпуты стали рваться в бой.

— Вир Сингх Дев Томар силой овладел Нарваром — исконным владением ваших отцов, — напомнил Радж Сингху бхат. — Сто лет минуло с той поры, но на сердце у нас тяжело, словно это случилось только вчера! Отомстите за предков, верните Нарвар! Он должен принадлежать качхвахам, а не томарам!

— Томары долго будут помнить меня! — заверил бхата Радж Сингх.

— Вы должны либо водрузить над крепостью свое знамя, либо сложить голову и отправиться к предкам, — подстрекал бхат Радж Сингха.

Перед боем Радж Сингх со своими приближенными вышел вина.

Штурм трех ворот был начат одновременно. Радж Сингх сражался у северных ворот.

В город полетели горящие стрелы. Закованные в железо слоны с ревом били лбами в ворота.

Город ответил тучей стрел, пылающими факелами и градом камней. Атаки следовали одна за другой. Уже много воинов, коней и слонов полегло у стен, но ни одни ворота не поддались.

Перевалило за полдень, а положение оставалось неизменным. И вдруг по ту сторону Синда, на дороге, что проходила к востоку от города, за клубилась пыль.

Со сторожевых постов к султану прискакали гонцы:

— Из Гвалиора движется Ман Сингх! С ним огромное войско!

Гияс-уд-дин приказал отходить. Однако Радж Сингх отказался подчиниться приказу.

— Лучше погибнуть в бою, чем оставить Нарвар в руках томаров! — заявил он, хотя был ранен и, словно одержимый, продолжал штурмовать ворота.

Стрелы со звоном налетали на стрелы, факелы ударялись о факелы. Слон Радж Сингха, казалось, обезумел, как и его хозяин. Весь окровавленный, он наносил по воротам удар за ударом.

Гияс-уд-дин послал к Радж Сингху гонца.

— Ман Сингх Томар уже близко. Надо остановить его прежде, чем он перейдет реку, — таков приказ султана.

С трудом оторвав от ворот горящий взор, Радж Сингх повернул слона.

Войско Ман Сингха невозможно было остановить, и под прикрытием лучников оно переправилось на другой берег. Начался ожесточенный бой. Радж Сингх жаждал сразиться с Ман Сингхом один на один, но так и не смог пробиться к нему.

Султан послал на помощь Радж Сингху все свое войско. Но это тоже не помогло. Под ударами сил Ман Сингха воины Радж Сингха стали медленно отходить назад.

Довершили дело нарварцы. Узнав о приходе своего раджи, они открыли ворота, и пять тысяч всадников — испытанных в боях воинов — стремительно атаковали тюрок с тыла.

Чтобы не попасть в окружение, султан приказал отступать. Он скрежетал зубами от ярости.

— Посмотрим, кто победит! Недолго ждать!

Так и не суждено было осуществиться мечтам Радж Сингха.

Еще до захода солнца армия султана, оставив в лагере много снаряжения и припасов, отошла далеко от города.

А в это время Ман Сингх с большим отрядом вошел в главные ворота Нарвара. Основные силы он расположил вокруг города на случай внезапного нападения тюрок.

Поздно ночью во дворец явился Нихал Сингх. Молодой полководец сильно устал: он успел уже устроить рапсных, разбить лагерь, пересчитать брошенные противником трофеи

и выставить сторожевые посты, — но энергия по-прежнему была в нем ключом.

— Махараджа, — сказал он, едва переступив порог, — Нарвар находился на волосок от гибели!

— Да, мы вовремя пришли. Но теперь бояться нечего: если турки предпримут новую атаку, мы сумеем отстоять город.

— Нет, махараджа, я не о том. Мне рассказали, что вчера ночью Нарвару грозила страшная беда. И лишь благодаря отваге какой-то женщины город был спасен.

— Город спасла женщина? Каким образом?

— В Нарвар проникли наты. Их послал султан. Наты привязали к городской стене веревку, чтобы воины султана могли перебраться по ней в город. А женщина, о которой мне рассказали, сбросила кого-то из натов вниз и ножом перерубила веревку.

— А где она сейчас, эта женщина?

— Здесь, где-то в городе. Утром я разыщу ее.

— Право же, она молодец! Но кто она такая?

— Говорят, гуджарка. Они с мужем пришли из Магрони.

— Это они! Конечно, они! О боже, как хорошо, что я нашел обоих!

— О ком это вы, махараджа?

— О Лакхарани и Атал Сингхе. Такой подвиг могла совершить только Лакхи.

— Но, махараджа, Лакхи — ахирка.

— Ну и что же? Чем она хуже любой гуджарки? Как только рассветет, разыщи их. Лакхи заслужила награду!

Целыми днями у ворот толпился народ. Защитники города были уверены, что еще не родился тот полководец, которому удалось бы взять Нарвар. Только голод мог заставить нарварцев открыть ворота. Однако не все так думали. Некоторые сомневались в неприступности города и терпеливо ждали своей участи. Особенно встревожились горожане, когда северные ворота стал штурмовать Радж Сингх. Его мужество и фашизм поразили их. Однако приход Ман Сингха успокоил даже самых малодушных.

Когда утром Атал и Лакхи шли в храм, расположенный неподалеку от башни, в которой они провели ночь, люди говорили, с уважением поглядывая на них:

— Даже женщины у гуджаров отважны!

Лакхи и Атал вошли в храм и сели в углу. Они уже знали о приходе Ман Сингха.

— Что-то будет с нами теперь? — проговорила Лакхи, вопросительно глядя на Атала и в то же время пытаясь скрыть охватившую ее радость.

— Что будет? — переспросил Атал. — Чему суждено было случиться, то уже случилось: ты спасла город от врага. Но мы не станем просить у раджи награды и вообще не пойдем к нему, если сам не позовет.

— Мне кажется, раджа хорошо относится к нам. И счастьем нашему никто не помешает... — с надеждой произнесла Лакхи. — А признайся, отдал ты Пилли частицу своего сердца? — вдруг спросила она. Видно, мысль эта не давала ей покоя.

Атал взглянул на Лакхи широко открытыми глазами.

— Ты что, с ума сошла?

— Ладно, не обижайся, так бывает. Мужчины ведь иногда ошибаются.

— Что ты болтаешь? А-а-а, теперь вспомнил! Еще ведь ночью ты говорила, что Пилли хотела завлечь меня. Но тогда я ничего не понял. Да и сейчас еще не все понимаю. Расскажи все по порядку, умоляю!

— Да ты сам посуди, станет женщина так просто, без всякого умысла, обнажать свою грудь перед посторонним мужчиной, как это сделала вчера Пилли?

— Да разве это женщина! Муха она навозная! Падаль, а не человек! Как могла ты подумать, что я...

— Ну, чего ты так распалился? Я просто никогда не думала, что женщина может быть такой бесстыжей, такой подлой и низкой.

— Но почему ты решила вдруг, что я позволю этой ведьме околдовать себя?! Да знай я, кто они такие, эти наты, сразу же рассчитался бы с ними.

— Значит, хорошо я сделала, что скрыла от тебя правду, а то своей горячностью ты мог испортить все дело: натам ничего не стоило рассказать, что мы из разных каст.

— Какая ты умница, Лакхи. Мне бы половину твоего ума! Только смотри, никогда больше не говори мне такого... ну, такого, как ты сказала обо мне и Пилли.

— Обещаю, никогда, никогда не говорить! Доволен?

Они обнялись. По щекам их катились слезы.

Солнце уже высоко стояло над землей, когда в храм вошла пожилая женщина. Поставив перед статуей бога чашу с водой, она под села к Аталу и Лакхи и, поправляя на голове край сари, спросила с улыбкой:

— Не вы ли те гуджары, которые сбросили с городской стены тюрок?

— Да, мы, — ответил Атал. — Только это были не тюрки, а наты, которые хотели впустить врага в город.

— А я-то слышала, что она перебила чуть ли не целый отряд тюрок, — сказала женщина, кивнув головой на Лакхи. — Но эти наты вряд ли в чем уступят тюркам. А что, у нее меч был?

— Да-а-а... То есть нет... Пож.

— На вид худенькая, а сама вои какая! Раджа непременно наградит вас!

— Наградит — не откажемся.

— Подумашь: не откажемся! Нет чтобы самим попросить, — сидят здесь и ждут, когда им предложат джагир! Только так не бывает. А откуда вы?

— Издалека.

— У вас здесь родные?

— Нет, никого.

— В городе много гуджаров. И ахиры тоже есть.

— Может быть.

— Из ее касты живут совсем близко отсюда, рукой подать.

— Из чьей касты?

Женщина обнажила два ряда зубов и показала рукой на Лакхи. Лакхи взглянула на нее исподлобья, но женщина не смутилась.

— Откуда тебе известно, кто она? — вырвалось у Атала.

— Откуда известно! — ответила женщина. — Да разве правду утаишь? Ведь всему городу известно, что ты гуджар, а...

— Да, я ахирка, — отрезала Лакхи. — Но тебе какое до этого дело!..

Женщина поднялась.

— Боже мой! За что ты осерчала на меня? Я сказала только то, что слышала от других. Держит тебя этот гуджар и пусть держит, живи с ним, нам-то что до этого?

— Я не держу ее, баи *, она — жена мне! Законная жена! Мы с ней совершили обход огня, — ответил Атал.

Женщина устремилась к выходу.

— Вот она, калиюга! Слыханное ли дело, чтобы гуджар и ахирка поженились!

С улицы донесся конский топот. Атал и Лакхи выглянули наружу и увидели Ман Сингха. Они хотели спрятаться в храме, но Ман Сингх уже заметил их и, соскочив с коня, подошел к Лакхи.

— Что ты опустила голову, словно преступница? Это ты спасла Нарвар? Или, может, на землю спустилась какая-нибудь богиня?

Лакхи только вздохнула. Перед храмом собралась толпа.

— Что омрачает твою душу?

Лакхи взглянула на раджу и снова потупила взор. В глазах у нее стояли слезы.

Ман Сингх снял с себя ожерелье из золота и жемчугов.

— Подними голову!

Лакхи повиновалась. Губы у нее дрожали. Слезы застилали глаза. Раджа надел ей на шею ожерелье, и слезинки, упавшие на жемчужины, засверкали всеми цветами радуги. Закрыв лицо руками, Лакхи разрыдалась. Атал оближал пересохшие от волнения губы.

— Лакхарани, ты едешь верхом?

Лакхи ничего не ответила. Только покачала головой.

— Тогда поедешь в Гвалинор на слоне, — распорядился Ман Сингх и обратился к Аталу. — Ну, шурин, — хороши вы, нечего сказать, — произнес он, смеясь. — Удрали, и никому ни слова! Ни с того ни с сего отправились бродяжничать!

Атал не в силах был отвечать: в горле у него пересохло. Он пытался откашляться и все облизывал губы.

Ман Сингх вдруг вспомнил Бодхана (кстати, Атал еще раньше подумал о жреце) и помрачнел.

— Вели привести слона, — обратился он к Нихал Сингху.

— Я пойду пешком, — возразила Лакхи прерывающимся от волнения голосом.

Вскоре привели слона. Когда слон, повинуясь погонщику, опустился на колени и к нему приставили лесенку, раджа вдруг спросил:

— А где лестница, которую наты приготовили для тюрок?

— Ее сломали, — ответил кто-то.

— Ну, Лакхарани, садись на слона и отправляйся в мой лагерь, — сказал раджа, потом обратился к Аталу: — И ты поезжай с ней.

Лакхи взглянула на свою грязную грубую одежду и на мгновение представила себе пестрые наряды, которые примеряла как-то раз в Магронии. Поги отказывались идти, она не могла ступить ни шага.

Тогда Ман Сингх сказал, смеясь, Аталу:

— Чего ты ждешь? Возьми ее на руки и усади на слона. Разве она не жена тебе?

Атал улыбнулся и жестом велел Лакхи подойти к слону.

Лакхи покраснела от смущения. На дрожащих губах заиграла улыбка. Бросив на Ман Сингха благодарный взгляд, она поднялась на слона. Атал сел рядом.

Когда Ман Сингх вскочил на коня и под приветственные возгласы толпы направился со своей свитой в лагерь, какая-то нарварка воскликнула:

— А наш раджа знает толк в женщинах!

— Еще бы? Иначе он не усадил бы ее на слона. Это жена шурина! И шурина тоже не обидел.

— За красоту оказана ей такая честь. Шутка ли — ехать на слоне! Сама посуди, как могло целое войско тюрок пробраться в город по какой-то веревке?

— Это ты зря! Лакхи и в самом деле очень смелая!

— Разве хорошо это: раджа — на коне, а какая-то девчонка на слоне? Что и говорить, красоты у нее не отнимешь!.. А видела ты, каким взглядом одарила она раджу, когда влезала на слона?

— Привез раджа ее в Гвалиор, и будет она жить в его дворцах!

— На то он и раджа! Ему все дозволено!

— Ну и ладно. На том спасибо, что в самое время он прибыл. А не то сожгли бы наш Нарвар!

Ман Сингх провёл в Нарваре несколько дней и отбыл в Гвалиор после того, как было получено известие о возвращении Гияс-уд-дина в Мэнди.

Прежде чем покинуть Нарвар, Ман Сингх распорядился на каменной триумфальной колонне, воздвигнутой за городской стеной, высечь надпись, возвещающую о поражении султана Мадхвы. Эта колонна была врыта на том самом месте, откуда армия Гияс-уд-дина, не выдержав совместного удара гвалиорцев и нарварцев, повернула назад.

И еще Ман Сингх объявил:

— Отныне город и крепость Нарвар я жалую в джагир гуджару Атал Сингху. За начальником города и комендантом крепости сохраняются прежние права и обязанности. Городское управление остается неизменным. Но в документах, которые должны подписываться джагидаром, следует ставить имя Атал Сингха. Сам же Атал Сингх будет жить со мной в Гвалиоре.

Мриганаяни встретила Лакхи так радостно и с такой любовью, что та сразу же забыла про все печали, выпавшие на ее долю.

Увидев Калу, Лакхи испытала скорее досаду, чем удивление.

Оставшись наедине с Аталом, она сказала:

— Смотри не перепутай нас, как тогда, на празднестве, когда ты впервые увидел Калу!

— Ну, что ты, Лакхи, — засмеялся Атал.

Первое время сходство Лакхи и Калы приводило Мриганаяни в восторг. Она шумно радовалась, а вместе с нею смеялись Кала, Лакхи и Атал.

39

Прибыв в Мэнди, Гияс-уд-дин повелел изгнать натов из Мальвы, а евнуха Матру выпороть. Своему же летописцу он приказал сделать следующую запись: «Султан Гияс-уд-дин Хилджи, нанеся поражение Ман Сингху Томару в битве при Нарваре, отбросил его к Гвалиору и с победой вернулся в Мэнди».

Матру молча снес удары плетью. Когда гнев султана несколько поостыл, слуге вновь было дозволено явиться перед высокой особой своего хозяина. И Матру по-прежнему забавлял султана. Гияс-уд-дину и в голову не могло прийти, что евнух тайно встречается с его сыном Насир-уд-дином.

Однажды во время очередного ночного визита к Насир-уд-дину Матру произнес с тяжелым вздохом:

— Даже представить трудно, сколько прекрасных пери вздыхают и тоскуют по господину! Но они не знают, как увидеться с ним!

— Милый Матру, если бы ты знал, как надоели мне маулви. Ни днем, ни ночью эти негодяи не дают мне покоя,

они следят за каждым моим шагом. Даже за тобой послать мне стоило больших трудов.

— Эти муллы, маульи и кази недовольны самим повелителем, вашим отцом.

— Перебить бы их всех!

— Господин верно изволил заметить. Но, к сожалению, это невозможно: простые воины, можно сказать, смотрят в рот нашему духовенству.

— Так что же делать? Как быть? Отец вот уже тридцать лет правит султанатом, и все это время ему приходится за-дабривать мулл.

— Каждому, кто хочет основать или хотя бы сохранить султанат в Хиндустане, прежде всего нужно снискать расположение мулл. А повелитель всегда груб с ними.

Насир-уд-дин тяжело вздохнул.

— Я тоже был бы с ними груб, но приходится терпеть.

— А чем провинились перед вами бедные муллы? Ведь они действуют по приказу вашего отца.

— Но мне надоело это! Нет больше сил терпеть.

Матру еще ниже склонил голову.

— Повелитель, что может сказать вам раб ваш? Лишь то, что говорят люди: «За пасмурными днями всегда приходят ясные».

Матру быстро взглянул на Насир-уд-дина. Лицо шахзаде пылало от возбуждения.

Евнух пал ниц и, касаясь лбом пола, произнес смиренно:

— Повелитель, недаром говорится: «Кто с умом, тому и судьба нипочем».

Насир-уд-дин задумался.

— Поднимись, Матру. Ты добрый человек, — наконец произнес он и, когда Матру сел, сказал: — Я читал притчу об уме и судьбе. Но что толку? Голова пухнет от всех этих изречений и премудростей.

— К чему премудрости, повелитель? Не лучше ли обратиться к примерам из истории? В них много поучительного. Взять хотя бы султанаты Дели и Гуджерат или государство Бахманидов.

— Я почти ничего не знаю об этом. Расскажи, я слушаю.

— Повелитель, простите раба своего! Пусть у него язык отвалится, если он скажет что не так!

— Говори, не бойся. Я слушаю тебя.

— Повелителю, наверное, известно о первом султани Гуджерата Музаффар-шахе?

— Слышать — слышал, читать — не читал. Музаффар-шаха отравил внук его Ахмад-шах.

— Приблизительно то же слышал и раб. А знает ли повелитель о делийском падишахе Джауна-хане Мухаммеде Туглаке?

— О нем тоже ходят подобные слухи*.

— Но летопись часто лжет. Известно это господину? Насир-уд-дин приподнялся на локте и сел.

— В таком случае все, чему учили меня муллы, не более как выдумки?

Матру молчал.

Тогда Насир-уд-дин спросил его:

— А где те пери, о которых ты говорил? Как увидеться с ними?

— Повелитель, для этого нужно владеть золотом и властью. И тогда у вас будет столько пери, сколько вы пожелаете, одна прекраснее другой. У нас с столице немало красавиц, а ведь Мэнди — лишь один из городов султаната. Живут пери и в других местах. Но только золото, серебро и драгоценные камни приведут их к ногам господина.

— Могу я рассчитывать на тебя?

— Повелитель, раб готов служить вам душой и телом!

— Помни, если тайна раскроется, тебя скормят собакам. Правда, и мне не сладко придется, но убить меня не убьют. — Сердце сжимается от боли, как подумаю, сколько страданий выпало на вашу долю!

Матру заплакал. Насир-уд-дин начал успокаивать его:

— Не плачь. И нам улыбнется счастье, Матру... С тех пор как отец вернулся с победой из Нарвара, пиршество следует за пиршеством. Вот и я буду веселиться.

— Повелитель, отец ваш, конечно, вернулся с победой, но в Нарвар ему так и не удалось войти.

— Я знаю. Одержал верх Ман Сингх. Отец же победил лишь в записях летописца. И пери, о которой он мечтал, не досталась ему. Но он не скучает. Меня же лишают всех радостей жизни. Я поклялся, что как только стану султаном...

Матру искоса поглядывал на султана.

— Сколько дней в пакхваре*, Матру? — помолчав немного, спросил шахзаде.

— Иногда четырнадцать, иногда пятнадцать, повелитель, — с недоумением ответил свнук.

— В моей пакхваре будет пятнадцать и на каждый день по тысяче пери. Я не успокоюсь, пока не наберу в свой гарем пятнадцать тысяч красавиц. Я поклялся превратить Мэнди в дивный перистан. Ну, что скажешь?

— На все воля повелителя. Но прежде надо сесть на трон Мальвы. Тогда не будет ничего невозможного.

— А ты поможешь мне?

— Я ведь уже сказал, что раб видит счастье свое в служении вам.

Насир-уд-дин сжал кулак.

— Править тридцать лет — слишком долго для одного человека! Меня зовет трон, а родителя — рай. Я решил.

Матру едва скрыл охватившую его радость.

— Но, повелитель, — сказал он, — надо действовать очень осторожно. И помните: ни в коем случае нельзя сердить мулл.

— Не буду. Муллы тоже, наверное, ждут не дождутся, когда отец покинет этот мир. Я во всем стану слушаться их, но трон будет принадлежать мне.

— Муллы недовольны вашим отцом и с радостью помогут вам...

— Я буду посылать за тобой время от времени: мно нужны твои советы.

— Раб всегда готов служить повелителю, но просит как о милости не посылать за ним раньше времени, чтобы не вызывать ничьих подозрений.

— Хорошо. Увидимся на пиру.

— Только помните, повелитель, оружия применять нельзя.

— Внуку Музаффар-шаха не понадобилось оружие, чтобы занять престол, не понадобится оно и мне. А когда я стану султаном, то совершу что-нибудь великое, подобно Ахмад-шаху, который построил Ахмадабад и воздвиг множество дворцов, и тоже прославлюсь в веках!

Мысли о Мриганаяни не давали Суманмохини покоя.

«Новая рани учится грамоте, музыке, пению и живописи. Но для чего, спрашивается? Раджа не так уж часто заходит к ней. Это, разумеется, хорошо. Но у меня он бывает еще реже. Я даже не знаю, где он бывает, что делает. Когда он

со мной, мне кажется, будто бы он принадлежит одной только мне! Как любил он меня в первое время после свадьбы! А теперь ему приходится убаживать эту деревенскую девку. Раджа решил построить большой дворец и расположить комнаты так, чтобы мы могли жить в них спокойно и не мешать друг другу. Но Мриганаяни и там будет вести себя как хозяйка. Сколько же мне ее терпеть? Хотела бы я знать, где будут покои Мриганаяни? Но как бы далеко они ни были, ей все равно не скрыться от моих глаз и ушей! Интересно, о чем беседуют они с раджей, когда остаются наедине? Преданной мне служанке никак не удастся подслушать их. Значит, надо подыскать кого-нибудь еще, кто мог бы передавать мне все, что говорит или делает Мриганаяни. Кажется, для этого вполне подойдет Кала. Что ей Мриганаяни? Кала обучает искусствам. Так почему бы и мне у нее не поучиться? А что, если раджа приставит ко мне не Калу, а кого-нибудь другого? Нет, я ни за что не соглашусь, и радже придется уступить. Лакхи тоже обучается искусствам, так неужели я хуже ее? Вот придет сегодня раджа... А если он не придет? Ведь теперь он редко меня навещает. Тогда я сама позову его. Кала будет находиться при мне ровно столько времени, сколько она проводит у Мриганаяни. Они с Лакхи обучаются вместе, но к ним я ходить не могу. Кала будет учить меня отдельно».

Ман Сингх обрадовался, узнав о желании Суманмохини учиться. Однако он считал, что ей лучше заниматься не с Калой, а с ачарьей Байджнатхом. Но Суманмохини возмутилась, когда услышала об этом.

— Что вы говорите, махараджа? Я не из деревни! Это Мриганаяни ничего не стоит выйти к мужчине с открытым лицом, а у нас в роду другие понятия!

Словно муравей укусил раджу, но он и вида не подал, что слова Суманмохини задели его за живое.

— Как хотите! На первое время, конечно, и Кала хороша, а там видно будет. Надо только проявлять побольше усердия, и за короткое время вы достигнете немалых успехов.

Суманмохини не упустила случая снова поддеть раджу:

— Вы думаете, я не понимаю, к чему вы это говорите? Ведь чем больше буду я заниматься, тем реже сможете вы заходить, ссылаясь на то, что боитесь мне помешать. Вспомните, сколько времени прошло со дня нашей последней встречи?

— Но, махарани, вы же знаете, я очень занят!

— Вам, паверное, с утра и до ночи приходится при-
сматривать за строительством нового дворца. Ну да, он
ведь растет не по дням, а по часам!

— Да, махарани, работы много. Только это будет не
дворец, а храм: я назову его Ман-Мандиром.

— А что, очень большим он будет?

— Пока не знаю. Но я хочу, чтобы он был необыкно-
венно красив. Как только будет готов план, я непременно
покажу его вам.

— Однажды вы уже показывали мне какой-то план.
Правда, это было давно, до последней свадьбы!

— В старый план внесено много изменений.

— Но раз план изменен, почему бы вам не переменить
и название храма? Скажем на Мригендра-Мандир?

— Или на Суманендра-Мандир,— засмеялся Ман Сингх.
Суманмохини с трудом сдержала улыбку.

— Я понимаю, составить план храма не так-то просто.
На это действительно надо очень много времени!

— Если бы у меня только и было забот что о храме.
Но Сикандар Лоди готовит новый поход на Гвалиор, и мы
должны оказать ему достойную встречу.

— Что для вас Сикандар Лоди! Вы победили его отца
и разбили его самого, а недавно нанесли поражение сул-
тану Мэнди. Для вас это не представляет никакого труда.
Так что лучше занимайтесь строительством своего храма,
как ведет вам новая рани!

Было очень свежо. Солнце еще не зашло, но казалось,
будто его последние лучи не согревают, а охлаждают
землю. Мриганаяни и Лакхи стояли у окна в покоях
молодой рани. Взор Мриганаяни был устремлен вдаль:
там за горами, на западе, была ее родная деревня, река,
холмы.

«Что там сейчас?» — подумала Мриганаяни. Потом по-
смотрела на сад. На больших листьях банана играло солн-
це. Мриганаяни почудилось, будто листья издают звуки, та-
кие же волшебные, как звуки вины.

— Лакхи, пойдем в сад, — предложила Мриганаяни. — Только надо сперва посмотреть, нет ли там старшей махараани.

— Сейчас посмотрю, — сказала Лакхи.

Мриганаяни схватила ее за руку:

— Я сама посмотрю!

— Нет, я!

— Но если ты везде будешь бегать за меня, я совсем разучусь ходить.

Мриганаяни подошла к окну и, убедившись, что в саду никого нет, вместе с Лакхи спустилась вниз.

В лесу Мриганаяни видела много разных деревьев. Но бананов с невысокими стройными стволами и огромными темно-зелеными листьями, которые росли в ее саду, ей не приходилось встречать. Эти деревья очень нравились молодой рани и всякий раз вызывали у нее восхищение.

Вот и сегодня, глядя на ровные ряды деревьев, казавшихся Мриганаяни подругами, которые собрались вместе, чтобы весело провести время, она не удержалась от радостной улыбки.

Потом Мриганаяни перевела взгляд на дальний холм.

— Видишь, Лакхи, там наша деревня!

— Может быть.

— Как хочется мне взглянуть на родные места! Но я поклялась побывать там лишь после того, как чему-нибудь выучусь. А ты поедешь со мной?

— Нет, ни за что! Я даже не оглянулась, когда уходила из Рани.

— Теперь тебе никто ничего не скажет.

— Это я знаю, но, кроме языков, есть еще и глаза. И потом, что интересного в деревне? Уж если идти куда, так это в Нарвар. Слонов и тигров там видимо-невидимо.

— Уж не потому ли тебя тянет в Нарвар, что он пожалован тебе в джагир?

— Не мне, а моей Нинни и...

— Ее брату!

Девушки засмеялись. Словно ручеек зазвенел. Сверкнули белые, как жемчуг, зубы. В глазах зажглись веселые огоньки.

— Ну и невестка у меня! Прямо красавица! — вдруг воскликнула Мриганаяни. Лакхи действительно была хороша в шелковых одеждах и украшениях из золота и жем-

чуга. — Брат, наверное, только и делает что слагает о тебе стихи.

Лакхи не смутилась.

— Нет, это у моей золовки муж поэт! А скажи, сочинил он что-нибудь? Ну если нет, то еще сочинит! А Байджу положит его стихи на музыку и песней прославит твою красоту!

— Что ты! Здесь поют лишь о Радхе и пастушках! Но песни чудесные! Когда я слышу их, мне хочется танцевать, только я не умею. Но Кала научит меня, и тебя тоже.

— Что ж, я согласна, — сказала Лакхи и взглянула на свои ноги с серебряными украшениями. На ногах у Мриганаяни были золотые. Носить на ногах украшения из золота могли только рани и те женщины, которым это разрешил в виде особой милости раджа. Лакхи же, хоть она и была женой владельца Нарварской крепости, Ман Сингх не мог позволить этого, потому что начались бы новые толки и пересуды: дескать, ахирка вышла замуж за гуджара, а ей такие почести.

Мриганаяни перехватила взгляд подруги и сразу стала серьезной.

— Сегодня же сниму золотые украшения и никогда больше не надену их! Я хожу в золотых, а ты в серебряных! Не будет этого!

— Ты что, с ума сошла?! — возмутилась Лакхи. — Ведь ты теперь не просто Нинни, а рани Гвалиора! Учили, учили тебя, какой должна быть рани, и все без толку! Пойми, сняв золотые украшения, ты лишь доставишь радость старшей махарани и остальным семи женам раджи...

— Я не знала, что их у него уже восемь, не то...

— Твои уста никогда не должны произносить подобных слов, золовка-махарани.

— Ты права, — согласилась Мриганаяни. — Но хотя у махараджи восемь рани, любит он одну меня! Я поладила бы с его женами, если бы не старшая махарани. Как не вяжется ее имя с ее правом!

— Да тебе ведь не привыкать! Разве в лесу не царапали до крови твою кожу колючки, не вонзались в твое тело шипы?

— Не знаю, умеет ли брат сочинять стихи, но ты умея, невестка, настоящий поэт! — засмеялась Мриганаяни. — Непременно попрошу раджу, чтобы он и тебе позволил носить на ногах золотые украшения.

— Умоляю, не делай этого! Раджа и так благодетельствовал нас.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но придет время, и я увижу на твоих ногах золото! Мне так этого хочется!

— А почему ты до сих пор носишь серебряное хансули?

— Это память о Раи, о тех днях, когда я наслаждалась свободой. Раджа велел мне снять его, но я не повиновалась.

— Серебро на моих ногах тоже память о кастовых установлениях, которых нельзя забывать.

— А раджа говорил, что ачарья Виджая Джангам не признает кастовых ограничений.

— Все это так. Но даже Виджая здесь бессилен. Если бы он по-настоящему восстал против каст, нашлись бы тысячи брахманов, которые раздавили бы его.

В конце аллеи показались служанки. Они несли теплые накидки. Подойдя к дереву, служанки застыли в почтительной позе.

— Зачем их столько? — досадливо поморщилась Мриганаяни. — Неужели мы сами не захватили бы накидку, если бы в саду было холодно?

— Не сердись: это их обязанность!

— Виджая говорит, что каждый человек должен сам все делать для себя. Виджая так и поступает. И еще он говорит, что нашу страну погубили нищие и бездельники.

— Долго будут стоять эти бедняжки под деревом?

— Пусть стоят. Я их не звала.

— А может, они хотят что-нибудь сказать?

— Если и скажут, то два-три слова, а одежды приволокли целую кучу. Я так люблю, когда склоны западных гор бывают окрашены заревом заката. Вот и сегодня я тоже хочу полюбоваться этой дивной картиной. А служанки пусть подождут, пока нейдет солнце.

Одна из служанок кашлянула.

— Как не поймешь ты, что они не дадут тебе насладиться закатом? Отпусти их и тогда восторгайся сколько душе угодно! — посоветовала Лакхи.

— Ты, как всегда, права, невестка! — И Мриганаяни подождала служанок.

Служанки отдали накидки. Потом одна из них произнесла смиренно:

— Через три часа в приемном зале состоится выступление Байджу и Виджай Джангама. Махараджа просит вас пожаловать. Старшая махарани и все другие рани тоже пожалуют.

— Хорошо, — сказала Мриганаяни.

Но служанки не уходили.

— Что еще?

— Дует студеный ветер. В доме для вашей милости разожгли очаг.

— Как только зайдет солнце — придем. Теперь все? — спросила Мриганаяни и, не дождавшись ответа, сказала: — Вы свободны, можете идти!

Когда служанки направились ко дворцу, Мриганаяни закусил губу, а Лакхи прикрыла краем сари рот, будто у нее разболелись зубы. И, только оставшись одни, девушки весело расхохотались.

— Как изысканно они выражаются, подумать только! Их, наверное, специально учили этому! — проговорила Мриганаяни.

Лакхи посмотрела на заходящее солнце, и ей почему-то стало грустно.

— Сами научились, — ведь без этого им нельзя!.. Но мне надоело здесь. Может, вернемся?

— Пошли. Мне тоже что-то расхотелось смотреть на закат.

42

Мриганаяни и Лакхи, обе в ярких одеждах, уселись наверху, за решетчатыми окнами, откуда был виден весь приемный зал. Мриганаяни была бледна от волнения. То ей казалось, будто ее осудят за ее наряды и украшения, и тогда она принимала равнодушный вид, словно это было ей совершенно безразлично; то вдруг слышалось, будто кто-то восхищается ее красотой, и на губах ее появлялась пренебрежительная улыбка. Мриганаяни как бы просила замолчать расточавшего похвалы, хотя считала восхищение его вполне естественным.

Но вот в женскую часть зала, в сопровождении семи рани и служанок, вошла Суманмохини. Мриганаяни, согласно обычаю, коснулась ног старшей махарани. Суманмохини

погладила Мриганаяни по голове в знак благословения и внимательно ее осмотрела. При этом от взора старшей махарани не ускользнуло серебряное хансули. Наконец все уселись: восемь рани — по одну сторону, Мриганаяни с Лакхи — по другую.

Внизу, в приемном зале, на небольшом возвышении восседал Ман Сингх. По правую руку от него находился Нихал Сингх, по левую — Атал, Байджу, Виджая, Кала, пакхаваджи* и гости разместились напротив, лицом к радже.

Байджу взял первую ноту, Виджая ударил по струнам вины. Кала стала подпевать. И Ман Сингх сразу же забыл обо всем на свете. Да оно и не удивительно. В эту ночь он решил насладиться настоящим искусством.

Но Суманмохини было скучно. С тоской поглядывала она на остальных рани, которые делали вид, будто внимательно слушают музыку и пение, и наконец, не выдержав, произнесла:

— А молодой, сколько ни давай золота и драгоценных камней, все, видно, мало!

Младшие рани взглянули на Мриганаяни и, встретившись глазами с Суманмохини, засмеялись неприязненно и зло, будто все происходящее в зале их уже не касалось.

— Ей, видно, очень нравится хансули из серебра, потому что она носит его поверх драгоценного ожерелья. А ожерелье будто умоляет хансули не заслонять его.

Рани захихикали.

— Разве она расстанется с хансули! Это хансули, наверное, качалось из стороны в сторону, когда Мриганаяни шла с реки с полным кувшином воды на голове, подпрыгивало, когда она доила корову или сбивала масло, звенело, когда она собирала кизяк, и ударялась о подбородок, когда она размахивала на мачане своими огромными ручищами и кричала на птиц: «Кыш! Кыш, негодные!» — Суманмохини не выдержала и рассмеялась, а вслед за нею и остальные рани.

Мриганаяни и Лакхи видели, что рани смеются, но почему — не знали.

«Это они надо мной, — решила Лакхи. — Я нарушила кастовые запреты и вышла замуж за гуджара. А муж мой, став шурином раджи, получил джагир. Только поэтому на мне сейчас золотые и серебряные украшения, а раньше я пасла скот и часто недоедала. Еще недавно я пела грубые

деревенские песни и расии, а сегодня слушаю ачарьев Виджаю и Байджу. Раньше...»

Оскорбленная Лакхи вспыхнула до ушей и повернулась к подруге. Лицо Мриганаяни тоже пылало.

Молодая рани по-прежнему смотрела в окно с ажурной решеткой, но уже ничего не видела и не слышала.

«Они издеваются надо мной! — думала Мриганаяни. — А я ведь соблюла все правила приличия, даже коснулась ног старшей махарани! Или Суманмохини красивей меня? А может, я надела не те украшения! Или оделась не так, как положено?»

Мриганаяни внимательно себя осмотрела. Из-под голубого сари чуть-чуть виднелась нога. Она казалась расцветшим посреди озера лотосом, на лепестках которого, отражая лучи утреннего солнца, сверкали росинки. Мриганаяни торопливо прикрыла ногу, украшенную браслетами с драгоценными камнями.

«Не над этими ли украшениями смеялись они? Сегодня же сниму их, оставлю только амулеты, а украшения надену лишь после того, как раджа разрешит Лакхи посидеть на ногах золотые браслеты. Я непременно добьюсь этого, и тогда рани поймут свое ничтожество!»

Тут пальцы Мриганаяни скользнули по серебряному хансули.

«Оно для меня дороже всех украшений! Ведь оно было на мне в тот день, когда я встретила с раджей на охоте! Поверх хансули раджа надел мне на шею свое ожерелье, а потом ласково взял за руку и стал говорить нежные слова, которые встречаются только в поэмах!»

Мриганаяни посмотрела вниз. Ман Сингх с наслаждением внимал пенью и звукам вины.

«Вот он, мой раджа! Мой Ман Сингх!»

Мриганаяни украдкой взглянула на рани и, увидев, что они продолжают смеяться, плотно сжала губы.

«Погоди, Суманмохини! Хотя ты и старшая махарани, но ты ничем не лучше деревенской бабы! Вот я, например, из деревни! А разве можно тебя со мной сравнить? Смейся же, махарани, смейся! Настанет время, когда и я смогу потешиться над тобой... А может быть, мне все это кажется? Может быть, она заметила что-нибудь забавное в зале? Но почему тогда рани все время смотрят в мою сторону? Нет, что-то здесь не так?»

— Замечательно! Бесподобно! — донеслись снизу восхищенные возгласы Ман Сингха.

Мриганаяни посмотрела в зал. Байджу насмешливо улыбался. Лицо у Виджай было возбуждено, глаза полны решимости. Он готов был принять вызов Байджу и не дать ему больше возможности снова восторжествовать над собой. Кала радовалась поражению Виджай и с восхищением смотрела на своего учителя.

«Что там произошло? Интересно, уловила бы я, что именно в исполнении Байджу так понравилось Ман Сингху, если бы слушала внимательно? Может быть, раджа уже не впервые так шумно выражает свой восторг, а я ни разу этого не заметила? Возможно, рани тоже радуются успеху Байджу? Хотя я что-то не слышала, чтобы они восторжались. Нет, они смеются совсем не поэтому. Ну и пусть. Не будь я Мриганаяни, если не научусь как следует разбираться в музыке и пении, сколько бы ни потребовалось на это времени. Тогда уж я посмеюсь над невежеством этих рани».

Байджу и во второй раз одержал верх и торжествующе взглянул на своего соперника. Виджая был огорчен. Кала весело взглянула на Байджу, а Ман Сингх воскликнул:

— Чудесно! Чудесно!

Одна Мриганаяни так ничего и не поняла. Повернувшись к рани, она увидела, что на этот раз они сидят молча.

«Сомнений больше нет! Они смеялись надо мной. Других причин у них для этого не было».

Прошло еще часа два, а может быть, и больше. Мриганаяни утомилась, однако продолжала внимательно слушать.

«Наверное, есть что-то необыкновенное в исполнении Байджу и Виджай, иначе раджа не стал бы так восторгаться. Я не должна пропускать ни единого звука! Кто знает, может, когда-нибудь я спою и сыграю не хуже, чем они!»

Суманмохини уснула, положив голову на плечо сидевшей рядом с ней рани. Та тоже с удовольствием бы вздремнула, но старшая рани так навалилась на нее, что ей волей-неволей приходилось бодрствовать. С трудом поднимая отяжелевшие веки, она с завистью поглядывала на остальных рани, которые сладко похрапывали.

Мриганаяни толкнула подругу и сказала нарочито громко:

— Право же, это замечательно!

Лакхи устало посмотрела вниз.

— Какое тонкое исполнение! Словно ручей струится! Трудно даже сказать, кто из них лучше! Только козы да овцы могут спать во время такого состязания! — Мриганаяни выразительно посмотрела на Суманмохини и других рани.

Лакхи засмеялась.

— Быстро стала ты разбираться в музыке, а я вот не улавливаю тонкостей, хотя слушать мне очень приятно. Ну ничего, буду упражняться и тоже стану понимать.

Суманмохини не проснулась, но рани, на чьем плече покоилась ее голова, была задета за живое словами Мриганаяни.

Между тем Виджая, раздосадованный тем, что Байджу одерживает над ним победу за победой, отложил вину в сторону.

— Теперь я спою, а Байджу пусть сыграет! — заявил он.

— Хорошо! — согласился Ман Сингх. — Сейчас самое время приступить к бихагу! *

— Ну что ж, пусть споет, раз ему так хочется, но только с одним условием; — сказал Байджу.

— С каким же? — поинтересовался раджа.

— Если я и сейчас одержу верх над ним, то заберу себе его вину. Правда, она сгнила вся, но для меня это не имеет особого значения: все равно я разобью ее на куски!

«В своем ли он уме? — подумала Мриганаяни. — Разве можно такое говорить?»

Рани, на плече у которой так удобно устроилась Суманмохини, устала и сделала резкое движение. С ноги соскочил золотой браслет и покатился прямо к Мриганаяни.

— Сейчас начнется интересный поединок! — сказала младшая рани Суманмохини.

«Уж не собирается ли Мриганаяни драться с кем-нибудь!» — подумала старшая рани и, протерев глаза, взглянула на Мриганаяни. Но та, как и прежде, внимательно смотрела в зал. Суманмохини была разочарована.

— Что случилось? — спросила она младшую рани и, узнав об условии, которое выставил Байджу, сладко зевнула: — Кажется, я вздремнула немного. Пожалуй, хватит спать.

«Нечего сказать, немного! — подумала младшая рани. — У меня даже плечо онемело!»

Состязание между тем продолжалось. Не прошло и получаса, как всем стало ясно, что Байджу снова выйдет победителем.

«Пора кончать, не то они еще, чего доброго, всерьез поссорятся!» — подумал Ман Сингх и обратился к Байджу и Виджае:

— Достаточно! Остановитесь!

Виджая умолк. Пакхаваджи отложил пакхавадж, Кала — танпуру. Но Байджу играл и играл, позабыв обо всем на свете.

Мриганаяни заметила, что старшая рани проснулась, и сказала нарочито громко:

— Какой голос! Что за мелодия! С каким самозабвением играет ачарья! Вот это искусство, вот это художник!

«Скажите, какой ценитель искусства нашелся!» — с досадой подумала старшая рани, разглаживая на лице морщинки.

— Изумительно! Бесподобно! — воскликнул раджа.

На губах у Байджу заиграла улыбка, лицо засветилось радостью от сознания победы. Оторвавшись наконец от вины, Байджу торжествующе посмотрел на Виджаю Джангама, но тот, к его великому удивлению, улыбался.

«Разве я не нанес ему поражения?.. Но я, кажется, увлекся. Даже не заметил, как они кончили петь и играть!»

— Да благословит вас бог, ачарья Байджнахт! — с восторгом произнес Ман Сингх. — Слушая вас, можно забыть обо всем на свете! Видите, они даже перестали петь, отложили танпуру и пакхавадж, чтобы по-настоящему насладиться вашей игрой!

— Махараджа, — ответил Байджу, — я бесконечно счастлив: мое искусство признали подлинные его ценители! Большого мне и не надо.

— Зато нам многое от вас надо!

— Да что с меня взять? Все, чем я владею, и так принадлежит махарадже!

— Отдали бы нам хоть частичку своей сосредоточенности, с которой вы сейчас играли.

Байджу рассмеялся.

— Разве для игры нужна сосредоточенность. Сосредоточен я бываю лишь по утрам, когда сочиняю какую-нибудь песню. Или, может быть, я не играл, а спал?

— Нет, вы не спали, более того, вы пробудили все то прекрасное, что скрыто в наших душах!

Вдруг Байджу стал бормотать что-то и раскачиваться из стороны в сторону. Потом сказал:

— Продолжим состязание! Сегодня ему не победить меня!

Виджая взял вино, Кала — таппуру, пакхаваджи — пакхавадж.

— Вот что я хотел предложить вам, — обратился раджа к Байджу.

Все вопросительно посмотрели на Ман Сингха.

— Как вы полагаете, нельзя ли попытаться сделать древние мелодии короче и ввести в них новый элемент? От этого, мне кажется, они стали бы еще прекрасней.

— Но у нас ведь есть дхрупад! * — заметил Виджая.

— Есть, это верно, но он тоже слишком растянут, — ответил Ман Сингх. — Дхрупад, разумеется, и так красив, но все же стоило бы усовершенствовать его, отшлифовать каждую деталь, выбросить все лишнее и тем самым сделать его еще более звучным и ярким.

— Махараджа, — возразил Виджая, — овладеть тем, что достигнуто в пении во все века, и то очень трудно, а уж о том, чтобы внести что-то новое, не может быть и речи.

Однако Байджу решительно заявил:

— Во все времена в искусство пения вводились и будут вводиться новые элементы! И если только бог Шанкар может мне, я докажу, что это так!

— Увидим! — произнес Виджая, задетый тоном Байджу.

— И увидите! Я непременно добьюсь своего.

«Безумец!» — подумал Виджая.

— Мы с нетерпением и надеждой будем ждать, когда ачарья Байджнах выполнит свое обещание! А сейчас пора расходиться.

Но Байджу не торопился уходить.

— А как же состязание? — спросил он. — Ведь мы не кончили его!

— Будет еще время, кончите, — ответил раджа.

Байджу заскрежетал зубами от досады и гневно взглянул на Виджаю.

— Итак, я надеюсь, что вы создадите новую, нежную и чудесную мелодию! — сказал Ман Сингх.

Виджая плотно сжал губы и опустил голову, всем своим видом показывая, что это невозможно. Кала с улыбкой смотрела на него. И вдруг почувствовала, что сейчас зевнет, — она устала. Однако, заметив на себе взгляд Нихал Сингха, сдержалась.

— Я понял, чего вы хотите, — ответил Байджу. — И я добьюсь, чтобы дхрупад от начала до конца не выпускал слушателей из своих нежных объятий, чтобы они сидели, как зачарованные, и готовы были слушать без конца.

— Зазвучит он у тебя, как же! — едва слышно произнес Виджая.

Кала посмотрела на Байджу, потом на Ман Сингха и снова встретилась взглядом с Нихал Сингхом.

Байджу побагровел от гнева.

— погоди же, сломаю я твою вину! — вырвалось у него. Но никто, кроме Виджайи, не расслышал этих слов.

Ачарьи никак не соглашались покинуть поле битвы. Тогда Ман Сингх сказал:

— Пусть Кала станцует нам, а потом пойдем отдыхать.

И Кала начала танец, который как бы раскрывал во всей полноте рагу, только что сыгранную Байджу.

— Махараджа прав, — сказала Мриганаяни подруге так, чтобы слышали рани. — Истинное искусство в том и заключается, чтобы о великом сказать кратко. Небольшой, но острой стрелой быстрее убьешь тигра, чем огромной каменной глыбой.

Суманмохини презрительно засмеялась. Остальные рани хотели последовать ее примеру, но, взглянув на Мриганаяни, не решились.

— Я тоже научусь танцевать, — прошептала Мриганаяни.

— Научиться всему можно, было бы только желание! — ответила Лакхи.

Как только Кала кончила танцевать, все восемь рани простились с Мриганаяни и Лакхи и в сопровождении слуганок отправились в свои покои.

Тут Мриганаяни заметила на полу золотой браслет Суманмохини, подняла его и вдруг ощутила непреодолимое желание забросить его подальше. Но в этот момент Ман Сингх, который остался в зале один, повернулся в ее сторону, сложил руки в знак прощания, как того требовали приличия, и вышел. Снизу не было видно, есть кто-нибудь наверху, за решетчатыми окнами, или нет. Однако Мриганаяни обрадовалась, решив, что раджа попрощался только с нею. Она совершенно забыла про браслет и вспомнила о нем, лишь когда пришла в свои покои. При виде браслета ее охватил гнев. Она швырнула его в нишу, сделанную высоко в стене, и легла в постель.

«Кто она такая, эта старшая рани! Что в ней хорошего, одно лицемерие и ханжество! Это она надо мной смеялась, а у остальных семи совсем нет чувства собственного достоинства, во всем подражают ей! Ну и пусть! Все равно махараджа принадлежит мне одной! В нем — моя жизнь, мое счастье! А как тонко разбирается он во всем! Придет время, и я стану достойной его!

Тогда уж я посмеюсь над этими рани! Тигров и буйволов не боялась, так уж их давно не испугаюсь!.. А какие у нас в деревне поля! Какой замечательный лес!.. Мачан, рисовое поле... В лесу попуган, павлины... Летают, разгуливают... В руке у меня лук... Легкий ветерок обдувает мачан... А я пою!.. Я буду петь, как Байджу, или еще лучше... Да... да... лучше...» С этими мыслями Мриганаяни уснула.

43

Жажда золота, крови и женщин, соблазнительная надежда основать свое собственное государство и желание распространить свою веру влекли патханских и тюркских завоевателей в Индию. Еще при жизни они стремились обрести рай, который рисовало им воображение. Если бы индусы не были так заняты мыслями о загробном мире, если бы они расстались со своим пессимизмом и покончили с постоянными междоусобицами, ослабляющими их, чужеземцам ни за что не удалось бы утвердиться в Индии надолго: индусские раджи нашли бы в себе силу изгнать их из Индии. Но индусы не сумели дать чужеземцам отпора, и ко времени Шер-шаха* в Дели, Мальве, Гуджерате, Джаунпуре, Голконде, Бенгалии и в других областях Индии были созданы независимые мусульманские государства. Стремление создать рай на земле было настолько сильным, что султаны в борьбе за власть не останавливались ни перед чем. С помощью яда или какого-нибудь другого тайного средства отец устранял сына, сын отца, только бы получить или удержать в своих руках султанат.

Однако райская жизнь в султанатах омрачалась одним обстоятельством: они должны были нести тяжелое бремя в виде многочисленной армии дармеедов, которую представляло собой мусульманское духовенство. Муллы и маули, в

соответствии со своим толкованием ислама, неустанно разжигали в мусульманах религиозный фанатизм, вдохновляли их на ратные подвиги, священную войну против иноверцев. Если их не слушали султаны, они обращались к сардарам, сардары не слушали — они взывали к простым воинам. Муллы и маулви были главными участниками дворцовых заговоров и не успокаивались до тех пор, пока на место неугодного им султана не сажали нового, который действовал бы по их указке и вел против индусов джихад — священную войну. Но джихад, открывавший столь заманчивые перспективы, быстро истощал силы султанов: одни становились могущественными, другие — слабыми.

Муллы и маулви султаната Мальвы осыпали сына Гияс-уд-дина милостями. Они связывали с ним все свои надежды на будущее, поскольку сам Гияс-уд-дин, занятый устройством своего рая, совершенно не думал об их благополучии.

Прошло полгода с тех пор, как Гияс-уд-дин вернулся из Нарвара. Настала зима, потом весна, весну сменило лето, вслед за летом пришел сезон дождей. А Гияс-уд-дин все еще был жив...

Насир-уд-дин в точности выполнял все наставления мулл, устраивал пиршества, во время которых подбирал сообщников, организовывал заговоры, но... каждый раз терпел неудачу. Счастье еще, что Гияс-уд-дин ничего не узнал. Объяснялось это, пожалуй, тем, что сообщником Насир-уд-дина был евнух Матру.

И все же пришел смертный час Гияс-уд-дина: Матру удалось втянуть в заговор одну из служанок, и дело было сделано.

Два дня небо хмурилось. Сквозь решетчатые окна врвался во дворец студеный ветер, он приносил с собой брызги дождя.

Служанка подала султану чашу с вином.

— А почему бы не столкнуть рану Мевара с Сикандаром Лоди и таким образом сорвать поход султана на Гвалиор? — произнес Гияс-уд-дин, отпив глоток.

Матру еще ниже опустил голову и ответил:

— О повелитель, было бы замечательно столкнуть этих двух негодяев.

— Я отправил ране Раймалу послание, в котором сообщил, что Гвалиор лишь предлог для военных приготовле-

ний Сикандара, на самом же деле Сикандар движется на Мевар. Пусть рана попытается задержать его!

— Раймалу это едва ли удастся. Вот если бы он по-
сла навстречу Сикандару своего сына Сангу, тогда другое
дело: * тот сумел бы заставить делийскую армию повернуть
назад!

— Ну и осел же ты! Я вовсе не желаю, чтобы Мевар
одержал победу над Дели! Наоборот, я хочу ослабить Ме-
варское княжество и для этого сговорился с бхатом Райма-
ла. Он сделает все, чтобы Раймал спустился прямо на гхат *.

— О повелитель, какой великолепный план!

— А пока Сикандар и рана будут сражаться, я сам
пойду на Гвалиор, только не через Нарвар, как в прошлый
раз, а с севера, через Калпи, в то время как субедар Чандери
Шер-хан подойдет с юга. Тогда наконец я смогу получить
что хотел: ведь обе красотки там, в Гвалиорской крепости!

Матру быстро взглянул на султана. Зрачки у Гияс-уд-
дина расширились.

— О ком изволите вы говорить, повелитель?

Гияс-уд-дин осушил чашу и приказал служанке:

— Налей-ка еще!

Потом, помолчав немного, сказал Матру:

— Вот дурень, уже забыл! О ком могу я говорить? Ну
конечно, о Мриганаяни и Лакхи! Я не успокоюсь до тех
пор, пока не привезу их в Мэнди!

Веки у султана отяжелели.

— Почему у меня так сильно дрожит рука? — спросил он.

— Сегодня холодно. Возможно, что от этого.

— Когда же наконец сцепятся рана Раймал или... сын...
его... Санга... с... Си... кан... да... ро-о-м?

— Скоро, очень скоро, повелитель!

— Чтоб они перегрызли друг другу глотки, не... го...
дя-я-яи!..

Гияс-уд-дин упал на подушку. Чаша выскользнула из его
руки. Служанка испуганно спряталась за занавеску. Матру
встал и внимательно посмотрел на султана.

— Повелитель! — тихо позвал он.

Но Гияс-уд-дин не ответил. Из рта пошла пена.

Матру хлопнул в ладони, и служанка вышла из-за зана-
вески.

— Передай шахзадэ, что повелителю вдруг стало плохо.
Да смотри, чтобы никто не узнал об этом, — почти шепотом
произнес Матру.

Служанка ушла.

Гияс-уд-дин корчился в предсмертных судорогах и еще до прихода Насир-уд-дина скончался.

Войдя в зал, Насир-уд-дин с испугом посмотрел на бездыханное тело отца, потом перевел взгляд на Матру. Евнух едва заметно кивнул ему в знак того, что план их удался.

— Надо распространить слух, будто султан сильно болен, — дрожащим голосом сказал Насир-уд-дин. — Никто не должен знать правды.

— Да здравствует султан Насир-уд-дин! — спокойно ответил Матру. — Хузур, вы наследник престола, приказывайте. О его смерти пока никто не будет знать, только муллы и маули. Ахбарнавис может сделать запись о его кончине и через несколько месяцев.

— А где служанка?

Услышав, что шахзадэ интересуется ею, служанка тотчас подошла и почтительно встала перед ним, ожидая награды. Насир-уд-дин обнажил саблю и одним ударом отсек ей голову. Даже привыкший ко всему Матру чуть было не лишился чувств.

— Смотри, евнух, главное — осторожность! — сказал Насир-уд-дин, вкладывая саблю в ножны. — Я прикончил эту проклятую служанку, чтобы она не смогла выболтать тайны. И потом, если вдруг раскроется, что султана нет в живых, мы с тобой скажем, что это она из мести дала султану яд, за что и понесла от моей руки заслуженную кару. Теперь нам нечего бояться! Правда, могут пойти разговоры о расправе со служанкой, но это нам лишь на руку: пусть неповодно будет остальным совершать подобные поступки. Все ясно?

— Да, повелитель! Да!

— Пока еще не повелитель, а господин! Понятно, дурень? Изволь называть меня, как прежде!

— Слушаюсь, господин!

Вскоре о смерти султана узнали муллы, маули и сардары. Распространилась эта весть и среди простого народа и воинов, хотя ее старались держать в строжайшей тайне. Насир-уд-дин воссел на трон и приступил к осуществлению своей давнишней мечты — созданию перистана.

После короткой стычки с сыном меварского рани Рай-мала — раджкумаром * Сангой, или Санграмом Сингхом, Сикандар Лоди пошел дальше. Впереди войска он приказал выслатъ небольшие отряды, которые должны были задерживать всех и каждого, кто мог бы оповестить лежащие на пути Сикандара селения о приближении султана. В результате о продвижении Сикандара приходили лишь отрывистые, подчас неверные сведения, и то с большим опозданием. Так, например, в Гвалиор пришла весть о том, что Сикандар Лоди, напав на Дхолпур, которым в то время правил раджа из рода томаров — союзник Ман Сингха, оставил для его осады небольшой отряд, а сам повернул на Мевар, в то время как в действительности султан Дели переправился через Чамбал и теперь по ущельям и прибрежным долинам двигался прямо на Гвалиор.

Зная о том, что Суманмохини недолюбливает новую рани, Ман Сингх торопил со строительством дворца. Карна-Махал был невелик, и постоянные столкновения Суманмохини и других семи рани с Мриганаяни казались Ман Сингху неизбежными. В новом же дворце рани будут реже встречаться друг с другом, и, таким образом, наступит относительный покой. Нижняя часть дворца была уже выстроена, но Ман Сингх никак не мог решить, какой должна быть его верхняя часть.

— Выстройте верхнюю часть в телинганском стиле, — предложил как-то Виджая. — Пусть она будет нежной и дивной, словно сказочный сад! Украсьте ее куполами, павильонами и шпилями, подобно Тайл-Мандиру. И пусть в ней воплотятся и развесистая крона мангового дерева, и речные волны, и трезубец Шивы.

— Но у зодчих Севера несколько иные традиции. Они не поймут того, что предлагаете вы.

— Но Тайл-Мандир ведь строили их предки?

— С тех пор прошло более шестисот лет. Когда раджа Гвалиора женился на телинганской раджкумари *, то по ее желанию из Южной Индии привезли нескольких зодчих, которые вместе с местными мастерами выстроили этот храм. Верхняя часть Тайл-Мандира напоминает вам о телинган-

ской раджкумари, в то время как в нижней воплотились древние традиции северного зодчества. Но сейчас тех мастеров, увы, уже нет!

— Да, когда смотришь на Тайл-Мандир, то видишь перед собой расцветший лотос, палицу, чакру*, шанкху*, Вишну, огромный трезубец и величественного Нанди!*

— На стенах храма есть еще изображения Ганеши* и едущего на павлине Картикеи*.

— Махараджа, это уже придумали вишнуиты!

— Но ведь храм — совместное творение вишнуитов Севера и шивантов Юга.

— И вы тоже хотите допустить подобное смешение традиций?

— Я хочу, чтобы резцом была создана поэма в камне, хочу, чтобы дворец зазвучал дивной музыкой. Но как, какими средствами достичь этого, должны мне подсказать такие знатоки, как вы. Сам я давно ломаю над этим голову, но придумать пока ничего не смог.

— А не помогут ли в этом деле здешние мастера и зодчие?

— Мастера для строительного искусства примерно то же, что лексика и грамматика для поэмы. И вот каким образом использовать лексику и грамматику, чтобы создать поэму, придется решать нам с вами.

— Вы и впрямь собираетесь высечь на камне поэму?

— Вы сами говорили как-то, что перед жизнью, если сделать ее счастливой и прекрасной, отступит сама смерть. Вот я и хочу, чтобы в камне была выражена эта всепобеждающая радость жизни.

— Махараджа, я всегда повторяю слова своих учителей о том, что главное в жизни — труд, он основа веры и святой долг каждого человека. Но как это отразить в архитектуре и отделке дворца?

— Мне кажется, ваш принцип должен найти свое отражение в грандиозности самой постройки.

— А не отпугнет это людей?

— Грандиозность отнюдь не в размерах. Искусство — не пальма, которая чем выше, тем изящнее и стройней!

— Не хотите ли вы, чтобы люди, глядя на дворец, испытывали вдохновение и неутолимое стремление трудиться?

— Я хочу, чтобы, глядя на этот дворец, и мы, и потомки наши испытывали восхищение и радость, которые

можно выразить лишь в песне. Эти прекрасные чувства дают людям силу трудиться, в труде обретут они смысл жизни.

— Это чудесная мечта! И надо хорошенько подумать над ее осуществлением.

45

В тот вечер Ман Сингх и Мриганаяни вдвоем сидели у окна. На улице было так темно, словно луна и не поднималась в небе. Лил ливень, время от времени слышались раскаты грома.

— Кажется, что дождям конца не будет, — задумчиво произнес Ман Сингх.

— А вы что, боитесь, как бы не погиб урожай на полях крестьян? — со смехом спросила Мриганаяни.

— Раджа должен заботиться о крестьянских полях, как о своих собственных. Но сейчас меня больше волнует другое: я не знаю, как дальше строить дворец.

— Однажды ночью, — это было еще в Ран, — мною овладело странное желание.

— Сочинить стихи или новую песню?

— Нет. Что понимала я тогда в поэзии и в музыке? Я просто мечтала.

— О чем же?

Мриганаяни застенчиво взглянула на раджу своими огромными глазами и улыбнулась.

— Расскажи, не то силой заставлю!

— Ну, хорошо, — улыбнулась Мриганаяни, — расскажу. Однажды мне захотелось собрать в край сари и перенести в другое место сверкающую в лунном свете реку, и дремлющие колосья джвара, и вздымающуюся к небу гору. Я окружила бы их стеной из огромных деревьев с решетчатыми окнами из веток и листьев, а сама села бы у окна и пела речным волнам, убранным в жемчужные ожерелья... Вот о каком великолепном дворце мечтала я. Мы с Лакхи даже сделали из глины маленький игрушечный домик, но он простоял недолго. Вы же строите дворец — большой и красивый!

— А что за песню хотела ты спеть волнам?

— Да так... Уже забыла...

- Вспомни, не то...
- «Ты ли, милый, меня разбудил?»
- Спой!
- Я уже пела.
- Ну и что же? Еще раз спой.

Мриганаяни исполнила его просьбу. Ни разу в жизни не приходилось ей ощущать такой радости от собственного пения.

— Ну вот, теперь я, кажется, знаю, как строить дворец, — сказал Ман Сингх, когда она кончила.

Ливень прошел, и на землю брызнул омытый дождем лунный свет. Вдали ясно обозначилась ближняя гряда гор. За нею, словно в тумане, виднелись другие горы, казалось, погруженные в сладостную дремоту.

— Дворец станет храмом красоты, изящества и веры. Он будет обителью нежных чувств, претворением твоих желаний, символом величия и силы. Созданные твоим воображением стены из высоких деревьев, окна из ветвей и листьев и сверкающие волны реки украсят наш новый дворец. В его величественной красоте зазвучит твоя песня «Ты ли, милый, меня разбудил?», и ее при свете луны будет слушать ночное небо.

— Но разве камни могут петь?

— Да, могут! Ведь пели же в твоей Раи деревья, горы, дремлющие колосья джвара и речные волны.

«Придет время, и я стану жить в новом дворце, — подумала Мриганаяни. — Рядом со мной будет Лакхи... А Суманмохини? Она ведь тоже поселится в Ман-Мандире и по-прежнему будет насмехаться надо мною. Неужели и в этом храме красоты мы останемся такими же мелкими и ничтожными?.. Я постараюсь не отвечать на ее насмешки, и тогда, быть может, она перестанет донимать меня... О, ее браслет?! Как могла я забыть о нем! Верну ей сейчас, и зачем только я положила его в нишу? Суманмохини, наверное, думает, что это я или одна из моих служанок украли его!.. Может, выбросить его потихоньку?.. Нет, нельзя!.. Но что же делать? Вернуть Суманмохини?.. Да, только так! Иначе меня замучает совесть...»

— О чем задумалась, Мриганаяни? — спросил Ман Сингх. — О том, может ли петь камень?

— Я сейчас! — сказала Мриганаяни и вышла из комнаты.

Когда она вернулась, Ман Сингх увидел у нее в руке золотой браслет.

— Это браслет Суманмохини. Я совершенно забыла, что он у меня.

— Как он попал к тебе? — удивился Ман Сингх.

И Мриганаяни рассказала все, как было.

— А почему ты только сегодня вспомнила о нем? Ведь прошло уже несколько месяцев.

— Сама не знаю.

Помолчав немного, Ман Сингх спросил:

— И что ты думаешь с ним делать?

— Вернуть его старшей рани.

— Это очень опрометчиво с твоей стороны, могут быть большие неприятности.

— Но я не могу оставить его у себя.

— Ты, видимо, думаешь, что Суманмохини оценит твое благородство? Послушайся моего совета, забрось браслет подальше. Иначе Суманмохини всем расскажет, что ты украла его.

— Пусть говорит что угодно, лишь бы совесть у меня была чиста!

— Ну что ж, поступай как знаешь! Но помни, что я предупреждал тебя!

На следующий день Ман Сингху доложили, что с юго-запада на Гвалиор движется Сикандар Лоди. И радже, к великому его огорчению, пришлось отложить на неопределенное время и музыку, и постройку дворца.

Горожан охватила паника. Те, кто побогаче, забрали детей и имущество и перебрались в крепость. Крестьян же и мастеровых в крепость не пускали, поэтому одни из них остались в городе, другие ушли в леса.

Хотя лет десять назад Ман Сингх сумел дать достойный отпор падишаху Дели — Сикандару, и падишаху, как и его отцу Бахлолу, пришлось ни с чем вернуться восвояси, гвалиорцы совсем пали духом.

— Раджа все свое время тратит на танцы и музыку, а на подготовку к войне у него не остается ни минуты, — говорили одни.

— Где ему думать о тюрках, — поддакивали другие, — когда по ночам он развлекается, а днем спит!

— Он не заботится об охране границ! — возмущались третьи.

— Для него главное — новый дворец, как будто старого ему мало.

— В Гвалиоре не осталось хороших лучников!

— Захватят турки крепость и сделают всех нас своими рабами.

— Томары курят опиум.

— Живившись на новой рани, раджа потерял все свое мужество. Единственная надежда теперь на Нихал Сингха!

— Если сам раджа ни о чем не думает, чего ждать от его приближенных.

Но нашлись среди горожан и такие, которые верили в победу.

— Нет, раджа не станет сидеть сложа руки! Вот увидите, он сумеет встретить врага как надо, туркам снова придется повернуть назад! — говорили они.

Все прибывающие толпы беженцев заставили Ман Сингха всерьез взяться за дело. Отправив в горы и ущелья конные отряды и повелев им во что бы то ни стало задержать Сикандара на подступах к Гвалиору, раджа проверил склады с оружием и увеличил войско. Его посланцы ходили из дома в дом и заверяли оставшихся в городе, что враг получит достойный отпор.

Вечером, усталый, но полный энергии, Ман Сингх пришел к Мриганаяни и рассказал ей о том, что успел сделать за день.

— Если Сикандар подойдет к Гвалиору, я тоже возьмусь за лук! — решительно заявила Мриганаяни.

— А мы, мужчины, на что?

— Неужели вы думаете, что женщины — это лишь украшение дома и предмет удовлетворения ваших страстей?

— Ну что ты! Женщина — это само вдохновение, она вселяет бодрость, словно раннее утро, когда солнце еще только поднимается из-за горизонта.

— Я не разбираюсь в поэзии, но хочу спросить лишь об одном: разве это утреннее солнце не поднимется высоко, разве не опалит оно землю своими лучами? А рани настолько безвольны, что в случае падения крепости решили сжечь себя на погребальном костре!

— Этого не следует делать!

— Но Джаухар-Тал* велит им поступить именно так! Рани вспомнили о нем потому, что руки их никогда не

держали ни лука, ни стрел, ни меча. Но мы с Лакхи не такие! Пусть только сунутся сюда турки, посмотрите тогда, на что мы способны!

— Я уверен в твоей отваге, но мне хочется, чтобы ты мирно сидела в своих покоях и ждала, когда после боя, уставший, я приду полюбоваться твоей нежной улыбкой и насладиться твоим дивным голосом, который волеет в меня новые силы!

— А разве свист пущенных нами стрел не придаст вам сил и отваги? Вот вы строите дворец, видимо, затем, чтобы отдыхать в нем. Но мне кажется, что этот великолепный дворец должен был бы вдохновлять вас на борьбу и в его стенах, и за их пределами, разумеется, если бы вам удалось завершить его постройку.

— Да, ты права! Но это мне не удалось. Все время что-то мешало... Вот покончу с турками, чего бы это мне ни стоило, и первым делом возьмусь за дворец. Потом займусь музыкой — гений Байджу мне поможет — и, наконец, сделаю все, что в моих силах, для процветания живописи и литературы!

— Что значит «чего бы мне ни стоило»? Уж не думаете ли вы откупиться от врага золотом и серебром?

— Что поделаешь? В политике все средства хороши: и уговоры, и деньги, и оружие, и лазутчики.

— Но не ради искусства ли подумали вы о деньгах, вместо того чтобы думать об оружии?

— Мне обо всем приходится думать.

— Я не политик, а простая крестьянка. Помню, когда на мачане я встречала багряный рассвет и слушала веселое щебетание птиц, душу мою охватывала неизбывная радость. Но я не давала себе воли и день-деньской трудилась в поте лица. Потом я захотела построить дом из предрассветного зарева, щебетания птиц, сверкания речного потока, вздымающейся к небу горы и огромных зеленых листьев. Но мне удалось выстроить лишь игрушечный домик из глины. И я заставила себя забыть свою мечту!

— Так то был глиняный домик, а я строю дворец!

— На что нужны вина, мягкая постель и дхрупад, если вы, увлекшись игрой, не успели вовремя взяться за меч или, читая в постели, позволили врагу захватить себя врасплох, если дхрупад так увлек вас, что его звуки приятнее вам, чем боевая музыка и ратные песни!

Мриганаяни говорила горячо, страстно, и Ман Сингх, охваченный трепетным восторгом, обнял ее.

— Оставьте меня! — сказала Мриганаяни, высвобождаясь из его объятий. — Делайте лишь то, что надлежит сейчас делать кшатрию! А о защите женской половины дома не беспокойтесь, я сама позабочусь об этом.

Ман Сингх посмотрел на Мриганаяни с нескрываемым восхищением.

— Никогда прежде я не чувствовал себя таким сильным. Я выброшу из головы мысль об откупе. В самом деле, кому нужно такое искусство, ради которого забываешь о долге? Никому, как и сам долг, из-за которого забываешь об искусстве!

Перебирая пальцами драгоценное ожерелье, сверкавшее на широкой и сильной груди Ман Сингха, Мриганаяни ответила:

— Однако на время вы должны забыть об искусстве. Долг повелевает вам надеть кольчугу!

— Я тотчас же надену ее, дорогая! Долг — превыше всего! — решительно произнес Ман Сингх.

47

Своему сыну от Суманмохини Викрамадитье, едва достигшему юношеского возраста, Ман Сингх собственноручно прикрепил к поясу меч и проводил его в поход на Сикандара.

Потом он призвал Нихал Сингха и велел ему напасть на делийское войско с другой стороны, сказав при этом:

— Надеюсь, твои воины заставят Сикандара отступить! Когда же он вернется в Дели, начнешь с ним переговоры о мире. Напомни ему, что только войско Гвалиора может вразумить султана Мальвы. Да заодно пообещай ему помощь, если кто-либо из его вассалов, за исключением Мевара, конечно, поднимет восстание.

— А если речь пойдет об откупе или выплате дани? — спросил Нихал Сингх.

Ман Сингх вспомнил Мриганаяни.

— Скажи, что ты не уполномочен решать такие вопросы и должен переговорить с раджей. Мы выиграем время, а там видно будет.

Нихал Сингх попрощался с раджей и вышел. В коридоре он столкнулся с Калой. Девушка улыбнулась ему.

— Я давно хотел встретиться с тобой, — произнес Нихал Сингх.

Кала насмешливо взглянула на него.

— И до сих пор вам не представилось случая?

— Как ты живешь?

— Играю, пою, рисую — вот и вся моя жизнь!

— Что же ты рисуешь?

— Храмы и новые здания, которые возводятся в крепости.

— Не знаю, как у тебя с живописью, но поешь и играешь ты замечательно!

— Благодарю вас!

— Я никогда не забуду тот вечер, когда впервые услышал твоё пение и увидел, как ты танцуешь!

— Но я не пела тогда!

— Ты подпевала Байджу.

— А что так понравилось вам в моём танце?

— Мне нравится в тебе все: улыбка, взгляд, голос. Воспоминание о них даже во сне не покидает меня!

— Идите же и надейтесь, что бог снова сведет нас!

— Позволь на прощание прижать тебя к сердцу!

— Я поклялась, что никому не позволю прикоснуться к себе, пока не исполнится моё заветное желание. И если это случится, я лишу себя жизни.

— Что же это за желание?

— Вы уверены в победе? — не отвечая на вопрос, спросила Кала.

— Уверен.

— Так вот, когда вернетесь, попросите себе в джагир Нарвар. Он должен принадлежать вам по праву!

— Но раджа отдал его своему шурину...

— Который ничем не заслужил такой чести! Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

— Я буду сражаться, не щадя жизни, и отброшу Сикандара от Гвалиора! Тогда махараджа выполнит любую мою просьбу!

— А может, вам лучше остаться в крепости? Раджа выслал навстречу Сикандару раджкумара и почти всех военачальников. Боюсь, что одному ему не справиться, если Гвалиор будет осажден.

— Махараджа говорит, что ему поможет молодая махарани.

— Махарани женщина. Что может она сделать?

— Я тоже так подумал, но сказать об этом радже не решился. Послушай, а могла бы ты встретиться со мной сегодня ночью, если я еще буду в крепости?

— Я же сказала, что не позволю прикоснуться ко мне до тех пор, пока вы не получите Нарвар.

— А если раджа пожалует мне другой город?

— Постарайтесь обменять его на Нарвар.

— Но почему тебе так нравится Нарвар?

— Потому что именно вы спасли его от тюрок и еще потому, что от Нарвара до Чандери — моей родины — рукой подать.

— Если бы ты знала, как не хочется мне покидать крепость! С какой радостью остался бы я здесь, чтобы день и ночь быть рядом с тобой!

— Но это станет возможным лишь после свадьбы.

— Я не могу на тебе жениться: мы из разных каст.

— Но ачарья Виджая Джангам говорит совсем другое, и я согласна с ним. А вы? Неужели нет? Даже раджа считает, что Виджая прав!

— Я тоже так считаю!

— В таком случае постарайтесь остаться в крепости, где вы так нужны! Тогда время от времени мы будем видеться.

— Но как это сделать? Может, ты поговоришь с новой махарани?

— Боюсь, это вызовет у нее подозрения.

— Хорошо, я сам поговорю с махараджей.

Однако Ман Сингх не собирался менять разработанный им план действий, и Нихал Сингху пришлось покинуть Гвалиор.

Кала подолгу стала бывать у Суманмохини, — научилась у нее чему-нибудь старшая рани или нет, оставалось пока в тайне.

— Любит тебя рани-гуджарка? — как-то раз спросила Суманмохини.

— Ко мне все милостивы, но особую милость оказываете мне вы! — осторожно ответила Кала, зная, что старшая рани терпеть не может Мриганаяни.

— Скажи, она так же сильно любит тебя, как и Лакхи, которую все зовут теперь Лакхарани? — поинтересовалась старшая рани, в упор глядя на девушку.

— Так сильно, как Лакхарани, гуджарская рани никого не любит! — без тени лукавства ответила Кала.

— А ты любишь меня?

— О махарани, я почитаю вас! Разве могут уста простой служанки произносить слова любви?

— Я хочу, чтобы ты стала моей подругой. Не бойся: Мриганаяни не узнает об этом.

— До самой смерти не забуду я вашей доброты!

— А что ты получишь за те картины, на которых изображена чуть ли не вся крепость?

— Ничего, махарани, ничего! Ведь я рисовала их для себя, и все больше храмы.

— А писала ее портрет? Мриганаяни?

— Писала и не раз! И еще сделала несколько портретов раджи.

— А обо мне почему забыла?

— Я часто думала о вас, но боялась, что вы не позволите себя рисовать.

— Почему же? Рисуй, я буду рада!

— О, я напишу с вас много портретов!

— А что еще ты можешь делать? Или ты способна только рисовать, петь и играть?

Кала внимательно взглянула на старшую рани.

Та загадочно улыбнулась в ответ.

— Скажи, исполнишь мою просьбу?

— Выполню!

— Поклянись Гангой, что не выдашь меня!

Кала, не задумываясь, поклялась, потому что ей ничего не стоило нарушить любую клятву, кроме клятвы, данной Радж Сингху.

— Дело опасное! Справишься — награжу!

— Непременно выполню!

— Я дам тебе порошок. Всыпь его Мриганаяни в еду или питье и ни о чем не беспокойся: она не умрет, но никогда не сможет иметь детей.

— Хорошо! — ответила Кала и, взяв порошок, ушла.

«Едва ли это средство против зачатия,— решила девушка.— Скорее всего Суманмохини решила отравить Мриганаяни. Но ее смерть не принесет мне никакой пользы. Если же тайна раскроется, меня лишат жизни. Не лучше ли подсыпать яд Ман Сингху? Обещала же я Радж Сингху сделать для него все, что в моих силах... Но стоит ли рисковать? Ведь я даже не знаю точно, яд это или нет. Я и так много сделала. Зарисовки крепости могут сослужить Радж Сингху неплохую службу... Рано или поздно он нападет на Гвалиор. А мне оставаться здесь бессмысленно. Но, может, это действительно яд?.. Не раз я пыталась отравить Ман Сингха, и все безуспешно. Надо, пожалуй, собрать картины и уехать поскорей, пока Гвалиор не осажден. Ман Сингха все равно убьют... Как жаль, что Нихал Сингх не остался в крепости! Мне наверняка удалось бы перессорить их между собой. А теперь даже неизвестно, вернется ли он!»

Выйдя из дворца. Кала опасливо огляделась по сторонам и выбросила порошок.

49

Как только Сикандар Лоди переправился через Чамбал, жители Раи и соседних деревень бежали в леса. Бодхану, который так и не дождался спокойных времен, чтобы отправиться в паломничество по святым местам, пришлось искать прибежища в Гвалиоре, где было значительно безопасней, чем в горах и долинах вокруг Раи.

Узнав, что Бодхан в городе, Ман Сингх позвал его к себе и, встретив с почетом, еще раз заверил, что, как только установится мир, он выполнит свое обещание и построит в Раи новый храм. Кроме того, раджа приказал отвести ему в крепости отдельный дом — очень чистенький и удобный.

Бодхан был доволен оказанным ему приемом.

«Раджа плохо разбирается в кастовых законах, но я помогу ему встать на путь истинный,— думал Бодхан.— Интересно, как живет здесь Мриганаяни? Наверное, хорошо. Ведь она рани. А Лакхи? Она ведь тоже здесь. Это очень печально. Как много еще в мире грешников! И этот Виджая Джангам, который смущает раджу. Ничего, когда-нибудь я вразумлю его».

К ночи тучи заволокли все небо. Разразилась гроза. В комнате, едва освещаемой тусклым пламенем светильника, на пушистом ковре сидели Байджу и Кала. Вот уже много дней певец сочинял новую мелодию. Известия о войне тревожили его не больше, чем укус комара. Он считал, что каждый должен делать свое дело: воины — сражаться, а он, Байджу, — искать то прекрасное, что заставит по-новому зазвучать дхрупад.

— Дха-кит-кит-дха, дха-кит-дха-кит-дха! — спел Байджу, ударяя пальцами по пакхаваджу, и остановился.

Кала, которая до этого молча сидела с танпурой на коленях, сказала:

— Махараджа, не достаточно ли?

— Нет, надо еще поработать, — ответил Байджу, даже не взглянув в ее сторону, и снова запел: — Дхакит-дхакит-дха, дхакит-дха-китдха!.. — рука сама отбивала такт.

— Некоторые говорят, что плакать и петь может каждый! — неожиданно сказал он, скрипнув зубами и сжав кулаки. — Ну не глупцы ли! Эти несчастные наверняка не умеют ни петь, ни плакать! Пение и так вещь трудная, а бог Шанкар сделал его еще трудней.

— Пора! — повторила Кала.

Байджу посмотрел на нее отсутствующим взглядом и вдруг улыбнулся:

— Пора! Пора! Конечно, пора! Теперь уж я непременно найду что искал!

Певец обвел глазами комнату и задержался взглядом на двери. Кала испуганно оглянулась. Но там никого не было, и она облегченно вздохнула.

— Теперь недолго осталось ждать! — воскликнул Байджу, тряхнул головой и, взяв в руки вину, запел.

Кала стала аккомпанировать ему на танпуре.

— Прекрати! — крикнул Байджу.

Кала положила танпuru на ковер. Отставив вину в сторону, Байджу закрыл глаза и запел, отбивая рукой такт.

«Сочиняет», — подумала Кала.

Прошло еще с полчаса. Вдруг Байджу вскочил и расхотелся:

— А-ха-ха! О-хо-хо!

«Совсем обезумел», — подумала Кала.

— Дхакит-дхакит-дхи-кит! А-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха! Дело сделано! Да здравствует бог Шанкар! Да здравствует

Натарадж! * — Байджу подошел к вине. — «Приглашаю тебя танцевать...»

Затем взял пахвадж и стал отбивать такт за тактом, потом снова потянулся к вине.

— Махараджа, пора уже! — сказала Кала.

— Конечно пора, глупая девчонка! — ликовал Байджу. — И я уже почти все сделал! Из дхрупада проступили контуры хори *, наметилась мелодия, которая будет исполняться в стиле дхамар! И слова песни я уже придумал! Если бы не дождь, тотчас побежал бы к радже! Но контуры надо заполнить красками. Да, да, непременно нужны краски! И тогда хори зазвучит! Верно, Кала?

— Да, махараджа, верно. Только я не о том говорила вам.

— Если не о том, потерпи немного: сейчас у меня нет времени.

— Но я не могу ждать: дело очень важное.

— Важнее, чем дхрупад и хори? Да чему только учи-лась ты у меня столько времени?

— Махараджа, я полагаю, не забыл, что мы приехали сюда из Чандери?

— Да, да, не забыл! Раньше мы были в Чандери, а теперь в Гвалиоре! Что я, ребенок, чтобы не понимать такой простой вещи?!

— Мы должны вернуться.

— Зачем?

— Помните, что говорил перед отъездом наш господин?

— Чтобы я вышел победителем на состязании и тем самым возвеличил Чандери. Я исполнил его волю, а теперь хочу прославить Гвалиор.

— Но он говорил не только это!

— А что еще? Напомни, я как будто всегда внимательно слушал господина.

— Он дал нам много разных наказов. Велел, например, разведать, какова военная сила Ман Сингха, и все прочее, что может интересовать противников Гвалиора, и сразу же, как только городу будет грозить опасность окружения, вернуться в Чандери и передать полученные сведения. Я уже зарисовала всю крепость.

— Всю крепость? Да зачем это Радж Сингху!

— Он передаст мои зарисовки кому-нибудь из врагов Ман Сингха, чтобы тот мог вести осаду Гвалиорской крепости, а сам тем временем нападет на Нарвар и вернет землю своих отцов.

— Что же, по-твоему, раджа Ман Сингх, который так тонко разбирается в дхрупаде и так хорошо поет, будет сидеть сложа руки?

— Это дело не наше!

— Ладно, потерпи еще несколько дней. Вот найду нужные краски, исполню хори Ман Сингху и сразу же спрошу у него, можно ли тебе ехать в Чандери или ты должна еще немного пожить здесь, чтобы продолжить занятия с его рани и самой поучиться.

«И зачем только я отправилась в Гвалиор с этим безумцем! — ругала себя Кала.— Но не вечно же он будет невменяем, может, придет в себя, тогда я снова заведу с ним разговор об этом».

50

Неподалеку от Раи Нихал Сингх и Викрамадитья встретились с авангардом делейских войск и навязали ему бой. Имея в своем распоряжении боевых слонов, они разбили врага и начали его преследование. Но им не удалось продвинуться далеко: Сикандар предложил мир, и военные действия были приостановлены.

Непрерывные дожди, непролазная грязь, да к тому же еще густая высокая трава и кустарник затрудняли продвижение войск. Кроме того, из Дели пришло известие о смуте, поднятой несколькими пенджабскими сардарами. Вот почему Сикандар решил пока отложить войну с Гвалиором, пригласить для ведения мирных переговоров Нихал Сингха и Викрамадитью и после этого вернуться в Дели.

Однако Нихал Сингх не желал делить с Викрамадитьей славу победителя и отослал раджкумара в Гвалиор, а сам с небольшим отрядом отправился к Сикандару.

Сикандар хорошо помнил случай, который произошел с его отцом Бахлолом. Бахлол был субедаром Лахора*, когда делейский трон опустел*. Движимый честолюбием, Бахлол отправился в Дели и неподалеку от города повстречался с факиром.

— Хочешь стать падишахом Дели? — спросил факир Бахлола.

«Еще бы! — подумал Бахлол.— О чем может мечтать слепой, если не о зрении!»

— Я могу продать делийский трон. Купишь? Каждому продам, кто пожелает! Кто купит его, тот и будет падишахом!

Бахлол спросил цену.

— Две тысячи танок*, — ответил факир. — Покупай же и будь счастлив!

Бахлол дал факиру требуемую сумму и после недолгой борьбы с такими же, как он, жаждавшими власти сардарами, вступил на престол.

«Дели кишит факирами, — думал Сикандар. — И если какой-нибудь отважный сардар заплатит за падишахский трон больше, чем мой отец, то я и двух дней не продержусь у власти». И Сикандар, прибыв в Дели, сразу же стал истреблять мятежных сардаров.

Быстро расправившись с непокорными, Сикандар принял Нихал Сингха.

— Все ли вопросы полномочен ты решать от имени своего раджи?

— Все, — ответил Нихал Сингх.

— Твой раджа — наш должник!

— Каким образом?

— Первые восемь миллионов танок, которые он должен нам, составляют сумму, израсходованную первым падишахом династии Лоди на поход против Гвалиора. Несколько лет назад я сам напал на Ман Сингха. Сумма, таким образом, возросла в два раза. Теперь мне снова пришлось идти на Гвалиор, чтобы взыскать эти деньги. Поэтому к тем шестнадцати миллионам надо добавить еще новые расходы.

— Падишах Бахлол действительно ходил войной на нашего раджу, но потерпел поражение. Ваш прежний поход тоже кончился неудачей. А на этот раз надо еще решить, кто победитель, а кто побежденный.

— Не дерзи, сардар! В наших летописях все сказано! Помнишь о падишахе Илтутмише? *

— Нет, не помню.

— Это было более двухсот лет назад. Захватив Гвалиор, Илтутмиш перебил всех воинов и сардаров, не пощадив даже самого раджу. Раджпуткам ничего не оставалось, как сжечь себя заживо. Вот почему одно из озер в вашей крепости называется Джаухар-Талом. Помни же об этом!

— О таком нельзя забыть! Но на сей раз...

— На сей раз все озера в Гвалиорской крепости будут называться Джаухар-Талом!

— На сей раз, султан, не в Гвалиноре, а в Дели станут называть так все озера! Да и не только озера, но и колодцы! — ответил Нихал Сингх, забыв о наказе раджи.

— Да знаешь ли ты, сардар, с кем разговариваешь?! — в ярости вскричал Сикандар Лоди.

— Знаю! Но и вам не следовало бы забывать, что перед вами один из томаров, которые однажды уже побывали в вашей столице и могут прийти туда еще раз! Перед вами — соратник раджи, который ни перед кем еще не склонял головы! Вашему отцу потому, вероятно, удалось купить падишахский трон за две тысячи танок, что Дели в то время переживал черные дни, но Гвалинор вам не купить, даже если бы вы дали за него золото, равное по весу всему Виндхьячалу!

— Замолчи!

— Вы сами пригласили меня, так извольте же слушать!

— Уведите его! И сообщите в Гвалинор, что я снова иду на них походом, чтобы вразумить томаров! Пусть знают, что земли, когда бы и кем бы из падишахов они ни были покорены, навсегда переходят в собственность падишаха Дели и его преемников!

Стражники увели Нихал Сингха. И хотя падишах не дал никаких указаний, они отлично знали, что надо делать.

Раджпут бесстрашно принял смерть. Даже после того как голова отделилась от туловища, он какое-то мгновение еще стоял на ногах. Палачи глазам своим не верили. Они привыкли к тому, что осужденные на казнь ползают на коленях, молят о пощаде, плачут и кричат. Но Нихал Сингх до конца оставался мужественным и встретил смерть, словно любимую невесту!

Когда падишаху сообщили о казни Нихал Сингха, он послал Ман Сингху в дар много дорогой одежды и несколько коней, словно хотел этим искупить свою вину.

Однажды, это было вскоре после ухода Сикандара из Гвалинорского княжества, Байджу попросил Ман Сингха послушать его новое произведение.

Как и в прошлый раз, для выступления был отведен зал аудиенций.

Как только Байджу запел, Виджая стал аккомпанировать ему на вине, но затем отложил инструмент в сторону.

— Играйте! Играйте! — сказал Байджу.

— Я хочу послушать! Начало замечательное! Это что-то совершенно новое! Никогда прежде не слышал я ничего подобного! — Виджая, кажется, признал свое поражение.

Байджу снова запел.

Слов в песне было немного:

Приглашаю тебя танцевать.
Робко в сердце любовь расцветает,
Разве можешь ты мне отказать?
Я тебя танцевать приглашаю.

Но, чтобы исполнить все произведение, нужно было около часа.

Когда Байджу кончил, Ман Сингх сказал:

— Если бы иногда, хоть ненадолго, переходить на низкие тона, казалось бы, будто голос пробует краски, чтобы потом взлететь ввысь и окрасить песню в тысячи самых ярких цветов!

Внимательно выслушав раджу, Байджу снова исполнил песню.

Ман Сингх был вне себя от восторга.

— Пусть же отныне ачарья Байджнатх зовется наяком* Байджнатхом! — воскликнул он.

— Наяком?! — поразился Бодхан, которого раджа пригласил послушать Байджу. — Какие в нашу эпоху наяки! Ведь это звание может носить лишь тот, кто создал новую рагу.

Виджая не выдержал:

— Если верить вам, так сейчас вообще не может быть ничего нового! Вы разве и в музыке разбираетесь?

— Музыка и пение — те же шастры, — ответил Бодхан. — Вовсе не обязательно уметь играть и петь, чтобы высказать общеизвестную истину: никто не может изменить того, что сделано древними риши*, не может внести ничего нового в созданное ими.

— Но я только что доказал обратное! — сказал Байджу.

Однако Бодхан и не думал сдаваться:

— Об этом можно будет говорить лишь после того, как в Гвалиоре съедутся со всей Индии ачарьи музыки и пения и, прослушав вашу песню, скажут в один голос, что ачарья Байджнатх превзошел древних риши!

— Вы только жред, а в музыке и пении ничего не смыслите! — раздраженно сказал Ман Сингх.

— Зато спорить он умеет! — подтрунил Виджая.

Но Бодхан был непоколебим.

— Я не встречал еще таких грешников; как вы! — обратился он к Виджаю. — Искажая шастры, вы идете против веры.

— Прекратите спор! — оборвал его Ман Сингх. — Как-нибудь я отведу вам время для диспута, тогда и упражняйтесь в словесных выпадах сколько угодно! А сейчас еще раз говорю вам, что с нынешнего дня музыкант и певец ачарья Байджу будет зваться паяком!

«Что значит приказ раджи, когда речь идет о шастрах!» — подумал Бодхан и произнес негромко, но решительно:

— Воля ваша! Только я не стану называть его паяком!

Огромным усилием воли Ман Сингх сдержал гнев и, оставив слова Бодхана без ответа, обратился к Виджае:

— А не попытаетесь ли вы, ачарья, воспроизвести новую мелодию па вине?

Виджая подвинул к себе инструмент и заиграл.

Наверху между тем можно было наблюдать обычную картину: восемь рани дремали, а Мриганаяни и Лакхи внимательно слушали.

— Я поняла, что нового ввел Байджу в мелодию, — произнесла Мриганаяни. — Надо сказать махарадже, пусть посоветует Байджу еще немного сократить песню. От длинных песен люди утомляются, восприятие ослабевает, поэтому песня для них в какой-то степени теряет свою прелесть.

— Это верно, — поглядывая на рани, громко ответила Лакхи. — От длинной песни некоторых даже ко сну клонит!

Старшая рани проснулась и, заметив, что Мриганаяни и Лакхи смеются над ней, побагровела от злости.

— Вы слушать пришли или спать?! — начала она будить остальных рани. — Постыдились бы! Ведь рядом сидят ценители искусства, одна другой лучше.

Рани, сладко зевая, засмеялись. Однако старшая рани не унималась и пустила еще одну стрелу:

— Будете спать — останетесь без украшений! Только на этот раз вам их не вернут!

Стрела попала в цель.

«Какая она подлая! — с болью в сердце подумала Мриганаяни. — Махараджа оказался прав: не надо было возвра-

щать ей браслет... Впрочем, я поступила правильно,— совесть моя совершенно чиста! Но выслушивать ее гадкие намеки я больше не стану».

В это время снизу донеслись голоса:

— Нихал Сингх убит! Сикандар Лоди прислал дары! Он снова собирается походом на Гвалиор!

В зале воцарилось гробовое молчание.

— Убить нашего посла, который вел с ним мирные переговоры! — произнес наконец Ман Сингх глухим голосом. — А потом прислать нам свои дары, все равно что свежую рану посыпать солью. Но я отомщу ему!

— Пойдем, Лакхарани! — позвала Мригаяни подругу. — В этом зале нас больше не увидят!

Суманмохини, очень довольная, смотрела им вслед.

— Скажите, а может Гвалиор оказаться в осаде? — спросил вдруг Байджу.

— Нет! — твердо ответил раджа. — Мы встретим Сикандара Лоди в ущельях Чамбала!

— Но все может случиться, — сказал Байджу. — А Кала не хочет оставаться в осажденном городе и ждет не дождется, когда снова окажется в родном Чандери.

Кала пришла в замешательство.

Ман Сингху сейчас было не до Калы, но он все же спросил:

— А почему она так рвется в Чандери?

Байджу объяснил простодушно:

— Она должна встретиться с равом Радж Сингхом и известить его об окружении Гвалиора. Тогда он, воспользовавшись этим, нападет на Нарвар и попытается вернуть земли своих отцов.

— Что такое?!

— Вы удивлены? Но удивляться здесь нечему.

— Так... А кем приходится она раву Радж Сингху?

— Да никем! Живет по соседству с ним, вот и все.

— Этого я никак не ждал!

Кала покрылась холодным потом. Ман Сингх пристально посмотрел на нее.

— Неправда! Он лжет! Наяк Байджу безумный! — закричала она.

Ман Сингх задумался.

— Кто назвал меня безумным?! — вскричал Байджу. — Эта девочка? Да как она посмела обвинить меня во лжи?! Разве не из-за Радж Сингха приехала она в Гвалиор?!

— Поезжай к себе! — тихо и очень спокойно сказал Мап Сингх. — Я завтра же дам тебе паланкин и охрану. На прощание щедро одарю, чтобы до конца дней своих ты не знала нужды. А раву Радж Сингху передай, что он отважный воин, но пользуется своей отвагой не так, как надо.

Кала сидела, опустив голову.

— Она называет меня безумным! — словно пробудившись от сна, произнес Байджу. — Вот чему она научилась! Уезжай поскорее! А безумец не я, а ты и все семь поколений твоих предков!..

Так закончился вечер.

Суманмохини была очень довольна, что Кала покидает Гвалиор, и сказала остальным ранн:

— А эта скромница с опущенными глазами подлой оказалась! Теперь вы поняли, кто она такая?

— Еще бы? Она заговорщица! А как оскорбила она раджу! И назвала безумным своего гуру! Да еще при людях! Какая неблагодарность!

— Чего ждать от женщины, которой не стыдно петь и танцевать перед мужчинами? А на тех двоих взгляните, на Мриганяни и Лакхи! Разве можно женщинам вести себя так! С какой злостью смотрели они на нас!

На следующий день Калу с подобающими почестями отправили в Чандери. Но взять с собой зарисовки крепости ей не удалось.

Темная, непроглядная ночь. Еще в сумерки все поспрашивали по домам, но до сих пор еще не спали.

В лачуге, на самой окраине города, тускло горел свечильник. Масла в нем осталось совсем мало, и фитилек, часто моргая, предупреждал об этом. У очага, под грязным рваным одеялом, сжавшись в комок, лежала женщина. Возле нее сидели дети и плакали. Хозяин дома, человек уже не молодой, перебирал зерно.

К лачуге подошел странник — высокий, плечистый, с густой пышной бородой, из-за которой виднелись только нос, очень прямой, и большие глаза. Огромная чалма была по-

вязана низко и доходила до самых бровей. Одежда грубая, вся в заплатках.

В руке толстая бамбуковая палка, на ногах рваные туфли.

Хозяин сказал жене:

— Зерно я очистил, но смолоть не в силах. Устал, нет мочи даже рукой дошевелить! Может, покрутишь жернова, а я бы испек лепешки?

— Что ты, я вся горю, ни сесть, ни встать не в силах. Где уж мне молоть? — ответила жена и застонала.

— Очень хочется есть! И ребята ревут, тоже голодные! Как ночь протянем?

— Откуда я знаю? Спроси об этом у всевышнего?

— Неужто так и ложиться? Завтра снова на работу. А много ли на пустой желудок наработаешь?

— Не поешь разок, ничего не случится! Обходятся же садху и саньяси* по многу дней без пищи, когда постятся, и ничего!

— Но садху и саньяси не работают, как мы! На земле им легко живется, одну заботу знают — о потустороннем мире! А нам, простым смертным, ни охнуть, ни вздохнуть!.. Да встань же ты! Если меня не жаль, так хоть на детей взгляни!

— Сам на них смотри, если хочешь!

— Вот ведьма! Да встанешь ты наконец, несчастная?!

— Не ори! Лучше убей меня. Все равно от лихорадки помру. Зря мучаюсь. А ты сразу прикончишь: возьмешь за горло, и все! Всем страданиям конец!

Дети еще громче стали плакать.

За циновкой, заменявшей дверь, кто-то кашлянул.

— Кто еще там? — крикнул хозяин.

— Добрый человек,пусти путника погреться! Совсем замерз, а куда идти, не знаю: заблудился. Только согреюсь чуть, узнаю дорогу и уйду.

— А что же в крепость не идешь? Раджа каждый день раздает беднякам хлеб. Там и костер горит для бездомных и нищих.

— Но я не знаю, как туда идти. Посижу у тебя немножко, согреюсь и пойду дальше. Впусти меня, я ведь такой же труженик, как и ты!

— О боже! От своего горя не знаешь куда деваться, а тут еще ты свалился!

— Впусти, брат! Впусти!

Хозяин встал, подошел, покашливая, к двери и отвязал циновку. Путник вошел в лачугу. При виде незнакомца, рослого, плечистого, в огромной чалме, хозяин струхнул.

Путник разулся, поставил у двери туфли и, подсев к огню, оглядел лачугу. В углу — низкий топчан, на полу разбросана посуда: глиняные и деревянные миски, бронзовое блюдо и чугунный горшок.

— У меня взять нечего! Нищий я! Подыскал бы дом побогаче! — взмолился хозяин.

— Не бойся, я не вор.

— Кто же ты? Откуда?

— Я родом из Нагды. А теперь живу в Раи.

— Да, в Нагде мало кто остался! Чем же ты занимаешься?

— Землю пашу...

— Какой ты касты?

— Гуджар я.

— Наша раи тоже из гуджаров. Не к ней ли путь держишь?

— Нет, я работу ищу. Не скажешь, как пройти в крепость?

— Выйдем на улицу — покажу.

— А поесть нечего?

— Еще не стряпали. Просил жену муку смолоть, но она хворает. А я так прямо чуть жив от голода.

— Поджарь зерно на жаровне, всем достанется понемногу, — чуть слышно произнесла женщина.

— А почему не берете ту муку, которую раджа дает беднякам? — спросил путник.

— Еще чего не хватало! — вырвалось у женщины.

— Да что мы, нищие? — обиделся хозяин. — За подаванием ходят только калеки, хворые, садху да саньсяси! А мы сами работаем!

Путник посмотрел на святильник, готовый вот-вот погаснуть, и сказал:

— Я могу смолоть зерно. А за это ты укажешь мне дорогу.

Хозяин согласился.

— Только спешить нечего, — сказал он. — Сейчас ты уже ничего не получишь. Ночь ведь. Поешь с нами. потом ляг, поспи.

— Что же, ладно.

Путник взял жернов и начал молотить зерно. Женщина с таким любопытством следила за ним, что даже стонать стала реже. Незнакомцу, видно, впервые приходится выполнять такую работу: жернов он, правда, крутил довольно быстро, но все время менял руку. Женщина с трудом поднялась и села.

— Давай помогу,— сказала она.

Путник замотал головой.

Работать в чалме было неловко. Незнакомец стянул ее с головы, положил рядом и снова с усердием принялся вертеть жернов. Вдруг борода его соскользнула со щеки и повисла под подбородком. Он хотел поправить ее, но тут борода оказалась у него в руке.

Хозяин тотчас узнал незнакомца. Да и как было не узнать! Он столько раз видел это лицо!

— Махараджа! Наш махараджа! — закричал он.

Женщина изумленно уставилась на раджу. Дети перестали плакать.

Ман Сингх, держа бороду в руке, засмеялся.

— Да, подвела меня борода! Не дала закончить работу!

Хозяин хотел пасть ниц, но Ман Сингх решительно воспротивился.

— Махараджа, простите меня! — сказал бедняк, умоляюще сложив руки. — Но зачем вы это сделали?

— Что ты говоришь? Я еще ничего не сделал! Да будет проклят раджа, который ложится спать на сытый желудок, в то время как подданные его умирают с голоду и от болезней! Я живу во дворце, а вы дрожите от холода в жалкой лачуге!

— Такая, махараджа, судьба наша!

— Неправда! Судьба всего княжества в ваших руках, — когда вам плохо, нам тоже худо.

Женщина накинула на себя длинное полотнище и под села к жерновам, спиной к радже.

— Я сам, баи! — сказал Ман Сингх.

Но женщина не послушалась и принялась за работу.

В светильнике почти копчилось масло. Слабое пламя его едва мерцало.

— Я сейчас же пришлю вам масло и лекарство от лихорадки! — пообещал Ман Сингх. — Дайте срок, и я построю хорошие дома для бедняков, открою бесплатные аптеки. В Гвалиоре все будут сыты. — Потом раджа обратился

к женщине: — Ложись, бан! А то еще, не приведи бог, помремь!.. Ты ведь больна! Я вам муки пришлю.

— Мне уже лучше, — тихо ответила женщина. — И жар как будто поменьше.

— А у меня всю усталость как рукой сняло! — сказал хозяин. — Теперь и я смогу молоть. А ты послушайся махараджу, ложись! — велел он жене.

Но женщина продолжала работать.

Ман Сингх направился к выходу.

— Позвольте, махараджа, показать вам дорогу!

Ман Сингх засмеялся:

— Ведь я пришел из крепости, а не из Раи. И хорошо знаю свой Гвалнор.

Хозяин, улыбаясь, смотрел на Ман Сингха.

— Я слышал, что махараджа есть только у брахманов, пандитов и сетхов, а оказывается, он есть и у простого народа!

Не прошло и получаса после ухода Ман Сингха, как из крепости принесли лекарство, масло, муку...

А на следующий день по приказу раджи в Гвалноре начали строить за счет казны дома для ремесленников и открыли несколько бесплатных аптек.

53

— Есть еще одно очень важное дело, — загадочно улыбаясь, сказала Мриганалли.

— Какое же? — спросил Ман Сингх. — Я как будто все сделал: починил стены в крепости, очистил озеро Моти-Сагар, пруды и колодцы. Канал от Раи прорыт уже более чем наполовину. А ведь строить его нелегко.

— Я не о том. Я об Атале и Лакхи. Ведь перед богом Лакхи жена моему брату, но люди их брак не признали.

— Признают, не беспокойся! — заверил Ман Сингх.

— Когда же?

— Когда пожелаешь.

— Вы строите дома для бедняков, открываете аптеки. Так почему бы вам не сделать еще одно доброе дело? Почему бы на этой же неделе не совершить обряд бракосочетания Атала и Лакхи? Ведь женщина не может считать себя счастливой до тех пор, пока обряд этот не совершен.

— Согласен! В брахманах у нас недостатка нет! Наме-
тят они день, и сыграем свадьбу!

Услышав об этой новости, все восемь рани возликовали.

— А до сих пор Лакхарани что, в девушках ходила?

— Сыграть такую свадьбу — все равно что выкопать по-
койника!

— Неужели махарадже делать больше нечего?

— От Мриганаяни всего можно ожидать: сегодня одно
выдумает, завтра другое!

Узнав от Мриганаяни, что читать мантры во время об-
хода огня должен жрец Бодхан — их родовой ачарья, Ман
Сингх тотчас призвал жреца.

Однако раджа переоценил свои возможности: на просьбу
Ман Сингха жрец ответил молчанием.

И все же Ман Сингх не собирался сдаваться.

— Я на этой же неделе восстановлю ваш храм! — ска-
зал он, не глядя на жреца.

— Да поможет вам бог! Строить новые храмы и восста-
навливать старые — долг каждого махараджи!

— Я прикажу выстроить вам новый дом!

— Махараджа может не утруждать себя заботой обо
мне. Я давно собираюсь в паломничество в Айодхью* и в
другие святые места. А когда вернусь, — да и вернусь ли
вообще, — не знаю.

— Вы не уйдете, пока не совершите этого богоугодного
дела!

— Но — да простит меня махараджа! — свадьба эта —
нарушение кастовых законов.

— Вы — родовой ачарья Атал Сингха, и поэтому никто
другой не может вас заменить на свадьбе! Не упрямитесь
же, я щедро награжу вас!

— Я бедняк, но алчность чужда мне. Верой не торгуют!

— Неужели вы не понимаете, сколько индусов оказа-
лось вне веры и общества из-за таких, как вы, фанатиков!

— Когда на какой-либо части тела появляется нарыв
или пятна проказы, ее надо отнять.

— А у вас у самого никогда не было ни нарывов, ни
пятен проказы?

— Никогда!

— Но если вдруг появятся, что вы сделаете?

— Отрежу пораженную часть тела и выброшу!

— И вы думаете, это очень разумно, шастри?

— Что могу я ответить махарадже? Скажу только, что

бог сотворил кшатриев вовсе не затем, чтобы они читали паставления жрецам, их долг — защищать веру и брахманов!

— Вы, наверное, забыли, что Джанак*, Махавир*, Гаутама Будда*, Рама, Кришна и Арджуна тоже были кшатриями! Подобный спор, шастри, я считаю не только бесполезным, но и опасным. Он может породить в нашей стране распри и междоусобицы. Я же хочу сделать Арьяварту сильной, какой она была при наших предках. И вы могли бы помочь мне в этом.

— Махараджа, Арьяварту можно спасти, лишь строго соблюдая чистоту варн и каст!

— Но разве вы не видите, шастри, что фанатизм в соблюдении кастовых установлений не смог защитить индусов от чужеземцев? Для этого нужны щит и меч. Касты — это своего рода щит, а щит не заменит меча.

— Не махарадже судить о подобных вещах. Это дело пандитов.

— Я ведь не ратую за полную отмену кастовых установлений, а лишь говорю, что их надо несколько изменить. Согласны вы со мной?

— Нет, не согласен! Спросите об этом у пандитов.

— Виджая Джангам пандит, но во всем согласен со мной. Поспорили бы с ним!

— Вы ведь знаете, что я только и жду случая! Увидите, как я разобью Виджаю! Он черпает свои принципы из шастры или пураны, созданной совсем недавно, — всего около трехсот лет назад. К тому же родина ее не Каши или Матхура, а страна дравидов!*

— Да, та самая страна дравидов, которая дала нашему народу таких великих махатм*, как Шанкарачарья и Рамануджачарья! * Скажу вам откровенно, знаний ваших я не умаляю, но порой мне кажется, вы рассуждаете, как безумный.

Бодхан затрясся от гнева.

— Ну, что молчите? — холодно спросил Ман Сингх.

— Махараджа восстал против варн, — дрожащим голосом ответил жрец, — поэтому я ни часу больше не останусь в Гвалиоре! Я не хочу жить там, где не почитают веру!

Ман Сингх пришел в ярость:

— Глупец!

— Так вот как махараджа думает обо мне!

— Да! Именно так!

Бодхан покинул дворец, даже не благословив на прощание раджу. В тот же день жрец отправился в паломниче-

ство. Ман Сингха это не огорчило. Он был уверен, что рано или поздно упрямец явится к нему за помощью и защитой.

Обряд бракосочетания совершил Виджая Джангам. На свадьбе Атала и Лакхи было много брахманов, хотя нашлись и такие, которые из-за болезни (вернее, под предлогом болезни) не явились.

Мриганаяни была счастлива: наконец-то Атал и Лакхи по-настоящему совершили обход огня.

54

Свадьбу праздновали с особой пышностью. Празднества длились не день и не два. Ман Сингх хотел показать народу, что он против кастовых установлений, и, кроме того, раджа знал, что это обрадует Мриганаяни.

Богатые и знатные горожане устраивали в честь Атала и Лакхи угощения, подносили новобрачным подарки.

Мриганаяни тоже решила пригласить молодых к себе, но у нее была особая цель! Она знала, что гости не посмеют отказаться от угощения, которые подаст им Лакхи, и тем самым признают ее касту столь же высокой, как и свою, а следовательно, и брак их с Аталом.

Но Суманмохини решительно воспротивилась, заявив, что она, как старшая рани, первой должна устроить угощение. Мриганаяни пришлось смириться.

Во время угощения у старшей рани мужчины, согласно обычаю, находились в одной комнате, а женщины в другой.

Когда блюда с едой были поданы, Суманмохини стала всех угощать.

Мриганаяни улыбнулась:

— Махарани-джи,— сказала она мягко и вкрадчиво,— по нашему обычаю угощать всех должна новобрачная.

Старшая рани засмеялась.

— Во дворце так не принято,— ответила она, намекая на то, что это деревенский обычай.

Однако Мриганаяни не смутилась:

— Вы оказали Лакхарани честь, устроив угощение по случаю ее свадьбы, так позвольте же новобрачной обойти гостей согласно деревенскому обычаю. Это было бы доказательством вашего расположения к ней.

— Какие еще доказательства?! Все и так ясно.

— Вот и хорошо! Пусть же она угостит хотя бы вас и меня, а остальных не надо.

— Но почему вы так настаиваете на этом?

— Чтобы доставить вам радость.

— Но это не доставит мне никакой радости!

— Тогда угощайтесь сами, я не притронусь к еде!

— Но без вас и мы не станем есть.

— Хорошо, я сама буду угощать вас едой, которой коснулась Лакхи. Надеюсь, теперь-то вы не будете возражать?

— Теперь не буду. Мало ли в конце концов встречается на нашем жизненном пути шипов!

Мриганаяни бросило в жар. Лакхи сидела, низко опустив голову.

— Я не знала, что вы пригласили нас лишь для того, чтобы оскорбить! — гневно сказала Мриганаяни.

В глазах Суманмохини заплескали огоньки.

— Нет, это вы своей настойчивостью оскорбляете меня!

Мриганаяни встала:

— Пойдем, невестка!

Лакхи умоляюще сложила руки.

Но Мриганаяни была непреклонна.

— Идем, Лакхи, нам нечего здесь делать! Уж слишком высокого она мнения о себе!

Суманмохини хотела что-то сказать, но промолчала. Когда Мриганаяни и Лакхи ушли, она приказала служанке:

— Выбрось их еду!

Служанка взяла блюда Мриганаяни и Лакхи и направилась к выходу.

— Да смотри, чтобы этой еды не коснулся даже подметальщик! — крикнула Суманмохини ей вслед. — Отнеси ее куда-нибудь подальше и брось!

Служанка выполнила распоряжение старшей рани. Угощение, предназначавшееся Мриганаяни и Лакхи, досталось собакам. Через два дня собаки издохли. Никто точно не знал, отчего. Но хозяева подозревали, что собак отравили. Пошли разные толки. Но вскоре об этом все забыли.

Мриганаяни и Лакхи тотчас узнали о том, как поступила с их едой старшая рани. Мриганаяни долго не спала в ту ночь, никак не могла забыть нанесенное ей и Лакхи оскорбление. О том же, какая участь постигла собак, она узнала лишь много времени спустя.

На следующий день Ман Сингху стало известно обо всем, что произошло у старшей рани. Решив, что разговаривать с Суманмохини бесполезно, он, смущенный, направился к Мриганаяни.

— У махараджи такое испуганное лицо, словно он собрался охотиться на льва! — засмеялась Мриганаяни при виде робко входившего Ман Сингха.

У Ман Сингха отлегло от сердца.

— Не знаю, как утешить тебя! — сказал он, крепко обнимая Мриганаяни.

— Утешить? Зачем? Что случилось, то случилось. Я решила впредь не обращать внимания на подобные вещи.

Мриганаяни не раз обещала это. И хотя Ман Сингх понимал, что молодая рани никогда не сможет спокойно отнестись к выходкам Суманмохини, все же остался доволен.

— У тебя большая душа! Не успеешь ты преодолеть одни трудности, как начинаешь бороться с новыми. И в этом находишь ты радость...

Увидев, что Ман Сингх не прочь пофилософствовать, Мриганаяни обрадовалась, и лицо ее озарила улыбка.

— Не скажете ли вы, с чем можно сравнить мою радость? — перебила она Ман Сингха.

— С радостью, которая охватывает меня при виде твоей улыбки!

— Ах, перестаньте, не то я рассержусь!

— Сердись — я все равно буду смеяться!

— Какой вы плохой!

— Зато ты хорошая! А плохое всегда тянется к хорошему. Так уж всегда в жизни бывает.

— Да нет же, я пошутила. Вы очень хороший и добрый. А теперь давайте сядем и поговорим, только не придигайтесь ко мне совсем близко.

— А мы и так разговариваем!

— Можно задать вам один вопрос?

— Хоть два!

— Как вы станете относиться ко мне, когда уйдет моя молодость, увянет красота? По-прежнему ли будете любить меня или забудете?

— Как могла ты подумать такое?

— Вы позволили задать вам два вопроса. Так вот, еще я хотела бы спросить, как сделать любовь постоянной, непреходящей?

Объятия Ман Сингха стали слабее. Лицо приняло серьезное выражение. Мриганаяни спjala со своих плеч руки раджи и села.

Ман Сингх тоже сел, но не рядом, а чуть поодаль. Мриганаяни улыбнулась.

И Ман Сингх сразу же повеселел.

— У тебя действительно большая душа! Ты лучше меня! И взрослей!

— Неужели?

— Я не шучу!

Ман Сингх подвинулся к Мриганаяни.

— Не надо, а то рядом с вами я буду казаться совсем маленькой!

У Ман Сингха стало совсем легко на душе.

— Ты воздержана и можешь любить спокойно. А я человек страстный, мне свойственны порывы. Но ты права, только воздержанностью можно сохранить любовь.

Мриганаяни наклонила голову и коснулась пальцем подбородка Ман Сингха.

— Вы что, весь день намерены читать мне правоучения?

— Разве я пандит или ачарья? — Перед Ман Сингхом на мгновение возник образ Бодхана, но тут же исчез. — Как хочется мне навеки запечатлеть твою улыбку, твою красоту, в которой я всякий раз нахожу что-то новое, твое благородство и величие. Это стало бы символом моей любви и постоянства. И только что, какую-то минуту назад, я понял, как осуществить свою мечту! Что ты скажешь, если я назову наш новый храм твоим именем?

Мриганаяни засмеялась:

— А почему не в честь старшей рани?

— Так ведь ты, а не она, — рани моего сердца! Но если ты возражаешь, я назову его, как думал раньше, — Ман-Мандиром. «Мандиром» потому, что в одной части дворца будет храм, где мы с тобой сможем молиться нашему кормильцу — богу Вишну. А «Маном»* потому, что ты — моя гордость, а я — твоя честь! Но знаешь ли ты, что постоянно вдохновляет меня?

— Откуда мне знать это?

— Так знай же: твоя дивная красота! Воспоминание о том, как ты, с венцом на голове, прекрасная, словно перн,

вошла под зеленый навес из ветвей и лоз, чтобы совершить обход огня! Вход в Ман-Мандир должен запечатлеть красоту, которой ты сияла в то мгновение.

Ман Сингх умолк. Мриганаяни лукаво взглянула на него:

— Продолжайте же!

— Солнечные лучи, играя на ажурных решетках дверей, будут напоминать твою улыбку, а орнаменты — твои роскошные волосы, волнами ниспадающие на плечи. Солнце будет сверкать на узорчатых решетках окон, как твои зубы-жемчужины, когда ты даришь мне улыбку. А при виде павильонов и башенок мне вспомнятся твои прекрасные глаза и брови. И надо всем этим будут выситься купола и шпили, которые...

— Хватит! Не хочу больше слушать! — в смущении запротестовала Мриганаяни.

— Нет, послушай! Я многого еще не рассказал... Отделка храма должна выражать наши чувства к богу Вишну...

— Вот это хорошо!

— А какие деревья в саду больше всего тебе нравятся?

— Банановые. Я часами могу смотреть, как раскачиваются их огромные, словно уши слона, листья.

— Пусть же их изображения украсят собой верхний этаж Ман-Мандира! А изваяния слонов, львов, тигров, цапель, лебедей, журавлей и других зверей и птиц, которые будут видны сквозь каменную решетку, пусть напоминают нам о наших лесах, равнинах, реках и озерах. Да и как можно без них? Ведь все живое — творение Вишну!

— Чудесно! Кстати, я слышала об удивительной статуе Вишну, той, что стоит в Девгархе, недалеко от Чандери. Талант скульптора наделил улыбку Вишну одним изумительным свойством: глядя на нее, люди забывают обо всем на свете и очищают душу. Как хотелось бы мне посмотреть на эту статую!

Ман Сингх сдвинул брови и тяжело вздохнул:

— Много времени прошло с тех пор, как тюрки разбили статую Вишну. Но часть лица каким-то чудом уцелела, и если только мне удастся выполнить свой долг — освободить Девгарх из-под власти султана Мальвы, ты сможешь увидеть замечательное творение индусского мастера — улыбку, которой Вишну благословляет верующих.

— А не смог бы кто-нибудь из ваших искусных мастеров отправиться в Девгарх и принести оттуда улыбку Вишну, запечатлев ее в своем сердце?

— Возможно, и смог бы. Но дело это очень трудное: ведь для того, чтобы заставить камень улыбнуться, мало одного мастерства, — тут пужны еще преданность и готовая на жертвы любовь к Вишну, а этого можно достичь лишь путем самоотречения. Но я попытаюсь найти мастера. При виде статуи Вишну в Ман-Мандире люди будут испытывать восторг и священный трепет.

— Вы истинный поэт!

— Нет, это ты — сама поэзия, ты вечно пробуждаешь во мне возвышенные чувства!

— Сама поэзия — это наяк Байджу, — произнесла Мриганаяни.

— Теперь его называют Байджу Баврой*. Да оно и понятно: поэзия не может не быть безумной. И ты — моя поэзия — только подтверждаешь эту истину.

— Если я безумная, то кто, по-вашему, тот человек, который хочет заставить холодный камень зазвучать дивной музыкой и расцвести улыбкой?

Ман Сингх рассмеялся.

— Нааяк Байджу занят великим делом. За новыми рагами и рагини он не различает ни дня, ни ночи. Еда, которую приносят ему, остается нетронутой, — он даже пить забывает. А если кто-нибудь пытается заговорить с ним, Байджу хватает свою любимую вино и бросается на дерзнувшего нарушить его занятия.

— Если бы резчики работали с таким же самозабвением, они создали бы статую, подобную девгархской!

— Разумеется! — Ман Сингх крепко обнял Мриганаяни.

— Не надо! Мы так хорошо разговаривали, а вы опять за свое!

Ман Сингх выпустил ее из объятий.

— В Ман-Мандире мы с тобой станем жрецами Вишну! Только мы с тобой — и никто больше!

«А Суманмохини и другие рани? — пронеслось в голове у Мриганаяни. — Они ведь тоже будут там!.. Ну и пусть, пусть! Я все вынесу!.. Старшая рани относится ко мне и к Лакхи как к неприкасаемым, даже подметальщику не позволила съесть предназначенное нам угощение! Но махараджа так любит меня, ради его любви я готова снести любое оскорбление! Однако махарадже не следует часто бывать у меня: это мешает моим занятиям...»

— О чем задумалась, махарани Мриганаяни? — спросил Ман Сингх. — Уж не о новой ли песне Байджу?

— Нет, — тихо ответила Мриганааяни. — Я вспомнила нашу речку... Какая чистая в ней вода!

— Еще немного — и капал будет доведен до Гвалнора!

— Но как сможет подняться вода к храму, который будет еще выше крепости?

— Туда ей не подняться. Но до холма, что к северо-востоку от Ман-Мандира, она дойдет.

— Так постройте там еще один дворец!

— Замечательно! Чудесно! А я все думал, за что бы мне приняться после постройки Ман-Мандира! Но теперь я знаю, что делать! Построю еще один дворец и назову его в честь гуджарской рани Гуджари-Махалом!

— Нет, назовите и его своим именем!

— Я послушался тебя, а теперь ты должна уступить мне.

— Какой он будет? Как Ман-Мандир?

— Нет, совсем другой. В его отделке найдут отражение все те формы, в которых является твоя красота! Он будет сверкать, подобно твоим украшениям!

— Вы хотите, чтобы на нем было столько же украшений, сколько на мне?

— Я хочу лишь, чтобы все простое было прекрасным, а прекрасное простым. И сил не пожалею, чтобы осуществить это.

— А когда вы думаете отобрать у тюрков и восстановить девгархский храм Вишну?

Напоминание о долге охладило Ман Сингха, который только что с таким восторгом рисовал великолепную картину будущего Гуджари-Махала. Ему даже показалось, будто вдруг приостановилась постройка Ман-Мандира или Байджу Бавра, исполнив нежную мелодию, схватил вину и вдребезги разбил ее об пол.

— Всему свое время! — наконец произнес он. — Когда-нибудь и до Девгарха дойдет очередь.

— А можете ли вы удержать равновесие между искусством и долгом? Устав от занятий, я испытываю непреодолимое желание пойти, например, с луком и стрелами на тигра или буйвола, чтобы узнать, не разучилась ли я охотиться.

— До Раи рукой подать, — сказал Ман Сингх без особого воодушевления.

— А не лучше ли отправиться в леса Нарвара? Там стадами бродят слоны. А с ними слонята — прыгают, слов-

по Ганеша!.. Кстати, Нарвар лежит недалеко от Чандери и Девгарха. Вы должны присоединить эти города к Гвалинору.

«Нарвар, Радж Сингх, Кала», — пронеслось у раджи в голове. — Радж Сингх считает Нарвар наследственным княжеством своих отцов. Не так просто отвоевать Чандери и Девгарх... Да и как можно думать о войне, не завершив строительство Ман-Мандира, не возведя Гуджари-Махала и не отдав должное искусству? Кроме того, прежде чем идти на тюрок, надо укрепить подступы к Гвалинору... Жаль, что со мной нет больше Нихал Сингха. Как не вовремя он погиб!»

— Погоди, придет время, и мы отправимся в Нарвар, — сказал Ман Сингх. — Но сперва надо построить Ман-Мандир и составить план Гуджари-Махала. Пока же поохотимся в Ран и в наших лесах.

56

Прибыв в Чандери, вину за свои псудачи Кала целиком свалила на Байджу. Радж Сингх разгневался на певца.

— Не знал я, что он такой осел! И здесь-то он не блистал умом, а от гвалинорской воды совсем, видно, лишился рассудка! — сказал Радж Сингх Кале.

— Он с головой ушел в разработку хори дхрупада и различных тори: * гуджари-тори, мангал-гуджари и других, — и ничего знать не хочет.

— Пропади они пропадом, эти тори! Байджу хорошо сделал, что не вернулся: такой дурак мне не нужен! Жаль только, что тебе ничего не удалось сделать!

— Вы велели мне, если Гвалинор будет осажден, немедленно сообщить вам. Пока Гвалинор не был осажден, но будет. Тогда вы и нападайте на Нарвар.

— Разве я только об этом говорил? Это я сказал при посторонних. А когда мы остались наедине?

— Я точно не помню. Но делала все, что могла: старалась поссорить Мриганаяни с остальными рани, сделала зарисовки крепости. А то, что мне не удалось взять их с собой, так это, вы сами знаете, вина не моя.

— Чересчур много внимания уделяла ты танцам и пению, потому так все и получилось. Но ничего! Ман Сингх умрет и без твоей помощи. Придет время — падишах Дели вновь пойдет на Гвалинор и на этот раз сведет счеты с раджей. А на

нашего султана рассчитывать не приходится. Это пустой, никчемный человек! Я хоть сейчас готов повести своего слона на ворота Нарвара. Но как посмотрит на это султан? Он уже запер в своем гареме одиннадцать тысяч красавиц!

— Одиннадцать тысяч?

— Да. Но и этого ему мало. Он поклялся, что не успокоится до тех пор, пока у него не будет пятнадцати тысяч!

— От мужчин большего и не жди! Не успеет одна надоесть, как они уже к другой тянутся!

— Нет, Кала, не все мужчины таковы. Не будь столь несправедлива ко мне!

— А разве справедливо, что вы сердитесь на меня?

— Прости меня, Кала! Это все из-за Байджу, я даже не заметил, как обидел тебя... Но теперь ты всегда будешь рядом со мной. Я больше ни на шаг тебя не отпускаю.

— Почему?

— Султан учредил особое ведомство, и сейчас по всей Мальве рыщут его люди в поисках красавиц. Из нашего квартала уже нескольких увели.

— А что смотрят раджпуты?

— Раджпутов не решаются трогать.

— А почему они не объединятся против султана?

Радж Сингх вспомнил Нарвар — наследственное владение качвахов. Долг повелевал ему отомстить за предков.

— Нет, это невозможно! Мы и томары! Разве сможем мы сидеть за одним столом, уважать друг друга и жить в мире и согласии? — Радж Сингх взглянул на Калу: — Знаешь, Кала, за тобой тоже приходили люди султана.

— О! — испуганно воскликнула девушка. — Что же мне делать? Куда идти? Ведь у меня никого нет в целом свете!..

Недаром Радж Сингх был раджпутом. Он сказал:

— Только уничтожив меня, смогут они к тебе приблизиться!

— Но вы один бессильны против них!

— Ты не права! Вспомни, как мы, горстка раджпутов, заставили дрогнуть Нарварскую крепость! Если бы не султан, мы завладели бы Нарваром.

— Но как спасете вы меня?

— Спрячу в безопасное место. Впрочем, и в моем доме тебе нечего бояться: ты ведь знаешь, субедар — мой друг. Он — человек благородный и сообщает об опасности.

Кала слушала, а сама думала о Ман Сингхе. Уж он-то сумел бы дать достойный отпор султану!

Казна Насир-уд-дипа была полна. Оно и понятно: налоги с крестьян взимались в срок, а о постройке дворцов и мечетей Насир-уд-дин не думал. Войны же он вел только с правителями Мевара и Дели, Махмуду Бегарре было не до него, хотя он и поклялся заставить султана Мальвы ползать перед ним на коленях. Вот уже несколько лет как Гуджерату приходилось воевать то с Кхандешем, то с Ахмеднагаром, то с раджпутами Саураштры. И Насир-уд-дин, понимая, что в данный момент ему нечего опасаться Гуджерата, все свое внимание сосредоточил на перистане. Стоило ему услышать, что где-то живет красивая девушка, как он тотчас посылал за ней. Раджпуты Мальвы кипели от гнева, но выступать против Насир-уд-дина поодиночке не решались. (А Медини Рай * в то время был слишком молод и не успел еще объединить их.) Если бы Насир-уд-дину доложили, что вот-вот разразится буря, он не поверил бы. А если бы и поверил, то все равно не смог бы ничего сделать: Индия в то время переживала упадок, и предотвратить грядущие события было невозможно. Рамануджачарья, Чайтанья Махапрабху *, Кабир * и другие превратили бхактизм в непреодолимую силу. В руках Санги креп и набирался сил Мевар.

Однажды весной, когда в гареме было уже двенадцать тысяч наложниц, Насир-уд-дин решил устроить для них в озере Калиядахе купание.

Услышав об этом, Матру, теперь уже любимец Насир-уд-дина, воскликнул:

— Замечательно, повелитель! Такого еще никто не видел.

Часть озера, отведенная для купанья, и берег были огорожены. С одной стороны — волнующаяся голубизна озера, с другой, на берегу, — огромная толпа красавиц в пестрых одеждах из тонкой ткани и сверкающих украшений. Казалось, туча саранчи опустилась на землю. Правда, саранча вся одного цвета, а красавицы пестрели, словно мотыльки.

Но и это сравнение не совсем точное, так как мотыльков сразу не бывает так много.

Женщины громко разговаривали, смеялись, прихорашивались. Каждая надеялась в душе, что именно ее юная красота привлечет взгляд султана. Шум стоял невообразимый.

«Даже Индра не смог бы заставить их замолчать», — подумал Насир-уд-дин и велел позвать танцовщиц и певиц, чтобы хоть немного утихомирить своих неугомонных жеп. И действительно, танцы и пенье заставили смолкнуть тысячеголосое море. Но не надолго.

Когда же они снова зашумели, султан приказал певицам и танцовщицам удалиться.

— Полезайте в озеро, — обратился он к женщинам. — А я полюбуюсь на ваши игры.

Глашатаи громогласно объявили наказ султана.

Женщины не заставили упрашивать себя. Те, которые умели плавать, разделись, аккуратно сложили одежду и, войдя в озеро, стали брызгать водой и гоняться друг за другом. Остальные уселись на берегу и, болтая в воде ногами, смотрели на купающихся.

Насир-уд-дин то и дело подзадоривал купальщиц.

Несколько девушек так увлеклись, что не заметили, как заплыли слишком далеко, и, почувствовав, что силы оставляют их, подняли крик. Девушки, которые были поблизости, заспешили к ним на помощь. Но утопающие в страхе вцепились в своих спасительниц, грозя увлечь их вместе с собой на дно.

— Спасите! Спасите их! — закричал Насир-уд-дин.

Призыв султана подхватило множество голосов. Насир-уд-дин вскочил и принялся размахивать руками, но в воду не полез. Матру еще больше суетился, но тоже без всякой пользы.

За занавесом, который скрывал женщин от посторонних глаз, стояли слуги султана. Те из них, что умели плавать, услышав крики Насир-уд-дина, разрезали занавес и бросились в воду. Им удалось вытащить утопающих на берег, и хотя женщины были без сознания, смерть уже не грозила им. Пострадавших стали приводить в чувство, а их спасители, опустив глаза, стояли неподалеку в ожидании награды.

Наконец султан обратил на них внимание и велел подойти.

— Как звать? — спросил он всех по очереди.

Каждый назвал свое имя.

— Кто позволил вам пройти за занавес?! ,

От страха у слуг отнялся язык.

— Кто звал вас сюда?! Отвечайте!..

Слуги слышали крики о помощи и не могли оставаться равнодушными, но оправдываться перед султаном не смели. Только у одного хватило мужества, и он сказал:

— Повелитель сам приказал спасти их.

— Негодяи! — взревел султан. — Выходит, это я приказал вам прийти сюда!

Теперь слуги поняли, почему никто, кроме них, не посмел прийти на помощь. Но было уже поздно. Дрожа от страха, стояли они перед султаном и ждали своей участи.

Насир-уд-дин распорядился:

— Они посмели взглянуть на женщин, поэтому отделить их головы от туловища! А руки, которые коснулись жен моих, отрубить!

Бедных слуг схватили и увели.

Приказ султана был выполнен тотчас же.

— Матру, у меня пропала всякая охота смотреть, как они купаются, — сказал Насир-уд-дин охрипшим голосом. — Придумай новую забаву.

Однако на сей раз изобретательность покинула даже Матру.

Тогда Насир-уд-дин сам придумал новую игру, и перенужданным насмерть женщинам волей-неволей пришлось его развлекать.

Все, что случилось в тот день, видело голубое озеро. В своих вечно вздымающихся волнах погребло оно воспоминание о жестокости султана.

Брат Сикандара Джалал-уд-дин *, намереваясь основать свой собственный султанат, поднял в районе Джаунпура знамя восстания. Сикандар двинулся на Джаунпур, но Джалал-уд-дин ускользнул от него и ушел в Антарвед. Разрушив Джаунпур, Сикандар повернул на Антарвед и по пути присоединил к своему султанату Лакхнау. Сам по себе город Лакхнау был небольшим, но обширные земли, окружавшие его, славились своим плодородием.

Местные муллы и маули, которым покровительствовал Сикандар, чтобы поднять свой престиж, провозгласили:

— Мы готовы вступить в диспут о вере с любым индусом. Пусть придет, мы ждем его!

Но индусы понимали, что принять их вызов — значит, пойти на верную смерть. И только Бодхан, который почти три года ходил по святым местам и теперь возвращался из Айодхьи в Матхуру, во Вриндаван, принял вызов.

Дхоти и рубашка из ослепительно белой, но толстой и грубой ткани, голова обрита, оставлен лишь длинный пучок волос, прикрытый небольшим тюрбаном, босые ноги, в руках ни посоха, ни палки... Смех охватил воинов, когда они увидели Бодхана. Но муллы нахмурились.

Зал, отведенный для диспута, был переполнен. Прибыл и сам Сикандар и уселся на высокий трон.

— Бог один?

— Один! — ответил Бодхан. — Только один! И он — во всем!

— Суфии * говорят то же самое, но они заблуждаются! Мы же утверждаем, что бог существует вне всего. Попробуй докажи, что это не так!

— Всевышний — во всем и в то же время вне всего. Так говорят шастры, риши. Даже поэты и те это утверждают.

— Ну, хорошо, значит, ты признаешь, что бог существует вне всего! А теперь ответь, сколько есть путей в рай: один или несколько?

— Сколько людей, столько путей.

— Выходит, что рая можно достичь, даже поклоняясь деревьям, камням и животным?

— Да, если только это поклонение искренне и исходит из глубокой любви к богу.

— Значит, поклоняясь статуям, можно попасть в рай?

— Да.

— Но статуя — кусок камня.

— Статуя не камень. Прежде всего она символ почитания всевышнего.

— Ваши йоги называют бога бестелесным Брахмой. Есть ли у тех, кто почитает камень, еще какие-нибудь боги, кроме Брахмы?

— И да и нет. Это зависит от глубины познания верующего и его любви ко всевышнему.

— А существует ли какое-либо различие между глупостью и разумом?

— Да, существует! Глухость — первая ступень разума, разум же — вторая ступень глухости.

— Что ты мелешь! — вскричал Сикандар.

— Я верно сказал, повелитель! — ответил Бодхан.

— Ты пришел сюда участвовать в диспуте или оскорблять ученых?! — гневно спросил Сикандар.

Но брахман не сдавался.

— Я пришел сюда, чтобы доказать истину, — произнес он спокойно и бесстрашно. — Если мои слова пришлись вам не по вкусу, прикажите — и я уйду!

По бодхану не хотелось оставлять поле битвы, да и маульи не могли допустить, чтобы их противник ушел с диспута с высоко поднятой головой. Ни Бодхан, ни маульи не стремились к истине, главное для них было — возвысить свою веру. У Бодхана была отвага, маульи чувствовали за собой силу.

Толпившиеся в зале войны-мусульмане сперва было припили этого брахмана, который осмелился один явиться перед маульями, за сумасшедшего, но вскоре оценили его мужество: «Отважный он человек! Не брахман, а настоящий воин. Спаси его, всевышний, от гнева султана!»

— Ты вот сказал: «Прикажите — и я уйду», — обратился один из маульи к Бодхану. — Но разве возможно это, брахман? * Ты уйдешь отсюда, лишь когда признаешь свое поражение и примешь ислам.

— Моя вера не хуже вашей, почему я должен отречься от нее? — бесстрашно возразил Бодхан.

— Неверный! Неверный! — вскричали маульи.

— Откуда ты? — спросил Сикандар.

— Из Гвалиора, — ответил Бодхан.

— Значит, шпион Ман Спнгха?!

— Нет, я не шпион. Я поссорился с раджей и покинул Гвалиор.

— Неправда! Ложь!

Диспут кончился. Все ждали, что скажет султан, однако он обратился к маульи:

— Решайте сами, что с ним делать.

Только теперь Бодхан наконец понял, что его ждет. Недолго посоветовавшись, маульи объявили:

— Прими ислам, не то расстанешься с головой!

Твердым, недрогнувшим голосом Бодхан сказал:

— От веры своей не отступлюсь! Рубите голову — она все равно принадлежит не мне, а богу!

— Опять он болтает, как суфий! — воскликнул Сикандар.

Бодхан стоял неподвижно, словно статуя, сложив руки на груди.

«О аллах, за что предают его смерти?» — в смятении спрашивали себя мусульманские воины. Но чем они могли ему помочь? Ведь Делийским султанатом правил жестокий Сикандар и всесильные муллы...

Бодхана отдали палачам. Жрец и во время казни был спокоен и бесстрашен.

«Всевышний — во всем: во мне и в палаче, в мече палача и в моей голове. Поэтому всё и все равны... Но ведь и в Лакхи и Агале тоже бог!.. Тоже?! Да, тоже!.. Так почему же я не признал, что они равны?.. Тогда речь шла о варнах... Что было, то было, сейчас в душе моей нет зла. Ни к Сикандару, ни к маули — ни к кому!»

Глядя на спокойное, сосредоточенное лицо брахмана, палач медлил.

— Чего ждешь? — сказал Бодхан. — Кончай!

Рука палача дрогнула.

— Кончай же!

Суровый окрик брахмана придал палачу силу. Меч со свистом рассек воздух, и Бодхан отошел в мир иной.

Когда Сикандару и маули сообщили, что казнь над жрецом свершилась, по залу прошел ропот: воины были недовольны. Тогда Сикандар решил задобрить их. Деяния Сикандара, последовавшие за казнью беззащитного брахмана, навсегда запятнали страницы истории: Сикандар приказал отдать дома индусов на разграбление, а захваченное добро поделить между воинами...

И тогда в Северной Индии вспыхнул мятеж, который не смогли вызвать ни разрушение статуй, ни уничтожение храмов, и пламя его охватило Антарвед и близлежащие земли.

Но ни муллы, ни сардары, ни сам Сикандар еще не понимали, что Делийский султанат уже утратил свое бывшее могущество, и по-прежнему замыслили все новые и новые походы. Главными противниками Дели были Гвалиор и Мевар. Переход от Дели до Гвалиора потребовал бы много времени, поэтому Сикандар решил построить Агру и, сделав ее второй столицей, превратить в огромный военный лагерь. Тогда, думал Сикандар, он легко справится с Гвалиором, а потом и с Меваром.

На северо-восточном склоне горы, на которой стояла Гвалиорская крепость, за четыре года вырос роскошный дворец, названный в честь Мриганаяни «Гуджари-Махалом». К одной из его стен был подведен канал, бравший свое начало у деревни Ран.

В длину Гуджари-Махал имел полтораста локтей, в ширину — сто двадцать пять. В нижней части, в самом центре дворца, был устроен бассейн, наполнявшийся водой из канала. Вокруг бассейна — залы. Верхняя часть дворца представляла собой открытую площадку, окруженную красивыми навильонами и башенками. Двери покосов были сделаны наподобие свадебного навеса. А башенки, навильоны и перегородки напоминали об украшениях Мриганаяни: их было не много, зато все удивительно красиво.

Над Гуджари-Махалом вздымалась крепостная стена, к югу от него высился Ман-Мандир.

Строительство Ман-Мандира только что было завершено, и для переселения в новый дворец наметили рангпанчми*. Как всегда в дни холи, Гвалиор предавался веселью, когда же пришел рангпанчми, люди словно опьянели. Ман Сингх и народ, казалось, слились воедино в этой радости.

В день, когда раджа переселялся в Ман-Мандир, воины повязали шафрановые тюрбаны* непомерной высоты, чем-то напоминавшие знамя Ман Сингха: во всяком случае, они были того же цвета. Горожанки нарядились в пестрые одежды.

Наяк Байджу долго примерял разные паряды, но в конце концов надел свою старую одежду, — правда, на голове его тоже высился тюрбан. Затем он украсил вину цветами, помолился Сарасвати* и отправился к радже.

Ман Сингх привел Мриганаяни из Гуджари-Махала в Ман-Мандир. Поднявшись на открытую площадку дворца, Мриганаяни увидела с одной стороны храм Вишну, поразивший ее тончайшей резьбой на стенах, с другой — большую библиотеку, с третьей — приемный зал, где должен был выступать Байджу, и с четвертой, напротив храма Вишну, — еще один зал, небольшой, но столь же красивый, как и приемный.

— Только поэтичность вашего воображения могла создать подобный дворец! — сказала Мриганаяни.

— Поэтичность, но не моя, а твоя. Когда я не мог объяснить мастерам, чего хочу от них, на помощь мне приходила любовь. Мастера воплотили в камне твою поэтичность и мои чувства.

Мриганаяни вспомнила свое прошлое. Ночь, мачан, искрящиеся в лунном свете волны реки; качающиеся в забытых колосьях, дремучий лес, а дальше — высокие холмы...

«Дворец всегда будет напоминать мне о родных местах! — с восторгом подумала она. — Его шпили — вершины гор, а купола башенных павильонов — кроны ачаров и кхирни».

Ман Сингх увидел, как на лице Мриганаяни, словно соперничая друг с другом, заиграли очарование молодости и красота материнства: у Мриганаяни к этому времени уже было два сына — Бал Сингх и Радж Сингх, которых Лакхи нежно называла Бале и Радхе.

— Сегодня ты услышишь новую замечательную песню найка Байджу, — сказал он.

— А после этого мы пойдем в мои покои. Я хочу петь и танцевать перед вами тандав. Давно готовилась я к этому дню! — радостно ответила Мриганаяни.

— О, это, конечно, будет восхитительно!

— Опять вы смеетесь надо мной!

— А ты запрети — и я не буду смеяться, я ведь послушный.

— Насколько вы послушны, мы увидим, когда пойдем в мои покои! Кстати, вы не боитесь? Сегодня ведь рангпанчми!

— А чего мне бояться! Еще неизвестно, кто кого разукрасит!

— Конечно, я вас!

— Я не стану огорчаться: твоя победа — это и моя победа.

— Так, так! Выходит, в любом случае победителем останетесь вы!

Они засмеялись. И казалось, их смеху вторили стены, шпили и купола Ман-Мандира.

Снизу донеслись голоса.

— Мне пора, — сказал Ман Сингх.

Они расстались.

После богослужения в храме Вишну все отправились в приемный зал, где должен был выступать Байджу.

Наверху, за ажурной перегородкой из камня, сидели женщины: восемь рани отдельно, Мриганаяни рядом с Лакхи. Чуть поодаль от них разместились знатные горожанки,

Наяк Байджу пел хори:

Отчего ты хмуришься в этот день веселый?
Игры позабыла, в тапце не скользишь?
Ведь сегодня праздник, вечерний праздник холи!
Милал, не хмурься. Улыбнись...

В пении Байджу чудеснейшим образом сочетались нежность голоса и мастерство исполнения.

Виджая Джангам, аккомпанировавший ему на таппуре, не выдержал.

— Разве может инструмент состязаться с голосом! — восторженно воскликнул он.

Рани не уснули, потому что был день, но пение их совершенно не интересовало, и они без умолку болтали.

Старшая рани приказала служанке отнести Мриганаяни и Лакхи два пакетика бетеля на золотом подносе.

Когда служанка подошла к ним, одна из женщин переглянулась со своей соседкой, опустила глаза и затем посмотрела на Мриганаяни. В ее взгляде Мриганаяни почудилось предостережение. Но она все же взяла пакетики и завязала его в край сари.

Лакхи, оторвав взор от Байджу, тоже взяла бетель и кивнула старшей рани в знак благодарности. Однако когда она хотела положить его в рот, Мриганаяни схватила ее за руку.

— Спрячь, — шепнула она.

Лакхи вопросительно посмотрела на подругу. Взгляд Мриганаяни, казалось, говорил: «Не ешь, здесь что-то неладно». А вслух она сказала:

— Это — большая честь для нас! Не каждому старшая рани посылает бетель...

Служанка, поклонившись, ушла.

Подругам было уже не до Байджу. Хотя Мриганаяни сидела как ни в чем не бывало и лицо ее, как прежде, было спокойным, она с нетерпением ждала момента, когда можно будет поговорить с горожанками. Лакхи хотела спросить у Мриганаяни, что случилось, но та взглядом приказала ей молчать.

Когда зал огласился восторженными возгласами, Мриганаяни незаметно взглянула на Суманмохини. Старшая рани цервничала и хмурилась.

Улучив момент, Мриганаяни спросила шепотом одну из горожанок:

— В чем дело? Что означал твой взгляд? Ты предостерегала меня!

— Предостерегала?! Что вы, махарани-джи!

— В твоих глазах я прочла просьбу не есть бетель. Скажи, почему? Не бойся, я не выдам тебя.

— Могу ли я говорить, когда речь идет о таких больших людях?

— Не бойся. Говори! Прошу тебя! Никто не узнает.

— Мне кажется, бетель отравлен.

— Почему ты так решила?

— Старшая махарани ненавидит вас.

— Это верно. Но почему все же у тебя возникло подозрение?

— Все вокруг знают, что ни вы не ходите к ней во дворец, ни она к вам...

— И это все? Или еще есть что-то?

— Неужели вы ничего не знаете?

— О чем ты говоришь?

— Однажды старшая рани подмешала вам в еду яд. Но вы отказались от угощения. Тогда вашу еду выбросили на улицу. Бедные собаки съели ее и после страшных мучений сошли.

— Когда это было?

— Точно не припомню: с тех пор прошло много времени.

— Может быть, после свадьбы Лакхарани и Атал Сингха, когда старшая рани устроила угощение?

— Да, да, именно тогда! Теперь я вспомнила! Только, умоляю вас, махарани-джи, не выдавайте меня. Не то не миновать мне и моим родным страшной беды.

— Я же обещала молчать. Но от кого ты узнала об этом?

— В нашем квартале только и было разговоров. Неужели вы ничего не знали?

После хори Виджая попросил Байджу исполнить тарану *, Байджу отказался:

— Что в ней хорошего?

— Тарана столь же проникновенна, как и ваша новая песня, — возразил Виджая. — Ведь она была создана наяком Гопалом и Амиром Хусроу *.

Наяк Гопал был для Байджу единственным авторитетом. Он жил двести лет назад, и его имя вызывало у Байджу священный трепет.

Байджу помолчал, потом сказал:

— Я изучал тарану, но не пою ее.

Виджая не унимался. Маи Сингх поддержал его.

— На сегодня хватит! Даже если меня попросит кто-либо о девяти головах, я все равно не стану петь больше! — заявил Байджу и поднялся.

Ман Сингх рассмеялся:

— Куда же вы? Девятиголовый не придет к вам: у Раваны * было десять голов.

Байджу снова сел.

— Раваны нечего бояться: Раманчандра сам, своей стрелой, сразил его, — ответил он серьезно.

— Буду ждать вас и Виджаю Джангама в Гуджари-Махале, — сказал Ман Сингх, дав тем самым понять всем, что прием окончен.

Гости начали расходиться.

Мриганаяни подошла к старшей раи.

— Не удостоите ли вы меня своим посещением? — спросила она Суманмохини.

— Спасибо за приглашение, но прийти не смогу: голова разболелась после бетеля.

— Потому-то я и не стала есть ваш бетель. Но у меня во дворце вам опасаться нечего! Если вы окажете мне честь и навестите меня, я не стану угощать вас вашим же бетелем, хотя я и припрятала его.

В глазах Суманмохини сверкнул злой огонек, и, чтобы скрыть его, она тотчас потупила взор.

— Я уйду, — сказала она и исчезла в дверях.

Горожанки со страхом следили за этой сценой. Они боялись, как бы Мриганаяни не выдала их. Но Мриганаяни еще раз заверила горожанок, что никто ни о чем не узнает.

Вернувшись в Гуджари-Махал, Мриганаяни развернула пакетик. Вместе с бетелем там оказался какой-то порошок. Однако она не стала поднимать шум и, ни слова не сказав радже, выбросила отравленный бетель.

В северной части Гуджари-Махала находился большой зал для приемов. Вход в зал украшала золотая статуя Натараджа, выполненная под наблюдением Виджай Джангама.

Четырехугольный Натарадж был изображен в раскрывшемся лотосе. Языки пламени лизали нежные лепестки

цветка. В одной правой руке он держал барабан, суживающийся посредине, другой посылал благословение. Из одной левой руки его вырывалось пламя, другая указывала на карлика, лежавшего рядом с лотосом. На животе у Натараджа сверкал пояс из драгоценных камней. Через плечо был переброшен священный шнур *. В одно ухо вдет мужской кундал, в другое — женское бали *. В волосах блестела нить жемчуга. На голове — свернувшаяся четырьмя кольцами змея, маленькая человеческая головка — символ Шивы, небольшая фигурка богини Ганги, и надо всем этим — лунный серп. Тело было прикрыто тигровой шкурой.

Войдя в зал, Ман Сингх, Виджая и Байджу почтительно сложили руки и поклонились статуе. Потом Ман Сингх прошел в соседнюю комнату, отделенную от зала резной каменной решеткой, где его ждали Мриганаяни и Лакхи.

Мриганаяни облачилась в наряд танцующего Шивы, но ни одна часть тела ее не была обнажена. На Лакхи было одеяние богини Сарасвати.

— Идите в зал, — сказал Ман Сингх. — Сперва вы исполните тандав, а потом мы вместе послушаем Байджу и Виджаю.

— Но я не могу танцевать при посторонних мужчинах, — возразила Мриганаяни.

— Они же — твои гуру. У одного ты училась пению и музыке, у другого — шастрам.

— Мы с Лакхи будем танцевать только перед вами!

— Почему? Вы ведь не соблюдаете обычаев парды.

— Парда здесь ни при чем.

— Ладно, будь по-вашему. Но пение вы должны послушать.

— Мы и отсюда услышим.

Ман Сингху одному пришлось вернуться в зал. Оба ачарьи, особенно Байджу, остались довольны, услышав, что Мриганаяни отказалась танцевать перед ними тандав: их ученица не могла поступить иначе.

Дождавшись, когда Виджая и Байджу ушли, Мриганаяни и Лакхи вошли в зал.

Мриганаяни спела хвалебный гимн богу Шиве и начала танцевать. Лакхи аккомпанировала ей на вине.

Подобно тому как в сухом дереве сокрыт огонь, во всем живом и неживом сокрыта творческая сила Шивы. Тандав — танец Шивы — олицетворяет собой все сущее. Под грохот барабана рождается вселенная. Рука, посылающая благослове-

ние, обещает защиту. Пламя в другой руке — это всемирная энергия. Лунный серп — символ пробуждающегося разума. Змея — олицетворение силы. Ганга — источник процветания Индии. Кундал и бали — знаки мужества и силы. Пояс из драгоценных камней — символ энергии. Лотос, форму которого имеет вселенная, олицетворяет величие Шивы. Языки пламени — его могущество. Человеческая голова — символ Шивы указывает на подавление своего «я».

Мриганаяни так изумительно точно передала содержание таандава, что Ман Сингха охватил восторг. Какой прекрасный танец! Как очищает он и облагораживает человека! А сколько в нем красоты! Невольно непытаешься священный тренет! Его непередаваемая прелесть не уводит в мир грез, а придает силу и твердость.

Глядя на завершающую фигуру таандава, Ман Сингх подумал, что величие женщины и ее красоты — в гордом спокойствии. Женщина — словно река, шумная и стремительная во время сезона дождей, тихая и спокойная после разлива, когда издали она кажется неподвижной и только вблизи можно увидеть течение ее голубых вод.

— Если бы старшая рани видела сейчас тебя, то завязала бы не один узелок, чтобы не забыть! — радостно сказал Ман Сингх.

— Когда мы были в Ман-Мандире, я тоже кое-что завязала в край сари! — вырвалось у Мриганаяни, но она тут же спохватилась. Однако сказанного не вернешь.

— Что же именно? — спросил Ман Сингх.

Лакхи испуганно смотрела на подругу.

На губах Мриганаяни появилась улыбка, и она попыталась исправить оплошность:

— Восторг, который охватывает людей при виде улыбающегося Вишну, очарование дивной музыки и пения!

Однако Ман Сингха нелегко было провести.

— Почему не пришла старшая рани?

— Наверное, не захотела, — у каждого свои вкусы и желания! Но стоит ли так много внимания уделять женской половине дворца? Есть дела поважнее.

Ман Сингх вздохнул.

— Но дела как будто я все закончил. Осталось лишь восстановить храм в Рани. Я обещал это Бодхану. Пусть хоть душа его успокоится.

Мриганаяни и Лакхи раскрыли глаза от удивления. Но не успели они и слова сказать, как Ман Сингх все сам объяснил:

— Бодхана пет в живых. Сикандар Лоди казнил его.

И Ман Сингх рассказал то, что знал о кончине брахмана.

— Когда вы узнали об этом? — печально спросила Мриганаяни.

— Только что, — ответил Ман Сингх.

— Зачем понадобилось этому подлому падишаху убивать смиренного брахмана?

— Какой он смиренный! — шепотом произнесла Лакхи. — Он был болтуном и упрямцем!

В скорбном взгляде Мриганаяни мелькнуло осуждение, но Лакхи не заметила этого.

Ман Сингх сказал гневно:

— Нихал Сингха казнил, Бодхана предал смерти, разрушил в Антарведе храмы и статуи богов! Погоди же, Сикандар!

В это время снаружи донесся шум. Ман Сингх прислушался.

— Празднуют рангпанчми.

— Так шумно? — удивилась Мриганаяни.

Ман Сингх велел привратнику узнать, что случилось. Тот бегом кинулся исполнять приказ раджи и, вернувшись, доложил:

— Воины напились бханга * и теперь устраивают игрища.

Ман Сингх, Мриганаяни и Лакхи подошли к окну. Воины словно обезумели. На многих были страшные маски. Некоторые сидели верхом на ослах. Один держал в руке, словно вино, пустую тыкву с воткнутой в нее бамбуковой палкой, изображая Виджаю Джангама, другой, со сломанной танпурой, громко вопил, представляя Байджу. Несколько усарых воинов нарядились в женскую одежду.

— Как они грубы! — возмутилась Мриганаяни и вместе с Лакхи отошла от окна.

Ман Сингх продолжал смотреть.

Воины разыгрывали ссору ачарьев и мутузили друг друга: один орудовал тыквой, другой — сломанной танпурой. Те, что были в женских одеждах, тоже приняли участие в потасовке. К ним присоединились остальные. В мгновение ока образовались две группы. Разгорелась настоящая драка. Дело дошло до того, что противники стали хвататься за оружие, вызывая один другого на поединок.

Ман Сингх кинулся к воротам. Стражники стояли в полной растерянности.

Раджа подбежал к дерущимся и потребовал прекратить драку. Хотя войны и были пьяны, страх перед раджей привел их в чувство. Только после этого Ман Сингх вернулся к Мриганаяни. Она была одна: Лакхи ушла к себе.

— Твой танец заглушил во мне боль, вызванную известием о казни Бодхана, и пробудил прекрасные чувства. Но то, что я видел сейчас, вновь повергло меня в тоску, — сказал раджа.

— Эти несколько дней праздника лишают людей рассудка, — заметила Мриганаяни.

— Даже величие и красота Ман-Мандира им нипочем! — разгневанно воскликнул Ман Сингх. — Эти несчастные высмеивают наяка Байджу и ачарью Виджаю! И где! В самой крепости, напротив твоего дворца!

Мриганаяни задумалась.

— Этим людям трудно привить любовь к искусству!

— Зато в городе повсюду разучивают новую рагину наяка Байджу. Горожане с уважением относятся к искусству, и людей, которые начинают понимать толк в музыке, с каждым днем становится все больше. А эти войны, хоть и живут в крепости, рядом со мной, по-прежнему грубы и невежественны!

— Они ведь ничему не учились.

— Я давно уже собираюсь открыть в Гвалноре музыкальную школу, чтобы через нее распространить по всей стране то новое, чего достиг в музыке Байджу. Тогда и войны стали бы учиться.

— Чудесная мысль! Почему бы вам в самом деле не открыть музыкальной школы?

— Стоило тебе пожелать, и я поставил в Ман-Мандире изображение Вишну, чтобы он благословлял нас своей улыбкой. Теперь я построю небольшой, но столь же красивый храм со статуей бога в деревне Ран. Я обещал это Бодхану.

— Это очень хорошо. Обещания надо выполнять. Вы можете везде, где вам угодно, построить храмы и музыкальные школы.

Ман Сингх уловил в голосе Мриганаяни легкую иронию и внимательно посмотрел на нее. Мриганаяни выдержала его взгляд и улыбнулась в ответ. Сколько гордого величия было в ее улыбке!

— Покровительствуя искусству, вы навеки прославите Гвалнор. Но я хотела бы сказать вам одну вещь.

— Говори. Клянусь, о чем ты ни попросишь меня, я все исполню!

— Не надо клясть! Ведь я раба ваша!

— Не раба, а богиня! Царица моего сердца! Говори же, чего ты желаешь?

— Я неспроста танцевала тандав: у меня была цель.

— Какая? Скажи! Сегодня ты какая-то особенная!

— Должна ли я напоминать вам, что вы из рода Панду, потомок Арджуны?

— Этого никогда не забывает ни один томар, так же как я всегда буду помнить, что рани Мриганаяни — дочь потомков Кришны.

— Предки мои ни при чем, сейчас я принадлежу вам — потомку Арджуны и Бхишмы *. Скажите же мне, как думаете вы защищать Арьяварту? Неужели вы вверили ее судьбу этим пьяницам, чьи ужасные, грубые забавы мы только что наблюдали?

В глазах Мриганаяни пылал огонь, но ни упрека, ни осуждения в них не было.

— Я сурово накажу воинов! — с гневом произнес Ман Сингх. — Затеять драку у ворот твоего дворца! Да еще в такой день!

— Что проку в наказаниях, махараджа! Надо внушить им, что именно на них возложена защита Гвалиора, и пусть они никогда не забывают об этом. Вы увлеклись искусствами, а стрельбе из лука и другим военным занятиям совсем перестали уделять внимание. Ваши воины — простые крестьяне, искусство недоступно им. Вот они и находят себе другие забавы. Если мы и дальше будем думать лишь об искусстве, совершенно не заботясь о воинах, они при всяком удобном случае будут потешаться над нами.

Ман Сингху трудно было признать, что ради искусства он забросил войско, и все же он чувствовал, что Мриганаяни права.

Мриганаяни меж тем продолжала:

— Я читала в «Махабхарате», что шастры можно изучать лишь после того, как обеспечишь безопасность страны. Вот это я и стремилась выразить в своем танце.

— Все, что ты говоришь, справедливо, с сегодняшнего же дня займусь войском. Правда, мне предстоит построить храм в Раи. Но это не помешает. А музыкальная школа непременно будет. Я уже наметил точно день, когда начнут ее строить, и сегодня разговаривал об этом с Байджу и Виджайей.

— Вы можете открыть музыкальную школу — разве это плохо? Но пусть искусство всегда напоминает о долге, чувство — питает разум, а желания будут неразлучны с воздержанностью! Вот что я хотела сказать вам, махараджа.

— Клянусь, я выполню свой долг. Мне доложили, что Сикандар решил превратить Агру в военный лагерь, чтобы оттуда нанести сокрушительный удар по Гвалиору. Все силы свои отдам я на то, чтобы укрепить войско.

— Может, я что не так сказала, тогда простите меня!

— Нет, ты во всем права. Обещаю и впредь слушаться твоих советов.

Мриганаяни радостно улыбнулась.

— А как понравился вам мой танец?

— Трудно выразить словами, как это было прекрасно! Ты превзошла все, чему мог научить тебя ачарья Виджая Джангам. Сколько выразительности и красоты вложила ты в свой танец! Так танцуют тандав лишь на юге. Но когда-то его и здесь так танцевали. Вполне возможно, что танец этот пришел сюда из южных райнов Индии. Ведь воплотилось же искусство мастеров юга в отделке верхней части Тайл-Мандира! Но у нас мало кто умеет танцевать тандав. И я хочу возродить этот танец, поднять его исполнение на прежнюю высоту.

В Ман Сингхе снова заговорил знаток и ценитель искусств.

— А ты и в живописи достигла немалых успехов, — продолжал раджа. — За какие-то несколько лет ты обогнала всех своих учителей.

Мриганаяни смущенно улыбнулась. И Ман Сингх подумал, что, становясь богаче духовно, Мриганаяни день ото дня хорошеет.

— Пойдемте, я покажу вам свою мастерскую, — предложила Мриганаяни. — Там, кстати, и краской вас окроплю.

— Охотно. Но хочу предупредить, что в долгу не остаюсь, — ответил Ман Сингх и, смеясь, пошел следом за Мриганаяни.

Он не раз бывал в художественной мастерской Мриганаяни и хорошо знал все произведения, созданные ею. Войдя, раджа не заметил никаких перемен. Рядом с богами и их аватарами * висели его собственные портреты. Здесь же были картины каумуди * и праздника весны холи. Одну стену занимали произведения, написанные на темы, звучащие в рагах и рагини.

Но эту картину он видел впервые. Мриганаяни начала ее сегодня утром. Рисунок был готов, осталось только наложить краски.

Ман Сингх внимательно осмотрел картину. Она состояла из двух частей. На одной, по-видимому, был изображен танцевальный зал во дворце какого-то раджи. В центре зала, на небольшом возвышении, сидела красивая женщина в ярких нарядах и украшениях, — очевидно, рани. Рядом с ней лежал пакхавадж. Рани окружали подруги, столь же прелестные, как и она сама. Одна из них играла на свармандале *, другая — на вине, третья танцевала, четвертая пела. Рядом с красавицей рани стояла служанка. В руках она держала поднос с пряностями.

Вторая часть картины резко отличалась от первой. Фоном для нее служили горы и лес. В лесу укрылись вооруженные люди, — по-видимому, враги. У входа в зал стоит воин. Поза его выражает нерешительность. Воин уже готов шагнуть в зал, хотя лицо его слегка повернуто к затаившимся в лесу людям. Меч наполовину вынут из ножен, но в колчане, где должны быть стрелы, пусто.

«Не похож ли этот воин на меня, а очаровательная красавица, сидящая на возвышении, на Мриганаяни?» — подумал Ман Сингх.

Но, присмотревшись повнимательнее, он не обнаружил сходства ни с собой, ни с Мриганаяни, ни даже с кем-либо из знакомых ему людей. Однако содержание картины было вполне ясно.

— Чудесно! — воскликнул Ман Сингх. — А когда ты положишь краски?

Мриганаяни лукаво улыбнулась.

— Не знаю. Дело в том, что я не могу решить, с чего начать: с леса или с зала.

Ман Сингх рассмеялся:

— А ты делай сразу и лес и зал.

— Сразу?

— Да... Впрочем, главное ты уже сделала: я понял, что ты хотела сказать. А куда накладывать краски сначала, это уж сама решай. Сейчас же пусть красками займется ранганачи *. — Мриганаяни подняла на раджу глаза, но тотчас же потупилась. Потом достала немного краски, помазала ею Ман Сингха, а он ее.

Заклучив Мриганаяни в объятия, Ман Сингх воскликнул:

— Ты моя богиня!

Вскоре Мап Сингх попрощался с Мриганаяни и ушел к себе, в Ман-Мандир.

Солнце еще не успело скрыться за горизонтом, и освещенный его лучами Ман-Мандир, казалось, соперничал в красоте с пейзажем. Искусно выполненные в камне банановые листья были изумительны и казались живыми. Подходя ко дворцу, Мап Сингх все сильнее и сильнее чувствовал их очарование, и гордость за свой замысел и за мастеров, осуществивших его, переполняла сердце.

Вдруг он вспомнил неоконченную картину Мриганаяни.

«Накладывать краски можно сразу на обе ее части. Любовь и искусство не мешают выполнению долга. Я буду укреплять государство и войско и по-прежнему заботиться об искусстве».

Было свежее весеннее утро. Наяк Байджу, следуя советам Ман Сингха и Мриганаяни, работал над тори.

А у входа в храм сидел Атал и перебирал струны вины.

В те времена многие жители Гвалиора увлекались музыкой и пением. Кому трудно было выучиться на вине, тот овладевал ситаром. Благодаря своей простоте, ситар стал любимым инструментом гвалиорцев.

Однако Атал не хотел учиться на ситаре и решил во что бы то ни стало овладеть виной. Вина у него была самая обыкновенная. Взяв у гуру несколько уроков, Атал решил, что этого достаточно, и, не замечая ни дня, ни ночи, старался воспроизвести на вине мелодии песен, которые пели вокруг или которые он слышал в родной деревне.

Атал был убежден, что достиг огромных успехов. И ему захотелось показать свое «искусство» Байджу. Однако пригласить наяка к себе было не так-то просто. А самому без всякого приглашения явиться к Байджу Атал не решался. Однако выход нашелся. Дом Байджу стоял у восточной стены крепости рядом с Сас-Мандиром и Баху-Мандиром. Окна его выходили на Баху-Мандир. Атал уселся в дверях храма и стал играть. В этом не было ничего удивительного, потому что в Гвалиоре теперь играли повсюду: в домах и на базарах, на улицах и площадях, в храмах и под сенью деревьев. Дошло до того, что даже ранним утром, направляясь, чтобы

совершить омовение, к колодцам, прудам и озерам, расположенным за городской стеной, гвалиорцы песли на плече вину или ситар и, как только выдавался свободный момент, принимались играть.

Атал с увлечением исполнял тарану. Он думал, что стоит только Байджу услышать, и он тотчас пригласит его к себе, и они — оба музыканта: один — гуру, другой — достойный стать его любимым учеником, — непременно подружатся.

Но Байджу ничего не видел и не слышал. Отработать тори — нелегкое дело. И вдруг ему удалось спеть то, к чему он так стремился. Восторг охватил его. Он попытался воспроизвести мелодию на вине. Но ничего не получилось. Тогда, отложив вину в сторону, Байджу посмотрел на залитый солнцем Ман-Мандир: квадратные решетчатые окна в переплетении лиан, высеченных под башенками, слон с поднятым хоботом, а чуть подальше — цветы и барельефы лебедей в каменных решетках.

— О! Храм тоже звучит мелодией тори! Теперь вина сама заиграет! — восторженно воскликнул Байджу и, схватив вину, крепко прижал ее к себе и принялся целовать. При этом, сам того не замечая, он задел ключ, и струна ослабла. Когда же он стал играть, вина издала неверный звук.

Байджу рассердился:

— Что с тобой?! — Но тотчас догадался, что дело в ключе. — Ты тоже расчувствовался при виде Ман-Мандира! — со смехом сказал он ключу. — Но ничего, сейчас я тебя подверну!

Услыхав голос Байджу, Атал заиграл еще громче.

И тут звучание его вины донеслось до Байджу. Наяк опустил свой инструмент на колени и прислушался. Потом, с виной в руке, подошел к окну и увидел Атала.

Гнев исказил лицо Байджу.

— Эй, ты! Нет слуха — не играй! Сейчас же прекрати, не то у меня лопнут нерепопки!

Атал встал и почтительно поклонился. Однако наяк будто и не заметил, что с ним здороваются.

— Ты зачем убиваешь раги и рагини? Не бери на душу такой грех! Не то попадешь в преисподнюю, в ад!

— Я хотел бы поговорить с вами о музыке, гуру. Моя мечта — стать вашим учеником. А сейчас я играл тарану, — робко произнес Атал.

Но его слова лишь подлили масла в огонь.

— Он играл тарану!.. Убирайся-ка ты отсюда, пока я не проломил камнем твой череп!

— Разве вы не узнали меня? Я же Атал Сингх.

— Прочь! Прочь! Прочь от моего дома! Скажите на милость, какой сингх-вингх выискался!

Атал поспешно ретировался. Горько и обидно было ему, — так обидно, что хотелось взять и разбить вину о каменные стены Баху-Мандира или Сас-Мандира. Но он сдержался.

62

Мриганаяни уже не впервые случалось охотиться с Ман Сингхом в лесах Раи. И, как всегда, на нее нахлынули воспоминания.

Вместе с Лакхи они побывали в том месте, где несколько лет назад убили двух всадников, которые хотели увести их. Куста, за которым девушки прятались, уже не было, но дорога, как и прежде, вилась у подножья холма, и Мриганаяни и Лакхи сразу же узнали поворот, из-за которого навстречу им выехали воины.

«Смогла бы я сейчас сразиться с насильниками? — подумала Мриганаяни. — Тогда я была простой крестьянской девушкой, а теперь — рани Гвалиора. Сил у меня больше, чем прежде... Но достанет ли мужества? Или, может быть, занятия искусствами ослабили мой дух и я, оказавшись лицом к лицу с врагом, растеряюсь?.. Интересно, прошла бы я сейчас столько, сколько раньше? А кабана донесла бы на спине? Пожалуй, нет...»

Потом они с Лакхи отправились к тому дереву, где Ман Сингх предложил Мриганаяни стать его женой.

«Как смело разговаривала я с ним! Неужели это в самом деле была я, деревенская девушка? Разве может дочь крестьянина говорить так с раджей? Ведь я даже не представляла себе всего величия раджи! А поверила бы я его любви, если бы мне сказали, что у него уже восемь жен? Во всяком случае, знай я Суманмохини, ни за что не согласилась бы поехать во дворец... Но пусть у раджи восемь жен, теперь я знаю, что любит он меня одну! И всегда будет любить», — думала Мриганаяни.

После охоты раджа, Мриганаяни и Лакхи направились в лагерь, который был разбит под баньяновым деревом, напро-

тив храма, выстроенного Ман Сингхом на месте разрушенного. Хотя новый храм и был очень красивым, крестьяне не часто посещали его. Да оно и понятно. Новый жрец обирал крестьян, брал с урожая больше, чем положено. Однако пожаловаться радже они не смели: боялись навлечь на себя гнев божий.

Глядя на храм, Мриганаяни задумалась.

«Когда-нибудь его снова разрушат враги и снова придется строить новый. Долго ли будет так продолжаться? Видимо, до тех пор, покуда руки прихожан этого храма не обретут силы. Но как сделать крестьян сильными? Обучать их искусству? Вряд ли станут они сильнее от этого! Им бы хлеба побольше, масла да молока и одежды... Но все это очень сложно. Вот укрепит раджа войско, тогда поговорю с ним о крестьянах».

Мриганаяни захотелось побывать в деревне. Особенно в том месте, где она впервые увидела Ман Сингха, когда он, верхом на коне, въезжал в Ран, а она, тогда еще простая крестьянка, стояла у дороги и приветствовала своего раджу.

Мриганаяни и Лакхи отправились в паланкине. Ман Сингх и Атал сопровождали их на конях.

Когда они приблизились к околице, Мриганаяни охватило волнение. По обеим сторонам дороги толпились крестьяне. Как и в тот памятный день, в руках они держали светильники. Только цветов не было: новый жрец еще не успел их посадить. Тогда Мриганаяни стояла вместе с крестьянами, а теперь она их рани.

Ман Сингх подъехал к паланкину.

— Здесь я впервые увидел тебя и Лакхарани.

Лакхи внимательно всматривалась в женщин. Одних она узнавала, других — нет.

«Из-за их слепоты и ненависти бежала я отсюда!» — думала Лакхи. — Как жестоко обошлись они со мной и Аталом! А посмотришь на них — такие тихие, смиренные!»

— Здесь поднесла я цветок своему божеству! — сказала Мриганаяни радже.

— А божество вдело его в свой тюрбан, — ответил Ман Сингх.

— Где он теперь, этот цветок?

— Да он же смотрит на тебя!

— Смотрите на меня вы.

— И цветок. Он до сих пор у меня в тюрбане, хотя никто его не видит.

— Опять смеетесь надо мной. Не стану больше с вами разговаривать!

Вскоре Мриганаяни увидела свою хижину. Она вся покосилась и, казалось, вот-вот рухнет. Атал направил туда своего коня и, обернувшись, сказал:

— Совсем ветхим стал наш дом! И горевать будто не о чем: что это был за дом? А все же жаль: как-никак я в нем родился и вырос.

— А ты взял бы да и поставил вместо него крепость, — посоветовал Ман Сингх.

— Крепость! — удивился Атал. — Где ее здесь поставишь?

— А ты осмотрись! Неужели не пайдешь места?

Атал осмотрелся и задержал взгляд на высокой горе.

— Уже нашел, махараджа! Вершина вон той горы. Только она чересчур высоко. Как туда подведешь воду?

— Когда-то на этой вершине стояла крепость и был там пруд. Но время обратило крепость в развалины, а пруд загрязнился и пересох. Надо очистить его и построить новую крепость, — она необходима для обороны Гвалиора. Удивительно, как это раньше мне не пришло в голову. Я ведь хорошо знаю это место!

Мриганаяни вспомнила свою неоконченную картину.

«Начну накладывать краски в той части, где изображен лес», — обрадованно подумала Мриганаяни.

Раджа громко, чтобы слышали крестьяне, сказал Аталу:

— На веки вечные передаю я в джагир тебе и твоим потомкам деревни Раи и Нагда! Крепость должна быть выстроена в ближайшее время! Правь джагиром разумно и всегда помни о своем долге — защищать княжество и заботиться о подданных!

Атал был вне себя от счастья.

«Теперь ни Байджу, ни кто другой не посмеет оскорбить меня».

«Хотелось бы мне знать, кто обрабатывает наши поля? — подумала Мриганаяни. — Спросить? Но стоит ли? Ведь это были жалкие клочки земли. Только напугаю крестьянина, которому они отошли. Подумает, что я хочу отобрать у него землю!»

Мриганаяни взглянула на Лакхи:

— Теперь ты станешь жить в своей собственной крепости, рани-джи!

— Нет, махарани-джи, я по-прежнему буду жить в тво-
ем Гуджари-Махале! — ответила Лакхи.

Мриганаяни засмеялась:

— Рано или поздно, невестка, тебе все равно придется
переселиться сюда.

— Этого не будет, золовушка, ты не заставишь меня по-
кинуть Гуджари-Махал, я буду сопротивляться, — в тон Мрига-
наяни весело ответила Лакхи. В душе она была счастлива.

Намереваясь снова напасть на Гвалиор и на этот раз
обратить его в прах, султан Сикандар собрал в Агре огром-
ное войско: сто тысяч конных воинов, двести тысяч пеших
индусов, двести тысяч рабов и тысячу слонов. Вместе с при-
дворными муллами он решил взять в поход и маулви из
большой медресе, где специально обучали арабскому и пер-
сидскому языкам. Однако с выступлением он медлил. Его ла-
зутчики донесли, что правитель Гуджерата Махмуд Бегарра
идет походом на Мальву. А Сикандар хотел двинуться
на Гвалиор лишь после того, как разгорится война меж-
ду султанами Гуджерата и Мальвы. Однако маулви и воин-
ственно настроенные сардары уговаривали Сикандара не
медлить с походом, и падишах Дели не мог не считаться с
ними. И вот поздно вечером во дворце был созван совет. По-
года благоприятствовала, и маулви и сардары считали, что
самое время выступать в поход. Да Сикандар и сам попи-
мал, что откладывать больше нельзя. К тому же от лазут-
чиков ему стало известно, что раджа Гвалиора Ман Сингх
Томар сократил строительные работы, недавно открытую
музыкальную школу вверил наяку Байджу и все свое вни-
мание сосредоточил на войске.

— Повелитель! — сказал один из сардаров. — Мед-
лить нельзя: до сезона дождей остается три-четыре месяца.

— Пробыл час Ман-Мандира! — воскликнул старший мул-
ла. — Мы должны разрушить его!

— Возможно, что Махмуд Бегарра, покончив с Мэнди,
пойдет через Чандери и Нарвар на Гвалиор. Я же, покорив
Гвалиор, хочу двинуться через Нарвар и Чандери на Мэнди,
чтобы вновь присоединить Мальву к Делийскому султанату.

После этого я возьмусь за Гуджерат. Как только войска Бегарры и Насир-уд-дина встретятся на поле брани, я тотчас же отдам приказ выступать,— ответил Сикандар.

— Повелитель рассудил мудро! — сказал другой сардар. — Пока что лучше подождать: вдруг Бегарра вместо Мэнди повернет на Раджпутану, тогда войны между ним и Насир-уд-дином не будет.

Однако мало нашлось таких, которые поддерживали сардара, большинство военачальников и мулл рвались в поход. К тому же содержание огромного войска требовало огромных затрат и казна не могла бесконечно долго нести это бремя.

Пришлось Сикандару уступить.

Но в тот момент, когда он заявил об этом, раздался оглушительный грохот. Стены, потолок и пол задрожали, колонны пошатнулись. Казалось, настал конец света. Муллы шибались лбами с муллами, сардары — с сардарами. Падишах свалился с трона. Раб с опахалом полетел на него.

Тут маули и Сикандар вспомнили казнь Бодхапа.

— О аллах! Пощади! Смилуйся над нами! — возопили они.

Свечи погасли. Мрак окутал зал. Словно всевышний отвернулся от грешных мулл и султана. Страх объял всех.

О том, что это землетрясение, никто и не подумал.

С наступлением сумерек Махмуд Бегарра со своим войском остановился на привал. Совершая переход за переходом, войны его стремительно продвигались вперед, однако до Мэнди все еще было далеко.

На привале быстро разбили шатер, приготовили постель, и султан лег отдыхать. Рядом с постелью на золотых подносах лежал рис: два с половиной сера по одну сторону и столько же — по другую. Эти запасы были совершенно необходимы. Что станет делать бедный султан, когда проснется ночью от голода (а в том, что это случится, не было никакого сомнения: каждую ночь он просыпался и не засыпал до тех пор, пока не наедаясь до отвала)! Не ждать же до утра! Ведь за ночь голодный огонь сжег бы все его внутренности. Вот потому и поставили подносы с рисом. На каком бы боку ни проснулся султан — на правом ли, на левом, он увидит перед собой два с половиной сера риса. Ставить все пять серов с одной стороны было неразумно. Зачем голодному султану зря ворочаться с боку на бок? Проснется султан, протянет руку — и двух с половиной серов как не бы-

вало. Перевернется на другой бок и захрапит. А спустя несколько часов снова откроет глаза и снова протянет руку... Смотришь, и ночь прошла. А утром — завтрак: сер масла, сер меда и сотни полторы бананов.

Не успел султан смежить веки, как кровать покачнулась. Бегарра не проснулся. Кровать качнуло сильнее, и султан невольно повернулся на другой бок. Тут наконец он открыл глаза. Увидел рис, потянулся за ним, но столик, на котором стоял поднос, отодвинулся. Бегарра еще дальше протянул руку, но столик снова отъехал. Зарывав, султан протер глаза и снова потянулся к рису. Новый толчок. Поднос со звоном полетел на пол. Столик перевернулся. Столик по другую сторону кровати подскочил и ударил султана по спине. Бегарра грохнулся на пол. Кровать перевернулась и накрыла его. Голова султана лежала на рисе, как на подушке. Усы словно поселились от запутавшихся в них рисинок. Рис забил рот, прилип к груди.

— Ой! Джинны напали! Убивают! Спасите меня! Спасите! — вопил Бегарра, выплевывая рис.

Но никто не пришел ему на помощь. Паника охватила всех. Слоны порвали цепи и с ревом носились по лагерю, кони ржали, люди катались по земле и орали во всю глотку.

С гор, грохоча, неслись камни. С треском ломались вырванные с корнем деревья. В реках и озерах бурлила вода.

Землетрясение достигло наибольшей силы.

В тот вечер султан Мальвы Насир-уд-дин взялся за трудное дело: он решил лично произвести перепись своих жен. До пятнадцати тысяч все еще не хватало тысячи полторы. Книги, в которые заносили новых жен Насир-уд-дина, приходилось открывать каждый день, и они, несомненно, были в полном порядке. Но султану донесли, что в гарем проникло много юношей, переодетых в женское платье. Султан предполагал, и не без оснований, что у юношей была корыстная цель. И вот для того, чтобы проверить эти сведения и схватить преступников, понадобилась перепись.

Насир-уд-дина сопровождали телохранительницы, которые должны были днем и ночью следить за женами султана. Они несли книги с перечнем жен. Следом шли служанки с факелами.

Перепись была делом трудным и сложным. Юноши, пробравшиеся в гарем, не собирались так просто сдаться и, по мере того как султан двигался по гарему, перебежали из комнаты в комнату, ибо знали, что за свою страсть им при-

дется заплатить жизнью. Однако участь несчастных была решена: дворец тесным кольцом окружили воины.

Насир-уд-дин быстро устал. Не от ходьбы, ибо он сидел на троне, который несли на своих плечах служанки. У него стали болеть глаза от чтения записей. По приказу султана трон осторожно опустили на пол, и Насир-уд-дин положил голову на подушку, чтобы забыться во сне. Однако это ему не удалось.

Раздался страшный грохот. Крепость Мэнди, которая стояла высоко на горе, качнулась. Подушки вылетели из-под головы султана, трон перевернулся. Насир-уд-дин плашмя упал на пол.

— Спасите! — заорал он. — Спасите! Клянусь, что никому больше не причиню зла! Это джинны пришли за мной! Спасите!

Факелы выпали из рук служанок и покатались по полу, тысячи искорок то вспыхивали, то гасли, как светлячки. Ветер шелестел страницами книг. Никому не нужные, они валялись под ногами. Потом вспыхнули и загорелись ярким пламенем, словно костер во время холо.

Пол ходил ходуном, стены качались, служанки падали на жен султана, жены — на служанок, наконец, они все вместе попадали на пол. Пестрые накидки слетели с плеч, но женщинам было не до нарядов.

Воины султана решив, что настал Судный день, послысь взад-вперед как очумелые. Юноши, пробравшиеся в гарем, думали: «Все кончено! Мы погибли! А с нами вместе и наши любимые! Даже жестокому Насир-уд-дину не спастись от гибели — он тоже обречен!» Словно безумные, падая и спотыкаясь, бежали юноши, совершенно не сознавая, что неожиданно к ним пришло спасение. В конце концов всем им удалось благополучно выбраться за дворцовые стены. Казалось, сам всевышний послал это землетрясение, чтобы помочь им.

Ман Сингх шел из Ман-Мандира в Гуджари-Махал. При тусклом свете луны Ман-Мандир напоминал ему человека, погруженного в раздумья. Ман Сингх невольно остановился. Полюбовался дворцом, потом пошел дальше. Войдя в покои к Мриганаяни, он сказал ей:

— Сейчас я смотрел на Ман-Мандир, и мне показалось, будто он похож на человека, погрузившегося в раздумье.

— Ман-Мандир всякий раз выглядит по-иному, — ответила Мриганаяни. — То он смеется, то поет, а иногда, вот

как сегодня, бывает задумчив. Когда-нибудь вы услышите, как он ударит в боевой барабан.

Вдруг раздался грохот. Ман Сингх и Мриганаяни насторожились. Стены Гуджари-Махала задрожали, закачались, словно качели. Двери, украшенные изображениями банановых листьев, распахнулись. Мап Сингх и Мриганаяни обнялись и, не удержавшись на ногах, полетели на пол.

— Конец света! — произнес Ман Сингх и закрыл глаза. — А ведь я еще не все успел сделать!

— Не бойтесь ничего, мой раджа! Помните о благословляющей улыбке бога, о стойкости и выдержке, которым учит тандав Шивы, и спокойно, без колебаний, приготовьтесь к бесконечности! — Взгляд Мриганаяни был тверд, губы плотно сжаты.

Вернувшись домой после целого дня трудов, Виджая Джангам смазал свои длинные волосы маслом и стал молиться. Неожиданно раздался удар грома. Дом покачулся, Виджая упал и кубарем покатился по коврику.

— То грохочет дамару Шивы! — воскликнул он. — Это начало тандава! Боже, ты не смог терпеть доле злодеяний и жестокостей калиюги! Молю, прими меня в свою обитель! Я готов!

Всю свою жизнь Виджая трудился и ел хлеб, заработанный в поте лица. Поэтому сейчас он был спокоен. Он верил, что его, как и других шивантов, которые живут своим трудом, ждет гора Кайласа — рай Шивы.

Наскоро поев, наяк Байджу взял танпуру и начал отрабатывать новую песню дхрупада. Когда он услышал громовые раскаты, ему показалось, будто кто-то с силой бьет в пакхавадж, аккомпанируя ему. Однако грохот никак не шел в унисон с песней.

— Да что же это такое? — закричал Байджу и открыл глаза. Но в комнате никого не было. Только на крючке, вделанном в стену, раскачивалась вина.

— Прости меня, мать Сарасвати, если где-то допустил я фазышь! — воскликнул Байджу.

Вина соскочила с крючка и со звоном упала на пол. Байджу вместе с танпурой, которую он крепко держал в руке, отлетел в сторону.

— Эй, не знаю, кто ты, только не разбей мою танпуру! — крикнул он.

По-разному вели себя люди во время землетрясения. Сетхи, ростовщики и прочие богатые горожане больше всего боялись за свое добро. Крестьяне и ремесленники спасали детей, укрывая их своими телами от обломков рухнувших хижин.

Это страшное землетрясение надолго запомнилось людям. Всего несколько минут содрогалась и стонала земля, но смертельный ужас объял все живое, словно и в самом деле настал конец света.

Во дворце Сикандара Лоди вновь зажгли свечи. Муллы и сардары, оправившись от испуга, заняли свои места в приемном зале. Но сейчас уже никто не рвался в поход. Его решили отложить по крайней мере на несколько дней.

Правитель Мальвы Насир-уд-дин, очнувшись от обморока, пасмерть перепуганный, забормотал что-то бессвязное. Жены его, поднявшись с пола, принялись ощупывать себя и приводить в порядок свои одежды. А когда воины наконец оправились от испуга и снова окружили дворец, переодетые юноши были уже далеко. Султан велел прекратить перепись жен.

Махмуд Бегарра с трудом вылез из-под кровати. Он с ног до головы был перемазан рисом, длинная борода его и усы растрепались. Но это бы еще ничего, хуже было то, что из-за этого проклятого землетрясения ему предстояло голодать до утра!

Спать султану не пришлось. Надо было навести в лагере порядок.

После этого он приказал повернуть в Гуджерат, считая, что дальнейшее продвижение не сулит ему ничего хорошего.

Как только толчки прекратились, Ман Сингх открыл глаза и увидел, что Мриганаяни спокойна, будто ничего не произошло.

— Что это было? — спросил раджа.

— Землетрясение, — ответила Мриганаяни. — Всевышний послал его, чтобы напомнить нам о долге.

Виджая Джангам не очень огорчился, когда увидел, что не попал на гору Кайласу.

«Рано или поздно я буду там, — решил он. — Надо лишь еще усерднее трудиться».

Байджу, когда все стихло, сказал:

— Мать Сарасвати, ты простила мои прегрешения! Простила, да? Я виноват и готов сам себя оттащить за уши за тот неверный звук, который издали струны моей танпуры. Со мной этого больше не случится. Но в Гвалиоре слишком часто слышишь фальшь. Вот всевышний и покарал за это!

Гвалиор сильно пострадал от землетрясения. Но люди богатые быстро восстановили свои каменные дома. Хуже пришлось беднякам. Хижины ремесленников и крестьян были разрушены до основания, и теперь бедняги ютились в жалких лачугах, сложенных из обломков.

Вскоре Ман Сингх начал строить крепость на холме близ Раи, но не вкладывал в это дело столько души, сколько в искусство. Поэтому картина Мриганаяни все еще оставалась неоконченной.

64

По Гвалиору пронеслась весть о приходе махатмы. Он пришел из Рамешвара. Вся одежда его состояла из ланготи*, а питался он одними листьями нима. День и ночь был погружен махатма в самосозерцание.

В одном ланготи, босиком дойти до Гвалиора! Непроста это!

Страх охватил гвалиорцев, ужас сковал их сердца. Напади в это время враг, они не стали бы братья за оружие и всецело верили бы свою судьбу всевышнему.

Еще до землетрясения Ман Сингх очистил озеро Моти, расположенное в двух-трех косах к северу от Гвалиора, возвел плотины и начал рыть канал для орошения соседнего района. Во время землетрясения берега кое-где осыпались. Но Ман Сингх не стал восстанавливать их. Зато укрепил плотины — сделал их выше и шире.

На берегу этого озера и остановился махатма. Он пожелал встретиться с раджей, или, как сообщил Ман Сингху посланный махатмой человек, «осчастливить его, позволив лицезреть себя». Но для этого раджа должен был сам отправиться на берег Моти.

«Только затем, чтобы явить нам свой лик, махатма проделал путь в шестьсот—семьсот косов, так неужели я не пройду два-три коса, чтобы увидеться с ним?» — рассудил Ман Сингх.

Виджая придерживался иного мнения:

— Йоги и махатмы не бродят с места на место, если нет на то особых причин. Так поступают те лишь, которые хотят посеять страх!

— Но он подвижник. Что же в том дурного, если я навещу его?

— У таких подвижников одна цель: требуя покаяния, зажать все и вся в свой кулак. Им все равно — попадут они в рай или нет. Да вы же сами говорили это еще много лет назад, после моего спора с одним вишнуитом. Помните?

— Да, да, припоминаю что-то. В тот день из деревни Раи к нам пожаловал жрец Бодхан и впервые рассказал мне о гуджарской рани... Но в пуранах я не раз читал о том, как йоги приходили к раджам, чтобы дать им наставления. И раджи принимали их с почетом.

— Забудьте о том времени, подумайте лучше о настоящем. Не сегодня-завтра начнется война с тюрками. Если вы пойдете к махатме, то и ваши подданные толпами повалятся к нему. Они забудут о мирских делах и станут жертвами обмана.

Прошло два дня. Радже сообщили, что йог перестал принимать пищу.

— До тех пор, пока раджа не посетит меня, я не дворонусь даже до листьев нима,— объявил он.

Ман Сингх встревожился.

Но Виджая сказал ему:

— Стоит ли беспокоиться, махараджа, от того, что одним сумасшедшим станет меньше?

— Про Байджу тоже говорят, что он безумный, но ведь никто не желает ему смерти!

— Байджу столько трудился и достиг таких вершин, что не мудрено было ему лишиться рассудка, а этот махатма, называющий себя йогом, честолюбивый глупец!

— Все равно, я не допущу, чтобы махатма умер с голоду! Это посеет в народе страх и вызовет смуту.

И Ман Сингх пошел к махатме.

Йог был худым, даже тощим. С длинными жилистыми руками и горящими глазами. Тело у него было молодое, а волосы совсем седые.

«Это от занятий йогой стал он таким»,— подумал Ман Сингх и поклонился махатме. Тот поднял руку, благословляя раджу, и произнес:

— Обуяла тебя гордыня!

Ман Сингх вспомнил, что он кшатрий и что йог мог бы разговаривать с ним попочтительнее, но занятия искусствами воспитали в радже сдержанность, и он сказал лишь:

— Гордыня здесь ни при чем. Я готовился к войне.

— Вот об этом я и хотел поговорить с тобой.

— Я слушаю тебя, махатма.

— Сколько воинов собрал ты?

— Пятьдесят тысяч в Гвалиоре, двадцать пять — в Нарваре да еще тысяча воинов на сторожевых постах по реке Чамбал.

— Бог с ними, со сторожевыми постами. Скажи лучше, смог бы ты еще увеличить войско?

— Не так это просто, но если нужно будет, постараюсь.

— А готова ли Гвалиорская крепость к нападению врага?

— Готова, махатма.

— Следи за подземными ходами. Они могут понадобиться.

— Не беспокойся: подземный ход в порядке.

— Ход? А разве он один у тебя?

— Да, один.

— Куда он ведет?

— В горы, в леса. По, простите меня, предки завещали радхам Гвалиора держать это в тайне. Никто, кроме сыновей и главного полководца, не должен знать о подземном ходе. Поэтому я ничего больше не могу сказать.

— Не можешь — не надо! Но помни, больше времени уделяй чтению священных книг и богослужениям. И войны твои пусть молятся почаще. Только это спасет вас от беды. А теперь иди. Ты мешаешь мне. Я должен сосредоточиться.

Ман Сингх ушел. Иссохшее тело и горящие глаза йога произвели на него сильное впечатление.

Виджае не терпелось узнать о встрече раджи с махатмой. Но увиделись они лишь на следующий день.

Ман Сингх рассказал все подробно и под конец заметил:

— Как видите, ничего страшного не произошло. Махатма мне очень понравился. Тело у него сухое и желтое, словно золото, в глазах пылает огонь.

Но Виджая по-иному воспринял рассказ раджи.

— Вы говорите, не произошло ничего страшного! Да он выпытал у вас все военные тайны!

— Вы никогда никому не верите!

— Неужели вы сомневаетесь в том, что этот «подвижник» обманул вас? Он велел вам с усердием изучать священные книги и без конца устраивать богослужения. А от человека, который в военное время дает подобные наставления, добра ждать не приходится. Лучше пошлите кого-нибудь к озеру Моти. Я уверен — вашего «подвижника» и след простыл.

Раджа велел разыскать йога. Но посланные вернулись и сообщили, что махатма еще вчера вечером куда-то исчез.

— Махараджа! — с укором произнес Виджая. — Мне кажется, это был вражеский лазутчик. Он получил нужные ему сведения и исчез. То, что он узнал численность войска, еще не столь страшно. Куда хуже, что врагам стало известно о подземном ходе. Теперь нам нечего рассчитывать ни на доставку продовольствия, ни на подкрепления. Нужно запастись побольше зерна, а подземный ход завалить, чтобы противник не воспользовался им.

Ман Сингх молчал. Да и что мог он ответить? Он вспомнил слова Мриганаяни об искусстве и долге и подумал с горечью:

«Неужели приверженность к искусствам лишила меня зоркости воина?.. Нет, искусство в этом не виновато! К тому же, вполне возможно, что это и в самом деле был йог. Мало ли почему он вдруг исчез, это еще ничего не значит. А то, что он советовал больше времени уделять молитвам и богослужениям, так на то он и йог... А что, если Виджая прав и я выболтал тайну лазутчику? Надо по-настоящему взяться за войско и непременно завалить подземный ход. Ну, а если Гвалиор будет осажден? Ничего, справимся. Главное в войне — вера в бога и сила человека!»

Ман Сингх приказал завалить подземный ход и начал спешно готовиться к войне. Он возвел крепость в Раи, починил и укрепил другие крепости, привел в порядок боевые посты.

И вот однажды, ранним утром, в сезон дождей пришло известие о том, что Сикандар Лоди с огромным войском переправился через реку Чамбал.

Сикандар Лоди разделил свое войско на три части. Одну он послал на Нарвар, а две другие на Гвалиор, причем ту часть, которая двигалась на Гвалиор через Раи, султан пожелал возглавить сам.

О том, что делийское войско разделилось на три части, Ман Сингх знал. Однако ему не было известно, что одна его часть движется на Нарвар, и раджа полагал, что Сикапдар думает напасть на Гвалиор с трех сторон.

Ман Сингх быстро разработал план военных действий. Сам он нападет на делийское войско с севера, с юга противника оттеснит один из его военачальников, в лоб султану ударит Атал. Опорным пунктом Атала будет новая крепость в Раи.

Вместе с Аталом пришлось ехать и Лакхи.

— Так хотелось пожить в Гвалиоре! — сказала Лакхи, прощаясь с Мриганаяни, и умолкла. К горлу подступил комок.

— Мне тоже тяжело с тобой расставаться, — ответила Мриганаяни. — Попрошу Атала не брать тебя с собой. Крепость в Раи не очень надежная. Оставайся! Вместе будем защищать Гвалиор!

— Нет, Атал будет сражаться за пределами крепости. Я же останусь внутри и в нужный момент помогу ему.

— Что ты сделаешь одна?

— Не одна, там будут жены и других военачальников. В прошлый раз, когда напал враг, крестьяне укрывались в лесах. Сколько бед выпало на их долю! Чего только не пережили тогда мы с тобой! Но сейчас они найдут прибежище за крепостными стенами.

— Все это хорошо. Но если крепость будет осаждена?

— Попасть в осаду можно везде.

— И все же здесь безопаснее. Впрочем, не слушай меня, я говорю так лишь потому, что мне жаль расставаться с тобой. Конечно, там, в своей маленькой крепости, ты будешь куда нужней, чем здесь.

— Я тоже так думаю. Но сама не знаю, почему на душе у меня тяжело. Улыбнись же мне на прощание! Так же весело, как в прошлый раз, когда я впервые уезжала в крепость Раи!

На губах Мриганаяни появилась улыбка, глаза увлажнились. Лакхи не выдержала, и по щекам ее покатились крупные слезы. Подруги крепко обнялись.

— Если будет плохо, извести. Я вышлю помощь,— сказала Мриганаяни.

— А если не удастся известить? — спросила Лакхи, вытирая слезы.

— Подай сигнал, который был бы виден отсюда.

Лакхи вспомнила Нарвар, ту памятную ночь, когда наты разожгли огромный костер, и пообещала в случае опасности последовать их примеру.

На прощание Мриганаяни сказала:

— Надеюсь, что на этот раз враг будет обращен в бегство!

Когда, выходя от Мриганаяни, Лакхи обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на подругу, по щеке ее катилась одинокая слезинка.

Вскоре и Ман Сингх покинул Гвалпурскую крепость.

На следующий день Мриганаяни прошла к себе в мастерскую и наложила краски на часть картины, олицетворяющую долг.

Первая схватка между делийскими и гвалпурскими войсками произошла в холмистых долинах Алампура, недалеко от Мурены. Северный отряд Сикандара столкнулся с отрядом Ман Сингха. Сражение началось с конного боя, — слоны Ман Сингха еще не были выстроены против слонов Сикандара. Раджа сражался на коне, коню он доверял больше.

Вступили в бой и слоны. Бились они лениво, словно нехотя, оглашая окрестности громким ревом. Слоны растянулись в две длинные шеренги. Одна против другой. Воины, сидевшие на слонах, были в крепких кольчугах, шлемах, наплечниках и нагрудниках, поэтому стрелы не могли причинить им особого вреда.

Зато между пешими и конными воинами схватка была жестокой.

Неожиданно Ман Сингх увидел во вражеских рядах воинов со странной наружностью. Кожа у них была бронзо-

вого цвета, лоб узкий, глаза маленькие. Нос плоский и такой широкий, что казалось, будто он касается ушей. Рот огромный, словно растянутый в улыбке. Щеки толстые, как бурдюки с вином, скулы широкие, голова втянута в плечи, словно шеи нет и в помине. На щеках и бороде — редкая растительность.

Ман Сингх напряг память: где-то он читал об этих людях.

«Это гунны или монголы, — решил он. — Яшодхарман * уже разбил когда-то их предков. Теперь то же самое предстоит сделать мне».

Ман Сингх приказал конному отряду томаров атаковать монголов, и они вихрем понеслись на врага. На помощь монгольской пехоте устремился отряд конных тюрок, но тюрки опоздали: томары успели нанести врагу сокрушительный удар. Монгольские воины стояли не на жизнь, а на смерть, но томарская конница, словно смерч, сокрушила все на своем пути. И когда тюрки примчались к месту боя, томарские конники уже порубили почти всю пехоту. Тюрки бросились на томаров, но тут с криками: «Хар, Хар, Махадев!» * — на них налетел с фланга отряд Ман Сингха. Тюркская конница продержалась недолго: томары, разбившие монголов, атаковали ее с другой стороны. Тюркским конникам пришлось отступить, а вместе с ними начала отходить и делийская пехота. Стараясь сохранить боевой порядок, войско Сикандара медленно отступало под натиском гвалиорцев. Увидев это, тюркские воины повернули назад слонов.

К вечеру тот фланг делийского войска, который оттеснил Ман Сингх, сумел в ходе отступления соединиться с частями, расположенными в центре. Однако и это не помогло делийцам.

Бой прекратился только с наступлением темноты, по сигналу Ман Сингха. Раджа отвел свое войско в безопасное место, разбил бивуак.

Но едва рассвело, вновь вспыхнул бой. На этот раз делийцы сражались очень осторожно — накануне они понесли большие потери. Командовал войском сам Сикандар.

Отряд Ман Сингха соединился с отрядом Атала, сражавшегося в центре. За спиной у гвалиорцев были леса и горы. Там в случае необходимости можно было укрыться. А еще дальше стояла крепость Раи.

Левифланговый отряд томаров не участвовал в бою: узнав, что часть делийского войска пошла походом на Нарвар, Ман Сингх послал этот отряд защищать город. Однако то-

мары не встретились с противником: Сикандар еще ночью приказал воинам, посланным в Нарвар, вернуться и напасть на войско Ман Сингха с тыла.

После полудня войско, пришедшее на помощь Сикандару, спустилось с гор и, обойдя левофланговый отряд Ман Сингха, зашло гвалиорцам в тыл. Однако не успели делийцы выйти из леса, раскинувшегося у подножья горы, как их заметил Ман Сингх.

— Следите за центральным участком боя, — сказал он Аталу и другим военачальникам. — Главное — не дать тюркам прорвать наши ряды и расколоть войско на две части. О тыле я сам позабочусь.

Воодушевленные этим приказом, гвалиорцы из всех сил старались сдерживать натиск врага. Ман Сингх с пехотой и конницей двигался в сторону леса.

Нелегко было радже вести бой со свежими силами противника, да еще в лесу. И все же враг начал отступать. К вечеру Ман Сингх далеко отбросил вражеское войско, но оно совершило обходный маневр и соединилось с войсками Сикандара.

Получив подмогу, Сикандар перешел в наступление, и Атал вынужден был отойти к северу. Однако Сикандар продвинулся еще немного и остановился на ночлег.

Ночью Ман Сингху не удалось соединиться с отрядом Атала. И когда на рассвете сражение возобновилось, Аталу снова пришлось отступать. Ему оставалось уйти в Гвалиор или в крепость Раи. Атал выбрал Раи. Крепость находилась совсем близко, и оттуда легко было соединиться с Ман Сингхом. Дождавшись темноты, Атал отвел свое войско в Раи.

На следующий день Ман Сингху одному предстояло сражаться с огромным войском Сикандара, подошедшим с юга. Накануне делийские войска были выстроены полукольцом. Удлиненный его край сражался с отрядом Атала, а другой, покороче, — с отрядом Ман Сингха. Но с отходом Атала Сикандар перестроил свою армию, и теперь делийское войско образовало длинную стрелу, которая должна была воцелиться в войско Ман Сингха и разбить его на две части. Но Ман Сингх разгадал этот маневр Сикандара и отошел назад, чтобы перестроиться и всеми своими силами ударить по врагу. Однако на это нужно было много времени, и до наступления ночи Ман Сингх не успел осуществить свой план. Между тем делийское войско углубилось далеко в лес, двигаясь в направлении Раи.

В трехдневном бою дельйцы понесли большие потери. Но на четвертый день Сикандар, обнаружив, что путь на север открыт, воспользовался этим. Один из его отрядов кружным путем пошел к Гвалиору, чтобы захватить прилегающий к городу район.

«Только бы не оказаться отрезанным от крепости», — подумал Ман Сингх, когда ему стало известно об угрозе, нависшей над столицей. Чтобы сорвать планы Сикандара, Ман Сингх повернул свои войска наперерез отряду, идущему к Гвалиору, но открыл таким образом путь на Раи. Сикандар сразу же окружил крепость Атала. Но Атал не растерялся. Он знал, что захватить крепость Раи не так-то просто. Она стояла высоко на горе. По обе стороны ее были глубокие ущелья. К востоку же гора обрывалась, образуя вертикальную стену. Таким образом, с юга, севера и востока крепость была защищена и только на западе, прямо от крепостных ворот, шел спуск в небольшую долину.

Не получая никаких известий об Атале, Ман Сингх решил, что он со своим отрядом укрылся в крепости Раи. Однако пойти к нему на помощь, не обеспечив полной безопасности Гвалиора, он не мог.

Ман Сингх ударил по отряду, посланному Сикандаром на север, нанес ему огромные потери и заставил отступить. Но в это время с юга подоспели главные силы противника. Дельйцы оставили у крепости Раи один отряд и теперь двигались на Гвалиор.

Ман Сингх приготовился к встрече. Он знал: схватка будет решающей. Сикандар сделал все, чтобы окружить столицу, но его попытки занять прилегающие к Гвалиору горы всякий раз терпели неудачу. Дельйская конница, подобно морскому валу, встретившему на своем пути неприступный утес, налетала на томаров и снова откатывалась назад.

Ман Сингх решил, что вести войну из крепости куда разумней, и с наступлением ночи отвел свои войска в Гвалиор.

А Сикандар в это время обдумывал план уничтожения рассредоточенной армии Ман Сингха и окружения Гвалиора. Но как только взшло солнце, падишах увидел, что противник исчез: раджа со своим войском уже укрылся в крепости. Сикандар еще не забыл уроки прошлых походов. Девятнадцать лет назад отец его Бахлол пытался штурмом овладеть Гвалиором. Он сам тоже штурмовал Гвалиорскую крепость, но Ман Сингх каждый раз выходил победителем.

И Сикандар, наученный горьким опытом, не желал повторять ошибок.

Все попытки взять Гвалинор штурмом в течение двух последних десятилетий кончались провалом. Непреступная крепость стояла на высокой, в двести пятьдесят хатхов, горе с почти отвесными склонами, и под ее стенами уже погибли многие тысячи турецких воинов.

Сикандар приказал позвать главного лазутчика и, когда тот явился, спросил его:

— Где подземный ход в крепость?

Лазутчик — уже знакомый читателю «махатма», правда, на этот раз уже не седой, — ответил:

— Повелитель, подземный ход где-то здесь, в этих лесах и горах. Больше ничего мне не удалось выведать у Ман Сингха. Завтра на рассвете надо будет начать поиски.

На следующий день сражений не было: и гвалинорские и делийские воины с ног валились от усталости, поэтому полководцы решили дать им отдых.

Сикандар замкнул кольцо вокруг Гвалинора. Теперь надо было найти подземный ход. Но когда делийские разведчики наконец разыскали его, вход оказался завален камнями.

— Расчистить ход! — приказал Сикандар. — Крепость будем штурмовать и днем и ночью!

Стали расчищать ход. Сперва все шло хорошо: вытаскивать камни было не таким уж трудным делом. Однако вскоре делийцы уперлись в стену: Ман Сингх замуровал ход. Разрушить кладку было невозможно. Пав духом, Сикандар вернулся в лагерь и решил до утра ничего не предпринимать.

Около полуночи часовые Сикандара, уверенные в том, что противник в самую темень и носа не высунет, уснули. Но неожиданно темноту нарушили громкие крики. Воины повскакали со своих мест, похватали оружие и бросились врассыпную. Освещенные тусклым светом луны, пелись стрелы, поражая турецких воинов. Многие уже были убиты, когда делийскому войску удалось наконец сблизиться с неприятелем. Сикандар так и не смог построить своих воинов в боевой порядок и вскоре делийцы под градом стрел отошли назад.

К рассвету отряд гвалинорцев скрылся, и Сикандар решил, что в Гвалиноре есть еще и другие тайные ходы.

«Днем непременно разыщем их», — не теряя надежды, подумал падишах.

Целый день искали делийцы потайные ходы, но так и не нашли. Тогда Сикандар решил покончить с крепостью Раи.

Однако прежде надо было обезопасить свой лагерь от неожиданного нападения. Он еще теснее сжал кольцо вокруг Гвалиора.

«Теперь мне нечего бояться. Если даже у гвалиорцев и есть еще тайные ходы, то выйти из них можно лишь за пределами лагеря», — решил Сикандар.

Тюрки штурмовали крепость Атала, но безуспешно. Защитники крепости осыпали их стрелами. Тяжелые камни скатывались по склону и давили турецких воинов.

Ночь для Сикандара прошла спокойно.

Весь следующий день делийцы опять искали подземный ход и опять не нашли. Штурм крепости Раи тоже не принес удачи.

А ночью гвалиорцы снова напали на Сикандара, на этот раз обрушив на него сокрушительный удар. Однако Сикандар был готов к встрече неприятеля. Численный перевес был на стороне делийцев, и гвалиорцы начали отступать. Ночной бой дорого обошелся Сикандару: пытаясь во что бы то ни стало задержать гвалиорцев, не дать им уйти под покровом темноты, он потерял много воинов убитыми и ранеными. Но когда рассвело, Сикандар увидел, что неприятель исчез. На поле оставался лишь небольшой отряд гвалиорских воинов. Окруженные тюрками, раджпуты отважно сражались, и, когда солнце поднялось над землей, в живых остался лишь один гвалиорец. Весь израненный, он умирал. Надеясь получить от воина нужные сведения, Сикандар приказал перевязать ему раны.

— Откуда ты пришел? — мягко спросил он.

Раненый указал на крепость.

Это обнадежило Сикандара, и он продолжал:

— Вышел подземным ходом?

Воин кивнул головой.

— А как, друг мой, найти этот ход? — спросил Сикандар как можно ласковей.

— По левую руку... Выходит... к озеру... — с трудом проговорил раненый.

Сикандар обрадовался и тотчас отправил своих воинов на поиски. Через несколько минут гвалиорец умер.

Вернувшись, воины сообщили, что ни по левую, ни по правую руку от озера нет никакого хода.

Сикандар взглянул на мертвого воина. На губах погибшего застыла улыбка. Сомнение закралось в душу султана. Он сам отправился к озеру, но никаких следов подземного хода так и не нашел.

Сикандар рассвирепел.

— Этот негодяй обманул меня! Он солгал даже на смертном одре!

Расставив вокруг Гвалиора сторожевые посты и дозоры, Сикандар в ярости обрушился на крепость Ран.

Атака следовала за атакой, уже спустилась ночь, но крепость не дрогнула.

Наконец Сикандар подал сигнал к отбою. Туркские воины вернулись в лагерь. Вокруг крепости воцарилась тишина.

Лакхи развела огромный костер. Пламя поднималось все выше и выше, огненные языки уже лизали небо.

— Махараджа, Атал Сингх и Лакхи в опасности! — взволнованно сказала Мриганагани.

Ман Сингх был полон решимости.

— Теперь я точно знаю, что они укрылись в крепости, и завтра же выступлю им на помощь. Я нанесу туркам такой удар, от которого они никогда не оправятся!

— Только будьте осторожны, берегите себя.

— Когда воин идет в бой, он не думает об опасности!

— А я вернусь к своей неоконченной картине. Любовь к вам заслонила долг. Но теперь, мой повелитель, я полна решимости. Об одном лишь жалею, — что не смогу быть рядом с вами.

— Сикандар все теснее сжимает кольцо вокруг Гвалиора. Нужно прорвать это кольцо и, ударив с тыла, разбить вражеское войско. Если это не удастся, турки подойдут к самым стенам. И тогда стреляй из лука сколько угодно.

При виде яркого пламени войны Сикандара, осаждавшие крепость Ран, заволновались.

«А что, если это раджпутки развели погребальный костер? Значит, их мужья сейчас нападут на нас», — с тревогой думали они.

Но пламя погасло, а неприятель не показывался. Турки напряженно прислушивались, однако из крепости не доно-

силось ни звука. И все же было не по себе. Зачем понадобилось разводить такой костер? Ведь сегодня не холодно. Что-то здесь не так.

Сардары устроили совет. Нашлись смельчаки, которые решили этой же ночью перелезть через стену, открыть изнутри ворота, ворваться в крепость и покончить с раджу-путами. Достав веревки и лестницы, они приступили к делу.

В крепости ни о чем не подозревали.

— В Гвалиоре, наверное, видели пламя и знают, что мы в опасности, — сказала Лакхи Аталу.

— Едва ли нам окажут помощь: по-видимому, Гвалиор тоже в осаде. Однако нечего зря гадать, — посмотрим, что принесет завтрашний день. Кто знает, — быть может, махараджа придумает что-нибудь.

— Почему непременно завтра? Он может прийти и сегодня ночью.

— Не думаю. Его воины тоже сильно устали за день.

— Но спать нам нельзя.

— У меня глаза ломит от усталости.

— Ну вздремни немного. Я разбужу тебя.

Но Аталу не удалось поспать: к нему пришли крестьяне из деревни, те, что укрылись в крепости. Крестьяне не поклонились Аталу, хотя, по заведенному обычаю, каждый, будь то воин или крестьянин, должен был кланяться джагирдару или коменданту крепости, и обратились к нему, как равные к равному:

— Мы не спали уже несколько ночей. Так что сегодня, брат, поставь еще кого-нибудь в караул, а мы отдохнем.

Оказывается, он им брат, а не господин!

Атал хорошо помнил, что из-за жестокости этих людей им с Лакхи пришлось бросить свой дом и скитаться по свету.

— Как вы являетесь ко мне?! Как разговариваете?!

Крестьяне растерялись, так и не поняв, в чем их вина.

— Как прикажешь, так и сделаем. Только очень уж мы утомились, — робко произнес один из крестьян.

Атал вышел из себя.

— Идите по местам! — заорал он. — Ради вас мы рискуем жизнью!

Крестьяне опять ничего не поняли, потому что были уверены, что Атал защищает свой джагир, а не их, крестьян. Потупив голову, молча вышли.

«Они могли бы отдохнуть. С той стороны враг едва ли появится», — подумала Лакхи, а вслух сказала:

— Поспи, я не буду ложиться.

Атал тотчас уснул. А Лакхи взяла лук и колчан, полный стрел, прикрепила к поясу меч, надела наплечники и нагрудники и вышла.

Люди на постах падали с ног от усталости, мало кто думал об охране крепости. Напомнив им о долге, Лакхи прошла на пост, где стояли крестьяне из деревни Раи. Одни из них уже спали, другие с трудом преодолевали дремоту.

— Идите по домам, отдохните немного. Я сменю вас, — предложила Лакхи.

Крестьяне обрадовались, но для виду стали отказываться, говорили, что у них хватит сил выстоять до утра. Однако Лакхи была тверда в своем намерении. Она ласково простилась с крестьянами и осталась одна.

— Оба из нашей деревни, а совсем разные люди! — говорили крестьяне.

У стены, которую должна была теперь охранять Лакхи, росло огромное дерево, своими ветвями касавшееся зубцов. Под его кроной, густой и развесистой, и расположилась Лакхи. Но ей не сиделось, — она поднялась, взобралась на стену и, встав между зубцами, внимательно огляделась. Внизу все окутал мрак, даже леса не было видно. Слабо мерцали рассыпавшиеся по небу звезды. Высившиеся вдаль горы, казалось, были объаты сладким сном. Узкой серебристой лентой вилась река Санк. И только пламя тюркских костров напоминало об опасности. Да в самой крепости время от времени тишину нарушали возгласы: «Не спать! Не спать!» Напуганные шумом, лесные обитатели ушли из этих мест, и теперь уже по ночам не слышно было их криков. Только сверчок как ни в чем не бывало тянул свою песню.

Вдруг Лакхи почудилось, будто снизу донесся какой-то шорох. Она стала всматриваться, но разве увидишь что-нибудь в такой темноте? Напрягла слух. Тихо. Лакхи решила, что это был зверь, и села, прислонившись к стене. Ей вспомнилась почь в Нарваре. Такая же темная. Стена была гораздо выше этой. Они с Аталом среди натов словно зерно между жерновами. Допусти она малейшую оплошность, и оба погибли бы. Теперь же все иначе: здесь они почти в безопасности.

Снова раздался шорох. Лакхи вскочила. Прислушалась. Нет, все тихо. Наверно, какой-нибудь зверь пробирается к воде. Она еще долго вслушивалась, но ничто больше не нарушало безмолвия ночи.

Лакхи спустилась со стены и, устроившись под деревом, попыталась представить себе, что делается сейчас в Гва-лиоре.

«Наверно, они видели пламя. Завтра раджа придет на помощь, обратит врага в бегство, и я снова увижу свою Нинни».

Лакхи не спала уже несколько ночей, и глаза у нее слипались. Она прислонилась головой к дереву и задремала.

И приснилось ей, будто она в горном лесу. В одной руке у нее лук, в другой — стрела. Из-за кустов, прямо на нее, топча и ломая все на своем пути, несется стадо диких буйволов. Она кладет стрелу на тетиву, хочет натянуть лук, но рука не слушается ее, тетива не поддается...

Лакхи в тревоге открыла глаза. Лук и колчан — на месте. Значит, и лес и буйволы ей приснились... Но вдруг ей почудилось, будто недалеко от нее кто-то спрыгнул со стены. Может, померещилось? Она повернула голову и увидела, как со стены один из другим спускаются люди.

«Свои или тюрки?» — мелькнуло в голове.

В это время из-за стены показалась чья-то голова. Человек взобрался на стену, перегнувшись вниз, в сторону вражеского стана. Что-то сказал на незнакомом ей языке. Все сомнения Лакхи разом развеялись.

«Не спать!» — донеслось с дальней башни.

«Сколько их?» Лакхи всматривалась в темноту. Тюрки были близко, почти рядом, и о чем-то перешептывались. Один воин, прижавшись к стене, помогал остальным спускаться.

Лакхи осторожно подвинула к себе лук с колчаном, положила стрелу на тетиву и, прицелившись в голову, которая показалась из-за стены, выстрелила. Раздался крик. Тюрк сорвался и, увлекая за собой товарищей, которые следом за ним лезли по лестнице, полетел вниз, где во мраке толпились дожидавшиеся своей очереди воины. Послышались стоны и вопли. Пробравшиеся в крепость тюрки растерялись. А Лакхи все стреляла и стреляла. Со свистом летели стрелы. Одни поражали врага, и тогда раздавался стон или крик, другие же, ударившись со звоном о нагрудник, ломались или отскакивали.

Наконец тюрки обнаружили Лакхи и стали ее обстреливать. Однако попасть в нее было нелегко: ведь она пряталась за деревом, в темноте. Поэтому стрелы, свистя, пролетали мимо или со звоном ударялись о наплечники и нагрудники. Но одна стрела все же достигла цели: она глубоко вошла между ребер. Однако Лакхи, преодолевая боль, продолжала стрелять.

Стрелы кончились, но в живых оставалось еще несколько тюрков. Тогда Лакхи обнажила меч. Однако спазма сжала горло, изо рта струей брызнула кровь. Рука, в которой лежала рукоять меча, ослабла.

«Надо поднять тревогу», — подумала Лакхи и громко крикнула. Из рта снова хлынула кровь. Когда стало легче, Лакхи опять крикнула и прижалась к стволу, чтобы не упасть.

Один из тюрков хотел ударить Лакхи мечом, но опасность придала ей силы, рука стала тверже. Тюркок замахнулся. Но Лакхи присела, и меч рассек воздух. Зато Лакхи вонзила свой меч врагу в живот. Тюркок грохнулся наземь. В это время подоспели стражники. При свете факелов они увидели Лакхи. Тяжело раненная, она доживала последние мгновения. Несколько поодаль лежали сраженные Лакхи враги — некоторые из них еще были живы. С зубцов свисали веревки. Стражники обрубили их.

— Мужа моего... мужа позовите... — простонала Лакхи.

— Мы отнесем тебя к нему, — услышала она в ответ.

— Не надо... Не трогайте меня... Пусть он сам придет.

Один из стражников побежал за Аталом, другой принес воды.

Атал кинулся к Лакхи, обнял ее. Она тихо отстранила мужа. И тут Атал увидел, что грудь и шея ее залиты кровью, а изо рта течет тонкая алая струйка.

— Боже, за что это? — Слезы душили Атала.

— Скажи... выполнишь ты мою просьбу? — слабым голосом спросила Лакхи.

Атал сложил руки, словно призывая бога в свидетели.

— Я хочу... чтобы ты... женился... на... девушке своей... касты... — едва слышно произнесла Лакхи.

То были ее последние слова. Рот свело, по телу пробежала судорога, Лакхи скончалась.

Атал вытер слезы.

— Сложите погребальный костер, — приказал он охрипшим голосом. — Здесь, на этом самом месте! Поднимите

на ноги всю крепость и обшарьте каждый уголок — не прячется ли где враг.

Несколько воинов принялись складывать костер. Другие подняли тревогу и разбудили всех воинов и крестьян, укрывшихся в крепости. Проснулись и крестьяне из Раи. Дрожая от страха, явились они на свой пост, где погибла сменившая их Лакхи. Сурово взглянул на них Атал, но не произнес ни слова.

Он бережно снял с Лакхи украшения и положил их в сторону.

«Теперь ей уже не страшны законы каст», — с горечью подумал он.

Молитвенно сложив руки, Атал стоял и смотрел, как языки пламени лизали тело его подруги. В глазах у него не было ни слезинки. Только лицо выражало глубокое страдание.

«Лакхи, я выполню твою волю! Я жепюсь! Но снова на тебе. И очень скоро», — поклялся он.

Затем быстро зашагал к крепости. Военачальники последовали за ним. Войдя в свои покои, Атал подошел к окну, из которого был виден погребальный костер.

«Видит ли этот огонь Нинни?» К горлу подступил комок, но Атал тотчас взял себя в руки и, отвернувшись от окна, обратился к военачальникам:

— Сейчас мы откроем ворота и атакуем тюрок. Кто дорожит своей жизнью, может идти спать, кому дорога честь томаров, бхадауриев * и гуджаров, пусть наденет шафрановую одежду. * Прорвем вражеские ряды — тогда завтра будем в Гвалиоре.

68

Вокруг было тихо, лишь изредка раздавались крики часовых.

Пехота Ман Сингха вышла через западные ворота Гвалиорской крепости и спустилась по узкой извилистой тропинке, а из восточных ворот, тех, что недалеко от Гуджари-Махала, появились слопы и конница. Удар по делийцам был нанесен с двух сторон одновременно.

Сикандар не был готов к бою. Он опасался лишь небольшого отряда раджупутов, которые, пользуясь неизвест-

ным ему подземным ходом, уже дважды причинили ему столько хлопот. Однако нападения целой гвалиорской армии, да еще во главе с самим Мап Сингхом, он никак не ожидал.

Слоны топтали и давили воинов Сикандара, копница обрушила на тюрок страшный удар своих мечей, а пешие воины осыпали врагов стрелами.

Делийская армия дрогнула и под натиском отважных гвалиорцев начала отступать. Попытки Сикандара задержать отход своих войск кончились неудачей. Где бы ни шел бой, в долине или в горных лесах и ущельях, везде гвалиорские воины теснили врага. Одна часть турецкой армии отошла к югу от Гвалиора, другая отступила в направлении Раи, а третья была окружена и уничтожена слонами Мап Сингха. Мап Сингх был опытным полководцем. Его связные действовали быстро и точно.

Солнце еще не взошло над горизонтом, когда со стороны Раи показалось несколько всадников. Разыскав Сикандара, они доложили ему, что на войско, которое вело осаду крепости Раи, неизвестно откуда налетел противник, и завязался ожесточенный бой.

Это все, что они знали. Дело же обстояло так. Как только перевалило за полночь, ворота крепости Раи раскрылись, и оттуда на конях вылетели раджпутские воины: томары, бхаджури, гуджары — все в шафрановых одеждах. Тюрки, не ожидавшие нападения, растерялись. Лишь один отряд оказал сопротивление раджпутам. Разгорелся бой. Несколько воинов отрядили к Сикандару, чтобы известить его о неожиданном нападении (никому и в голову не приходило, что это раджпуты Атала вышли из крепости).

Атал дрался самозабвенно. Стрелять из лука он не мог, потому что враги плотным кольцом окружили его, зато меч Атала сверкал, словно молния, разя врага направо и налево. Остальные раджпуты сражались с неменьшим ожесточением. Медленно, но неуклонно пробивались они сквозь вражеские ряды. Казалось, сама смерть бежала от этих смелых, отважных воинов.

Заялась заря. Отблески ее заплесали в волнах реки Санк. А бой все еще продолжался. Стрела вонзилась Аталу в глаз. Смертельно раненный, упал он с коня.

«Я снова с тобой, моя Лакхи! Ты не успела далеко уйти от меня!» — пронеслось в его гаснущем сознании.

Атал умер, а войны его продолжали сражаться. Они искали смерти, но тщетно. Гибель Атала лишь распалила в их груди пламя ненависти, и они яростно набросились на врага.

А в это время вестовые доложили Сикандару, что со стороны Нарвара на подмогу Ман Сингху движется конница. Как только в Нарваре стало известно о нападении делийского войска на Гвалинор, оттуда тотчас же был выслан десяти тысячный отряд конных воинов.

Сикандар понимал, чем это грозит ему, и, тщательно все обдумав, решил увести свое войско в леса и горы, окружавшие деревню Раи.

Войдя в долину, где только что произошло сражение между отрядом Атала и осаждавшим крепость тюркским войском, он увидел, что поле брани усеяно телами тюрок и раджутов. словно забыв о вражде, они легли здесь рядом, чтобы забыться крепким, беспробудным сном.

Оказав помощь раненым, Сикандар двинулся дальше.

«Ни Гвалинором не овладел, ни крепостью Раи. Однако война еще не кончена. Вызову из Антарведа новое войско. Одна его часть поведет осаду Гвалинора, другая — Нарвара. Тогда эти крепости не смогут помогать друг другу», — думал султан.

Когда Сикандар снял осаду Гвалинора, Ман Сингх оставил одного из военачальников в крепости, а сам, беспокоясь за судьбу Раи, двинулся вслед за отступающим противником. Но Сикандара он не нагнал: турки были уже далеко.

Глубокая печаль овладела Ман Сингхом, когда он увидел убитых Атала и его военачальников в шафрановых одеждах. «Что заставило их броситься в объятия смерти? Ведь они знали, что я приду на помощь. Неужели нельзя было подождать всего несколько часов? И врагов нигде не видно. Что же произошло?!»

Ман Сингх поскакал в крепость. Ворота были открыты, и в крепости толпились крестьяне. Они рассказали радже о героической смерти Лакхи. Ман Сингх подошел к тому месту, где был сложен погребальный костер. Пепел еще не остыл. Чуть поодаль лежали украшения Лакхи и среди них — жемчужное ожерелье, которое он надел ей на шею тогда, во время охоты. Тяжело вздохнув, Ман Сингх поднял украшения и передал их одному из своих телохранителей. Потом,

оставив в крепости небольшой отряд, вернулся в Гвалиор к Мриганаяни.

С трудом сдерживая рыдания, выслушала Мриганаяни Ман Сингха.

Раджа положил перед ней украшения Лакхи и сказал:

— Помнишь? Я подарил ей это жемчужное ожерелье на охоте, в тот день, когда открылся тебе в любви.

Слезы брызнули из глаз Мриганаяни.

— Я повешу ожерелье над своей картиной.

Ман Сингх стал утешать Мриганаяни и ушел, лишь когда она немного успокоилась: ему надо было отдать кое-какие распоряжения. Прежде всего Ман Сингх взялся за повышение боевой мощи своей армии. Он знал, что турки продолжают двигаться по дороге на Агру, но не стал преследовать их. «Главное сейчас — укрепить войско», — думал он.

Переправившись через Чамбал, Сикандар соединился со своим резервом в Этаве и тотчас повернул назад. На этот раз огромная делийская армия была разделена на две части. Одна ее часть, возглавляемая самим Сикандаром, двинулась на Нарвар, другая — на Гвалиор.

Ман Сингх понимал, что вне крепости войско его недолго сможет противостоять многочисленной армии противника. Поэтому он выделил несколько конных отрядов, которые должны были постоянно тревожить делийское войско, а сам с остальным войском укрылся за крепостными стенами.

Сикандар осадил Нарвар. Однако нарварцы не пали духом: они считали свою крепость неприступной. И недаром: ее и в самом деле нельзя было взять штурмом.

Но Сикандар не сомневался в победе. Султан Мальвы, который в свое время хотел овладеть Нарваром, был ему не страшен. Власть правителя Мэнди сильно ослабла: между раджпутами и турко-патханами шли бесконечные распри. И Сикандар считал, что с Мальвой он сможет расправиться в любой момент.

«Главное — захватить Нарвар. После этого пойду на Чандери! Взять Чандери совсем не трудно. Мальва, потеряв Чандери, сама падет к моим ногам. А потом присоединю к

своему султанату и Гвалиорское княжество», — строил планы султан.

На помощь Сикандару пришел Радж Сингх. Он все еще мечтал вернуть нарварские владения своих отцов. Да и как мог он не думать об этом, если бхат, подстрекавший его отомстить за предков, находился при нем неотлучно? Известно ведь, в те времена политику тюрко-патханских правителей направляли муллы, а политику раджей и сардаров — бхаты.

Недаром ведь говорили о бхатах:

Преодолеешь ураган ты,
От смерти избавление найдешь.
А вот от метких строк поэта
Куда уйдешь?

Сикандар и Радж Сингх непрерывно штурмовали Нарвар, но крепостные ворота даже не шелохнулись. Нарварцы надеялись, что рано или поздно из Гвалиора все равно придет помощь, как это уже не раз бывало. Они не знали, что Гвалиор тоже окружен.

Одиннадцать месяцев длилась осада Нарвара. Сикандар в ярости скрежетал зубами, но уходить не собирался.

«Оружием не возьму, возьму голодом», — решил он.

Так оно и случилось.

Запасы хлеба в крепости кончились. Несколько дней нарварцы держались на древесной коре и листьях, но потом и их не стало. Тогда защитники Нарвара собрались на берегу озера Макардхвадж. Помянули Макардхваджа *. Поклонились вечно восходящему и заходящему солнцу. В последний раз взглянули на свой храм. Лица у всех были суровыми.

А затем произошло то, что всегда происходило в подобных случаях. Были сложены погребальные костры, женщины взойшли на них и погибли в пламени. Воины открыли ворота и с оружием в руках бросились на врагов. Сикандар победил. Но даже его придворный летописец записал в тот день, что Нарвар был сломлен голодом.

Хотя Сикандар одержал победу, ярость его не утихла.

— Вы получите Нарвар лишь после того, как я разрушу его до основания, — сказал он Радж Сингху. — А сейчас не хотите ли пройти со мной в крепость и взглянуть, как орудут молотками мои воины?

Радж Сингх не пошел, потому что знал: его будут обвинять в том, что он спокойно смотрел, как турки разрушают индусские храмы, и даже не пытался помешать им.

Сикандар, верхом на коне, объехал всю крепость. Шиваитских и вишнуитских храмов было немного, зато джайнистских не перечесть. Скульптуры джайнистских святых действовали на людей умиротворяюще, такое исходило от них спокойствие. Но что за дело было Сикандару до улыбки Вишну, несущей благословение, до неугасимой энергии Шивы и умиротворяющего облика святых джайнов?

Сикандар оставался в Нарваре шесть месяцев. Никто не поверил бы, глядя на груды развалин и обломков, что прежде на их месте стояли храмы со статуями дивной красоты. Не смог султан победить Ман Сингха, так хоть разрушил дорогие его сердцу храмы!

Зато сетхов и торговцев Сикандар не тронул. Он не смог обойтись без них, — ведь они держали в своих руках всю торговлю. А им, в свою очередь, нужны были деньги султана. В положении крестьян тоже ничего не изменилось: они по-прежнему платили подати и как прежде жизнь их зависла от панчаятов, обладавших неограниченной властью в деревне.

Однажды Сикандар позвал к себе Радж Сингха. Султан передал ему в джагир Нарварскую крепость с городом и прилегающими к нему землями, а сам двинулся на Гвалиор.

Более полутора лет прошло с тех пор, как Сикандар покинул Дели. Султан успокоился, разрушив Нарвар, и, кроме того, чувствовал сильную усталость. Со своей надеждой захватить Гвалиор он почти расстался. Поэтому, соединившись с войском, стоявшим у Гвалиорской крепости, султан снял осаду со столицы Ман Сингха и повернул назад, в Дели.

Получив Нарвар, Радж Сингх возликовал. Сколько времени прошло с тех пор, как предки его потеряли этот город. И вот наконец настал день, когда он может вернуться в свои исконные владения!

Нарвар был безлюден и мертв. Лишь в одной части, там, где расположились воины Радж Сингха, было оживленно.

Как только Радж Сингх известил Калу, что отпущен он — правитель Нарвара, она тотчас приехала к нему.

Радж Сингх повел Калу по своим огромным владениям.

Первая, северная часть, которую он показал Кале, называлась Дхола-Бара *.

— Дхола — наш предок, — сказал Радж Сингх. — Спасаясь бегством, он был выпущен прыгнуть с этих ворот. Потому-то и стали называть эту часть крепости Дхола-Барой.

У Дхолы было еще одно имя — Дулха *. А вот теперь я, через столько столетий, привел сюда свою невесту. Видишь зубцы над воротами? Когда раджа Нал покидал Нарварскую крепость, они склонились в печали и с тех пор так и стоят.

Потом Радж Сингх провел Калу во дворец.

— Посмотри, это трон раджи Нала и циновка, на которой он сидел. Нал — наш очень дальний предок.

«Неужели раджа Нал был настолько беден, что сидел на таком грубом троне и гнилой циновке?» — подумала Кала.

Когда они вошли в следующую часть крепости, Кале стало не по себе. Их окружали одни развалины. На земле валялись груды камней и обломки статуй.

— Что это? — спросила Кала.

Радж Сингха терзали угрызения совести. Ему казалось, будто повергнутые статуи посылают ему молчаливый укор за то, что он не спас их.

Радж Сингх рассказал Кале о том, как Сикандар расправился с храмами и статуями индусских богов и святых.

Глаза Калы наполнились слезами. Прерывающимся от волнения голосом она воскликнула:

— И вы позволили Сикандару сделать это? Надо было помешать ему!

Радж Сингх почувствовал стыд и растерянность.

— Моей вины здесь нет. В те дни меня не было в крепости. — попытался оправдаться он.

— Но вы знали ведь, что здесь творилось?

— А что я один мог сделать? И потом, ради тебя я вынужден был молчать. Но что без пользы сокрушаться? Прошлого не вернешь! Дай срок, и я построю здесь новые дворцы и храмы.

«Как, однако, безжалостно разрушил Нарвар этот тюрок! Но искусство нельзя убить. Даже от обломков статуй веет величием...» — думала Кала, идя рядом с Радж Сингхом.

Шло время, но Мриганаяни по-прежнему была хороша собой. Годы не изменили ее прелестного лица. Зато душа Мриганаяни с каждым днем становилась все прекраснее и светилась в ее удивительных глазах. Как и раньше, она усердно занималась искусствами, хотя давно уже достигла совершенства.

Байджу к тому времени создал несколько новых песен дхрупада. Он часто советовался с Ман Сингхом, однако Мриганаяни помогла Байджу больше, чем раджа. Наконец-то дхрупад был доведен до совершенства! Он состоял теперь из четырех частей: стхан, антара, санчари и абхог. Мриганаяни не только вдохновила Байджу на создание рагини-гуджари, мал-гуджари, бахул-гуджари и мангал-гуджари, но и помогла ему своими советами.

Виджая по-прежнему занимался физическим трудом.

— Труд — это главное, — говорил он. — Лишь тот, кто трудится, выполняет свой долг перед богом, и ему открыт путь в рай.

Ман Сингх соглашался с ним, но тут же добавлял:

— Все это верно. Труд — великое, благородное дело. Даже тот, кто трудится в одиночку, испытывает радость. Однако подлинное наслаждение приносит человеку совместный труд.

Как-то раз Ман Сингх и Мриганаяни сидели на крыше Гуджари-Махала. Окутанная дымкой, луна струила мягкий свет.

— Спой мне, — попросил Ман Сингх.

— Что тебе спеть?

— Одну из песен дхрупада. Я так люблю слушать тебя, еще больше, чем паяка Байджу. Твой голос приятнее, нежнее.

— Я всего лишь ученица паяка.

— Учеников у него много — они несут его новые песни по всей стране. Но тебя я ни с кем не сравню: ты единственная!

— Мне не хочется петь дхрупад, я спою что-нибудь другое.

Мриганаяни взяла в руки танпуру и с чувством запела:

Ты моя совесть, о царь, величавый!
Небо и то покорилося тебе, —
Солнышко греет своими лучами,
Месяц дорогу укажет во тьме...

Когда Мриганаяни кончила, они, словно зачарованные, долго молча смотрели на звездное небо.

Появление служанки нарушило очарование.

— Пришел паяк Байджу, — дoloжила она.

Ман Сингх и Мриганаяни спустились вниз.

— Вы стали уделять музыке значительно меньше внимания, — упрекнул Байджу Ман Сингха.

Мриганаяни вступилась за мужа:

— Я делаю это за него. А он пусть занимается войском и делами страны. Кстати, вашей школе, по-моему, не отказывают в помощи? Но, может быть, что-нибудь нужно?

— Да, нужно, — сказал Байджу. — Нужно, чтобы раджа почаще слушал мое пение. Раджа — тонкий ценитель музыки. И когда он слушает меня, у него, да и у меня возникает много новых мыслей.

— А кто будет заниматься войском? В любой момент могут нагрянуть враги, и мы должны быть готовы оказать им достойную встречу, — сказал Ман Сингх.

— Какие еще враги! — воскликнул Байджу. — Все наши враги давно разбиты, а новые, по милости Сарасвати, не появятся. А если и появятся, вы все равно обратите их в бегство.

— Не настаивайте, наяк-джи, — умоляюще произнесла Мриганаяни.

— Но я не могу примириться с тем, что раджа так редко слушает меня, — ответил Байджу.

Мриганаяни решила переменить тему разговора.

— Ачарья Виджая Джангам говорит, что вы сделали уже все, что могли, и не создадите больше ни одной новой рагини, ни одной песни. Это верно? — спросила она.

— Виджая Джангам говорит всякий вздор!

— А некоторые считают, что тори-гуджари была создана еще до вас в Гуджерате, а вы ее только переработали.

— Какой глупец сказал вам это?! Как-то раз, исполняя рагини-тори, вы, сами того не замечая, позволили себе сделать небольшое отступление. Мне понравилась ваша импровизация, я запомнил ее и, придя домой, стал над ней работать. Взяв за основу новое звучание тори, я создал самостоятельное произведение — тори-гуджари. Но разве глупцы что-нибудь смыслят в этом?!

— Когда же вы думаете подарить нам новую рагини? Или, может быть, вы устали творить?

— Когда я молюсь Сарасвати, во мне рождаются все новые и новые мелодии. Нет, я никогда не устану!

Мриганаяни с Ман Сингхом переглянулись.

— Давайте договоримся, — улыбнувшись, обратился Ман Сингх к Байджу, — я с мечом в руке буду поклоняться Дурге, а вы, создавая новые рагини, — служить Сарасвати. Байджу засмеялся.

— Да, да, верно! Так оно, пожалуй, и должно быть, — согласился он.

Прошло несколько лет с тех пор, как Сикандар разрушил Нарварскую крепость. Уже Чандери отошел от Мальвы к правителю Нарвара Радж Сингху. А Насир-уд-дину все казалось, будто со времени его вступления на престол прошло всего несколько дней и нигде в мире не произошло ничего значительного.

Да и как мог он заметить что-либо? Цель его жизни была достигнута: в книгах-реестрах, где значились его жены, стояла заветная цифра — пятнадцать тысяч.

Как-то в конце месяца байсах * Насир-уд-дин вновь задумал устроить игрища в водах Калиядаха. К вечеру на берегу озера, скрытые от посторонних глаз разноцветными полотняными занавесами, собрались обитательницы перистана. На этот раз они были в еще более ярких нарядах и украшениях, таких ярких, что даже в глазах рябило. Легкий ветерок разносил вокруг аромат благовоний.

Евнух Матру, как обычно, находился рядом с Насир-уд-дином.

— Пусть сыграют сперва в салочки, — распорядился султан. — А потом станцуют и споют.

— Слушаюсь, повелитель!

— Впрочем, нет! Сперва пусть танцуют.

— Воля ваша, повелитель!

— А в салочки я тоже с ними поиграю, — сказал Насир-уд-дин, подогреваемый своей ненасытной похотливостью.

— Воля ваша! — снова произнес Матру.

Танцы и пение были столь грубыми и неприличными, что сама непристойность, пожалуй, ощутила бы стыд, находись она сейчас здесь. Насир-уд-дин, развалившись на подушке, уснул: он столько познал за эти годы, что удивить его чем-либо было трудно.

А обитательницам перистана не терпелось поиграть в воде. Но кто решится разбудить султана?

И жены попросили Матру сделать это. Однако и евнух не посмел потревожить своего повелителя.

Но Матру был умудрен опытом. Он, подозревая одну из жен, ту, что побойчее, сказал ей что-то на ухо.

— Змея! Змея! Змея! — закричала женщина.

И тотчас крик подхватили остальные.

Насир-уд-дин проснулся и тоже завопил:

— Змея! Змея! Змея! Где она? Где?

У Матру заранее был готов ответ:

— Повелитель, ее уже убили!

Насир-уд-дин вздохнул с облегчением:

— С завтрашнего дня пусть змей убивают всюду, где только их увидят. Таков мой приказ! Ну а сейчас пора начать игру!

Женщины стали прыгать в воду. Насир-уд-дин полез следом за ними. Началась игра. Женщины вплавь гонялись друг за другом, однако держались поближе к берегу. И только один султан заплыл далеко.

Но он быстро устал. Стал задыхаться и в испуге колотил по воде руками и ногами, вздымая фонтаны брызг. Матру спокойно наблюдал за ним с берега.

«Султан играет», — думал он.

В конце концов силы покинули Насир-уд-дина.

— Спасите! — закричал он.

Стоявшие вокруг озера воины слышали его крик, но не отважились пройти за занавес:

«Зачем рисковать головой?»

— Спасите! — снова закричал султан.

Из женщин тоже никто не пришел ему на помощь. «Еще утонешь! — думала каждая. — Пусть кто-нибудь другой вытаскивает его».

Матру суетился больше всех, бегал по берегу и орал:

— Негодяи! Султан тонет! Спасите!

Так и не дождался Насир-уд-дин помощи и скоро пошел ко дну.

Начался страшный переполох. Женщины с воплями повывскакивали из воды и стали торопливо одеваться. Только два слова можно было разобрать в этом многоголосом шуме:

— Султан утонул! Султан утонул!

Стражникам нечего было больше бояться. Они разрезали занавес, ворвались внутрь и схватили Матру. Налетая друг на друга, женщины в панике метались по берегу.

Как только сыну Насир-уд-дина донесли о гибели отца, первым делом он казнил Матру. Затем разогнал перистан и наконец пригласил к себе на службу Медини Рая. Подавив с помощью раджпутов мятежных сардаров, он укрепил свою власть в Мальве, и, хотя муллы и маулви были недовольны им, это мало беспокоило сына Насир-уд-дина, который впоследствии стал известен под именем Махмуда Хилджи Второго.

На трон Мевара взошел рана Санга.

Махмуд Бегарра умер. До самой смерти он предавался обжорству и чинил кровопролития.

Княжество Виджаянагар, которым стал править Кришна Дев Рай*, стало богатым и процветающим государством.

Джалал-уд-дин потерпел поражение в войне со своим братом Сикандаром Лоди и, спасаясь от гнева делийского султана, прибыл за помощью в Гвалиор к старому противнику Сикандара — Ман Сингху. Однако Ман Сингх не хотел, чтобы его воины понапрасну гибли в междоусобной войне, и отказал в помощи. Тогда Джалал-уд-дин бежал в Гондвану*, но там был схвачен и доставлен в Агру. Сикандар поступил с Джалал-уд-дином так, как обычно поступают в подобных случаях, — он предал брата смерти.

Многих своих военачальников Джалал-уд-дин оставил в Гвалиоре, и теперь они не знали, куда податься. В Дели их ждала верная смерть: ведь они поддерживали мятежного брата Сикандара.

И Ман Сингх решил предоставить им убежище.

— Я воюю с султаном, а не с мусульманами. Служите мне верой и правдой, трудитесь, живите по чести, и я не стану делать никакого различия между индусами и вами, — сказал Ман Сингх.

Сикандар хорошо помнил поражение, которое он потерпел под Гвалиором, и, собираясь в новый поход на Ман Сингха, решил укрепить свое войско.

«Гвалиор я возьму измором, так же, как Нарвар», — думал он.

Но осуществить свой план Сикандару не удалось: ему помешала смерть.

Ман Сингх по-прежнему покровительствовал искусствам и занимался войском. Одно дополняло другое. Однако последнее время раджу тревожила мысль: что станет с Гвалиорским княжеством после его смерти. От старшей рани у Ман Сингха был один сын — Викрамадитья, от Мриганаяни — двое. Кому достанется княжество: одному или трои? Если трои, то это приведет к дроблению Гвалиора, а ведь правителям Дели и Агры может противостоять только сильное, единое государство.

Суманмохини требовала, чтобы раджа поскорее решил вопрос о наследии.

«Она ждет моей смерти! — думал Ман Сингх с болью в сердце. — Моей смерти! Старшая рани боится, что, когда я умру, к власти придет гуджарская рани. Ведь Мриганаяни в княжестве почитают больше, чем ее!»

Наконец Суманмохини решила раз и навсегда покончить с этим делом и завела разговор издалека:

— Султан Дели вновь готовится к войне, — сказала она,

— Но известно, что он умер*.

— Он умер — другой заявится.

— Что ж, пусть приходит. Мы окажем ему достойный прием. На то ведь и жизнь, чтобы бороться с врагами.

— Вся ваша жизнь проходит в труде. Не мешало бы и отдохнуть. Ведь у вас даже не остается времени на молитвы и жертвоприношения.

— На отдых мне рано: тот, кто трудится, не старится до самой смерти. Во мне столько же сил, как и прежде. А о молитвах и жертвоприношениях я и сейчас не забываю!

— Но вы совсем не думаете о сыновьях. Надо знакомить их с делами княжества, иначе толку из них не выйдет.

— Я обучаю их политике и военному делу.

— Если бы Нарварская крепость находилась в руках одного из раджкумаров, мы не потеряли бы ее так легко. А теперь, кто знает, сможем ли мы когда-нибудь снова соединить ее к своему княжеству.

— Думаю, что сможем. Я готовлюсь к войне.

— А кому вы отдадите Нарвар, если одержите победу?

— Радж и Бал еще слишком молоды. Поэтому Нарвар я смогу доверить только Викрамадитье.

— Почему вы прямо не скажете, что хотите отделаться от старшего сына? Сыновья Мриганаяни, разумеется, вам дороже Викрамадитьи! Они будут жить в Гвалиоре. Одному из них вы отдадите Гвалиорское княжество, а моему сыну — Нарвар или какой-нибудь другой джагир подальше от столицы!

— Зачем вы так говорите? Ведь я пока еще жив и умирать не собираюсь.

— Дай вам бог тысячу лет жизни! Правьте княжеством! А я готова умереть хоть завтра, — вы сможете жениться еще десять тысяч раз!

Старшую рани душили рыдания, Ман Сингха — смех. Но Суманмохини тотчас взяла себя в руки, и в глазах, из которых только что лились слезы, сверкнули молнии.

— Нельзя откладывать до бесконечности вопрос о престолонаследии. Вы должны сейчас же сказать, кому перейдет княжество, — потребовала она.

— Кто окажется достойней, тот и стапет править. Зачем вы сеете ядовитые семена? Викрамадитья знает, как я люблю его. Вы же не замечаете этого.

— Но Викрамадитья не знает вас так, как я.

— Вы не видите и того, как Викрамадитья, Радж и Бал любят друг друга.

— Где уж мне! Я не гуджарская рани! Неужели вы хотите разделить Гвалиор на три части?

— Пока не собираюсь! — ответил Ман Сингх, пряча за улыбкой горечь и раздражение.

Однажды Мриганаяни позвала Ман Сингха:

— Пойдемте, я покажу вам картину.

— Ты уже кончила ее?

— Осталось совсем немного.

Они пришли в мастерскую. На картине появились две надписи: «Искусство» и «Долг». Женщины олицетворяли искусство, воин — долг. На стене, как раз над изображением воина, висело ожерелье Лакхи. Солнечный луч играл в его жемчужинах.

Мриганаяни прогянула Ман Сингху записку.

«Радж Сингх и Бал Сингх не будут править ни Гвалиорским княжеством, ни джагиром. Их долг — выполнять волю старшего брата», — прочел Ман Сингх.

Такую же записку незадолго до встречи с Ман Сингхом Мриганаяни отослала Суманмохини.

Раджа удивленно поднял глаза.

Мриганаяни улыбалась ему.

Лаская взором ее побелевшие волосы, Ман Сингх вдруг подумал, что Мриганаяни похожа на куст жасмина, усыянный белыми цветами.

«Величие женщины, ее красота — в гордом спокойствии. Так, после сезона дождей и разлива, бурная, стремительная река становится спокойной и величавой, а воды ее — прозрачными. Кажется, будто она неподвижна, но это лишь издали...» — подумал Ман Сингх и дрогнувшим голосом произнес:

— Зачем ты сделала это, Мриганаяни?

Она указала на ту часть картины, где был изображен воин, и ответила:

— Я не могла поступить иначе.

Ее улыбка засияла еще ярче. Ман Сингх с трудом сдерживал слезы.

— Ты должна закончить эту картину, — сказал он тихо. Мриганаяни возразила:

— Воля и чувство — две чаши весов нашей жизни. Воля обладает воля — опустится одна чаша, одержит верх чувство — опустится другая. Воля — это долг, чувство — искусство. Искусство не должно заслонять долг. Пока я не закончила ни левой, ни правой части картины. Чаши уравновешены. Не правда ли?

Мриганаяни посмотрела на ожерелье Лакхи.

Ман Сингх проследил за ее взглядом.

— Что должен сделать я, чтобы ты закончила часть картины, олицетворяющую долг? — чуть слышно спросил он.

Окинув взором всю картину, Мриганаяни сказала:

— Народ по-прежнему не знает счастья.

Ман Сингх обнял Мриганаяни. Она прижалась к нему.

— Народ будет счастлив! — прошептал Ман Сингх.

Они снова взглянули на жемчужное ожерелье.

Оно сверкало в ярких лучах солнца.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 26. *Кос* — мера длины, около трех-четырёх километров.

Джвар — вид проса.

Холи — праздник весны. В Индии урожаи снимаются дважды в год: весной и осенью.

Куркума — травянистое растение; корневища куркумы дают желтую краску.

Стр. 28. *Дитхауна* — знак, который мать наносит сажей на лицо ребенку, чтобы уберечь его от «дурного глаза».

Гуджары и ахиры. — Индусское общество с древнейших времен делится на четыре основные касты, или варны: на брахманов — касту жрецов, кшатриев — касту воинов, вайшьев — торговцев и ремесленников, и шудр — слуг. Кроме того, есть еще каста «неприкасаемых», которые не входят ни в одну из вышеперечисленных каст и стоят на самой низкой ступеньке иерархической лестницы индуизма. Как основные касты, так и «неприкасаемые» делятся на подкасты, а те, в свою очередь, на другие группы и подгруппы. Но в литературе как основные касты, так и подкасты носят общее название каст. Гуджары и ахиры, занимающиеся главным образом скотоводством и земледелием, входят в военную касту кшатриев.

...тоже редко выдают замуж в детстве. — До недавнего времени среди индуистского населения Индии были распространены детские браки, когда бракосочетали детей в возрасте десяти — одиннадцати лет; после достижения Индией независимости в 1947 году детские браки были запрещены законом.

Стр. 29. *Тилак* — кастовый или обрядовый знак, наносится краской, чаще всего на лоб.

Расия — хороводная песня; как правило, исполняется в пхагун — двенадцатый месяц индийского календаря, соответствующий февралю — марту.

Баба — почтительное обращение к жрецам и индуским святым и отшельникам; *джи* — частица, выражающая уважение, ставится после имени или обращения.

Стр. 30. *Хари Мадхав*, или Мадхав — одно из имен Вишну, который наряду с Брахмой и Шивой почитается индусами как высшее божество и олицетворяет созидательную силу природы.

Радха — по преданию, пастушка, возлюбленная Кришны, наиболее популярного в Индии божества.

Стр. 31. *Гур* — патока из сахарного тростника.

Радхаваллабх (букв. — возлюбленная Радхи) — одно из имен Кришны.

Махараджа — здесь: почтительное обращение к брахману.

Баньян — тропическое дерево из семейства тутовых; считается священным.

Стр. 33. *Мачан* — помост, устраиваемый охотниками на дереве у звериных троп; в старину мачаны строили, чтобы обезопасить себя от диких зверей.

Стр. 34. *Патокхи* — ночная птица.

Стр. 35. *Рани, махарани* — жена раджи.

Парда — занавеска или перегородка, отделяющая женскую половину дома.

Стр. 36. *Махуа* — название дерева.

Стр. 38. *Канса* — по преданию, дядя Кришны. Изгнав из княжества Матхуры законного правителя — отца Кришны, Канса захватил престол, но впоследствии был убит Кришной, который возвратил престол отцу.

Меня гокулской пастушкой не считай... — *Гокул* — деревня на берегу Джамны, где, по преданию, проводил свои юные годы Кришна. Приняв образ пастуха, он пас коров в лесу Вриндаван, близ Гокула. Под гокулской пастушкой подразумевается Радха.

Стр. 39. *...много скота пало от голода, оставшийся перерезали турки.* — Тюрками в описываемый период индусы называли мусульман — потомков туркестанских племен, вторгшихся в Индию.

Стр. 42. *Шастры* — древние сборники правил и предписаний, касающихся вопросов религиозного ритуала, этики, морали, а также политики и различных наук.

Стр. 43. «*Рамаяна*» — древнеиндийский эпос, повествующий о жизни и деяниях Рамы — мифического царя государства Айодхьи. «*Махабхарата*» — древнеиндийская эпическая поэма.

Веды — священные книги, созданные примерно во втором тысячелетии до н. э.; древнейший памятник индийской литературы.

...*в век калиюги*... — В индийской мифологии различается четыре мировых периода, или юги: сатьяюга — Золотой век, третья юга — Серебряный век, двая юга — Медный век и калиюга — Железный век, в котором мы живем.

Пураны — древнеиндийские сказания о Вишну и Шиве.

Стр. 44. *Сита* — супруга Рамы.

...*происходят от Лунной династии?* — Ахиры и гуджары входят в состав касты раджпутов, которые являются одной из подкаст кшатриев. Раджпуты считают себя потомками мифических династий — Лунной и Солнечной.

Раджастан — национальная территория народа раджастани; с 1948 года — штат Индии.

Джаты — земледельческая каста в Северной Индии.

Стр. 45. *Пандит* — ученый брахман, знаток вед.

Сардар — военачальник.

Стр. 46. ...*водой из Ганги*... — Вода из Ганги считается святой, *Мантра* — заклинание, молитва.

Ним (или *мелия*) — дерево с горькими плодами, из которых получают масло, применяемое в медицине.

Вишнуит — тот, кто поклоняется Вишну.

Шиваит — тот, кто поклоняется Шиве.

Линга (фаллос). — Последователи одной из индуистских сект лингаиты (букв. — носящие лингу) постоянно носят с собой изображение линги, которой они поклоняются как символу плодородия. В отличие от последователей других толков индуизма лингаиты отрицают догмат о переселении душ, не признают кастовой системы, отвергают такие элементы обрядности, как паломничество, жертвоприношения богам; покойников они не сжигают, а хоронят. Основателем секты лингаитов считается Васав (или Басава, Басава) — брахман из округа Белгаум (Южная Индия), живший в XI—XII веках. Жизнеописание Васавы дается в священной книге лингаитов «Васава-пурана», или «Предание о Васаве».

...*Ганга вышла из волос Шивы*. — Имеется в виду одна из легенд о низведении реки Ганги на землю. Согласно легенде, великий подвижник, разгневавшись, испепелил сыновей царя Сагары. Оживить их можно было только водами Ганги, реки богов, протекавшей на небесах, Один из правнуков Сагары, унаследовавший его трон,

Бхагиратха, упросил бога Брахму низвести для этого Гангу на землю. Брахма согласился, но предупредил Бхагиратху, что земля не способна вынести падения на нее вод Ганги. Эту тяжесть может принять на себя только бог Шива. Бхагиратха целый год стоял на цыпочках, стараясь умиловить Шиву, и тот наконец согласился принять Гангу на свою голову. Низвергнувшись с небес, Ганга в своем стремительном движении хотела увлечь в преисподнюю и самого Шиву, но запуталась в его густых волосах. После новых подвигов Бхагиратхи Шива освободил Гангу и она заструилась семью потоками, из которых одни потекли на запад, другие на восток, и только последний поток последовал за Бхагиратхой, проник в преисподнюю и оживил сыновей Сагары. Река Ганга с тех пор стала считаться дочерью Бхагиратхи.

Стр. 47. *Телинганцы* — жители Телинганы, области в Южной Индии.

Но если бы один телинганец не растолковал вед... — Имеется в виду Шанкарачарья (VIII или IX в.) — религиозный реформатор и проповедник веданты, религиозно-философской системы, возникшей на основе упанишад (литературы, выросшей из комментирования гимнов, вед, религиозных и философских понятий и т. п.); родился на западном побережье Деканского полуострова.

Гаур-Прадеш — старое название Западной Бенгалии.

Кайласа — гора в Гималаях, на которой якобы находится рай Шивы.

Стр. 48. *...тяжелым трудом искупить грехи, содеянные в прошлой жизни.* — Согласно многим индийским религиям, в частности, индуизму, душа человека претерпевает многочисленные перевоплощения, каждый раз рождаясь в новой телесной оболочке. Чем добродетельнее жизнь человека в настоящем рождении, тем в более совершенной оболочке появится его душа в последующем рождении; за совершенные в прошлом грехи человек получает возмездие в грядущем.

«Гаятри» — самый священный гимн «Ригведы», обращенный к богине Савитри, супруге бога Брахмы, которую почитали, как мать четырех вед; брахман обязан мысленно произносить «Гаятри» дважды в день: при утреннем и вечернем чтении молитв. Лингаиты, в отличие от остальных индусов, считают, что у бога Шивы была своя «Гаятри».

Чандалы — одна из низших каст, «неприкасаемые».

Стр. 49. *Карнатак* — область на юго-востоке Деканского полуострова.

Нанди (букв. — радующий) — одно из имен бога Вишну.

Шанкар (букв. — благосклонный) — одно из имен бога Шивы.
Шастри — ученый брахман, знаток шастр.

Стр. 51. *Сетх* — богач, крупный торговец, ростовщик.

Стр. 53. *Вайтарани* — по индуистским верованиям, река, разделяющая земной и загробный миры. Грешники погибают в водах Вайтарани, люди же безгрешные свободно переправляются через нее.

Стр. 56. *Ваджра* — молния; считается оружием Индры — бога бури и грома, бога-вонителя.

Сал — название дерева, высотой в тридцать пять — сорок метров.

Ачар — дикорастущее растение, дает плоды.

Стр. 65. ...*поход Тимура*... — *Тимур* (1336—1405) захватил Дели в декабре 1398 года.

Антарвед — междуречье Ганги и Джамны.

...*между мелкими патханскими джагирдарами*. — *Патханами* в Индии называют афганцев. *Джагирдар* — феодал, держатель джагира, земли, которую правитель княжества или султаната жаловал за службу. Джагирдары были обязаны иметь свои войска, которые являлись составной частью армии раджи или султана.

Стр. 66. *Мевар* — одно из княжеств Раджастана.

Гуджерат — национальная территория народа гуджерати, населяющего полуостров Катхьявар и северо-западную часть Деканского полуострова; до 1960 года входил в состав штата Бомбей, в настоящее время — самостоятельный штат Индии.

Мальва — область в центральной части Индии.

Рана — князь, правитель маратхов.

Кумбха — правил Меваром с 1433 по 1468 год.

...*султану Мальвы Махмуду Хилджи*... — Имеется в виду Махмуд Хилджи Первый, правивший Мальвой с 1436 по 1469 год.

Читор — столица княжества Мевар.

Вашня победы («Кирти-Стамбха») — была построена раной Кумбхой в 1440—1448 годах в ознаменование победы не только над Махмудом Хилджи Первым, но и над некоторыми другими правителями соседних мусульманских княжеств.

Джаунпур — средневековое княжество со столицей того же названия; было расположено на территории современного штата Уттар-Прадеш.

Калпи — город в округе Джалаун, штат Уттар-Прадеш; в XV веке — столица одноименного княжества.

Гилс-уд-дин — правил Мальвой с 1469 по 1500 год.

Намаз — мусульманская молитва, совершаемая пять раз в день.

Стр. 67. *Рамазан* — строгий пост, который мусульмане соблюдают от восхода до захода солнца в течение месяца рамазан — девятого месяца мусульманского календаря.

Пришел сезон дождей. — Согласно индийскому календарю, год начинается с середины марта и делится на шесть сезонов. Сезон дождей длится с середины июля до середины сентября.

Маули — духовное лицо, знаток мусульманского права.

Стр. 68. *Шакунтала* — героиня одноименной драмы великого поэта и драматурга Калидасы (V в.); вместе с отцом-отшельником жила в лесу.

Наты — каста бродячих актеров, певцов и музыкантов.

Бери — подкаста натов.

Канджары — каста; занимаются плетением веревок и циновок.

Стр. 69. *Каз* — мусульманский судья.

...и тогда мечеть будет осквернена. — Ислам запрещает изображать живые существа.

Стр. 70. *Туглаки* — династия, правившая Делийским султанатом с 1320 по 1413 год. Архитектурные памятники этого периода отличаются строгостью стиля.

Хиндустан — Индия.

Стр. 71. *Гая* — город в Бихаре; место паломничества индуистов и буддистов.

Рамешвар — город на юге Индии.

Шанкар. — Имеется в виду религиозный реформатор Шанкарачарья.

Чайтанья (1485—1533) — религиозный реформатор, проповедник вишнуизма.

Такшашила (Таксила) — древний город, находился около современного Равалпинди в Западном Пакистане.

Канчи — древний город близ современного Мадраса; место паломничества.

Стр. 72 *Каши* — одно из названий Бенареса.

Годавари — река в северной части Деканского полуострова.

Виндхьячал, или Горы Виндхья — горная гряда на севере Деканского полуострова.

Сатхадри — Западные Гхаты, горы на западе Деканского полуострова.

Алсары — согласно преданиям, небесные танцовщицы.

Первым независимым султаном Гуджерата стал Ахмад-шах. — Автор допускает неточность. Первым независимым правителем Гуджерата являлся наместник делийского султана Заффар-хан, который в 1396 году объявил себя независимым и вскоре принял титул

султана Музаффар-шаха. *Ахмад шах Первый* (1411—1442), основатель Ахмадабада, был его внуком.

Асбал — древний город, на месте которого расположен современный город Ахмадабад.

Стр. 73. *Махмуд Бегарра* — правил с 1458 по 1511 год.

Сер — мера веса, равна приблизительно одному килограмму.

Стр. 74. *Бхилми* — женщина из горного племени бхиллов, населяющего Раджпутану, Синд и Центральную Индию и относящегося к дравидской группе народов.

Бетель — жевательная смесь семян арековой пальмы и извести с различными специями, завернутая в лист бетеля — небольшого вьющегося кустарника из семейства перечных; бетель окрашивает губы в красный цвет.

Стр. 75. *Махмуд Гаван* (или Ходжа Махмуд Гаван) — главный министр правителей деканского государства Бахманидов Низам-шаха (1461—1463) и Мухаммад-шаха Третьего (1463—1482). Оклеветанный врагами, в 1481 году, по приказу Мухаммад-шаха, был казнен. С его смертью государство Бахманидов пришло к упадку.

Виджаянагар — средневековое индусское княжество со столицей того же названия; было расположено в южной части Деканского полуострова.

Чампанер — древний индийский город, присоединенный к Гуджерату Махмудом Бегаррой.

Койла — индийская кукушка.

Стр. 76. *Джазир* — подушная подать, взимавшаяся с немусульман.

Стр. 79. *Ракхели* — жена, которую приводят в дом без совершения свадебного обряда; наложница.

Стр. 80. *Арджуна Пандав* (или Арджуна из рода Панду) — один из героев «Махабхараты», сын бога Индры; славился отвагой и был отличным стрелком из лука, который он получил от бога огня Агни.

Стр. 84. *Харсингар* — кустарник с белыми ароматными цветами.

Джоти — национальная одежда из длинного, в несколько метров куска ткани.

Чоли — узкая, не доходящая до пояса женская кофточка с короткими рукавами.

Стр. 85. *Дхолки* — маленький барабан.

Стр. 86. *Ман* — мера веса, в различных районах Индии колеблется от десяти до сорока килограммов; стандартный ман — около сорока килограммов.

Стр. 88. *Белуджи* — народ иранской языковой группы; живут в Иране, Афганистане и Пакистане.

Диу — небольшой остров в Аравийском море, у южной оконечности полуострова Катхьявар, от которого он отделен мелким проливом; являлся опорным пунктом португальских колонизаторов в Индии.

Джунагарх — город на юге полуострова Катхьявар.

Стр. 89. *Панчалт* — совет старейшин в деревне.

Качхвахи — одна из раджпутских каст.

Стр. 90. *Субедар* — наместник султана, правитель области (субы).

Бетва — приток реки Джамны.

Вина — струнный инструмент.

Родители Калы были из разных каст, поэтому она не могла выйти замуж. — Индуизм запрещает браки между представителями разных каст, и на девушке, рожденной от такого брака, никто не имеет права жениться.

Танпура — струнный инструмент.

Шарад-пурнима (букв. — осеннее полнолуние) — праздник, отмечается в день полнолуния месяца асвин — первого осеннего месяца или седьмого месяца индийского календаря, соответствующего сентябрю — октябрю.

Бхаты — каста бардов, сказителей.

Стр. 92. *Дивали* — праздник в честь богини богатства и процветания Лакши.

Деватхан, картик-ки-пурнима, бьяхпанчми — названия праздников.

Пус — девятый месяц индийского календаря, соответствует декабрю — январю; *магх* — одиннадцатый месяц, соответствует январю — февралю.

Гуру — учитель, духовный наставник.

Стр. 94. *Ачарья* — религиозный наставник и учитель, обучающий ведам.

Стр. 96. *Чауханы* — раджпутская каста.

Адджир — княжество со столицей того же названия на территории Раджастана; ликвидировано после достижения Индией независимости.

Стр. 98. *Хансули* — украшение.

Стр. 100. *Ситапхалы* — крупные сладкие плоды.

Стр. 103. *Натини* — женщина из касты натов.

Стр. 106. *А станешь есть пищу, которую я приготовлю?* — Нини и Лакхи принадлежали к разным кастам и, согласно кастовым установлениям, должны были готовить пищу отдельно.

- Стр. 117. *Мандсаур* — город в Центральной Индии.
- Стр. 126. *Гаур-баба* — «первый пат», который научил своих соплеменников петь, танцевать и показывать фокусы.
- Стр. 129. *Гонды* — племя, обитающее в горах Виндхья; основное занятие гондов — охота.
- Стр. 132. *Шах-заде* — сын султана или шаха.
- Стр. 135. *Каури* — ракушка, употреблявшаяся в качестве мелкой монеты.
- Стр. 136. *Джетх* — третий месяц индийского календаря, соответствует маю — июню.
- Стр. 138. *Берини* — женщина из касты бернев.
- Стр. 139. *Мураса* — маленький тюбан.
- Стр. 141. *Анангпал Томар Первый* (XI в.) — основатель делийской династии томаров.
- Кутб-Минар* — башня, заложенная правителем Дели из династии Гулямов Кутуб-уд-дином Айбеком (1206—1210) и достроенная при его преемниках; выдающийся памятник архитектуры.
- Аръяварта* — древнее название Северной Индии.
- Стр. 142. *Якшини* — супруга бога богатства Куберы.
- Стр. 143. *Кали* (она же Дурга, Парвати) — супруга бога Шивы, олицетворяющая собой рождение и смерть.
- Стр. 151 ...*вспомнила сказание о Шакунтале*. — Согласно преданию, царь Дushьянта полюбил девушку Шакунталу, но затем, вернувшись в столицу, забыл о своей возлюбленной.
- Стр. 154. *Обход огня* — один из свадебных обрядов.
- Стр. 157. *Куркумовым корнем я натру руки Нинни...* — Согласно свадебному обычаю индусов, руки невесты натирают куркумовым корнем.
- Стр. 162. *Така* — старинная серебряная монета.
- ...*за человека, который принадлежит к одному из тридцати шести племен?* — Томары — одно из тридцати шести знаменитых раджпутских племен.
- Стр. 165. *Ладду* — пирожное.
- Стр. 167. *Лухары* — каста кузнецов.
- Касеры* — медники, торговцы медной посудой.
- Банни* — торговцы.
- Стр. 169. *Кхандеш* — средневековое государство на севере Деканского полуострова.
- Стр. 170. *Ширин, Лейла* — легендарные красавицы, воспеты поэтами Востока.
- Стр. 177. *Бегам* — царица; почтительное обращение: госпожа.

Стр. 179. *Нармада* — река на севере Деканского полуострова; считается у индусов священной.

Стр. 187. *Имя ее являло полную противоположность ее характеру...* — Суманмохини означает «красавица с добрым нравом».

Стр. 191. *Махарана* — великий князь.

Стр. 192. *Ситар* — музыкальный инструмент.

Стр. 194. *Раммат* — музыкальный инструмент.

Стр. 200. *Нагарнал* — глава города.

Стр. 207. *Чампа* — дерево с желтыми ароматными цветами; символ красоты.

Стр. 218. *Баи* — почтительное обращение к женщине.

Стр. 222. *О нем тоже ходят подобные слухи.* — Джауна-хан, занимавший делийский престол с 1325 по 1351 год под именем Мухаммеда Туглака, построил специальную беседку для встречи своего отца султана Гияс-уд-дина Туглака (1320—1325), вернувшегося с победой из Бенгалли. Когда Гияс-уд-дин вошел в беседку, слоны обрушили ее, и султан погиб.

Сколько дней в пакхваре... — Индийский месяц делится на две половины — пакхвары.

Стр. 230. *Пакхаваджи* — музыкант, играющий на пакхавадже, маленьком барабане.

Стр. 233. *Сейчас самое время приступить к бихагу!* — В индийской теории музыки термином «рага» обозначаются характерные мелодические построения, отличающиеся теми или иными ладовыми и ритмическими признаками. Исполнитель может внести в мелодию новые детали, придерживаясь основы, данной в раге. Раги подразделяются на рагини. Исполнение той или иной раги приурочено к определенному времени суток. *Бихаг* — одна из раг — исполняется в полночь.

Стр. 235. *Дхрупад* — особый стиль вокала, очень сложный для исполнения. Расцвет дхрупада связан с деятельностью классиков индийской музыки Тансена, Байджу Бавры и найка Гопада.

Стр. 237. *Шер-шах Сур* — патханский вождь из Южного Бихара. В 1539 году изгнал из Дели делийского падишаха Хумаюна (1530—1539 и 1555—1556) и занял престол; правил с 1539 по 1545 год.

Стр. 239. *Вот если бы он послал навстречу Сикандару своего сына Сангу, тогда другое дело...* — *Санга*, или Сапграм Сингх, отличался отвагой. Будучи с 1509 по 1528 год раной Мевара, нанес ряд поражений Мальве и Гуджерату.

Гхат — здесь: спуск к реке, где, по индусским обычаям, сжигают трупы. Выражение «спуститься на гхат» означает «умереть».

Стр. 241. *Раджкумар* — сын раджи, *раджкумари* — дочь раджи.

Стр. 242. *Чакра* — древнеиндийское оружие в виде диска с острыми краями.

Шанкха — раковина, употребляемая как музыкальный инструмент.

...величественного *Нанди*. — Имеется в виду бык бога Шивы.

Ганеша — индуистский бог, покровитель наук; обычно изображается с большим животом, четырьмя руками и головой слона.

...едущего на павлине *Картикеи*. — *Картিকেя* часто изображается сидящим верхом на павлине.

Стр. 246. *Джаухар-Тал* — озеро самосожжения, находится в Гвалиоре. *Джаухар* — раджпутский обычай, обязывающий женишин взойти вместе с детьми на костер, когда враги грозят ворвать в крепость. *Тал* — озеро, пруд.

Стр. 254. *Натарадж* (букв. — царь танцоров) — одно из имен бога Шивы. Изображается Натарадж исполняющим танец тандава (или тандаван), символизирующий вечное движение вселенной.

Хори — праздничная песня.

Стр. 255. *Лакор* — город, расположенный на территории Западного Пакистана.

...делийский трон опустел. — Не совсем точно. После смерти Мухаммед-шаха (1434—1445), делийского правителя из династии Саидов, султанатом Дели стал править его сын Ала-уд-дин Алам-шах, который в 1451 году уступил престол Бахлолу.

Стр. 256. *Танка* — старинная медная монета.

Илгутмиш (1211—1236) — правитель Дели из династии Гулямов. В 1232 году отобрал Гвалиор у раджи Мангал Дева.

Стр. 258. *Наяк* — звание, которого удостоиваются выдающиеся музыканты и певцы.

Риши — отшельник, святой мудрец.

Стр. 262. *Садху и саньяси* — святые, отшельники.

Стр. 266. *Айодхья* — здесь: древнее название современного города Ауда (Северная Индия).

Стр. 267. *Джанак* — легендарный правитель древнеиндийского княжества Видеха, отец Ситы; славился своими знаниями и добротелью.

Махавира (VI—V вв. до н. э.) — основатель джайнизма, одной из индийских религий.

Гаутама — имя основателя буддизма; Будда (букв. — «просветленный») — одно из его имен.

Дравиды — аборигенное население Индии, оттесненное арийскими завоевателями на Юг, на территорию Деканского полуострова.

Стр. 267. *Махатма* — святой.

Рамануджачарья, или Рамануджа — религиозный реформатор-вишнуит, живший в XI—XII веках; считается основоположником учения бхакти, проповедовавшего равенство людей перед богом, независимо от их кастовой принадлежности. Учение бхакти было направлено против привилегий высших каст.

Стр. 271. *Ман* — гордость, честь.

Стр. 273. *Бавра* — безумный.

Стр. 275. *Тори* — разновидность рагини (см. примечание к стр. 233).

Стр. 277. *Медини Рай* — раджпутский вождь, один из военачальников Санграма Сингха.

Чайтанья Махапрабху. — См. прим. к стр. 71.

Кабир (1440—1518) — выдающийся поэт, один из идеологов антифеодального религиозно-реформаторского движения в Индии XV—XVI века, свое учение изложил в гимнах, написанных на разговорном хинди.

Стр. 279. *Брат Сикандара, Джалал-уд-дин...* — Здесь и дальше, в главе 72, Вриндаванлал Варма допускает неточность: Джалал-уд-дин не брат, а сын Сикандара Лоди и был казнен не Сикандаром (как это явствует из романа), а своим братом и преемником Ибрахимом Лоди (1517—1526).

Стр. 280. *Суфий* — последователь суфизма, аскетического направления в мусульманстве, возникшего в VIII веке.

Стр. 281. *Бирахман* — искаженное «брахман».

Стр. 283. *Рангпанчми* — пятый день праздника холи.

...повязали шафрановые тюбаны... — Шафрановый цвет считается у индусов священным.

Сарасвати — богиня красноречия, наук и искусств.

Стр. 286. *Тарана* — особый стиль пения.

Амир Хусроу (ум. в 1328 г.) — выдающийся поэт, музыкант.

Стр. 287. *Равана* — злой демон, который похитил у Рамы его супругу Ситу, за что Рама убил его.

Стр. 288. *Священный шнур*. — Священный шнур носят представители высших каст.

Кундал, бали — серьги.

Стр. 290. *Бханг* — наркотический напиток, настойка на индийской конопле.

Стр. 292. *Бхишма* — сын царя Шантану, предка пандавов.

Стр. 293. *Аватара* — перевоплощение божества.

Каумуди — индусский праздник, отмечается в день полнолуния месяца карттика.

Стр. 294. *Свармандал* — разновидность вины.

...пусть красками займется ранганчами. — Имеется в виду индусский обычай мазать друг друга краской в ранганчами — пятый день праздника холи.

Стр. 306. *Ланготи* — набедренная повязка.

Стр. 312. *Яшодхарман* — правитель Мандасора, одного из наместничеств древнеиндийской империи Гуптов (III—VI в. н. э.), разбивший незадолго до 533 года гуннского вождя Михиракулу.

Хар и *Махадев* — имена бога Шивы.

Стр. 322. *Бхадаурии* — одна из подкаст кшатриев.

...пусть наденет шафрановую одежду. — Шафрановые одежды раджпутские воины надевали, когда шли на смертный бой.

Стр. 326. *Макардхвадж* (букв. — тот, на чьем знамени изображена рыба) — одно из имен Камы, бога любви и красоты.

Стр. 327. *Дхола-Бара* — стена Дхола.

Стр. 328. *Дулла* — жених.

Стр. 331. *Байсакх* — второй месяц индийского календаря, соответствует апрелю — маю.

Стр. 333. *Кришна Дев Рай* — один из знаменитых монархов средневековой Индии, правил Виджаянагаром с 1509 по 1530 год.

Гондвана — область в Центральной Индии, населенная гондами.

Стр. 334. *Но известно, что он умер.* — Автор допускает неточность, Сикандар умер в 1517 году. Ман Сингх годом ранее.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Павлов.</i> Предисловие	5
МРИГАНЯНИ. <i>Роман</i>	25
Примечания	337

Вриндаванлал Варма

МРИГАНАЯНИ

Р о м а н

Редактор *С. Хохлова*

Художественный редактор *Г. Клодт*

Технический редактор *Л. Заселлева*

Корректор *Е. Патина*

Сдано в набор 27/XII 1963 г. Подписано
к печати 3/IV 1964 г. Бумага 84×108¹/₃₂.
11 печ. л. = 18,04 усл. печ. л. 19,29 уч.-
изд. л. Тираж 50 000. Заказ № 1984.
Цена 78 коп.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой

«Главполиграфпрома» Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати.

Измайловский проспект, 29.

THE
PINE
APPLE

THE
PINE
APPLE